

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

На правах рукописи

ТИХОНОВА

Софья Владимировна

КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Научный консультант

доктор юридических наук

Архипов Владислав Владимирович

Саратов

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Российская коммуникативная теория права.....	74
§ 1.1. Идеинные истоки развития российской коммуникативной теории права	74
§ 1.2. Коммуникативная теория права А.В. Полякова	100
§ 1.3. Развитие коммуникативной теории права А.В. Полякова.....	127
Глава 2. Западная коммуникативная теория права.....	137
§ 2.1. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Н. Луман и Ю. Хабермас	137
§ 2.2. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы.....	161
§ 2.3. Коммуникативная теория права М. Ван Хука	185
Глава 3. Коммуникативная теория права в контексте мемориального поворота	215
§ 3.1. Мемориальный поворот: право как социообразующая память в социальной онтологии М. Феррариса	215
§ 3.2. Историческая справедливость как новая категория политико-правового дискурса	239
§ 3.3. Культура отмены в контексте коммуникативно-правовых теорий Ю. Хабермаса и А. Хоннета.....	254
Глава 4. Медиальный поворот: коммуникативные стратегии современной философии права.....	276
§ 4.1. Коммуникативная теория права в контексте медиального поворота	276
§ 4.2. Переход к медиальному повороту: открытый концептуальный натурализм Дж. Финниса	298
§ 4.3. Медиальный поворот: диверсификация методологического синтеза	325
§ 4.4. «Цифровая коммуникативная теория права»: определение содержания понятия и точки роста явления.....	353
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	376
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	381
Источники на русском языке.....	381
Нормативные источники	381
Научные статьи и разделы коллективных монографий	381
Монографии и иные книги	409
Диссертационные исследования и авторефераты	417
Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов.....	418
Источники на иностранных языках	420
Научные статьи	420
Монографии и иные книги.....	429
Приложение 1	432

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Цифровизация была и остается главной тенденцией социального развития в нынешнем столетии. Чаще всего ее влияние на развитие любой гуманитарной науки трактуется в экспансионистском духе: вызов цифровизации понимается как внешний, приносящий науке множество новых, «цифровых» (возникших в цифровой среде и обусловленных ей) объектов изучения, принципы и закономерности функционирования которых необходимо исследовать. Правовая наука не остается в стороне от данной логики, и в паспорт научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки» в настоящее время включено направление исследований 13 «Цифровизация в государственно-правовой сфере»¹. Вместе с тем цифровизация не сводится только к тотальному опосредованию социальных связей и общественных отношений цифровыми технологиями. Она захватывает и саму науку, меняя ее социальные и эпистемические структуры. Так происходит потому, что «цифра» положила начало новой эпохе, социально-политические реалии которой, образно говоря, подчинены новому технологическому алгоритму.² Это неизбежно приводит к изменению предшествовавших концепций, лежащих в основе научного мировоззрения, а также подходов к методологии объяснения различных явлений. Постмодернизм³, претендовавший на деконструкцию и разоблачение модерна как проекта Просвещения, утрачивает свое идейное влияние, и уступает арену истории новым стратегиям теоретического мышления. «Усталость» от постмодернизма стала очевидной к концу первого десятилетия XXI века. Во второе десятилетие XXI века набирает обороты кризис глобализации, приносящий горькие разочарования в модели политической

¹ Паспорта научных специальностей // Официальный сайт ВАК РФ. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=tab:materials~> (дата обращения 17.08.2023).

² «Алгоритм» – распространенная научная метафора, хотя в современных условиях распространения нейросетей, функционирующих, в строгом смысле слова, по существу не на основе алгоритма как жестко заданной логической последовательности, она должна использоваться с оговорками.

³ В данном случае постмодернизм понимается предельно широко, как все критические теоретические проекты последней трети XX века, основанные на принципах деконструкции, децентрации и детерриториализации, независимо от их дисциплинарной принадлежности.

многополярности. Очевидно, что социокультурный период, связанный с постмодернизмом, закончился, и наступают новые времена.

Эпоха формируется вокруг конкретного явления, и представляет собой длительный период времени, когда такое явление детерминирует характер общественных отношений и культуры. В наши дни таким явлением становится цифровая коммуникация. Актуальность теорий, объясняющих коммуникацию, и потенциально приложимых к ее цифровизации, резко возрастает. В правовой науке спектр таких теорий весьма невелик, и коммуникативная теория права, созданная А.В. Поляковым, является центральной среди них с точки зрения фундаментальной проработанности категории правовой коммуникации. Востребованность этой теории в новую эпоху зависит от того, сможет ли она ответить на вызовы современности. Поскольку утверждение о связи определенной теории с конкретной персоналией по определению является смелым, необходимо особо подчеркнуть, что тезис о создании коммуникативной теории права конкретно А.В. Поляковым отражен в одном из положений, выносимых на защиту, и сопровождается в тексте работы специальной развернутой аргументацией.

В отличие от великих политических нарративов времен холодной войны политическая идеология в наши дни обращает внимание не только на проекты глобальных преобразований в формате утопического проектирования. Будущее – не единственный объект политической борьбы. Помимо будущего усиливается значение прошлого. Данное наблюдение могло бы быть подвергнуто критике общего характера, основанной на той идее, что концепции прошлого выступали фактором легитимации во все времена, однако только в последнее время стратегии реконструкции прошлого становятся объектом принудительного законодательного регулирования. Только в наши дни развиваются концепции достоверности и недостоверности социально значимой информации и «дезинформации» как детально проработанные нормативные концепции государственно-организованного права. Все это обусловлено значимостью современных процессов

коммуникации и, что не менее важно, значимости того, чем эти процессы опосредованы.

Все попытки реального проектирования будущего на данный момент связаны в нашем столетии с цифровыми технологиями и цифровой коммуникацией. Социально-политические реформы в области образования, здравоохранения, культуры, взаимодействия гражданина и государства, повышения политической активности граждан в большинстве государств имеют цифровую направленность и используют цифровые инструменты. В таких условиях приоритетным является вопрос не о новых качественных характеристиках финального состояния объекта преобразований, а о том, насколько доступными будут характеристики, обеспеченные предыдущим развитием. Построение информационного общества в России достигло серьезных успехов. По данным Минцифры, на сайте Госуслуги.ру в 2023 году было заказано около 570 млн услуг, а количество фактически оказанных услуг по сравнению с 2020 годом выросло в 4 раза⁴. В 2024 году на этом сайте планируется технологии GPT, которая позволит осуществить онлайн-оказание услуг, т.е. оказание в момент обращения⁵. Госуслуги получили и международное признание, например, по оценке британской платформы веб-аналитики SimilarWeb в 2019 этот сайт занимал второе место в мире по посещаемости в категории Law And Government⁶. Вместе с тем, общество знаний, которое устанавливается в качестве приоритета в п. 20 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы⁷ в контексте цели построения информационного общества в России,

⁴ Как будут развиваться Госуслуги // Российская газета. 14 марта 2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/14/zamglavy-mincifry-kachanov-dlia-riada-slucaev-mozhno-sdelat-robotu-chinovnika.html> (дата обращения 14.03.2024).

⁵ Минцифры планирует внедрить в 2024 году технологию GPT на "Госуслугах" // ТАСС. 1 февраля 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19876185> (дата обращения 14.03.2024).

⁶ Российский портал госуслуг является одним из лучших в мире // Ведомости. 20 декабря 2019. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2019/12/20/rossiiskii-portal-gosuslug-yavlyaetsya-odnim-iz-luchshih-v-mire (дата обращения 09.08.2023). В 2023 году Госуслуги находятся на пятом месте в мире (<https://www.similarweb.com/ru/top-websites/law-and-government/government/>).

⁷ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 290.

определяется как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»⁸.

Достоверность социально-гуманитарного знания до сих пор остается сложной научной проблемой. В то же время, в развитие предыдущего тезиса о том, что «мемориальные» концепции становятся уже не только научными концепциями, но нормативными концепциями государственно-организованного права, необходимо подчеркнуть, что ее понимание конкретизируется ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ⁹, в которой закладывается понимание исторической правды, детерминирующей «исторически сложившееся государственное единство». Прошлое и память о нем играют все большую роль в правовой доктрине, при этом в процессах реконструкции истории возрастает значение цифровых технологий. Более того, серьезную роль в осмыслении новейшей истории, во многом связанной с цифровой средой, играют собственно цифровые следы. В свою очередь, в части предшествующего ей периода становится востребованной реконструкция, осуществляемая на основе цифровых моделей и фактов, которые сами могут быть оцифрованы для последующего анализа. Цифровые технологии как медиа становятся в буквальном смысле слова посредником между прошлым и настоящим, между нашими предшественниками и нами – представителями цифровой эпохи в социально-гуманитарном дискурсе. Таким образом, медиальный поворот переходит в мемориальный, обеспечивая не только социальные действия, но и память о них, как их предпосылку и итог. И это именно тот контекст, в котором сейчас развивается не только общество в

⁸ Там же, п. «л», ст. 4.

⁹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

целом, но и право, и юридическая наука в частности. Все эти явления опосредованы цифровыми медиа.

Развивающийся искусственный интеллект захватывает все рубежи жизненного пространства человека. «Умный дом», «умный город», «умное государство» – все эти концепции направлены на то, чтобы автоматизировать и оптимизировать управление рутинным функционированием человеческих сообществ всех уровней и масштабов, а уже легкость и бесперебойность обеспечения их «штатных режимов» призвана обеспечить реализацию свободы, формального равенства и иных правовых ценностей. Право в этих условиях легко может перестать быть человеческим делом и, сначала в метафорическом, ориентированном на компьютерные технологии, а затем – по мере развития «машиночитаемого права», и в буквальном смысле трансформироваться в серию «пакетов обновлений», в которых алгоритмы и (или) нейросети перенастраивают ключевые параметры цифровых нормативно-правовых актов, переопределяют легальные понятия и сроки.

Право, структурирующее человеческую волю и придающее ей формы реализации в условиях сосуществования множества волящих индивидов, не в меньшей, чем цифровые технологии, степени зависит от человеческой способности разрабатывать научные теории, т.е. создавать системы положений, претендующие на полноту описания своих объектов, используемые для прогнозирования развития этих объектов или для их создания и управления ими. Хотя сейчас коммуникативная теория права переживает процесс адаптации к цифровому периоду и демонстрирует серьезный потенциал своей «цифровой трансформации», как научная теория она возникла в доктринально-идейном контексте предцифрового периода, когда главной задачей, стоящей перед правовой теорией в целом, было поддержание и удержание единства своего категориального пространства.

Внутренний контур решения этой задачи был связан, во-первых, с обеспечением преемственности в понимании догмы права в отечественной правовой мысли, пережившей в XX веке два радикальных политических

разрыва, поделивших ее на дореволюционный, советский и постсоветский этапы. Во-вторых, он предполагает утверждение методологического плюрализма, в соответствии с которым могут одновременно сосуществовать принципиально различные научные теории одного объекта. Поскольку теории опираются на разную аксиоматику и приходят к разным выводам, их существование не может быть бесконфликтным и непротиворечивым. В правовой теории особо острым остается противостояние юридического позитивизма и юснатурализма, инициирующее развитие современных школ права. Содержание теорий на языке информатики (которая применима как инструмент внешнего анализа теорий как собственно информации, а сопутствующих процессов как процессов информационных) может быть представлено буквально как данные. В свою очередь, упорядочивание накопленных данных повышает значение промежуточных обобщающих конструкций, используемых для обозначения сходных, но не тождественных культур теоретизации права. К последним относятся концепты правопонимания, типы правопонимания и собственно школы права, которые предлагают исследовательские программы, позволяющие в общем виде сформулировать контуры правовых теорий.

Внешний контур решения задачи правовой теории, который заключался в поддержании и удержании единства своего категориального пространства, определялся векторами развития философии, философии науки и праксисом государственного строительства, который в нашей стране был детерминирован распадом СССР и переходом к постсоветскому этапу социально-политического и экономического развития, а на континентальном Западе – с программой создания единой Европы, способной отвечать на вызовы глобализации. Континентальная европейская философия в этом смысле весьма иллюстративна. В конце XX века она переходит в постметафизическую фазу. Если эссе Ю. Хабермаса «Постметафизическое

мышление»¹⁰ все еще удерживает антиметафизическую перспективу, заложенную позитивизмом и раскрывающуюся в сциентистских трактовках задач философии, то дальнейшее развитие постметафизического мышления (работы Ж. Делёза, Ж. Деррида, А. Бадью, Дж. Ваттимо, Ф. Ларюэля, Ж.-Ф. Мариона) приводит к тому, что критика метафизики сама обеспечивает приращение последней и становится метафизическим избытком. Соответственно, позитивистский антиметафизический пафос актуальность утрачивает, а переосмысление метафизики, наоборот, его получает; сами отношения между метафизикой и постметафизикой выходят за рамки моделей бинарной оппозиции и принимают различные формы переосмысления и реактуализации. Прагматически переориентированная метафизическая проблематика стал отправной точкой рефлексии как для построения отечественной коммуникативной теории права А.В. Полякова, так и для западных коммуникативно-правовых теорий, авторы которых (Ю. Хабермас, Н. Луман) непосредственно являются разработчиками постметафизического мышления. Таким образом была обеспечена связь правовой теории и современной философии.

Философия науки, в свою очередь, усиливала формирующуюся в правовой теории установку на множественность теорий и методологический плюрализм через постпозитивистские концепции развития науки – парадигматическую (Кун), программную (Лакатос) и анархическую (Фейерабенд), в которых прирост научного знания больше не сводится к линейной последовательности сменяющих друг друга теорий, где каждая следующая опровергает предыдущую и лишает ее того значения, которое она имела. Развитие науки было представлено как разнонаправленный процесс сложных взаимодействий между конкурирующими теориями, в которых возможна актуализация старой теории в новой гипотезе, а прямая преемственность возможна только в ситуации нормальной науки. Теория

¹⁰ Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. Frankfurt am Main, 1988. 286 s.

трактуются как базовый элемент динамики научного знания, своего рода локомотив, обеспечивающий ее продвижение. Но траектория этого локомотива весьма вариативна, поэтому потребовалась определенная систематизация теорий, в отечественной традиции осуществляемая на основе выделенных В.С. Степиным исторических типов научной рациональности. В правовой науке оказалась возможной крайне редкая для других отраслей научного знания ситуация вполне себе эффективного бытования классической теории – юспозитивизма, неразрывно связанного с правовой догматикой, который сохраняет свои позиции и нередко претендует на безусловный приоритет. При этом собственно постнеклассическая программа исследования в правовой теории является скорее исключением из правил, что ставит под вопрос как характер отношений правовой теории с современностью, так и универсальность постнеклассической рациональности в гуманитарной науке. Коммуникативная теория права, заложенная на методах постнеклассической философии, находилась в весьма выигрышном положении. Ее современность была безукоризненной и универсальной – до тех пор, пока континентальная европейская постметафизика не перешла к новым (плоским) онтологиям (независимо от нашего лично отношения к концепции плоских онтологий с точки зрения ценностей, их постулирование представляет собой факт из области социологии науки, с которым необходимо считаться), а эпистемология не начала учет материальных оснований производства знания, задавая тем самым предпосылки для появления – осмелимся предположить – нового, цифрового, поворота в научной рациональности (который, в свою очередь, в свете общего подхода к объяснению медиального поворота как метакатегории, предложенного В.В. Савчуком), в рамках которого субъект и объект познания меняются местами благодаря включению в научную методологию цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, и притязанию на уравнивание в процессах актуальной коммуникации эпистемического статуса людей и цифровых объектов (Б. Латур). При этом технологическое измерение развития науки в любой момент

может потребовать правовых новелл для адекватного отражения меняющихся представлений о том, что такое сознание, самосознание, воля, и в чем заключается процесс принятия волевых решений.

Переформатирование современности и выход ее на новый, цифровой, виток проблематизирует актуальный научный статус коммуникативной теории права. Последняя, безусловно, остается актуальной научной правовой теорией. Но останется ли она современной? Настоящая работа представляет собой опыт науковедческого изучения коммуникативной теории права, осуществляемого как анализ современных учений о праве в рамках общей методологии истории учений о праве и государстве. Данный опыт призван ответить на вопрос о том, в чем состоит вызов двух ключевых поворотов цифровой эпохи, медиального и мемориального, обращенный к коммуникативной теории права, и установить основания для формирования «цифровой» коммуникативной теории права. При этом содержание понятия «цифровой» как характеристика теории права раскрывается и обосновывается в исследовании отдельно.

Степень разработанности темы. Настоящая диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решена научная проблема науковедческой реконструкции коммуникативной теории права в условиях цифровой эпохи, имеющая важное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Ее решение потребовало первоначальной постановки проблемы, поскольку доступная на момент написания научная литература не содержала исследования, посвященные становлению, формированию и современным перспективам развития коммуникативной теории права.

Исходная концептуальная схема, используемая в диссертационном исследовании для описания и отражения такого объекта исследования, как научная теория, опирается на науковедческую традицию философии науки,

заложенную постпозитивизмом (И. Лакатос¹¹, Т. Кун¹², К. Поппер¹³, П. Фейерабенд¹⁴) в изучении преемственности научной деятельности. Однако исследование конкретной научной теории невозможно в отрыве от ее дисциплинарного контекста, который включает себя доминирующие в конкретный исторический период научные идеи, подходы, методы, а также уникальные доктринальные и категориальные связи между ними, формирующиеся в процессе научной коммуникации исследователей и их коллективов. Для его понимания принципиальное значение имели, во-первых, отечественные теоретико-правовые работы, посвященные тематике интегративного правопонимания, преодоления конфликта между юспозитивизмом и юснатурализмом и другими школами права, и, во-вторых, также переходу правовой теории к неклассической методологии, выходявшие на рубеже XX—XXI вв. Среди первых наибольшее значение имели труды, посвященные поиску оснований синтетического упорядочения и гармонизации юридических знаний В.Г. Графского¹⁵, В.В. Лазарева¹⁶, В.В. Лапаевой¹⁷ и самого А.В. Полякова¹⁸.

Среди вторых необходимо отметить работы И.Л. Честнова, в которых рассматривались основы и принципы постклассической методологии, ее

¹¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.

¹² Кун Т. Структура научных революций / Пер. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с. Необходимо отметить полипарадигмальный характер постсоветской правовой теории, в которой признаками парадигмы обладают типы правопонимания.

¹³ Поппер К.Р. Логика научного исследования / Перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовского. М.: Республика, 2005. 447 с.

¹⁴ Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 413 с.

¹⁵ Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все ещё незавершенный проект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. №3. С.49-64.

¹⁶ Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С.Нерсисянца / сост. В.Г.Графский. М.: Норма, 2006. С.122-139.

¹⁷ Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. №5. С.5-13.

¹⁸ Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 г. в РАП. / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. М.: РАП, 2010. С. 70-85.

применимость в теоретико-правовом и философско-правовом исследовании¹⁹. Контекстное значение имеет также и корпус текстов Санкт-петербургской школы права (М.В. Антонов, В.В. Архипов, Д.И. Луковская, А.А. Краевский, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, И.Л. Честнов и др.), посвященный, в том числе, дореволюционной философии права, который отражает воспроизводство установки на целостное, синтетическое правоведение, и, одновременно, выявление путей перехода теоретического правоведения на рельсы неклассической методологии.

Следующий блок работ появился в первое десятилетие XXI в. и был связан с первичной апробацией коммуникативной теории права А.В. Полякова. Тексты, которые могут быть отнесены к нему, представляют собой первые критические отзывы академического сообщества на появление новой теории; основная их часть является реакцией на защиту докторской диссертации «Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование)», осуществленной в форме научного доклада²⁰. Обсуждение данной работы на расширенном заседании кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ 16 апреля 2002 г. было опубликовано в качестве отдельного издания, некоторые разделы которого были позднее переработаны их авторами в самостоятельные статьи²¹. К отрицательным отзывам относятся публикации М.И. Байтина, Ю.И. Гревцова и Е.Б. Хохлова, И.Ю. Козлихина²²; к сдержанно-

¹⁹ См., например: Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 157-162; Он же. От классического к неклассическому юридическому дискурсу (очерки общей теории и философии права) // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2011. № 6(299). С. 242-245; Он же. Постклассическая рациональность права // *Общество и человек*. 2013. № 3-4(6). С. 105-109 и др.

²⁰ Поляков А. В. *Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование)*: дисс. ... д. юрид. наук. СПб, 2002. 94 с.

²¹ *Коммуникативная концепция права: вопросы теории: Обсуждение монографии А.В. Полякова*, Санкт-Петербург, 16 апреля 2002 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. 160 с.

²² Байтин М. И. *Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)*. 2-е изд., доп. М.: ИД «Право и государство», 2005. 554 с.; Гревцов Ю. И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2006. № 5(268). С. 1-23; Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2006. № 1(264). С. 31-40.

положительным – работы представителей юридико-либертарного подхода²³. Для уяснения сути научной полемики вокруг коммуникативной теории права важна была ответная статья самого автора рассматриваемой теории²⁴.

Этап первоначального процесса признания сменяется интересом к базовой категории нового методологического проекта – правовой коммуникации. К 60-летию А.В. Полякова издается двухтомник «Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции», авторы первого тома которого²⁵, Н.В. Адрианов, М.В. Байтеева, В.М. Будилов, Ю.Ю. Ветютнев, Н.А. Власенко, В.В. Денисенко, В.В. Лазарев, А.В. Краснов, Е.Ф. Мосин, Д.И. Луковская, И.Д. Невважай, А.И. Овчинников, В.И. Павлов, Ю.Е. Пермяков, Н.В. Разуваев, В.А. Сапун, Е.Г. Самохина, А.В. Скоробогатов, А.В. Стомба, В.М. Сырых, Е.В. Тимошина, Э. Фиттипальди, И.Л. Честнов, рассматривают коммуникативную теорию права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых.

Одновременно появляются работы, направленные на осмысление его приложимости в теоретических исследованиях, а также работы, использующие для своих теоретических задач понятие коммуникации, применяемое к анализу правовой реальности. Эта категория исследований в диссертации будет обозначаться как «правовая коммуникативистика», под которой будет пониматься междисциплинарное поле правовых исследований, ориентированное на методологическое использование понятие «коммуникация», осмысления актуальных проблем философии и не предлагающих прямого развития коммуникативной теории права. Коммуникативистика появляется в нашей стране сравнительно поздно, поскольку само понятие «коммуникация» находится в оппозиции по

²³ Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. 136 с.

²⁴ Поляков, А. В. Современная теория права. Ответ критикам // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6(299). С. 6-39.

²⁵ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. 373 с.

отношению к понятию «информация» в позднесоветском и раннем постсоветском гуманитарном дискурсе²⁶. Отношения коммуникативной теории права и правовой коммуникативистики могут быть представлены как исследовательская программа, т.е. последовательность теорий, в которой первая выступает «твердым ядром», а вторая – «защитным поясом». Наиболее полно тематический спектр правовой коммуникативистики отражен во втором томе юбилейного двухтомника²⁷, авторами которого стали А.С. Александров, М.В. Антонов, А.В. Ассессорова, В.М. Баранов, С.А. Белов, Е.В. Булыгин, Ч. Варга, Н.В. Варламова, Е.А. Войниканис, М.Л. Давыдова, С.А. Дробышевский, Л.И. Глухарева, И.Н. Грязин, В.С. Дорохин, В.В. Лапаева, С.В. Липень, Л.С. Мамут, Б. Мелкевик, А.М. Михайлов, С.В. Орлова, И.И. Осветимская, Е.А. Прибыткова, П.В. Ремизов, Р.А. Ромашов, Н. Рулан, С.Л. Сергевнин, В.В. Терехин, Е.Н. Тонков, В.А. Токарев, В.В. Трофимов, Н.Ю. Филимонова, М. ван Хук. Методологически близки к ним исследования зарубежных авторов Х.А. Тревиньо²⁸ и Б. Бикса²⁹. К диссертационным исследованиям данного направления относится работа В.В. Денисенко, посвященная проблеме легитимности³⁰. В этот же период появляются достаточно развернутые аналитические статьи, посвященные структуре коммуникативной теории права, ее методологии и категориальному ряду. К ним должны быть отнесены

²⁶ Голуб О. Ю., Тихонова С.В. Коммуникативистика vs информационное право: теоретические проблемы применения информационного подхода в информационном праве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 4-1. С. 594.

²⁷ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. 533 с.

²⁸ Тревиньо А. Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5(310). С. 26-47.

²⁹ Bix V. Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford: Clarendon Press, 1995. 232 p.

³⁰ Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дисс. ... д. юрид. наук. СПб, 2020. 323 с.

работы М.В. Антонова³¹, С.И. Архипова³², В.М. Будилова³³. Также аналитически значимо приложение к изданию избранных трудов А.В. Полякова «Коммуникативное правопонимание»³⁴, озаглавленное «Коммуникативный подход и российская теория права», написанное в соавторстве М.В. Антоновым, А.В. Поляковым и И.Л. Честновым³⁵.

В дискуссиях вокруг отечественной коммуникативной теории права важную роль играло критическое переосмысление западных социальных теорий, изучавших право в рамках социального целого (коммуникативно-правовые теории) и западной версии коммуникативной теории права. Первые без детализации правового элемента рассматривались в философской литературе как результаты постметафизического мышления, версии социальной теории и модели демократии. К правоведческим исследованиям, посвященным изучению этих теорий, необходимо отнести кандидатские диссертации В.К. Глебовой³⁶, П.С. Дабосина³⁷, Д.С. Сметанникова³⁸, докторскую диссертацию О.В. Поскониной³⁹, а также ее монографию⁴⁰. Появление коммуникативно-правовых теорий затрагивает проблемы взаимоотношения континентальной и аналитической философской и философско-правовой традиции, спектр основных направлений которых

³¹ Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105). С. 22-33.

³² Архипов С.И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 20-28.

³³ Будилов В. М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник С.- Петербургского ун-та. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 4-25.

³⁴ Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. 575 с.

³⁵ Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права (приложение) // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 549.

³⁶ Глебова В.К. Концепция права Юргена Хабермаса. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2020. 31 с.

³⁷ Дабосин П.С. "Критическая" теория общества и государства Ю. Хабермаса: методологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001. 23 с.

³⁸ Сметанников Д.С. Школа критических правовых исследований. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. 24 с.

³⁹ Посконина О.В. Политико-правовая теория Никласа Лумана (Методол. аспект): дисс. ... д. юрид. наук. СПб, 1997. 436 с.

⁴⁰ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск, 1997. 122 с.

изучался А.Б. Дидикиным⁴¹, С.Н. Касаткиным⁴², В.В. Оглезневым⁴³. Современный юснатурализм, к идеалам и идеям которого чувствительна коммуникативная теория права, представленный взглядами Л. Фуллера⁴⁴, Дж. Финниса⁴⁵, М.С. Мерфи⁴⁶, Дж. Кроу⁴⁷, рассматривался в работах В.В. Архипова⁴⁸, А.Б. Дидикина⁴⁹, Л.В. Карнаушенко⁵⁰, И.Ю. Козлихина⁵¹, В.Ю. Перова и А.Д. Севастьяновой⁵², В. Родригез-Бланко⁵³. Необходимо отметить системный анализ проблем, связанных с кризисом права, разрывами классической и постклассической парадигм в юридическом мышлении, формированием постклассической онтологии права, релятивизмом в праве и вызванным им новым поиском оснований теории права, осуществленный авторами коллективных научных монографий, выпущенных Санкт-петербургским издательством «Алетейя» в серии «Толкование источников права»⁵⁴.

⁴¹ Дидикин А.Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. № 4(1). С. 149–165.

⁴² Касаткин, С. Н. Границы Империи: юридический интерпретативизм Рональда Дворкина на карте правовых теорий. Самара: Самарский юридический институт, 2021. 115 с.

⁴³ Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.

⁴⁴ Fuller L.L. *The Morality of Law*, rev. ed. New Haven: Yale University Press, 1969. 215 p.

⁴⁵ Финнис Дж. *Естественное право и естественные права*. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. 554 с.

⁴⁶ Murphy M.C. *Natural Law Theory* // *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*. Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2005, pp. 15-28.

⁴⁷ Crowe J. *Natural Law Theories* // *Philosophy Compass*. 2016. №11/2. Pp. 91–101. DOI: 10.1111/phc3.12315.

⁴⁸ Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера: дисс. ... канд. юрид. наук / В.В. Архипов. Санкт-Петербург, 2009. 164 с.:

⁴⁹ Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. – 2014. – №. 8. – С. 418-424.

⁵⁰ Карнаушенко Л.В. Теория естественного права Дж. Финниса как возрождение метафизики права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 158-162.

⁵¹ Козлихин И. Ю. Процессуальная концепция права Лона Фуллера // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 2. С. 53-58.

⁵² Перов В.Ю., Севастьянова А.Д. Проблема морального содержания права в концепции Дж. Финниса // Конфликтология. 2018. № 13(3). С. 71–84.

⁵³ Родригез-Бланко В. Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 1 // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 4 (23). С. 92-94; Она же. Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 2 // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 2 (25). С. 26-41.

⁵⁴ Постклассическая онтология права. Коллективная монография / Под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Издательство Алетейя, 2016. 688 с.; Кризис права: история и современность. Коллективная монография / Под ред. В. В. Денисенко, М.А. Беляева и Е.Н. Тонкова. СПб.: Издательство Алетейя, 2018. 514 с.; Легитимность права. Коллективная монография. СПб.: Издательство Алетейя, 2019. 496 с.; Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. Коллективная монография. / Под ред. И.Л. Честнова и Е.Н. Тонкова. СПб.: Издательство Алетейя, 2020. 464 с.; В поисках теории права. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. СПб.: Издательство Алетейя, 2021. 286 с.; Релятивизм в праве.

Правовые аспекты коммуникативной теории Ю. Хабермаса раскрывались в сериях статей Б. Мелкевика, сборники которых в переводе Е.Г. Самохиной были изданы под научной редакцией А.В. Полякова в 2018 году⁵⁵, под научной редакцией М.В. Антонова в 2018 г.⁵⁶, под научной редакцией И.Л. Честнова – в 2020 г.⁵⁷ Важно отметить, что работа М. ван Хука «Право как коммуникация» была переведена на русский язык самими представителями отечественной школы М.В. Антоновым и А.В. Поляковым⁵⁸, что открыло российскому читателю возможность критического осмысления западной коммуникативной концепции права в целом, а также возможность сделать самостоятельный вывод о содержательной приоритетности, о чем будет сказано отдельно. Особое значение в этом аспекте имеет статья А.В. Полякова, подвергающая критическому анализу логику теоретизирования бельгийского теоретика⁵⁹.

С начала нынешнего века на уровне методологической рефлексии в философии актуализируется метафора «поворота». На протяжении XX века она использовалась для описания переориентации исследовательского интереса философии. Со времен онтологического поворота Гартмана и Хайдеггера сама «хореография» поворота включает в себя, в том числе, коннотации возврата, рекурсивного движения к тому, что было неоправданно забыто, потеряно из вида, которые могут принимать форму идеи разворота на 180 градусов, т.е. обращения к противоположным объектам, которые одновременно не могут находиться в поле зрения, и поэтому длительное внимание к одному автоматически формирует неявность другого. В настоящее

Коллективная монография /Под ред. И.И. Осветимской и Е.Н. Тонкова. СПб.: Издательство Алетейя, 2021. 349 с.; Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Издательство Алетейя, 2023. 500 с.

⁵⁵ Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. 95 с.

⁵⁶ Мелкевик Б. Заметки по истории правовых понятий. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. 255 с.

⁵⁷ Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. М.: РГ-Пресс, 2020. 136 с.

⁵⁸ Хук, ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

⁵⁹ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2(265). С. 26-43.

время в научной литературе встречается фиксация более десятка поворотов: онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, медиальный, антропологический, риторический, нарративный, пространственный, телесный, игровой, цифровой и т.д. Метафора поворота адаптирует классическое понятие этапа к многообразию современной методологии, философских течений и направлений, существования множества мощных междисциплинарных смысловых полей. Она фиксирует методологическую ситуацию смены фокуса исследования через смену центрального понятия, требующую обновления используемой категориальной системы, в которой имплицитно утверждаются практики новой интерпретации в духе «все есть язык», «все есть игра», «все есть медиа» и т.п. Если научная революция у Куна всегда предполагает смену несовместимых парадигм, то движение поворота ближе к логике «дрейфа ядра парадигмы», ее переориентации.

Мемориальный поворот начинается в 70-80-х гг. XX в. в связи с глобальным переосмыслением эпистемологических оснований исторической науки. В исследованиях О.Б. Леонтьевой этот процесс показан как переориентирующий внимание исследователей с исторических событий и явлений как таковых на исследование живой памяти о них, объективированной в общественном сознании, ее содержании, способах трансляции, социальных функциях⁶⁰. Мемориальный поворот привел к широкому распространению (по всем отраслям гуманитарной науки) междисциплинарного направления «мемориальных исследований» (англ. *“memory studies”*), в истории которого сегодня насчитывают четыре волны. Первая волна началась с постановки вопроса о существовании коллективной памяти об историческом времени и о его социальных рамках в трудах М. Хальбвакса. Для Хальбвакса коллективная память – это представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами социальной группы, это

⁶⁰ Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59-96.

группа, «рассматриваемая изнутри... Она представляет группе ее собственный образ... это картина сходств, и она естественно воображает себе, что группа остается, и остается одинаковой, потому что она устремляет свой взгляд на группу, а изменились отношения или контакты группы с другими»⁶¹. В рамках второй волны рефлексировались различия генезиса и социальная роли исторических знаний и исторических представлений, поэтому модели исторической памяти, развиваемые в работах П. Нора, Я. Ассмана, А. Ассман и их последователей, отражают ключевой конфликт между «официальным» историческим нарративом, формируемой идеологией, образованием и наукой, и живой памятью поколения, основанной на личной и семейной истории. Белые пятна, замалчивания, фальсификации официального дискурса рассматривались как вместилища работы памяти локальных коллективов, реализуемых в маргинальных медиаформах — дневниках, мемуарах, переписке. Источником представления о прошлом здесь является внеинституциональный, лично окрашенный контакт поколений. Третья волна связана с переходом к «исследованиям травм» (англ. “trauma studies”), ориентированным на изучение памяти о великих катастрофах XX в., мировых войнах и геноцидах. В таком ракурсе важным становится исследование механизмов «приватизации» потомками воспоминаний предыдущих поколений о травматических событиях, работы так называемой постпамяти, рассмотренной в ставших классическими исследованиях М. Хирш⁶². Четвертая волна связана с обращением к феномену «цифровой памяти» (англ. “digital memory”), или медиапамяти, и с разнообразной адаптацией цифровых методов исследования мемориального контента интернет-сетей, рассматриваемой в работах Гард-Хансена, Нейгера, Хоскинса⁶³. Собственно

⁶¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 16.08.2023).

⁶² Hirsch M. Family frames: Photography, narrative and postmemory. London; Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1997. 304 p.

⁶³ Save as... Digital memories / Ed by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2009. 217 p.; On media memory: Collective memory in a new media age / Ed. By M. Neiger, O.

четвертая волна и была вызвана к жизни медиальным поворотом, без которого она была бы невозможна.

Мемориальный поворот сопрягается с медиальным поворотом, фундаментальным поворотом современности, определяющим вектор и технологическое основание всех остальных сегодняшних поворотов. Одна из авторитетных интерпретаций заключается в том, что идея медиального поворота как фундаментального сдвига в социокультурном ландшафте на западе появляется в контексте эволюции идей М. Маклюэна, переходящих в медиафилософию к рубежу XX и XXI вв. В западных исследованиях, развивающихся в контексте медиального поворота, онтологический анализ медиального поворота опирается на новые плоские онтологии, переосмысливающие онтологический статус объекта и сетей объектов в новых социальных структурах. Эпистемологический анализ медиального поворота опирается на концепции «наука – технология – общество» (“STS”, междисциплинарная область исследования – англ. «Science – Technology – Society»), к которым относится акторно-сетевой анализ Б. Латура, концепция материальной эпистемологии Д. Беэрда. Социально-философский анализ медиального поворота опирается на концепцию сетевого общества, заменяемого сегодня в категориальных рядах социально-гуманитарного знания концептом цифрового общества. В междисциплинарных отечественных исследованиях концепция медиального поворота была выдвинута В.В. Савчуком⁶⁴ и переосмыслена как базовая философско-правовая проблема современности В.В. Архиповым, диссертационное исследование которого закладывает научную концепцию семантических пределов права, обосновывающую стратегии адаптации правовой системы общества к условиям цифрового общества⁶⁵, а статьи обосновывают переход к

Meyers, E. Zandberg. New York; London: Palgrave Macmillan, 2011. 300p.; Digital memory studies: Media pasts in transition / Ed by A. Hoskins. New York; London: Routledge, 2017. 326 p.

⁶⁴ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА. 2014. 162 с.

⁶⁵ Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дисс. ... д. юрид. наук. СПб., 2019. 757 с.

пониманию субъектности в современных условиях⁶⁶. В то же время следует отметить, что центральное значение медиального поворота определяется исключительно признанием того обстоятельства, что медиа имеет значение для социальной реальности, познания, реконструкции собственной субъектности. Конкретные выводы и методологические стратегии – например, отождествление медиа и сообщения или те же плоские онтологии – одни из возможных; они разделяются и развиваются далеко не всеми отечественными учеными (например, концепция «семантических» или «смысловых» пределов права В.В. Архипова не опирается на данные предпосылки, используя модель обоснования реальности отдельных социальных ценностей).

В целом, цифровизация правоведческого дискурса активно развивается уже не первое десятилетие. К первопроходческим работам, проясняющим связь киберпространства и права, включая методологические вопросы перспектив «цифровизации» теории права, можно отнести работы Ф. Истербрука⁶⁷ и Л. Лессига⁶⁸, отражающие их полемику о том, является ли потребность в «киберправе» более насущной, чем потребность в «лошадином праве», под которым понимается злоупотребление в создании специализированного законодательства и развитии связанных с ним правовых исследований. Эта полемика несводима к спору о новых отраслях, поскольку затрагивает более широкие проблемы технологической детерминированности правогенеза. Развитие киберпространства, основанное на переходе к web 2.0, демократизировавшем производство пользовательского контента всех направлений провело к появлению цифрового сегмента «теоретизирования» о праве. Репрезентативным примером здесь могут послужить статьи участников американской конференции «Блоггерство: как блоги трансформируют юридическую науку» (англ. «Bloggership: How Blogs Are Transforming Legal

⁶⁶ Например, Архипов В. В. Субъектность как основная научная проблема цифрового права: к постановке гипотезы // Юридический мир. 2023. № 4. С. 14-18.

⁶⁷ Easterbrook F.H. Cyberspace and the Law of the Horse // University of Chicago Legal Forum. 1996. Iss. 1. P. 207 – 216.

⁶⁸ Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. Vol. 13. P. 501-549.

Scholarship») 28 апреля 2006, к которым относятся Х.Дж. Башман, П.Л. Карон, К. Литвак, А.М. Фрумкин, Г. Хериот и другие⁶⁹. Методологические проекты преодоления постмодерна отражены в идеях и концептах, выдвинутых Г. Харманом, К. Мейясу, Р. Брасье, Л. Брайантом, Н. Срничком. Среди них наиболее перспективной для осмысления процессов теоретизации в современной философии права является волновая концепция развития западной метафизики, которая была предложена Л. Брайантом, Н. Срничком и Г. Харманом в работе «The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism»⁷⁰.

В данной диссертации понятие «мемориальный поворот» используется в смысле актуализации его четвертой, цифровой волны. В политико-правовом контексте востребован интерес мемориального поворота к проблемам символических аспектов политики, связанных с идентичностью и идеологией, осмысление которых вызвало к жизни понятия «символическая политика», «политика памяти», «историческая политика», «государственно-правовая политика памяти» категориальные основания которых были заложены в сборник статей 1983 г. под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиции»⁷¹, в котором демонстрируются механизмы изобретения элитами традиций ради определенных политических целей. Легитимируя собственную власть, политические элиты формируют историческое сознание масс. Постепенно исследователи перестали связывать мнемоническую деятельность только с политическими элитами в сторону максимально широкого числа ее агентов. В настоящее время усиливается интерес к ее нормативным аспектам и роли в социальном воспроизводстве. Наиболее наглядно эти процессы представлены в социально-онтологических

⁶⁹ Washington University Law Review. 2006. Vol. 84. Iss. 5.

⁷⁰ The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Ed. by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. Melbourne: Re.press, 2011. 430 p.

⁷¹ The Invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm a. Terence Ranger. - Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. 320 p.

работах М. Феррариса по теории документальности⁷². Высокая востребованность теоретического дискурса мемориального поворота объясняется поляризацией идеологических векторов мнемонической активности основных акторов глобального геополитического противостояния. На момент написания диссертации работ, позволяющих обеспечить прогностическую функцию в отношении цифрового развития коммуникативной теории права в условиях медиального и мемориального поворотов, обнаружено не было.

Цели и задачи исследования. *Целью исследования* является разработка и обоснование научной модели развития коммуникативной теории права в цифровую эпоху. При этом теория понимается как объект, формирующийся в определенных дисциплинарных концептуальных и методологических условиях, опирающийся на идеи других предшествующих теорий; изменение концептуальных и методологических условий рассматривается как поворот, который приносит перспективы категориального обновления теории. Цель исследования определяется представлением о модели эволюции коммуникативной теории права как методологическом инструменте, описывающем структуру юридической науки и относящемуся к области (1) философии права, поскольку она рассматривает динамику процессов теоретизации смысла права через системообразующие понятия; (2) методологии права, поскольку она рассматривает исследуемую научную теорию как способ организации собственного метода познания права; (3) теории права, поскольку она определяет содержание базовых понятий рассматриваемой теории, лежащих в основе понятийной модели догмы права; (4) к междисциплинарной проблематике развития права и отражающих его теорий в условиях медиального и мемориального поворотов.

Задачи исследования определяются целью исследования и включают:

⁷² Ferraris M. Social Ontology and Documentality // Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. P. 83–97; Ferraris. M., & Torrenzo G. Documentality: A Theory of Social Reality // Rivista di estetica. 2014. № 57. Pp. 11–27. <https://doi.org/10.4000/estetica.629>.

– сравнение различных подходов, в основе которых лежит признание значимости коммуникации в праве, определение и обоснование места коммуникативной теории права А.В. Полякова с точки зрения сравнительного исторического первенства идеи, анализ коммуникативной теории права А.В. Полякова как исторически первой версии научной теории в области философии права и правовой теории, основанной на интегративной установке и реализующейся как уникальный методологический проект;

– выявление основных идейных источников российской коммуникативной теории права и их систематизация;

– науковедческую квалификацию российской коммуникативной теории права, позволяющую зафиксировать ее структурные уровни и их базовые категориальные ряды;

– рассмотрение основных подходов постметафизических континентальных теорий, раскрывающих функциональную роль права в социальной системе как контекстного поля развития западной коммуникативной теории права М. ван Хука;

– установление различий теории взаимного признания А.В. Полякова и теории признания А. Хоннета;

– науковедческую квалификацию западной коммуникативной теории права, сформулированной М. ван Хуком, направленную на определение ее дисциплинарного контекста и установления различий с российской коммуникативной теорией права;

– анализ методологических последствий для теории права, вызванных цифровым мемориальным поворотом;

– определение формирования нового категориального ряда с философско-правовым содержанием, инициированного специализацией государственно-правовой политики памяти, феноменологически относящегося к области правовой коммуникативистики;

– установление последствий попытки логического переноса хабермасианского коммуникативного нормогенеза на коллективную память;

- изучение доктринально-теоретического влияния медиального поворота на методологические стратегии правовой теории;
- анализ связи теоретической правовой доктрины с господствующим типам медиа на примере медиального поворота;
- рефлексия изменения стратегий методологического синтеза перед и после медиального поворота на примере современного юснатурализма;
- исследование новой практики методологического синтеза, выдвинутой в условиях медиального поворота;
- установление точек роста методологии коммуникативной теории права, способные обеспечить развитие теории при переходе ее к цифровой форме.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности ВАК.

Данная диссертация соотносится с положениями паспорта научной специальности ВАК 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки по нижеперечисленным пунктам:

1. Юридическая наука: проблемы объекта, структуры, функций;
2. Методология и история юридической науки;
58. Предмет, методология, историография и источниковедение истории учений о государстве и праве;
68. Современные учения о государстве и праве⁷³.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой первое комплексное монографическое исследование, в котором представлена актуальная для современных условий медиального и мемориального поворота концептуализация перспектив развития коммуникативной теории права.

В процессе исследования получены следующие результаты, обладающие научной новизной:

⁷³ Паспорт научной специальности 5. 1.1. Теоретико-исторические правовые науки [электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования РФ. <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=17&name=92259542002&f=15285URL>: (дата обращения 28.08.2024).

1) Осуществлен науковедческий анализ коммуникативной теории права А.В. Полякова, выявивший использование феноменологического метода для формирования первичной аксиомы новой теории, вывод из нее базовых понятий и соотнесение их с категориальным рядом догмы права, показан открытый характер ключевого понятия «правовая коммуникация», обеспечивающий возможность его переопределения через смежные и родственные феноменологии проекты.

2) В качестве основных идейных источников коммуникативной теории права определены три группы источников, включающих в себя русскую дореволюционную философию права, социальную феноменологию, дополненную отдельными положениями теории коммуникации, и базовые положения отечественного методологического поиска интегрального правопонимания 90-х гг. XX в. Показано, что влияние первой группы источников было настолько велико, что вызвало усложнение рассматриваемой теории, разделение ее на два уровня, уровень трансцендентальных оснований права и уровень конструирования догмы права.

3) Предложена науковедческая квалификация российской коммуникативной теории права как двухуровневой эссенциалистской постнеклассической теории, основанной на синтезе широкого спектра постнеклассической социально-философской и философско-правовой методологии.

4) Сформулировано понятие коммуникативно-правовых теорий, описывающее западные социально-философские концепции, через концепт коммуникации интерпретирующие функциональную роль права в социальном целом, показано их разделение на два диаметрально противоположных подхода, – закрытого, характерного для системы социального аутопойезиса Н. Лумана, в котором правило замыкания закрывает правовую систему, – и открытого, характерного для коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, закладывающего демократическое усмотрение в основу

правогенеза. Установлена ориентация закрытого подхода на юспозитивизм, а открытого – на интеграцию юспозитивизма и юснатурализма.

5) Выявлена специфика развития хабермасианского открытого подхода к праву А. Хоннетом в теории признания, раскрывающаяся через методологическую переинтерпретацию исходных источников, позволившую установить первичность онтологической взаимозависимости индивидов по отношению к установлению правовой свободы, рассмотрена выдвинутые Хоннетом основания для критики теории общественного договора, связанные с выдвиганием новой теории субъективности, по-новому определяющей автономию как базовую характеристику социального и правового субъекта, показаны ее отличия от теории взаимного правового признания А.В. Полякова.

6) Выявлены логика формирования западной коммуникативной теории права. Показана механика осуществляемого ею интегрирования закрытого лумановского и открытого хабермасианского подходов; осуществлен формальный анализ данной теории, устанавливающий в качестве базового понятия совокупность структур коммуникативного действия, переопределяемых в каждой конкретной правовой системе. Содержательно данная версия коммуникативной теории права описана как учение о множественности путей правогенеза, способного достичь в своем развитии пяти уровней автономии права.

7) Рассмотрено концептуальное содержание мемориального поворота, раскрывающееся в появлении новой социальной онтологии, позволяющей интерпретировать право как процедурную коллективную память, обеспечивающую социальное воспроизводство через генерирование социальных объектов, и в специализации государственно-правовой политики памяти; установлен «химерический» характер методологического синтеза, сближающего право и память на основе игнорирования генетических связей между теориями при акцентировании их функционального сходства.

8) Определен новый категориальный ряд мемориального поворота, заданный введением конституционного понятия исторической правды, предполагающим конкретизацию понятия историческая справедливость; показано современное переопределение понятия историческая справедливость в философско-правовом дискурсе; установлена значимость этих понятий для нового мемориального законодательства.

9) Установлена логическая связь между попытками переноса хабермасианского коммуникативного нормогенеза на коллективную память и упрочения понятия коллективной ответственности, лежащего в основе практик культуры отмены. Показано, как концепция семантической уязвимости автономии субъекта А. Хоннета и концепция Леты Б. Мелкевика обосновывают идею конвенциональной селекции коллективной памяти, тогда как ее конкретизация может определяться только оценкой качества эпистемических процедур, приводящих к появлению тех или иных представлений о прошлом. Выявленные риски предложено минимизировать через обращение к российской коммуникативной теории права.

10) Установлено, что медиальный поворот прерывает фазу нормальной науки в постнеклассический общественных науках и переводит их в цифровую фазу, в которой в качестве основания методологии начинают доминировать медиафилософские тренды «эпохи цифры», включая включение искусственного интеллекта в повседневные социальные практики, медиальные (материальные) основания развития самой науки, теории медиатизации и цифрового общества, цифровую антропологию. Выявлены новые стратегии методологического синтеза, реализация которых способна качественно трансформировать рассматриваемую научную теорию в цифровую.

11) Показана связь категориального аппарата теоретической правовой науки с и основанных на нем методологических стратегий, с господствующим типом медиа, через соотношение с хронологической фиксации медиального поворота.

12) Обосновано изменение стратегий методологического синтеза в современном юснатурализме, пример которого выбран в связи с асинхронностью концептуализации медиального поворота на Западе и в России; продемонстрировано расширение домедиальной методологической стратегии, основанной на открытых дефинициях, комбинаторике аргументов и устойчивых концептуальных связях между альтернативными теориями, медиальным проектом выработки кроссдоктринальных связей через обнаружение меньших, чем в домедиальных проектах, степенях сходства аргументов.

13) Изучено влияние цифровых методологических инструментов на скорость и сложность методологического синтеза; показано их снижение в условиях роста операционализируемости доктринального и эмпирического материала; интерпретировано понятие и раскрыта специфика «химического» методологического синтеза.

14) Установлено, что переопределение понятия текста, выполняющего в данной теории инструментально-методологическую функцию, с широкого на узкое способна обеспечить переход коммуникативной теории права в цифровую коммуникативную теорию права.

Методология и методы исследования. Методологический проект диссертации нацелен на научно-методологическую квалификацию коммуникативной теории права как одной из научных теорий, описывающих правогенез и основанный на ней анализ источников и перспектив развития данной теории. Исходной методологической платформой послужила парадигма постнеклассической научной рациональности; исследуемые объекты трактовались в диалектическом ключе. На общенаучном уровне автор опирался группу формально-логических методов (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование), системный подход, структурно-функциональный анализ как для систематизации методологии, так и для конструирования идеализированных объектов и адаптируемый автором для науковедческих целей коммуникационный подход, показывающих вклад в развитие

социальной коммуникации конкретных медиа. В качестве частнонаучных использовались формально-юридический, сравнительно-теоретический методы и метод теоретической реконструкции. Формально-юридический подход использовался для анализа юридических понятий и норм права. Сравнительно-теоретический применялся для сравнения способов организации внутренних и внешних категориальных связей правовых теорий. Метод теоретической реконструкции использовался для воспроизведения исторической логики формирования исследуемой научной теории. При осуществлении понятийной рефлексии правовой коммуникации диссертант учитывал теоретико-методологические положения технологического детерминизма, модифицированные в социальной эпистемологии на основе акторно-сетевой теории; естественно-правовой школы, включая теории возрожденного естественного права; принимал во внимание медиатизированный ревизионизм социального конструктивизма (А. Коулдри и А. Хепп) и опыт его критического переосмысления; проект детализации цифрового общества А. Нассе, основанный на идее новой социальной архитектуры распределенного интеллекта. Науковедческий ракурс исследования задан концепциями развития науки, выдвинутой в постпозитивизме, и идеей последовательной смены типов научной рациональности (В.С. Степин). Эти методологические основания синтезировались таким образом, чтобы обеспечить выявление траектории развития научной теории, избранной для анализа, и диагностику ее методологических резервов для ответа на базовые вызовы цифровой эпохи, связанные с медиальным и мемориальным поворотами.

Источниковая база диссертации структурируется по двум уровням, теоретическому и нормативно-правовому. К первому относятся персонально-тематические научные тексты, представляющие собой доктринальные источники, на основе которых осуществлялась экспликация исследуемой теории. Коммуникативная теория права А.В. Полякова изучалась, в первую очередь, на основе следующих текстов: учебник «Общая теория права» и его

дополненные и переработанные издания 2003, 2004, 2016 гг.⁷⁴, второе издание учебника «Общая теория права» в соавторстве с Е.В. Тимошиной⁷⁵; юбилейное издание его трудов «Коммуникативное правопонимание» (2014)⁷⁶, а также научные статьи и разделы в коллективных монографиях автора разных лет⁷⁷. Коммуникативно-правовая теория Н. Лумана анализировалась на основе монографии «Право как социальная система» (пер на англ. 2004)⁷⁸ и перевода статьи «Что такое коммуникация?»⁷⁹. Коммуникативно-правовая теория Ю. Хабермаса исследовалась на основе монографии «Фактичность и значимость» (1992)⁸⁰ и русских переводов его работ разных лет, включая перевод фундаментальной работы «Теория коммуникативного действия» (пер. на

⁷⁴ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 642 с.; Он же. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с.; Он же. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 864 с.; Он же. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Проспект, 2016, 2021, 2023. 832 с.

⁷⁵ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. 2-е изд. СПб.: СПбГУ, 2015. 472.

⁷⁶ Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. 575 с.

⁷⁷ Поляков А. В. Возможна ли интегральная теория права? // Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и теории, Москва, 02–04 февраля 2001 года. М.: Институт государства и права РАН, 2001. С. 114-119; Он же. Правогенез // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 5(238). С. 216-234; Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6(323). С. 57-77; Он же. Поляков А.В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 295-324; Он же. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 37-56; Он же. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуникативиста // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 27-29 июня 2019 г.). Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 205-224; Он же. Легитимность как свойство право // Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 44-80; Он же. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 39-101; Он же Поляков А.В. Права человека и ценности: их философский смысл и идеологическое значение в постсоветской юридической науке // Идеология и политика. 2021. №2 (18). С. 152-193; Он же. Справедливость как следование принципам права // Жива ли справедливость в праве? Коллективная монография / под ред. Д.И. Луковской, Н.И. Мальшевой, М.И. Юдиной. СПб.: Алетейя, 2022. С. 40-82; Он же. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. №12. С. 30-42; Он же. Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. №4. С. 105-117; Он же. Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. №5. С. 97-113; Он же. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-исследовательской программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 29-157; Он же. A Communicative Approach to Leon Petrażycki's Theory of Law // Leon Petrażycki: Law, Emotions, Society / eds. Eduardo Fittipaldi, A. Javier Treviño. NY: Routledge. 2023. P. 193–208.

⁷⁸ Luhmann N. Law as a Social System. Oxford: Oxford University Press, 2004. 498 p.

⁷⁹ Луман Н. Что такое коммуникация // Социологический журнал. 1995. №3. С. 114-124.

⁸⁰ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Berlin: Suhrkamp, 1992. 666 s.

русский язык 2022)⁸¹. Теория признания А. Хоннета анализировалась на основе его работ «Борьба за признание» (1995)⁸² и «Право свободы» (2011)⁸³, а также текстов, написанных в соавторстве с Дж. Андерсоном⁸⁴. Коммуникативная теория права М. ван Хука изучалась на основе русского перевода М.В. Антонова А.В. Полякова монографии «Право как коммуникация» (2002)⁸⁵.

Ко второму – нормативно-правовые акты, среди которых следует отметить, в том числе, Конституцию Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации, а также документы стратегического планирования, в качестве репрезентативных примеров которых используется Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.⁸⁶ и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁸⁷.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в создании первой в российской правовой мысли авторской концепции, описывающей становление и возможное последующее развитие коммуникативной теории права как релевантной научной правовой теории цифрового общества. Данная концепция применима к анализу современного,

⁸¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 382 с.; Он же. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3-33; Он же. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.; Он же. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.

⁸² Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. Cambridge, UK: Polity Press, 2005. 240 p.

⁸³ Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin: Suhrkamp, 2011. 628 p.

⁸⁴ Anderson J., Honneth A. Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice. In: Autonomy and the Challenges to Liberalism: New Essays. ed. J. by Christman, J. Anderson, Cambridge University Press, 2005, pp. 127-149; Honneth A. [at all]. Reification: a new look at an old idea / A. Honneth, J. Butler, R. Geuss, J. Lear, M. Jay, Oxford ; New York: Oxford University Press, 2008. 168 p.

⁸⁵ Хук, ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

⁸⁶ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 290.

⁸⁷ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 14.07.2023).

инициированного цифровым и мемориальными поворотами, идейно-методологического контекста развития любых правовых теорий. Также она значима для осмысления теоретических основ государственно-правовой политики памяти, формирования и уточнения ее базовых понятий. Выводы диссертационного исследования могут быть положены в основу дальнейших научных разработок модернизации методологии теории и философии права, информационного права, а также междисциплинарных исследований, связанных с исследованием влияния цифровизации на теоретическое правоведение. Результаты исследования могут быть также использованы в практике преподавания, при разработке учебников и учебных пособий по основным курсам бакалавриата и магистратуры «Теория государства и права», «История политических и правовых учений», «История и методология юридической науки», «Современные учения о праве и государстве», а также при разработке специальных курсов, включая курс «Методология цифровой гуманитаристики в теории права».

Положения, выносимые на защиту. Заявленные ранее аспекты научной новизны диссертационного исследования раскрываются в следующих основных положениях, выносимых на защиту.

1. Коммуникативная теория права исторически возникает в России, где ее базовые положения впервые формулируются в 2001 году А.В. Поляковым в работе «Общая теория права» и которые развиваются и дополняются автором по настоящее время. Предваряющие ее теории, посвященные анализу коммуникативного измерения права, не были связаны с переформатированием догмы права, М. ван Хук представил свою теорию годом позднее. Рубеж тысячелетий был плодотворным для развития политико-правовых учений, в России он недооценен. В этом контексте формируется широкая междисциплинарная платформа коммуникативных исследований права. Философско-методологической платформой новой теории становится феноменологическая традиция, от Гуссерля до социального конструктивизма. Смысл, передаваемый в коммуникации, в феноменологии трактуется как

основа интерсубъективного мира, из которого вырастают все социальные институты, включая право. Используя феноменологический подход, А.В. Поляков обосновывает понятие правомочия как феноменологическую аксиому существования человека и самой коммуникативной теории права, не требующую доказательств в силу самоочевидности. Из аксиоматического правомочия с помощью категории коммуникации выводятся базовые понятия правовой обязанности и правовой нормы, и, далее, весь категориальный ряд классической российской теории государства и права, сохраняя догму права. Само понятие коммуникации задается автором плюралистично, формулируется как открытое к выводам всех близких к феноменологии философских направлений, описывающих коммуникацию, производство, передачу и понимание смысла. Поэтому в более поздних изданиях «Общей теории права» (2003, 2004, 2016), каждое из которых отличалось дополнениями и переработкой, в названии появляется расшифровка, уточняющая авторское самоопределение развиваемого подхода, сначала как «феноменолого-коммуникативного».

2. Выдвижение коммуникативной теории права потребовало длительной доктринальной проработки. В ее основу легли три группы источников, связь с которыми не является декларативной. К ним относятся русская дореволюционная философия права, социальная феноменология, дополненная отдельными положениями теории коммуникации, и базовые положения отечественного методологического поиска интегрального правопонимания 90-х гг. XX в. Важной особенностью собственно феноменологического проекта в коммуникативной теории права является обращение к дореволюционной правовой мысли, которое, безусловно, направлено на восстановление и укрепление преемственности между дореволюционной и постсоветской правовыми школами Санкт-Петербургского университета. Однако его ярким эффектом является новая интерпретация текстов Гуссерля в том идейном контексте критики западной метафизике, который формировался Л.И. Петражицким, П.И. Новгородцевым

и И.А. Ильиным, и который потом через учеников Л. Петражицкого, Л. Гурвича и П.А. Сорокина, отразился на социологической школе права. Стремление вернуть в оборот философско-правовой рефлексии идеи русской метафизики о нравственных началах личности, заложенных в ее трансцендентальные структуры, является отправной точкой философско-правовой мысли А.В. Полякова. Опора на указанные источники предопределяет разделение системы коммуникативной теории права на два уровня. Над уровнем догмы права, построенной на феноменологической аксиоматике, с середины десятых годов XXI века выстраивается верхний, метатеоретический уровень, вскрывающий трансцендентальные основания правовой коммуникации. К этому уровню относится учение о правовом признании как фундаменте правогенеза, в котором границы поведения субъектов правовой коммуникации непрерывно взаимосогласуются на основе понимания. Правовое признание как принцип опирается на сам онтологический факт существования Другого как представителя человеческого рода, признание которого индивидом невозможно без добровольного возложения на себя обязанностей, корреспондирующих правам этого Другого как ответ на ожидания по поводу своих собственных прав.

3. Двухуровневая коммуникативная теория права основана на широком спектре постнеклассической социально-философской и философско-правовой методологии. При этом она является эссенциалистской теорией, так как ее ядром является ответ на вопрос «что такое право?», найденный через категорию правовой коммуникации. Это существенным образом отличает коммуникативную теорию права от родственных концепций. На первом уровне теории раскрываются трансцендентальные основания правовой коммуникации, предшествующие ее конкретным актам в смысле онтологического факта, т.е. до того, как правовая коммуникация начнется, субъекты должны признать друг друга. На втором уровне поиск ответа на исходный вопрос выходит за трансцендентальные рамки в область реальных

взаимодействий, для которых на основании правовой догматики создаются нормы права.

4. Российская коммуникативная теория права имеет ряд принципиальных отличий от западной версии коммуникативной теории права, для которой в меньшей степени характерно духовно-гуманистическое начало. Философским же основанием западной версии коммуникативной теории права являются коммуникативно-правовые теории, к которым относятся постметафизические социальные теории конца XX века, объясняющие природу правогенеза на основе понятия коммуникации безотносительно к анализу правовой догматики, который подменяется воспроизведением классических позитивистских схем там, где речь идет о позитивизации права – теория аутопойезиса Н. Лумана и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Аутопойезис предполагает усложнение социальной системы в результате самоорганизации, происходящей тогда, когда коммуницирует коммуникация. Дифференциация коммуникации приводит к появлению правового кода, а затем, на его основе, формируется правовая система, переопределяющая коммуникации как правовые или неправовые. Концепция Лумана представляет собой закрытый подход к праву, поскольку ориентирован на «правило замыкания» правовой подсистемы. Внутри западного дискурса ему противостоит открытый подход Ю. Хабермаса, в котором правогенез основан на непрерывной коммуникации с неправовыми аспектами социальной реальности. Хабермас пытается совместить анализ процессов позитивизации права с акцентуацией роли субъекта в демократической делиберативной модели правогенеза. На основе модели коммуникации К.Л. Бюлера философ разделяет логику функционирования права как института и логику функционирования права как средства. Рассматривая первую логику, для разграничения правового и неправового он использует процессы субъективации и объективации Другого, вполне созвучно пафосу юснатурализма. Вторая логика интерпретируется в позитивистском ключе. Бессубъектный закрытый подход Лумана выводит на

передний план процессы объективации субъекта, тогда как открытый подход Хабермаса, напротив, субъектно центрирован, но сугубо в техническом смысле. Противостояние этих подходов предполагает методологический выбор между панорамами правогенеза, в одной из которых к появлению права и его развитию приводит закономерное развитие социальной коммуникации, а в другой – рациональный поиск консенсуса, осуществляемый свободными и разумными людьми в процессе практической деятельности. Закрытый и открытый подходы сосредоточены на функциональном анализе права, и не ставят своей целью ответ на вопрос о его сущности. В отличие от этих подходов, российская коммуникативная теория права центрирована на субъекте как единстве духовного, нравственного и физического начал.

5. Центральная для российской коммуникативной теории права категория взаимного признания развивается в контексте критического осмысления родственных подходов. В западной традиции концепция признания формировалась в рамках открытого коммуникативно-правового подхода Ю. Хабермаса А. Хоннетом. Она опирается на корректировку базовых идей Хабермаса, дополненных возвращением традиционной проблематики Франкфуртской школы, связанной с социальным отчуждением, и на новое прочтение политико-правовой мысли раннего Гегеля. Хоннет интерпретирует гегелевский текст так, чтобы обнаружить его интересубъективистскую подоплеку, позволяющую трактовать право как механизм овнешнения интересубъективных институтов. Используя идею Гегеля о преступлении как реакции на усиление формального юридического признания, он приходит к выводу об онтологической взаимозависимости индивидов, предшествующей установлению правовой свободы. Хоннетовская оценка теории общественного договора, сердцевины либерализма, как логически несостоятельной, позволяет ему разработать собственную теорию субъективности, в которой сильны экзистенциалистские, неопрейдистские и неомарксистские мотивы. Автономия как ключевая характеристика субъекта не атрибутивна, а процессуальна, и зависит от успешности

интерсубъективных стратегий индивида в процессе социализации. Идея о том, что автономные индивиды способны учреждать государство, оказывается утопией, поскольку постоянная сильная автономия субъекта иллюзорна. В той мере, в какой она возможна, она задается через диалектику признания, когда тот, кто признает Другого, в свою очередь, признается им самим. Несмотря на то, что правовая свобода у Хоннета негативна, так как не обеспечивает взаимность признания, тогда как у А.В. Полякова взаимное признание лежит в основе права как пространства подлинной свободы.

6. Тезис о параллельном развитии коммуникативной теории права на Западе и в России связан с работой М. ван Хуком «Право как коммуникация» (2002). Однако сама эта работа выходит на год позднее и отражает более узкий подход к правовой коммуникации. Она создавалась как компромиссный проект, объединяющий достижения как закрытого коммуникативного подхода к праву Лумана, так и открытого коммуникативного подхода Хабермаса. Ван Хук интерпретирует право через коммуникацию на основе методологического принципа плюральности, который объединяет правовой плюрализм как учение о полиюридизме, где правовые порядки одновременно производятся разными социальными акторами, так и представление о хронологической и географической множественности правовых систем, которые тем не менее, различаются по степени сложности и проходят определенные этапы в своем развитии, которые исследователь называет уровнями автономии права. Уровней автономии пять: автономия первичных норм; автономия вторичных норм; автономия юридических профессий, методологическая автономия; доктринальная автономия. Социальная теория позволяет ван Хуку обосновать процесс множественного правогенеза, и показать, на каком этапе эволюции правовой системы ее коммуникационная специализация в лумановском смысле позволяет реализоваться хабермасианскому делиберативному нормогенезу. По мысли правоведа, лумановские представления о механизмах аутопойезиса требуют размыкания там, где Луман настаивает на закрытости, и переходу к модели, включающую смену открытости и закрытости в

конфигурациях коммуникации в праве. Архитектонику структурных ансамблей коммуникации, порождающих правовые нормы, ван Хук рассматривает под влиянием сетевого подхода, применяя пирамидальную модель, дополненную циркулярными (сетевыми) элементами. Последний уровень автономии права, доктринальный, обеспечивает рациональное проектирование правовых коммуникаций под цели социального и государственного строительства в условиях глобализации, снижающее асинхронность теории и практики. Ван Хук отказывается от выделения универсального «первоэлемента» правовой коммуникации, который запускал бы ее во всех правовых системах. Для каждой правовой системы характерен свой собственный набор структур коммуникативного действия, приводящий к развитию конкретного уровня автономии права. Таким образом, концепция ван Хука отвечает лишь на один из вопросов теоретической юриспруденции, в отличие от российской коммуникативной теории права.

7. Медиальный поворот – это уже свершившееся явление, которое не исчерпывает трансформацию медиа. Медиальный поворот вызвал к жизни поворот мемориальный, в ходе которого разрушается институционализированная система производства представлений о прошлом, опиравшаяся на государственно-правовой институт цензуры. Поскольку любая наука исторична, а теория права не может обойтись без исторических методов, способа воспроизводства исторических интерпретаций не могут не влиять на содержание этой теории. В условиях мемориального поворота снижается роль малых социальных групп в конструировании коллективной памяти, цифровые инструменты позволяют индивидам манифестировать свои представления о прошлом напрямую в медиасреде, где конкуренция голосов памяти приводит к влиянию конкретные интерпретации прошлого. Историческая память превращается в основной ресурс политических и геополитических конфликтов, и в этом качестве представления о ней начинают проникать в предметное поле философии права. Мемориальная тематика выходит за рамки междисциплинарного направления *memory studies*

и детерминирует появление новой социальной онтологии (М. Феррарис), в которой интегрируются аналитическая и континентальные философские традиции, а память как запись трактуется как порождающая основа социогенеза. В документальной онтологии М. Феррариса запись социального действия превращает действие в социальный объект; совокупность социальных объектов совпадает с социальной реальностью. Запись в документальной онтологии не сводится к констатации, она понимается как процедура, удостоверяющая согласие участников социального действия на его реализацию. Медиа, способные обеспечить такую процедурную запись, совпадают с кодами основных форм права. Право в этом методологическом ракурсе оказывается механизмом создания социальных объектов, т.е. фундаментальным способом социального воспроизводства. Химерический синтез здесь может сблизить феноменологические пласты коммуникативной теории права, рассматривающие смыслопорождение права в коммуникации, с аналитической традицией, переосмысленной Феррарисом, рассматривающей право как действие. Независимо от того, насколько эксплицируются процессы памяти в определениях правовой коммуникации и правового признания, реальная или демонстративная амнезия сделает их невозможными, и в ситуации, когда медиа дают широчайшие возможности для замалчивания, подмены и фальсификации памяти, ее правовая роль приобретает особенную значимость. Сама интерпретация права как памяти основана на методологической стратегии химерического синтеза, игнорирующей генетические связи между теориями при акцентировании их функционального сходства.

8. Прагматический ракурс влияния мемориальной тематики на правовую теорию связан с переоценкой масштаба вклада коллективных представлений о прошлом в устойчивость политико-правового развития. Специализация государственно-правовой политики памяти в России требует формирования нового категориального ряда с философско-правовым содержанием, введение которого затрагивает понимание коммуникации о

праве, и усиливает связь коммуникативной теории права и правовой коммуникативистики, разрешающей вопросы о том, что такое недостоверная и ненадежная память. Социальный характер индивидуальной памяти, далекой от абсолютной точности, раскрывается в потребности укреплять свои воспоминания через коммуникацию с Другими, интересубъективность является основой корректировки коллективных представлений, которые переосмысливаются, корректируются и уточняются в диалоге. В цифровую эпоху именно общность прошлого является источником групповых идентичностей и социальной солидарности. Его надежность и достоверность в настоящее время оценивается с помощью конституционно-правовой категории «историческая правда». Семантически и функционально с ней связано понятие исторической справедливости, которая перестает определяться только этически, как частный случай социальной справедливости. Современное содержание понятия «историческая справедливость» переходит в философско-правовую плоскость. Эти категории важны как инструменты обеспечения легитимности формирующегося мемориального законодательства, в дискурсе которого все большую роль играют представления об основных национальных ценностях и традициях. Представление об исторической справедливости и ее юридическое воплощение поддерживает консенсус общества и власти.

9. Современная западная коммуникативная теория права не отвечает на указанные вызовы. Логическим следствием коммуникативно-правовой теории Хабермаса является попытка переноса логики коммуникативного нормогенеза на коллективную память. Теоретическое углубление этой попытки возможно при привлечении предложенной А. Хоннетом идеи о семантической уязвимости автономии субъекта, из которой вытекает право на дружественную маргинальным жизненным проектам семантическую среду. Хабермасианская мемориальная линия развивается в концепции противостояния Леты и Мнемозины Б. Мелкевика. В ней предполагается конвенциональное установление режима забвения для исторической памяти

через демократические процедуры, что подрывает экспертность профессионального исторического знания, обеспечивающего надежное Прошлое. На практике процедуры манифестации забвения несовместимы с презумпцией невиновности. Современное медиапространство не использует в качестве универсальных рациональные процедуры доказывания, оно опирается на механику тиражирования лично окрашенных субъективных суждений постправды. В культуре отмены коллективная память как транслируемые представления о прошлом становится объектом нормирования, с помощью которого не только предписываются эталоны правильной памяти, но и культивируется «новая этика», предполагающая возможность возложения вины за действия одного человека на группу, с которой он идентифицируется. Концепт коллективной ответственности в наличном праксеологическом ракурсе противоречит базовым идеям юснатурализма о природе естественных прав, используемым коммуникативной теорией права. В хабермасианской и хоннетовской перспективах культура отмены может интерпретироваться как практика цифровой политико-правовой работы с памятью, радикализирующей потенциал коммуникативного дискурса в условиях дефицита его рациональности в медиапространстве. Закладывающиеся основы для нового понимания субъектности, использующие возможность градации ее выраженности, несут в себе новые угрозы для формального равенства. Преодолеть этот кризис можно на основе отечественной коммуникативной теории права, в которой механизмы правового признания онтологичны и трансцендентальны, и в этом качестве предшествуют самоактуализации личности, а не завершают ее.

10. Осмысление места коммуникативной теории права в системе научного знания требует анализа более широкого социально-философского контекста, претендующего на объяснение современности XXI века. Концепция медиального поворота, в России обоснованная в философских работах В.В. Савчука, стала основой понимания В.В. Архиповым

современного бытия права применительно к проблеме симуляции в медиaprостранстве. Но вызов медиального поворота имеет не только практическую, но и теоретическую природу, на этом основании он обращается и к правовой теории в целом, и к коммуникативной теории права. Поворот прерывает фазу нормальной науки, поскольку несет с собой новые объекты и отражающие их системы понятий. В условиях медиального поворота трансформируется сама наука, переходящая в фазу «технонауки», что влечет изменения в культуре теоретизации, подготавливающие переход к новому типу научной рациональности. Новые медиа меняют стили мышления, приводят к появлению новых методологических стратегий. Медиа сегодня опосредуют отношения онтологии и эпистемологии, что отражается в распространении модели материальной эпистемологии, в которой вещи-нечеловеки активно включены в производство знания вместе с исследователями-людьми. Базовые медиафилософские тренды эпохи цифры – социализация искусственного интеллекта, медиальные (материальные) основания развития самой науки, теории медиатизации и цифрового общества, цифровая антропология, с необходимостью вторгаются в предметное поле коммуникативной теории права, поскольку в их центре находится проблематика субъектности как таковая. Первоначально осмысление цифровизации юридических технологий, возникновения и развития электронного государства, не требовало принципиальных изменений в категориальном аппарате коммуникативной теории права, и развивалось в смежной с ней области правовой коммуникативистики, междисциплинарном поле исследований «коммуникаций о праве». В настоящее время укрепляются теоретические основания к изменению категорий субъекта и объекта, связанные с попытками человеческого самоулучшения и появлением «умных вещей», интегрирующих человеческое и техническое. Поскольку доктринальным центром коммуникативной теории права является субъект, все методологические трансформации его понимания предполагают ответные процедуры верификации в ее рамках.

11. С точки зрения медиафилософии, принципиально важно, что современная философия права формировалась в *текстовой* парадигме медиа. Доминирующая форма медиа предопределяет стили и результаты научной теоретизации. Дальнейшее развитие коммуникативной теории права, фокусирующейся на информационном взаимодействии между субъектами, неосуществимо без учета теории медиа. Начало медиального поворота приходится на 80-е гг. XX века, когда впервые в теории медиа появляется концепт информационного общества. Категориальные ряды и методология коммуникативно-правовых теорий и коммуникативной теории права, появившихся после медиального поворота, на себе его прямого воздействия не испытывали. Они формировались под влиянием постметафизического мышления в западной философии, включая его версии, разработанные поздней Франкфуртской школой. Проблематика цифровой коммуникации осталась за рамками идейного поля данных источников, которые опирались на классические схемы массовой информации и массовой коммуникации там, где речь шла о роли публичной сферы в правогенезе. И философско-правовые искания А.В. Полякова, и анализ правовой системы в Франкфуртской школе, опирались на методологические конструкты моделирования коммуникации в рамках теории массмедиа. Ван Хук вводил в свою теорию сетевые понятия практически имплицитно, через концепт циркулярности.

12. Дальнейшее развитие коммуникативной теории права требует установления различий между предцифровыми и цифровыми методологическими стратегиями. Несмотря на то, что теория права их игнорирует, их эвристический потенциал не тождественен. Это может быть доказано на основе обращения к австралийской школе естественного права, основоположник которой, Дж. Финнис, создавал свою теорию непосредственно перед медиальным поворотом в тексте «Естественное право и естественные права» (1980), а его последователи, М.С. Мерфи и Дж. Кроу, развивают естественно-правовые идеи уже в цифровых условиях, что меняет качественную сторону вопроса. Финнис провел детальный анализ различий

реальных аргументов юснатурализма и представлений юспозитивистов об аргументах юснатурализма, которые и подвергаются юспозитивистами критике, показывая их различия, тогда как Мерфи и Кроу разделили аргументы конфликтующих теорий на сильные и слабые (мягкие), показывая принципиальную несовместимость сильных аргументов и близость слабых, используя последние для связывания противостоящих теорий. Медиальный поворот в теоретизации обеспечивает кроссдоктринальные связи при обнаружении сходств меньших степеней, чем используемые в постнеклассической методологии. Количественные изменения информационного обмена переходят в качественные, и именно они делают возможными качественные изменения научной методологии.

13. Все общественные науки качественно изменяются под воздействием медиального поворота. Цифровые практики начинают вытеснять установки культуры печатной книги в деятельности гуманитарного исследователя, и это не просто технические изменения. Цифровые формы апробации и валидации научных идей ускоряют и увеличивают число коммуникационных обменов, включенных в этот процесс, что приводит к качественным изменениям. Через современную цифровую среду усиливаются практики неформальной экспертизы. Рутинизация цифровых инструментов упрощает процедуру методологического синтеза, обеспечивая для него условия «обозревания» эмпирического и доктринального материала нового качественного уровня. Содержательно методологический синтез соединяет координативные и/или субординативные связи двух и более теорий в одну для того, чтобы создать базовый теоретический объект. В классической науке синтезируются генетически связанные между собой теории, в неклассической устанавливаются фундаментальные сходства между синтезируемыми теориями, в постнеклассической фундаментальное сходство синтезируемых теорий конструируется через переинтерпретацию, открывающую новые смыслы в аспектах синтезируемых теорий, прежде считавшихся несущественными с точки зрения сходства. После медиального поворота

появляется два новых типа методологического синтеза – синтез через слабые аргументы и «химерический синтез», основанный на сочетании того, что ранее считалось несочетаемым, в методологической химере, объединяющей несвязанные ранее концепты в рабочий методологический инструмент. Химерический синтез может быть использован для усиления коммуникативной теории права положениями теории коммуникации в части учения о цифровых медиа тогда, когда ассистирование мыслекоммуникации цифровыми актантами (сильный искусственный интеллект) станет настолько значимым, что потребуются разработка понятия цифровой правовой коммуникации, именно в этом, как мы полагаем, проявляется качественное изменение методологии юридической науки за счет трансформации медиа. В этом случае коммуникативная теория права станет цифровой теорией.

14. Двухуровневая коммуникативная теория права А.В. Полякова не только интегрирует различные типы правопонимания, но и надежно связывает философию права с теорией права. Использование бахтинско-лотмановской традиции определения культуры как знаковой системы и производное от нее понимание текста как системы знаков позволяет А.В. Полякову описывать правовую коммуникацию как мыслекоммуникацию, объективированную в форме текста, понимая под текстом любой знаковый комплекс, который имеет адресата и соответствующий смысл. Эта стратегия работает на универсализацию выводов теории, обеспечивая ее применимость к любым хронологическим и географическим рамкам. Однако широкое понимание текста основано на принципе синтеза семантических и синтаксических основ семиозиса. Настолько высокий уровень теоретического общения может быть целесообразен для изучения вневременных вопросов теории права, однако он не позволяет учесть в методологических стратегиях данной области знания качественные изменения медиального поворота. Семантические (смысловые) пределы права были проблематизированы В.В. Архиповым, синтаксические пределы так же могут быть предметом исследования. Широкое понимание синтаксических пределов индифферентно к доминирующему в конкретном

типе культуры медиа, и поэтому нечувствительно к синтаксическим особенностям, заданным кодом, который, в свою очередь, детерминирован физической природой канала-медиа. Теория коммуникации исходит из представления о множественности каналов, где текст есть только один из видов медиа. Цифровая эпоха определяет актуальность узкого, коммуникационного, понимания текста, позволяющего развивать коммуникативную теорию права тогда, когда речь идет о возможности появления цифровых форм права, способных вытеснить текстовые, и об изменении фигуративности Другого, ассистируемого цифровыми технологиями, включая сильный искусственный интеллект. Интеграция в научные практики явлений из разряда искусственного интеллекта – это не просто смена технического инструмента, потому что генеративная нейросеть выступает посредником между исследователем и неопределенным кругом других исследователей, чьи труды лежат в основе ее обучения. Процесс коммуникации подразумевается в самом инструменте, что делает коммуникативную теорию права цифровой.

Основные научные результаты. В данной диссертации обосновано, что российская коммуникативная теория права представляет собой проект построения научной теории⁸⁸, переформатирующей догму права на основе феноменологического метода, позволяющего установить первичную смысловую аксиому права, вывести из нее базовые понятия правовой обязанности и правовой нормы, а через них переопределить и скорректировать традиционный категориальный ряд отечественной теории права.

⁸⁸ Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Методологические проблемы формирования теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение 2010. № 1(288). С. 36-38; Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2(295). С. 35; Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 10; Тихонова С.В. Становление правовой коммуникативистики в России: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, № 3. С. 326.

Были выявлены основные группы идейных источников отечественной теории государства и права⁸⁹, оценено их влияние и роль в формировании новой теории, определены ее основные структурные уровни⁹⁰, проанализировано их содержание, а также представлена ретроспектива их развития, что позволило классифицировать отечественную коммуникативную теорию права как эссенциалистскую постнеклассическую теорию с синтетической методологией.

В диссертации осуществлена демаркация коммуникативных теорий права и коммуникативно-правовых теорий на основе выраженности обращения к аналитике догмы права и предложено определение последних. Коммуникативно-правовые теории представляют собой западные постметафизические социальные теории конца XX века, использующие понятие коммуникации для объяснения правогенеза. Такие теории могут описывать правовую коммуникацию как закрытый или открытый процесс⁹¹, что приводит либо к появлению бессубъектной модели права, либо к делиберативной модели⁹², основанной на ценностном релятивизме. Установлены теоретико-методологические стратегии, на основе которых западная коммуникативная теория права пытается обосновать возможность компромисса между социально-правовой онтологией закрытых и открытых коммуникативно-правовых теорий, продемонстрирован множественный характер определения правовой коммуникации, заданный данными стратегиями. Определено ключевое отличие отечественной коммуникативной теории права от западной, раскрытое как акцентуация духовно-

⁸⁹ Тихонова С. В. Идейные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 28. DOI 10.17323/2072-8166.2023.2.25.47.

⁹⁰ Тихонова С. В. Становление коммуникативной теории права А.В. Полякова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 3. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-3-tikhonova. С. 37.

⁹¹ Тихонова С.В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 1. DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-1-60-64. С. 61.

⁹² Тихонова С.В. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Юрген Хабермас // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1(144). DOI 10.24412/2227-7315-2022-1-25-36. С. 31-32.

гуманистического начала в обосновании категории субъекта права. Установлены ограничения западной модели автономии субъекта в диалектике признания⁹³, показано их преодоление в российской коммуникативной теории права через категорию взаимного признания⁹⁴.

Доказано, что медиальный поворот инициирует мемориальный поворот⁹⁵, формирующий новые структуры исторической памяти и перекраивающий понимание социальной онтологии. Медиатизированная память⁹⁶ трактуется как основа социогенеза⁹⁷, а ее политико-правовая рефлексия основана на новых, цифровых, стратегиях химерического синтеза. Проанализировано появление нового категориального ряда в современной политико-правовой мысли, связанного с категорией исторической памяти, а именно концептов «историческая правда» и «историческая справедливость», связанных с появлением специализированной правовой политики⁹⁸, направленной на гармонизацию исторической памяти. Представлены основные направления западных исканий коммуникативно-правовых теорий в области коллективной памяти, выявлена их связь с культурой отмены и культурой постправды⁹⁹.

⁹³ Тихонова С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в интерессубъективистской интерпретации А. Хоннета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-54-60. С. 58.; Тихонова С.В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 4. DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479. С. 474-475.

⁹⁴ Тихонова С. В. Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64. С. 61.

⁹⁵ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. DOI 10.17976/jpps/2022.05.06. С. 76.

⁹⁶ Артамонов Д. С., Тихонова С.В., Чеботарева Е. Э. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти // Шаги/Steps. Т. 8 № 3 2022 С. DOI: 10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24. С. 13.

⁹⁷ Тихонова С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 2. DOI 10.46539/gmd.v4i2.262. С. 93.

⁹⁸ Тихонова С.В. Теоретические проблемы специализации правовой политики в информационной сфере // Информационное право. 2015. № 2. С. 15; Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // *Lex Russica (Русский закон)*. 2015. Т. 100, № 3. С. 16.

⁹⁹ Sidorov S., Faizliev A., S. Tikhonova. An Extension of the Susceptible–Infected Model and Its Application to the Analysis of Information Dissemination in Social Networks // *Modelling*. 2023. № 4. <https://doi.org/10.3390/modelling4040033>. P. 597.

Выдвинута авторская интерпретация влияния новых медиа¹⁰⁰, преодолевших цифровой разрыв¹⁰¹, на развитие через трансдисциплинарную¹⁰² цифровую гуманитаристику¹⁰³ теоретического уровня социогуманитарной науки в целом¹⁰⁴ и науки правовой в частности¹⁰⁵. Выявлено влияние цифрового этапа развития общества на правогенез¹⁰⁶. Показана вынесенность понятия цифровой коммуникации за рамки как российской коммуникативной теории права¹⁰⁷, так и западных концепций правовой коммуникации, сформулированных в рамках исследований поздней Франкфуртской школы¹⁰⁸, и продемонстрирована его политика-правовая

¹⁰⁰ Тихонова С. В. Научная коммуникация: этос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. DOI 10.24411/2079-0910-2020-14009. С. 163-164.

¹⁰¹ Sidorov S., Mironov S., Grigoriev A., Tikhonova S. An Investigation into the Trend Stationarity of Local Characteristics in Media and Social Networks // Systems. 2022. Vol. 10, No. 6. DOI 10.3390/systems10060249.

¹⁰² Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т.55. №2. С. 125-126; Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза как фактор трансдисциплинарности научного знания // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. DOI: 10.17223/15617793/452/8. С. 73.

¹⁰³ Сидоров С.П. Тихонова С.В. Инструментальные методы анализа медиaprостранства в цифровой гуманитаристике // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 3. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-118-131. С.121.

¹⁰⁴ Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Гараж истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 237-.

¹⁰⁵ Тихонова С.В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: "Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг." // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, № 4. DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457. С. 454.

¹⁰⁶ Тихонова С.В. Ветви власти в электронном государстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3(92). С. 16; Голуб О. Ю., Тихонова С.В. Коммуникативистика vs информационное право: теоретические проблемы применения информационного подхода в информационном праве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 4-1. С. 594; Тихонова С.В. Интернет в предметном поле юридической науки: проблемы теории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 3-1. С. 352; Тихонова С.В. Теоретические основания концепции "электронного государства" // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 29; Тихонова С.В. Теоретические основы коммуникационной правовой политики в Интернете // Философия права. 2013. № 3(58). С. 98; Тихонова С.В. Коммуникационное пространство как объект правовой политики: Теоретические проблемы формирования пространственного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, № 2-2. С. 441; Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза // Информационное право. 2014. № 6. С. 7; Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Информационные риски и эффективность правовой политики // Журнал российского права. 2016. № 3(231). DOI 10.12737/18030. С. 90; Тихонова С.В. Эволюция конституционного правового государства в информационном обществе: электронное государство // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2(109) С. 69-70; Тихонова С.В. Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 31.

¹⁰⁷ Тихонова С. В. Коммуникативная теория права А.В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 1. DOI 10.17816/RJLS181130. С. 41-42.

¹⁰⁸ Пеннер Р. В., Тихонова С. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.107>. С. 88.

востребованность. На примере современного юснатурализма¹⁰⁹ рассмотрены различия в методологических стратегиях предцифровой¹¹⁰ и цифровой эпохи¹¹¹, показан эвристический потенциал химерических¹¹² моделей методологического синтеза¹¹³ в условиях дефицита традиционных ценностей неомодерна¹¹⁴. Обоснована цифровая перспектива дальнейшего развития российской коммуникативной теории в условиях роста эпистемологической значимости сильного искусственного интеллекта¹¹⁵ – нейросетей¹¹⁶ через обращение к понятию цифровая коммуникация в духе методологического плюрализма¹¹⁷.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность исследования определяется его эвристическим потенциалом, подтвержденным как содержанием самого исследования, в том числе в части

¹⁰⁹ Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // *Lex Russica (Русский закон)*. 2014. Т. 96, № 2. С. 143-144.

¹¹⁰ Тихонова С.В. Концепт свободы слова в Новое время: свободомыслие vs мятежная клевета // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2012. № 2(84). С. 36-37; Тихонова С.В. Развитие цензурной правовой политики Российской империи при Александре I // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2014. № 3. С. 73-74; Тихонова С.В. Список основных благ: квантификация общего блага в современном юснатурализме // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2020. Т. 15, № 6. DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tikhonova. С. 52; Тихонова С.В. Роль научных школ в воспроизводстве этоса юридической науки // *Российский юридический журнал*. 2020. № 5(134). DOI 10.34076/2071-3797-2020-5-39-47. С. 43, 45-46.

¹¹¹ Тихонова С.В. Открытый концептуальный натурализм: коммуникативные методологические проекты естественного права // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021. № 1(138). DOI 10.24412/2227-7315-2021-1-26-36. С. 35.

¹¹² Медведкина Д. А., Матвеева Т.В. Мыльников С. В., Тихонова С. В. Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области геномной инженерии // *Экологическая генетика*. 2016. Т. 14, № 1. DOI 10.17816/ecogen14134-48. С. 36.

¹¹³ Косыхин В. Г., Тихонова С.В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 71. DOI 10.17223/1998863X/71/11. С. 108; Тихонова С. В., Артамонов Д.С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 63. DOI 10.17223/1998863X/63/5. С. 46.

¹¹⁴ Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // *Полис*. 2016. №3. С. 140; Тихонова С.В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна // *Вопросы философии*. 2021. №10. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-29-39>. С. 30-31.

¹¹⁵ Дыдров А.А., Батурина И.А., Тихонова С.В. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No 1. С. 74. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.302>.

¹¹⁶ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы // *Философия науки и техники*. 2024. №1. С. 80. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-73-83.

¹¹⁷ Тихонова С.В. Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, № 3. DOI 10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325. С. 322-323.

применения метода теоретического моделирования, так и апробацией результатов. Последняя осуществлялась в следующих формах:

обсуждения на кафедре теории и истории государства и права СПбГУ 13 мая 2024 г.;

практике преподавания дисциплин *«История политических и правовых учений»*, *«Современные учения о праве и государстве»* для магистрантов Саратовской государственной юридической академии, *«История и методология юридической науки»* для магистрантов юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, *«История и философия науки»* для аспирантов гуманитарных направлений СГУ имени Н.Г. Чернышевского, авторских курсов *«Цифровая политика и электронное государство»*, *«Теория коммуникация и медиафилософия»* для студентов магистерской программой *«Цифровое общество и технологическая этика»* (направление подготовки магистратуры 47.04.01 Философия, СГУ имени Н.Г. Чернышевского), научное руководство которой осуществляется диссертантом;

докладов на постоянно действовавшем международном онлайн-семинаре *«В поисках теории права»* (ВШЭ-СПб, 2020).

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях¹¹⁸:

Статьи в российских рецензируемых периодических изданиях, включенных в перечень ВАК (на момент публикации)

1. Тихонова С. В. Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 1. – С. 59-64. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64.

¹¹⁸ По публикациям, написанным в соавторстве: в диссертацию включены только те положения, которые получены автором лично и составляют личную часть его вклада в публикации в соавторстве.

2. Тихонова С. В. Становление коммуникативной теории права А.В. Полякова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18. № 3. – С. 32-56. – DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-3-tikhonova.
3. Тихонова С. В. Идеиные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 2. – С. 25-47. – DOI 10.17323/2072-8166.2023.2.25.47.
4. Тихонова С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в интересубъективистской интерпретации А. Хоннета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1(150). – С. 54-60. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-54-60.
5. Тихонова С. В. Коммуникативная теория права А.В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 37-44. – DOI 10.17816/RJLS181130.
6. Тихонова С.В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 60-64. – DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-1-60-64.
7. Тихонова С.В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22. № 4. – С. 473-479. – DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479.
8. Тихонова С.В. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Юрген Хабермас // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1(144). – С. 25-36. – DOI 10.24412/2227-7315-2022-1-25-36.
9. Тихонова С.В. Открытый концептуальный натурализм: коммуникативные методологические проекты естественного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 1(138). – С. 26-36. – DOI 10.24412/2227-7315-2021-1-26-36

10. Тихонова С.В. Роль научных школ в воспроизводстве этоса юридической науки // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5(134). – С. 39-47. – DOI 10.34076/2071-3797-2020-5-39-47.

11. Тихонова С.В. Список основных благ: квантификация общего блага в современном юснатурализме // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15, № 6. – С. 46-57. – DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tikhonova.

12. Тихонова С.В. Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 320-325. – DOI 10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325.

13. Тихонова С.В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: "Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг." // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 452-457. – DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457.

14. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Информационные риски и эффективность правовой политики // Журнал российского права. – 2016. – № 3(231). – С. 88-95. – DOI 10.12737/18030.

15. Тихонова С.В. Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 1. – С. 28-33.

16. Тихонова С.В. Эволюция конституционного правового государства в информационном обществе: электронное государство // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2(109). – С. 67-71.

17. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 100, № 3. – С. 7-18. – EDN TMZSWX.

18. Тихонова С.В. Теоретические проблемы специализации правовой политики в информационной сфере // Информационное право. – 2015. – № 2. – С. 14-17.

19. Тихонова С.В. Становление правовой коммуникативистики в России: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 319-330. – DOI 10.18500/1994-2540-2015-15-3-319-330.

20. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // Lex Russica (Русский закон). – 2014. – Т. 96, № 2. – С. 143-152.

21. Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза // Информационное право. – 2014. – № 6. – С. 4-8.

22. Тихонова С.В. Развитие цензурной правовой политики Российской империи при Александре I // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 3. – С. 73-78.

23. Тихонова С.В. Коммуникационное пространство как объект правовой политики: Теоретические проблемы формирования пространственного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, № 2-2. – С. 437-443.

24. Тихонова С.В. Теоретические основы коммуникационной правовой политики в Интернете // Философия права. – 2013. – № 3(58). – С. 97-100.

25. Тихонова С.В. Теоретические основания концепции "электронного государства" // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 4. – С. 29-33.

26. Тихонова С.В. Интернет в предметном поле юридической науки: проблемы теории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13, № 3-1. – С. 352-357.

27. Голуб О. Ю., Тихонова С.В. Коммуникативистика vs информационное право: теоретические проблемы применения информационного подхода в информационном праве / О. Ю. Голуб, С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13, № 4-1. – С. 589-598.

28. Тихонова С.В. Ветви власти в электронном государстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3(92). – С. 11-16.

29. Тихонова С.В. Концепт свободы слова в Новое время: свободомыслие vs мятежная клевета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 2(84). – С. 30-38.

30. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 2(295). – С. 34-42.

31. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Методологические проблемы формирования теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1(288). – С. 36-48.

***Статьи в российских рецензируемых периодических изданиях,
включенных в БД WoS и Scopus***

32. Пеннер Р. В., Тихонова С. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40. – Вып. 1. – С. 81–96. – <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.107>.

33. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Философия науки и техники. – 2024. – №1. – С. 73-83. – DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-73-83.

34. Сидоров С.П., Тихонова С.В. Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике / С.П. Сидоров, С.В.

Тихонова // Социология науки и технологий. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 118-131. – DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-118-131.

35. Косыхин В. Г., Тихонова С.В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 71. – С. 106-118. – DOI 10.17223/1998863X/71/11.

36. Дыдров А.А., Батурина И.А., Тихонова С.В. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 1. – С. 162-178. – <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.302>.

37. Артамонов Д. С., Тихонова С.В., Чеботарева Е. Э. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти / Д. С. Артамонов, С.В. Тихонова, Е. Э.Чеботарева // Шаги/Steps. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 10–24. – DOI: 10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24.

38. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 75-87. – DOI 10.17976/jpps/2022.05.06.

39. Тихонова С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 84-101. – DOI 10.46539/gmd.v4i2.262.

40. Тихонова С. В., Артамонов Д.С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 43-52. – DOI 10.17223/1998863X/63/5.

41. Тихонова С.В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна / С.В. Тихонова // Вопросы философии. – 2021. – №10. – С. 29–39. – DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-29-39>.

42. Тихонова С. В. Научная коммуникация: этос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики //

Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 161-174. – DOI 10.24411/2079-0910-2020-14009.

43. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Гараж истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 237-254.

44. Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т.55. – №2. – С.123-138. – DOI: 10.5840/eps201855233.

45. Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза как фактор трансдисциплинарности научного знания / Н.В. Гришечкина, С.В. Тихонова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 452. – С. 73–78. – DOI: 10.17223/15617793/452/8.

46. Медведкина Д. А., Матвеева Т.В. Мыльников С. В., Тихонова С. В. Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области геномной инженерии // Экологическая генетика. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 34-48. – DOI 10.17816/ecogen14134-48.

47. Тихонова С.В. Теоретические основы коммуникационной правовой политики в Интернете / С.В. Тихонова // Философия права. – 2013. – № 3(58). – С. 97-100.

48. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 101-109.

Статьи в зарубежных рецензируемых периодических изданиях

(Web of Science Core Collection)

49. Sidorov S., Faizliev A., S. Tikhonova. An Extension of the Susceptible–Infected Model and Its Application to the Analysis of Information Dissemination in Social Networks // Modelling. 2023. V. 4. P. 585–599. <https://doi.org/10.3390/modelling4040033>.

50. Sidorov S., Mironov S., Grigoriev A., Tikhonova S. An Investigation into the Trend Stationarity of Local Characteristics in Media and Social Networks // Systems. – 2022. – Vol. 10, No. 6. – DOI 10.3390/systems10060249.

Статьи в иных российских рецензируемых периодических изданиях

51. Artamonov D.S., Somova O.A., Kostritskaya T.A., Tikhonova S.V. The Communicative Theory of Law in the Context of Digitalization: Social Consciousness and Communicative Memory // Proceedings of the XIV European-Asian "The value of law" (EAC-LAW 2020). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2020, volume 498, pp. 394-401.

52. Artamonov D.S., Kulikova S.A., Tikhonova S.V., Volovikova M.L. The Representation of the State Memory Politics in National Constitutions: Axiological Aspects // Proceedings of the XIV European-Asian "The value of law" (EAC-LAW 2020). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2020, volume 498, pp. 161-167.

53. Артамонов Д. С., Тихонова С.В. "Безжалостная милостивая Лета" Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2(12). – С. 15-21. – DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21.

54. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Конвергенция технологий, репродукция человека и естественное право: философия трансгуманизма // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 100-105.

55. Тихонова С. В. Публичная сфера информационного общества: развитие электронного государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 80-85. – DOI 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85.

56. Тихонова С. В. История правовых норм: правовой плюрализм и коммуникативные теории права // Дискурсы этики. – 2014. – № 2. – С. 81-98.

Монография

57. Тихонова С. В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху: оптика поворотов : монография / С. В. Тихонова. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2024. – 294 с.

58. Тихонова С. В. Правовая политика в цифровом мире: идеи, методология, доктрина. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2015. – 276 с.

Разделы в монографиях

59. Самохина Е. Г., Тихонова С. В. Глава 2. Фигура классического философа права в условиях медиального поворота: М. В. Антонов // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, соотношение с другими правовыми свойствами: коллективная монография / под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. – СПб: Скифия-принт, 2024. – С. 33-53.

60. Тихонова С. В. Глава 16. Нормативность и легитимность права с точки зрения М. ван Хука // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, соотношение с другими правовыми свойствами: коллективная монография / под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. – СПб: Скифия-принт, 2024. – С. 338-363.

61. Тихонова С. В. Сильный, слабый и химера: стратегии методологического синтеза в философии права // В поисках теории права. Коллективная монография. – СПб.: Издательство Алетейя, 2021. – С. 249-259.

62. Самохина Е. Г., Тихонова С.В. Правовой релятивизм «после Новой риторики» // Релятивизм в праве. Коллективная монография. – СПб.: Издательство Алетейя, 2021. –С. 283-306

63. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Правовая политика и правовая культура // Правовая культура. Правовая политика. Права человека: XXI век: Коллективная монография. – Саратов: Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 7-13.

64. Тихонова С. В. Коммуникационная правовая политика России // Стратегии правового развития России: Коллективная монография. М.: Юстиция, 2015. – С. 582-598.

65. Тихонова С. В. Перспективы развития коммуникативной теории права – от права как коммуникации к праву на коммуникацию // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 142-159.

66. Тихонова С. В. Коммуникационная правовая политика советского государства // Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени (коллективная монография). – М.: Статут, 2013. – С. 252-273.

67. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Формирование проблемного поля исследований правовой политики в отечественной юридической науке // Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2011. – С. 9-15.

68. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Теория правовой политики и проблемы правопонимания / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2011. – С. 15-25.

69. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Методология теории правовой политики / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2011. – С. 25-41.

Публикации в сборниках научных трудов

70. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Историческая справедливость в системе целей государственно-правовой политики памяти РФ //

Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель : Сборник статей научной конференции, Москва, 06–07 ноября 2020 года. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2021. – С. 62-77.

71. Тихонова С. В. Проблемы формирования государственно-правовой политики памяти в цифровом мире // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : Сборник трудов международной научной конференции, Воронеж, 11–12 сентября 2020 года. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг "НАУКА-ЮНИПРЕСС", 2020. – С. 133-136.

72. Мишина Л. Н., Тихонова С. В. Легитимация права в фокусе правовой коммуникативистики // Признание права и принцип формального равенства : Сборник трудов международной научной конференции, Воронеж, 10–11 июня 2015 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»; Ответственный редактор: В.В. Денисенко. – Воронеж: Издательство современная экономика и право, 2015. – С. 265-273.

73. Тихонова С. В. Законодательная ветвь власти в электронном государстве // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики : Межвузовский сборник научных трудов. Том Выпуск 5. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2014. – С. 55-59.

74. Тихонова С. В. Свобода слова как концепт политико-правовых учений нового времени // Право и его реализация в XXI веке: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 29–30 сентября 2011 года / под общей редакцией С.Н. Туманова. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. – С. 50-52.

Тезисы докладов на российских и зарубежных конференциях

75. Тихонова С. В. Рациональность публичного дискурса в правовых взглядах Ю. Хабермаса и постправда метамодернизма // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы - 2021. Этика как наука и профессия: Материалы конференции, Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Институт философии; Кафедра этики. – Санкт-Петербург: ООО "Сборка", 2021. – С. 66-67.

76. Тихонова С. В. Правовая политика памяти в эпоху постправды: проблемы гуманизации // Московский юридический форум онлайн 2020: Сборник тезисов докладов: в 4 частях, Москва, 01 апреля – 31 2020 года. Том Часть 2. – Москва: РГ-Пресс, 2020. – С. 233-235.

77. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политико-правовое воспитание и политика памяти // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы : Материалы VII Международной научной конференции, Саратов, 15 апреля 2019 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2019. – С. 1089-1093

78. Тихонова С. В. Юридическое знание и общественное сознание в цифровую эпоху // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва, 04–06 апреля 2019 года. Том Часть 1. – Москва: Издательство Проспект, 2019. – С. 350-354.

79. Тихонова С. В. Неомодерн как аксиологическая стратегия философии конституционализма // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок : материалы конференции: в 5 частях, Москва, 28–30 ноября 2018 года. Том Часть 1. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 366-369.

80. Тихонова С. В. Возрождение модерна как аксиологический вектор правового развития после постмодерна // Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму : сборник материалов VII Международного конгресса сравнительного правоведения, Москва, 01–02

декабря 2017 года. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2018. – С. 108-112.

81. Тихонова С. В. Социальное мифотворчество и память Интернета // Стратегические коммуникации в современном мире : Сборник материалов по результатам научно-практических конференций Пятой и Шестой Международных научно-практических конференций, Четвертой и Пятой всероссийских научно-практических конференций, Саратов, 23 октября 2017 года – 18 2018 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. – С. 799-803.

82. Тихонова С. В. Российская правовая политика в области генной инженерии // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и европейского союза: состояние и эффективность : материалы III Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 07 октября 2016 года / ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского». – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2017. – С. 111-115.

83. Андреева Е. А., Мыльников С. В., Тихонова С. В. Правовое регулирование генной инженерии в // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа : Сборник материалов Четвертой Международной научно-практической конференции имени В.Л. Гинзбурга и Э.П. Круглякова, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2016 года / Редколлегия: С.В. Тихонова (отв.ред.) и др.. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2017. – С. 5-10.

84. Тихонова С. В. Юридизация информационно-коммуникационных технологий как фактор развития электронного государства // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире : материалы конференции: в 4 частях, Москва, 22 ноября – 03 2016 года. Том Часть 4. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2017. – С. 275-278.

85. Тихонова С. В. Судьба Интернета: между правом и культурой // Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России : новое в законодательстве и проблемы правоприменения : Материалы II (23.04.2015) и III (20.04.2016) Всероссийских научно-практических конференций с международным участием, Саратов, 23 апреля 2015 года – 20 2016 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2016. – С. 127-131.

86. Тихонова С. В. Кризисные коммуникации в электронном государстве // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса в условиях экономического кризиса : материалы IX Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, посвященной 80-летию Саратовской области, Саратов, 01 июля 2016 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2016. – С. 198-201.

87. Тихонова С. В. Правовая коммуникативистика и вызовы коммуникационной революции // Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России : новое в законодательстве и проблемы правоприменения : Материалы II (23.04.2015) и III (20.04.2016) Всероссийских научно-практических конференций с международным участием, Саратов, 23 апреля 2015 года – 20 2016 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2016. – С. 33-36.

88. Тихонова С. В. Электронный парламент как юридическая технология // Парламентаризм в современном мире: теория и практика : Материалы VII Международного Конституционного форума, посвященного 10-летию юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, 11 декабря 2015 года. Том Часть 1. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2016. – С. 170-174.

89. Тихонова С. В. Методологические проблемы формирования теоретической концепции электронного государства // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем: III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция: в

4 частях, Москва, 06–09 апреля 2016 года. Том Часть 2. – Москва: Издательство Проспект, 2016. – С. 281-283.

90. Тихонова С. В. Право на коммуникацию как правовая идея французской коммуникативистики // Стратегические коммуникации в современном мире: от теоретических знаний к практическим навыкам: Материалы Третьей Международной научно-практической Интернет-конференции молодых ученых: Электронный ресурс, Саратов, 20–24 октября 2014 года. – Саратов: Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2015. – С. 104-109.

91. Тихонова С. В. Институциональное взаимодействие в сфере защиты прав человека с позиций правовой коммуникативистики // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека: Материалы VIII международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, Саратов, 01–02 июля 2015 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2015. – С. 195-198.

92. Тихонова С. В. Электронное народовластие в информационном обществе // Конституционные проблемы народовластия в современном мире : Материалы VI Международного конституционного форума, посвященного 105-летию Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, 12 декабря 2014 года. Том Выпуск 6, Часть 1. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2015. – С. 288-291.

93. Тихонова С. В. Коммуникативные теории права в парадигме постнеклассической науки // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее (Кутафинские чтения) : Сборник докладов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 ноября 2014 года. Том Книга 2. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. – С. 340-343.

94. Тихонова С. В. Построение электронного государства как объект коммуникационной правовой политики // Изменяющийся мир: общество,

государство, личность : Сборник материалов IV Международной научной конференции, Саратов, 09 апреля 2015 года. Том Часть 3. – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2015. – С. 111-117.

95. Тихонова С. В. К проблеме определения и классификации Интернет-правоотношений // Актуальные проблемы информационного права: Материалы круглых столов и конференций магистрантов, студентов и преподавателей (Электронный ресурс). – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2014. – С. 100-104. –

96. Тихонова С. В. Трансгуманизм и медицина: новая версия доктрины естественного права // Актуальные проблемы информационного права: Материалы круглых столов и конференций магистрантов, студентов и преподавателей (Электронный ресурс). – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2014. – С. 155-160.

97. Тихонова С. В. Коммуникационная правовая политика России: к проблеме определения // Правовое развитие России: принципы, стратегии, механизмы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 30 октября 2014 года / Ответственный редактор: О.Ю. Рыбаков, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук ВГУЮ (РПА Минюста России), профессор. – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2014. – С. 156-159.

98. Тихонова С. В. Правовой плюрализм и современные версии социологической теории права в методологии конфессиональной правовой политики // Социология религии в обществе Позднего Модерна : сборник статей по материалам IV Международной научной конференции, Белгород, 12 сентября 2014 года. – Белгород: Издательский дом "Белгород", 2014. – С. 380-385.

99. Тихонова С. В. Государствогенез в информационную эпоху // Конституция в эпоху глобализации: Материалы V Международного конституционного форума, посвященного 20-летию принятия Конституции

Российской Федерации, Саратов, 12–17 декабря 2013 года. Том Выпуск 5, Часть 1. – Саратов: источник, 2014. – С. 382-384.

100. Тихонова С. В. Проблемы цензуры в Российской информационной правовой политике // Московский юридический форум. VI международная научно-практическая конференция "Кутафинские чтения" - "гармонизация Российской правовой системы в условиях международной интеграции", Москва, 03–05 мая 2014 года. Том Часть II. – Москва: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)", 2014. – С. 98-101.

101. Тихонова С. В. Электронное государство как юридическая категория // Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ: материалы VI Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников, Саратов, 01–02 июля 2013 года. Том Выпуск 6. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2013. – С. 186-189.

102. Тихонова С. В. Правовая политика как проект модерна // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения) : сборник тезисов докладов (по материалам Международной научно-практической конференции), Саратов, 03–04 июня 2011 года. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2011. – С. 73.

Основные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научных форумах различного уровня:

международных:

«Чтения по истории политической и правовой мысли памяти В.Г. Графского на тему «Фундаментальные юридические науки и сохранение исторической памяти» (Москва, 13 апреля 2023 г.); «Критика права и государства в постклассической философии права», (Санкт-Петербург, 10 декабря 2021 г.); «XIII Теоретическая и прикладная этика: традиции и

перспективы. Этика как наука и профессия» (Санкт-Петербург, 18-20 ноября 2021 г.); Международный научно-теоретический on-line семинар «Справедливость и принципы права» (Санкт-Петербург, 27 мая 2021 г.) Международный научно-теоретический on-line семинар «Суггестивность права: от истории к современности» (г. Санкт-Петербург, 11 мая 2021 г.); XII Международный Конституционный Форум (г. Саратов, 16-18 декабря 2020 г.); «Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель» (Москва, 6 – 7 ноября 2020 г.); XV Философско-правовые чтения памяти академика В.С. Нерсесянца (Москва, 9 октября 2020 г.); «Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт» (г. Воронеж, 11-12 сентября 2020 г.), «Мир человека: нормативное измерение – 8: Анормальное» (г. Саратов, 27 – 29 июня 2023 г.), Международный научно-теоретический on-line семинар «Ускользящее бытие права» (Санкт-Петербург, 3 июня 2020 г.) 16th International Congress on Logic, Methodology and Philosophy of Science and Technology “Bridging across academic cultures” (Прага, Чешская республика, 5 августа – 10 августа 2019 г.); «Мир человека: нормативное измерение - 6: Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь» (г. Саратов, 27-29 июня 2019 г.); "Games against Players"(Вильнюс, 14-15 апреля 2019 г.); XV Кутафинские чтения (Москва, 27 ноября – 7 декабря 2018 г.); «XI Взаимодействие власти, бизнеса и общества в развитии цифровой экономики» (Саратов, 29 июня 2018); «Мир человека: нормативное измерение – 5: Постигание нормативности и нормативность познания» (Саратов, 12-14 июня 2017 г.); «X Взаимодействие власти, общества и бизнеса в решении экологических проблем», (Саратов, 30 июня 2017 г.); VII Международный конгресс сравнительного правоведения (Москва, 1-2 декабря 2017 г.); VIII Конституционный Форум «Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета» (Саратов, 16 декабря 2016 г.); XI "Кутафинские чтения" (Москва, 24 ноября 2016 г.); «Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность» (Саратов, 7

октября 2016 г.); «Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса в условиях экономического кризиса» (Саратов, 1 июля 2016 г.); «Историческая память: символические ресурсы и цивилизационные риски» (Саратов, 20 мая 2016 г.); «Информационное право: актуальные проблемы теории и практики» (Москва, 7 апреля 2016 г.); «Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы» (Москва, 5 февраля 2016 г.); «Парламентаризм в современном мире: теория и практика» (Саратов, 8-11 декабря 2015 г.); «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2015. Справедливость. Свобода. Ответственность» (Санкт-Петербург, 29-31 октября 2015 г.); «Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека» (Саратов, 1-2 июля 2015 г.); «Признание права и принцип формального равенства» (Воронеж, 10-11 июня 2015); «Мир человека: Нормативное измерение – 4: Гуманитарное знание» (Саратов, 4-6 июня 2015 г.); «Изменяющийся мир: общество, государство, личность» (Саратов, 9 апреля 2015 г.); II Московский юридический форум (Москва, 2-4 апреля 2015); «Право и коммуникация» (Санкт-Петербург, 11-12 декабря 2014 г.); IX "Кутафинские чтения" «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее» (Москва, 25 ноября - 2 декабря 2014 г.); «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы 2014" (20-22 ноября 2014 г., Санкт-Петербург); «Безопасность личности в современном коммуникативном пространстве» (Екатеринбург, 23-24 октября, 2014 г.); «Коммуникативные стратегии преобразования человека (Коммуникация-2014)» (Санкт-Петербург, 16-18 сентября 2014 г.); «Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска» (Саратов, 15 мая 2014 г.); «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» («Кутафинские чтения») (Москва, 3-5 апреля 2014 г.); V Конституционный форум (Саратов, 17-18 декабря 2013 г.); «V Кутафинские чтения» (Москва, 26 ноября – 2 декабря 2013 г.); «Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями» (Саратов, 1-2 июля 2013 г.); «Мир человека:

нормативное измерение -3. Рациональность и легитимность» (Саратов, 13-15 июня 2013 г.); «Общество, политика, экономика, право: взаимоотношения и взаимовлияния» (Харьков, 26-27 февраля 2013 г.); «Весенние юридические чтения» (Харьков, 27-28 апреля 2012 г.); «Право и его реализация в XXI веке» (Саратов, 29-30 сентября 2011 г.); «Человек в пространстве болезни: гуманитарные методы исследования медицины» (Саратов, 19-20 ноября 2009 г.);

всероссийских:

“Право и язык: актуальные проблемы взаимодействия” (Москва, 23 марта 2023 г.); «Мир человека: нормативное измерение -7: Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма», (г. Саратов, СГЮА, 7-9 июня 2021 г.); «Социальный порядок в информационном обществе: нормативное обеспечение устойчивости» (Москва, 22 мая 2020 г.); «Человек в цифровом мире: философский взгляд и значение права» (Москва, 5 мая 2020 г.); «V Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России: новое в законодательстве и проблемы правоприменения» (Саратов, 16 апреля 2018г.); «Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России: Новое в законодательстве и проблемы правоприменения» (Саратов, 18 апреля 2017 г.); «XII Державинские чтения» (Казань, 17 – 19 октября 2016 г.); «Правовая политика и правовой мониторинг: проблемы теории и практики» (Москва, 28 октября 2016 г.); «Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России: «Право, наука, образование: традиции и перспективы (VII Саратовские правовые чтения)» (Саратов, 29-30 сентября 2016 г.); Новое в законодательстве и проблемы правоприменения» (Саратов, 20 апреля 2016 г.); «Становление и развитие конституционной традиции в России: 110 лет новой редакции основных государственных законов Российской Империи 1906 года» (Саратов, 15 марта 2016 г.); «Державинские чтения» (Казань, 25-26 октября 2015 г.); «Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России: новое в законодательстве и проблемы правоприменения» (Саратов, 23 апреля

2015 г.); Правовые чтения на Большом Каретном-2014 «Правовое развитие России: принципы, стратегии, механизмы» (Москва, 30 октября 2014 г.); «Теоретическая и прикладная этика: проблемы и перспективы» (Санкт-Петербург, 21-23 ноября 2013); «Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения)» (Саратов, 1-2 июня 2012); Четвертые философско-правовые чтения памяти академика В.С. Нерсесянца (Москва, 2 октября 2009 г.)

Основные положения диссертационного исследования прошли научную экспертизу: в рамках взаимодействия с участниками исследовательского проекта при финансовой поддержке грантов РНФ № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах» (руководитель) и Грант РФФИ № 19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом пространстве», руководитель.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, первые три из которых включают в себя по три параграфа в каждой, последняя состоит из четырех параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Российская коммуникативная теория права

§ 1.1. Идеиные истоки развития российской коммуникативной теории права

Развитие коммуникативной теории права в России укладывается период, совпадающий с текущим столетием и немногим превышающий два десятилетия. По меркам истории гуманитарной науки это сравнительно небольшой период, но, разумеется, он опирается на предшествовавшие традиции, разные по степени влиятельности, продолжительности и значимости. В целом на их переосмыслении сказалось масштабное преодоление идеологического влияния (иногда догматического, иногда цензурного) «ортодоксального» советского марксизма, характерное для социально-гуманитарной мысли России в 90-х гг. XX века. Этот процесс шел по трем направлениям во всех отраслях теоретического гуманитарного научного знания: возрождение интереса к достижениям дореволюционных русских мыслителей, ревизия наличного категориального аппарата, а также рецепция, критика и переосмысление смыслового содержания академических западных текстов, анализ которых в советский период был ограничен. Не исключением явилась и теория права, основные школы которой решали такие же задачи¹¹⁹. Коммуникативная теория права развивалась благодаря деятельности Петербургской школы права¹²⁰, которая возвращала в научный оборот свое дореволюционное наследие «золотого века российского правоведения», включалась в диалог с зарубежными исследователями, обеспечивая перевод, рефлексию и критику их фундаментальных текстов, а также выдвигала собственные новаторские идеи. Ключевая роль в развитии

¹¹⁹ Тихонова С.В. Роль научных школ в воспроизводстве этоса юридической науки // Российский юридический журнал. 2020. № 5(134). DOI 10.34076/2071-3797-2020-5-39-47. С. 43.

¹²⁰ В данном случае автор несколько искусственно объединяет правоведов дореволюционного, советского и постсоветского периодов, работавших в Санкт-Петербургском университете, чтобы показать методологические связи их поиска в определении права, но помнит разрывах в преемственности их творчества, выходящих за рамки классического определения научной школы.

обозначенной коммуникативной теории принадлежит профессору А.В. Полякову, выдвинувшему ее базовые положения и продолжающему кристаллизацию ее теоретического ядра.

В этой весьма масштабной деятельности в рамках заявленной проблематики особенно интересны три группы идей. Во-первых, это рубрикация русской философии права начала XX века, ключевая роль в которой отведена взглядам Л.И. Петражицкого и теоретическому пересечению с ними взглядов И.А. Ильина, П.И. Новгородцева и других русских философов права, относящихся к социологической школе права и школе возрожденного естественного права. Во-вторых, это диалог с современной социальной теорией и теорией коммуникации, рецепция их идей, осуществляющиеся в зонах их синергии, в первую очередь в исследованиях intersубъективности социального мира в русле феноменологической социологии¹²¹. В-третьих, это собственные интегративные поиски современной Петербургской школы философии права по обеспечению синтетической целостности правопонимания.

Первая группа может включать весьма обширный список персоналий, поскольку значимыми для взглядов А.В. Полякова оказались положения, в том числе, В.С. Соловьева, Н.Н. Алексеева, Г.Д. Гурвича, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, А.С. Яценко, Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева и И.А. Ильина. Тем не менее, здесь я остановлюсь на анализе взглядов последних трех российских правоведов, поскольку отсылки к ним встречаются на протяжении всего творческого пути А.В. Полякова и детализированы в самостоятельных статьях. Анализ же концепций всех перечисленных авторов потребует самостоятельного исследования. Рассмотрение этой группы идей логично начать с значимых для теории коммуникации положений наследия Л. И. Петражицкого, основателя и многолетнего (больше двадцати лет) лидера исторической Петербургской школы философии права. Как отмечают

¹²¹ Поляков А.В. Коммуникативная концепция права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 8.

А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, сам статус этой школы сталкивается с дискуссиями, связанными со сложностью применения к ее идеям и персоналиям «школьных» критериев, как географических, что связано с эмиграцией Петражицкого, распределившей его учеников на несколько стран, так и временных: «не совсем проясненными остаются и хронологические границы Петербургской школы философии права, учитывая возрождение идей Л.И. Петражицкого как в России, так и за ее пределами»¹²². Тем не менее, ее связь с его доктриной очевидна, и именно в контексте стремлений выйти за пределы одностороннего отражения права. Потенциал применения концептов Петражицкого в современном правоведении отмечается и западными исследователями. Например, Л.Б. Киейзик показывает, что «его блестящие разработки ... пригодны для создания единой (хотя и многоуровневой) системы права»¹²³. Неудивительно, что она оказалась настолько востребованной в наши дни.

Поставленная задача осложняется как объемом его наследия¹²⁴, так и степенью разработанности взглядов Л.И. Петражицкого современными представителями Петербургской школы. Так, только Е.В. Тимошина, защитившая в 2013 г. докторскую диссертацию «Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания», согласно РИНЦ, является автором более чем двадцати работ, включающих и почти трехсотстраничную монографию, посвященную его идеям¹²⁵. В 2018 г. была издана международная коллективная монография

¹²² Поляков А.В., Тимошина Е.В. Предисловие // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / Под общей ред. А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. С. 6.

¹²³ Киейзик Л. Б. О началах Петербургской школы философии права, или О пересечении границ. Исследование истории Льва Петражицкого // Правосудие. 2020. Т. 2. № 3. С. 197-212. DOI 10.37399/2686-9241.2020.3.197-212. См. также: Fittipaldi E. *Everyday Legal Ontology. A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law*. Milano: Edizioni Universitarie di Lettere Economia Diritto, 2012. 300 p.

¹²⁴ Вышедший под научной редакцией Е.В. Тимошиной том его избранных трудов содержит свыше тысячи страниц (Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: «Университетский издательский консорциум „Юридическая книга“», 2011. 1031 с.), в его наследии свыше десяти крупных монографий.

¹²⁵ Тимошина, Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.

«Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого» под редакцией А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, включающая в себя результаты многолетнего изучения теории Петражицкого и ее развития учениками (П.А. Сорокиным, Г. Гурвичем, Н.С. Тимашевым и др.) Петербургской школы философии права, авторами которой с российской стороны стали М.В. Антонов, А.А. Краевский, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, И.Л. Честнов. В рамках настоящего параграфа я сосредоточусь на тех мотивах теории права Петражицкого, которые прямо зафиксированы в работах А.В. Полякова, а именно, статьях А.В. Полякова, вышедших в 2013 – 2021 гг. В этом случае теоретическая реконструкция игнорирует прямой хронологический подход, но зато позволяет рассматривать правовую рефлексию в перспективе непрекращающегося и самоутрачивающегося диалога.

Так, с точки зрения указанного особого подхода к теоретической реконструкции идей, начать следует с работы «Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода» (2016)¹²⁶. Здесь научное творчество Л.И. Петражицкого сближается с постклассическим социально-феноменологическим подходом, а в качестве главного его достижения устанавливается выявление и обоснование «необходимой связи между правом и человеческой личностью»¹²⁷, которую не могут уловить классические теории права. Благодаря ей право может пониматься как реальность, созданная сознанием человека, его внутренним миром (психическая реальность), в этом качестве она не может рассматриваться как отчужденная враждебная сила. Нехватка в конструкциях Петражицкого корреляции психологического и социального (внешнего) компенсируется откликом на дарвиновскую теорию эволюции, позволяющую обосновать подобие естественного отбора в отношении единичных индивидуальных императивно-атрибутивных эмоций, составляющих содержание права: те из них, которые отвечают социальным

¹²⁶ Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5(328). С. 144-155.

¹²⁷ Там же. С. 144.

потребностям «получают социальную поддержку, закрепляются не только на уровне интуитивного права, но и через соответствующие нормативные факты»¹²⁸. Крайне значимой и продуктивной А.В. Поляков считает представление Петражицкого о том, что императивно-атрибутивные эмоции не предполагают непротиворечивости. Они легко могут быть конфликтными, при этом сама воспроизводимость и, как сказали бы мы сегодня, «частотность» такой воспроизводимости большинством людей и приводит к тому, что закрепляется конкретный вариант их соотношения. Далее он обращает внимание на те пассажи работ Петражицкого, которые демонстрируют наличие диалогической осмысленности в понятии императивно-атрибутивных переживаний. В результате можно утверждать, что Петражицкий не только «фактически признает возможность общего понимания, но и трактует поведение другого человека как текст, который нуждается в прочтении для его понимания, признавая тем самым, что этот текст обладает общим, т. е. «объективным» (фактически intersубъективным), смыслом»¹²⁹. В итоге мысль Петражицкого оказывается в согласии с более поздним положением социальной феноменологии об intersубъективности социального взаимодействия, распределяющей изначально индивидуальные смыслы как общие, и предвосхищает их.

Следующая статья, также вышедшая в 2016 г., конкретизирует правопонимание Петражицкого применительно к правам человека¹³⁰. В этом случае погружение в психологическую теорию права «опосредовано» полемикой с Э. Фиттипальди, наиболее строгим современным «петражицкианцем», и сопровождается четким текстологическим анализом как обоснованием того или иного вывода.

В этой статье А.В. Поляков радикализирует внутреннее противоречие теории Петражицкого, чтобы показать ее предел при повышении требований

¹²⁸ Там же. С. 147.

¹²⁹ Там же. 153.

¹³⁰ Поляков А.В. Права человека в контексте "петражицкианской перспективы" // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1(324). С. 46-61.

к ее логической строгости. В фокусе внимания находится атрибутивная природа «подлежащих эмоций долга»¹³¹ как специфический отличительный признак («*differentia specifica*») права. Этот тезис является следствием отождествления Петражицким «императивно-атрибутивной природы» права и императивно-атрибутивной психики; А.В. Поляков убедительно демонстрирует, что такой логический выбор однозначно уравнивает фантастические, бредовые и реальные взаимные правовые императивно-атрибутивные эмоции. Для того чтобы «отсеять» несостоятельные (фантомные, виртуальные) от последних, Петражицкому приходится ввести учение о нормативных фактах, в которой отражается унификационная тенденция права, осуществляемая через развитие «единого шаблона норм» лежащего в основе понимания прав, обязанностей, правоотношений и «даже само появление суда»¹³², т.е. правовых форм, обеспечивающих социальное согласие.

В итоге А.В. Поляков приходит к выводу о том, что Петражицкому не удалось примирить представления об императивно-атрибутивной природе права и учение о нормативных фактах, оставшиеся в отношениях противоречия и конфликта. Из-за индивидуальности правовых эмоций петражицкианское право остается виртуальным, для актуализации ему требуется intersubъективная перспектива, переход к которой осуществить внутренними средствами теории строгого петражицкианства невозможно. Этот переход и осуществляет коммуникативная теория права с помощью других теоретико-методологических инструментов. Но делает она это, опираясь на уже установленный и теоретически глубоко разработанный тезис о связи права и человеческой психики. Именно он является точкой опоры для дальнейших коммуникативных штудий права¹³³.

¹³¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909. С. 105.

¹³² Поляков А.В. Права человека в контексте "петражицкианской перспективы"... С. 52.

¹³³ Тихонова С. В. Идеи истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. DOI 10.17323/2072-8166.2023.2.25.47. С. 31.

Следующий представитель русской правовой мысли, осуществивший влияние на коммуникативную теорию права – П.И. Новгородцев. По мнению А.В. Полякова, учение этого философа права разрабатывает содержание имплицитной стороны коммуникации, к которой отнесены «внутренние, духовные, но не всегда ясно осознаваемые, «интенциональные» моменты коммуникации»¹³⁴, которые можно рассматривать как ее априорные условия или эйдос. Выдвигая в качестве трансцендентного идеала «целость общения»¹³⁵, П.И. Новгородцев фактически устанавливает для права регулятивный идеал, в который встроена высшая критическая инстанция для положительного права. Его концептуализация потребовала неординарного методологического синтеза кантианской личности и гегельянского целостного общества, призванных отразить сплав личного и коллективного в идеальном общении. В этом случае речь идет не о личности самой по себе, но о личности, связанной с другими личностями. Кантианская линия методологии Новгородцева опирается на кантовский разрыв между теоретическим и практическим разумом и формулу категорического императива как максимы свободной воли. Долженствование – сфера, определяемая способностью практического разума быть универсальным законодателем, опирающимся на ноуменальный, а не на феноменальный порядок. Это высшее призвание духа, обоснованное Кантом, П.И. Новгородцев трансформирует в идею «вдохновляющей морали», подпитывающей вечное и неисчерпаемое стремление к исполнению долга. Всеобщее долженствование у мыслителя, подчеркивает А.В. Поляков (и здесь он усматривает влияние В.С. Соловьева, к которому исследователь обращается позднее в контексте соловьевской идеи оправдания религии через право и нравственность, что позволяет «не выводить право из религии, а «подключать» религию к праву, если для этого

¹³⁴ Поляков А.В. Российская идея «возрожденного естественного права» как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев v. Л.И. Петражицкий) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 116-142.

¹³⁵ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 200.

будут найдены достаточные основания»¹³⁶), как идея «уже предполагает многих деятелей, с другой стороны, ею определяется некоторая высшая норма, стоящая над волей индивида и вытекающая из представлений о высшем объективном порядке»¹³⁷. Это и есть имплицитная коммуникативная сущность человеческой личности, в которой автономия свободной воли не замыкается сама на себя, но размыкается к другим и реализуется только вместе с ними, образуя «нравственное единство», примиря индивидуальное в общем коллективном. Этот переход от одного к многим невозможен без перехода от нравственности к праву, фиксация которого выходит за рамки возможностей кантовской мысли. Правовые требования могут не включать нравственные, но они не требуют их исключения, поэтому естественное право представляют собой «априорные принципы и условия человеческого общежития..., которые позволяют лицу выступать равноправным и равноценным партнером в человеческом общении, связывая всех едиными правилами поведения, разумно и нравственно принимаемыми и разделяемыми всеми»¹³⁸. Норма естественного права оказывается для положительного права тем самым регулятивным идеалом, на основе которой производится оценка последнего. Содержательно она совпадает с сущностью человеческой личности, ее разумно-нравственной природой, которой человек должен оставаться верным в любых исторических условиях.

А.В. Поляков скрупулезно соотносит представления П.И. Новгородцева с идеями Л.И. Петражицкого, пытаясь выявить принципиальную совместимость последних с юснатурализмом. Петражицкий декларировал необходимость возрождения естественно-правовой доктрины, в работе «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии», подходя к этой мысли еще в своих цивилистических работах.

¹³⁶ Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С.45.

¹³⁷ Поляков А.В. Российская идея «возрожденного естественного права» как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев v. Л.И. Петражицкий). С. 127.

¹³⁸ Там же.

Ученый писал: «Вследствие разных недоразумений относительно смысла и значения учений естественного права и разных других обстоятельств, в том числе политической реакции после французской революции и падения этических идеалов, в начале девятнадцатого столетия произошло внезапное падение и уничтожение школы естественного права, и с этого времени историческая и практическо-догматическая разработка позитивного права признавалась единственно возможной наукой в области права. Это крупное и печальное историческое недоразумение повело, между прочим, к тому, что правоведение и другие касающиеся общественного строя науки – государственные науки, политическая экономия – оказались лишенными принципиального и идеального руководства и частью занялись исторической и догматической микроскопией, частью же впали в поверхностно-утилитарное, “практическое” в вульгарном смысле этого слова направление, лишенное общих принципов, идей и идеалов»¹³⁹. Эта заявка так и не была реализована в полной мере, избранная Петражицким методология не оставила для нее концептуальной территории (хотя набросок теории интуитивного права и политики права и был создан), более того, активное участие в разработке этих идей П.И. Новгородцева и стало объектом критики для Петражицкого.

Тем не менее, А.В. Поляков находит уязвимости в критической оценке Петражицким взглядом Новгородцева, показывая, что их взгляды, противоречащие в оценке нравственности и права (Петражицкий считал, что право у Новгородцева по сути есть интуитивная мораль, тогда как естественное право относится к интуитивно-правовой психике), могут сблизиться, если учесть, что Петражицкий отстаивает узкое понимание нравственности как императивной эмоции (морали долга), а Новгородцев – широкое, понимая под ней мораль вдохновляющую и притязующую, подпадающую под петражицкианское определение атрибутива а, значит, и под

¹³⁹ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908. С. V-VI.

понятие права. В этом случае возрожденное естественное право Новгородцева должно быть понято как «неофициальное позитивное право, опирающееся на нормативные факты в виде рациональных (доктринальных) требований, вытекающих из коммуникативной природы человеческой личности»¹⁴⁰. Таким образом, обосновывается как сама возможность методологического соотнесения идей Петражицкого и Новгородцева, так и очерчивается горизонт дополнения первых вторыми, а именно, введением новгородцевского понимания личности, под которой понимается «человек, наделенный достоинством и свободой и связанный с другими людьми «высшим нравственным единством»¹⁴¹. Нравственное единство обосновывает возможность введения понятия «коммуникативное единство», в котором проявляются свобода и достоинство коммуникантов.

Для отражения «феноменолого-гегельянского» ракурса принципа взаимного духовного признания А.В. Поляков обращается к наследию И.А. Ильина, а именно, к девятнадцатой главе «Третья аксиома правосознания» работы «О сущности правосознания»¹⁴², раскрывая ее ключевые тезисы в своей статье «Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву» (2021)¹⁴³. Ильин исходит из того, что политика служит духу (вполне себе гегелевскому), созидая через «правовое право» государственное единение¹⁴⁴, дух и право связаны потому, что необходимые формы духа являются формами правосознания, теоретически выражаемые как аксиомы. Всего таких аксиом у Ильина три: закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания¹⁴⁵. Духовное достоинство есть

¹⁴⁰ Поляков А.В. Российская идея "возрожденного естественного права" как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев в. Л.И. Петражицкий). С. 134.

¹⁴¹ Там же. С. 137.

¹⁴² Ильин И. А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. С. 188-199.

¹⁴³ Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С.39-101.

¹⁴⁴ Там же. С. 146.

¹⁴⁵ Там же. С. 148.

результат духовного опыта, в котором человек осознает свою миссию, способность служить сверхценностям перед лицом «Царства Божьего», даже если не может концептуализировать «встречу» с последним. Духовное достоинство раскрывается через духовное самоутверждение, разрешающим конфликт между духовным призванием и чувством самосохранения и является основой уважения человека к себе. Вторая аксиома фиксирует способность определять себя и управлять собой на пути к благим целям. Автономия требует собственных убеждений и духовной зрелости. Собственно, третья аксиома, в которой человек раскрывается как социальное существо, утверждает взаимное признание. Человеческая жизнь невозможна без отношений с другими людьми, эти отношения не могут игнорировать их «духовный состав», поэтому надлежит «обеспечить им духовно и предметно-достойный уровень»¹⁴⁶, на котором варьирующаяся степень субъективной «приятности» всегда сопровождается объективными верностью и духовным достоинством. Из этого следует, что правоотношение как духовное отношение всегда основано на «взаимном духовном признании людей»¹⁴⁷. А.В. Поляков раскрывает троякость дважды осуществленного признания, лежащего в основе правоотношения Ильина, показывая, что для правоотношения требуется, во-первых, признание права, во-вторых, признание субъектом собственной духовности, включающей достоинство и автономию, и, в-третьих, признание духовности другого субъекта¹⁴⁸. Акты признания не обязательно реально совершаются субъектом как самостоятельные действия, они могут «молчаливо предполагаться»¹⁴⁹, хотя такое умолчание может привести к их забвению и утрате; поэтому А.В. Поляков утверждает, что признание у Ильина играет роль правовой презумпции или правового принципа¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Там же. С. 191.

¹⁴⁷ Там же. С. 192.

¹⁴⁸ Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву. С. 53.

¹⁴⁹ Ильин И. А. О сущности правосознания. С. 193

¹⁵⁰ Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву. С. 53.

В целом, признание у Ильина пронизывает все духовное общение, но для А.В. Полякова крайне важен тезис о том, что правовое общение, духовное по природе и опирающееся на признание, обнаруживает и утверждает «духовное братство всех людей».

Таким образом, русская правовая мысль подготовила для коммуникативной теории права фундамент для формулирования следующих идеи: право связано с человеческой личностью, основой связи выступает человеческая психика (Л.И. Петражицкий), имеющая специфическую притязательно-обязывающую (атрибутивно-императивную) природу; человеческая личность обладает имплицитной коммуникативной сущностью, что позволяет создать основу для понятия «коммуникативное единство», в котором проявляются свобода и достоинство коммуникантов (П.И. Новгородцев); коммуникативное единство основано на взаимном правовом признании (И.А. Ильин).

Рассмотрение второй группы идей предполагает обращение к феноменологической традиции, во-первых, собственно, к базовым идеям раннего Гуссерля, и во-вторых, к феноменологической социологии А. Шюца и социальному конструктивизму П. Бергера и Т. Лукмана. Эти последние два направления и генетически, и концептуально связанные и методологическим контекстом (поскольку вырастают из гуссерлевской феноменологии), и общей целью – определением социального знания как основы воспроизводства социальной реальности, создают тот идейный контекст, в который помещается русская правовая мысль, и в котором, как в преломляющей призме, она получает совершенно новое звучание и обогащается новыми смыслами.

Обращение А.В. Полякова к феноменологии Гуссерля логически вытекает из первой группы источников. И.А. Ильин в научной стажировке (1911-1912 гг.) слушал в Геттингенском университете лекции Гуссерля и общался с ним. Как отмечает Ю.Т. Лисица, книга Гуссерля “Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии” выйдет в свет только в 1913 году, а доцент Ильин уже в 1912/1913 учебном году излагает своим

студентам идеи феноменологического метода Гуссерля»¹⁵¹. Сам Ильин свой метод называет феноменологическим: «философское исследование предмета через интенсивное и самоотверженное погружение души в его внутреннее переживание — есть феноменологическое исследование (сущность предмета познается по его явлению). Здесь всегда открывается, как обстоит в предмете — предметное обстояние (что в нем объективно есть)»¹⁵². Феноменологический подход Н.Н. Алексева также основан на идеях Э. Гуссерля¹⁵³. Формирование социального знания А.В. Поляков прямо связывает с гуссерлевским подходом¹⁵⁴.

Социальная феноменология предлагает развития тезиса Э. Гуссерля об интенциональности сознания, конструирующего смыслы, горизонтом для которого является жизненный мир. У Шюца для А.В. Полякова важно понятие intersубъективного повседневного мира, переживаемого в естественной установке как реальность, и доступный субъектам и как переживание, и как интерпретация, а также понятие «наличного запаса» таких переживаний и интерпретаций¹⁵⁵. Отмечу, что у Шюца жизненный мир куда более широк, нежели у Гуссерля, и включает в себя социальные и культурные структуры (критерием отнесения объекта к жизненному миру выступает не критичность его восприятия). Содержание наличного запаса пронизано практическим интересом. Поскольку право погружено в intersубъективный мир, постольку «все право, действующее в реальной социальной жизни в соответствии со своей «природой», характеризуется единообразием его понимания (что указывает на его действительность) и признанием со стороны взаимодействующих лиц (что определяет понятие действенности,

¹⁵¹ Лисица Ю.Т. Иван Ильин // Самопознание. Бердяевские чтения. 2015. №2. С. 48.

¹⁵² Ильин И.А. Философия как духовное делание: [курс лекций]. М.: Изд-во ПСТГУ: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2013. С. 79.

¹⁵³ См.: Архипов С.В. Феноменологические мотивы концепции права Н. Н. Алексева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. №160. С. 122-128.

¹⁵⁴ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. С. 39.

¹⁵⁵ Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5(328). С. 149.

эффективности)»¹⁵⁶. Возможным это становится благодаря знаковому характеру intersубъективности, через аппрезентации связывающей индивидуальные переживания и чужие интерпретации. Аппрезентация ведет к коммуникации во внешнем, не внутреннем для субъекта социальном мире, а коммуникация закладывает коммуникативную среду, в которой осуществляются понимание и согласие¹⁵⁷. Идеально-типические конструкции формируют объективное измерение для intersубъективных смысловых контекстов; право, как объективный феномен, и относится к таким конструкциям.

Концепция жизненного мира Шюца стала отправной точкой для двух феноменологических школ в социальной теории – социального конструктивизма Бергера и Лукмана и этнометодологии Г. Гарфинкеля. Для коммуникативной теории права стало плодотворным обращение к идеям первой (хотя, возможно, модель «фоновых практик» Гарфинкеля еще найдет свое применение), содержащимся в программном трактате «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966), получившем настолько широкую известность в нашей стране после перевода в 1995 г.¹⁵⁸, что сейчас его постулаты интегрированы в большинство исследовательских программ в социальном знании вплоть до уровня имплицитных установок. Социальное знание является основой включения людей в социальные роли и институты, оно формируется с ранней социализации благодаря тому, что раз за разом для индивида повторяются типичные ситуации, в результате наращивания опыта которых сплавляются intersубъективные, intersубъективные и объективные смыслы, начало этого процесса укоренено в повседневном жизненном мире. Общество воспроизводится только потому, что люди, действуя в соответствии со своими знаниями, отвечают ожиданиям других, результат этого коллективного процесса создает иллюзию «естественности» социального порядка. Само

¹⁵⁶ Там же. С. 150.

¹⁵⁷ Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 484.

¹⁵⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

социальное воспроизводство представляет собой цикл смены хабитуализации, институализации, традиции и легитимации, каждый новый уровень перерабатывает и пересобирает результаты предыдущего. В этой концепции для коммуникативной теории права оказывается наиболее востребованным тезис о том, что «общество представляет собой и человеческий продукт, и объективную реальность, в то время как сам человек есть продукт общества. Иными словами, общество есть одновременно и субъективная, и объективная реальность»¹⁵⁹. В цитируемой работе А.В. Поляков прямо отмечает выводы концепции П. Бергера и Т. Лукмана, «с которыми необходимо считаться, так как они выражают сущность социальной диалектики: с одной стороны, общество существует лишь в той мере, в которой индивиды осознают его; с другой стороны, индивидуальное сознание социально детерминировано. С одной стороны, институциональный порядок реален лишь постольку, поскольку реализуется в исполняемых ролях (типизированном поведении); но с другой стороны, роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер и придает им объективный смысл»¹⁶⁰. Очевидно, что здесь актуализируется проблематика социальной диалектики, сопрягающей субъективное и объективное, индивидуальное и социальное в множественных повторяющихся интеракциях. Таким образом, коммуникативная теория права получает инструментарий, описывающий механику непрерывных связей между смыслами, продуцируемыми одним Я и смыслами, продуцируемыми другими Я, обобщающую их и закладывающую их в основание права.

Так же А.В. Поляков обращался к выдвинутой П. Бергером и Т. Лукманом интерпретации возникновения социальных и правовых институтов¹⁶¹. Институт представляет собой перманентное решение конкретной социальной проблемы, и именно поэтому индивиды признают смысл и значение этого института в обществе. Включаясь в действия,

¹⁵⁹ Поляков А.В. Правогенез // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 64.

¹⁶⁰ Там же. С. 65.

¹⁶¹ Поляков А.В. Права человека в контексте "петражицкианской перспективы"... С. 59.

относящиеся к институциональному пространству, они знакомятся с этим смыслом, но поверхностного знакомства недостаточно, институциональные смыслы должны быть «сильно и незабываемо запечатлены в сознании индивида»¹⁶² в простой для запоминания форме, чтобы люди, забывчивые, ленивые и не всегда высоко рациональные, смогли справиться с решением институциональных по характеру задач. И именно по причине ненадежности человеческой природы передача институциональных смыслов всегда сопровождается взаимосвязанными контролем и легитимацией. Определенные объективированные институциональные значения Бергера и Лумана А.В. Поляков отождествляет с «правовыми текстами», т.е. подлежащими передаче и интерпретации знаковыми комплексами права. Кроме того, безусловно значим для коммуникативной теории права социально-конструктивистский подход к описанию аппарата легитимации, легко применимый к описанию легитимации правовых норм.

К социально-феноменологической парадигме в данной рубрике примыкает теория коммуникации. Бергер и Лукман писали свой трактат в методологической ситуации, для которой характерна глубокая степень проработки понятия «социальное действие». Начатая Вебером и Дюркгеймом традиция его изучения во многом перейдет к теории коммуникации. Социальное действие и коммуникативный акт, как первоэлементы социума и коммуникации соответственно, всегда сводятся к действию, совершаемому минимум двумя людьми. Но в первом случае в фокусе внимания находится совершаемый во взаимодействии обмен и его социальные эффекты, во втором – семиотическое сопровождение обмена. Теория коммуникации калибрует конфигурацию действия, раскрывая ее через формы подражания, диалога и управления, и эти формы так или иначе проникали в объяснительный аппарат социальной теории на протяжении всего XX столетия. В контексте исследований Бергера и Лукмана речь всегда идет о микроуровне социального

¹⁶² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 27.

действия, представленного индивидуальным субъектом, совершающим (преимущественно) повседневные рутинные интеракции. Она отражается циркулярной моделью Осгуда-Шрамма¹⁶³, в которой понимание сообщения осуществляется в пересечении рамок соответствия фондов информационных знаков, фиксирующих субъективный опыт, и вписано в контекст взаимоотношений коммуникантов. Эта диалогическая модель максимально востребована коммуникативной теорией права, но последняя не обходит вниманием и линейные модели, работающие там, где право изображается в парадигме приказа. Теория коммуникации, утверждающая множественность форм коммуникации, позволяет коммуникативной теории права варьировать объяснительные схемы в зависимости от специфики рассматриваемой правовой коммуникации.

Третья группа идей связана с поиском интегрального правопонимания. После распада СССР в Конституции неотъемлемые права человека получают доминантное значение как смысл и цель права. Правоведению приходилось отвечать на этот вызов в методологической ситуации длительного противостояния и явной несовместимости этатистского позитивизма и юснатурализма, как гносеологической, выражающейся в противостоянии материализма и идеализма, так и в этической, выражающейся в конфликте соответствующих концепций справедливости и долга и, собственно, юридической, связанной с принципиально различными моделями природы права и ее реализации в его источниках. Школы правоведения формировались в полемике друг с другом, их конкуренция связана как с методологическими особенностями, так и с развитием национальных правовых доктрин. Кроме того, модернизация права предполагала и модернизацию самой правовой науки, ее отхода от принципов классической рациональности в сторону неклассических и постклассических¹⁶⁴. С конца прошлого столетия

¹⁶³ Schramm W. How Communication Works. // Process and Effects of Mass Communication. / Ed.: W. Schramm. Urbana: University of Illinois Press, 1954. P. 22-90.

¹⁶⁴ Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 101.

актуализировалась потребность в поиске компромисса между школами права и характерными для них типами правопонимания, ответом на которую стали поиски интегративного правопонимания. Последнее призвано объединить существующие типы правопонимания через поиск «общих точек соприкосновения, а не путем простого арифметического суммирования»¹⁶⁵. Такая задача, с одной стороны, призвана была избавить новый поиск от эклектики, с другой, выйти за рамки объяснительных схем позитивизма.

Сама постановка задачи на была принципиально новой: как показывает Е.В. Тимошина, еще в 1900 г. Л.И. Петражицкий противопоставил «синтетический» способ организации своей собственной теории права «комбинационному» способу «как логически некорректному, а следовательно не ведущему к созданию теорий»¹⁶⁶. В.Г. Графский справедливо отмечает, что «попытки упорядочения и гармонизации юридических знаний в рамках единой теоретико-познавательной и практической дисциплины предпринимались неоднократно, но сколько-нибудь длительного и устойчивого эффекта не имели»¹⁶⁷. Тем не менее, по его мнению, в правоведении все более отчетливо стремление к переходу к интегральной юриспруденции, под которой в широком смысле понимается «синтезирующее правоведение, существующее благодаря упорядочению наиболее полезных и перспективных способов приобщения к юридическому знанию, юридическому воспитанию и мастерству в пользовании правами, включая пользование текстами законов, процедурами и важнейшими принципами и

¹⁶⁵ Золоило М.В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. №2. С. 143.

¹⁶⁶ Тимошина Е.В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. М., 2012. С.88.

¹⁶⁷ Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все ещё незавершенный проект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. №3. С. 50.

аксиомами правопонимания»¹⁶⁸. Близко к этой точке зрения позиции В.В. Лазарева¹⁶⁹ и В.В. Лапаевой¹⁷⁰.

В принципе, чаще всего прилагательные «синтетический», «интегральный» и «интегративный» применительно к теориям права употребляются как синонимы. А.В. Поляков обосновывает необходимость демаркации этих терминов, разграничивая отражаемые ими подходы: «...взгляд на право как целостность – отличает интегральное правопонимание от интегративного. Интегральный подход позволяет в целостности права выделять те аспекты, которые фрагментарно, в оторванности от других сторон правовой реальности представлены в классических теориях права. Интегративный подход, не видя изначальной целостности права, стремится её найти через объединение различных подходов, разработанных в классическом правоведении»¹⁷¹.

Действительно, внутренние резервы интеграции конфликтующих концептуальных структур ограничены, взаимодействие юридического позитивизма и возрожденного естественного права наглядно демонстрирует наличие пределов, за которые «школьная» система категорий не может выйти без риска неразрешимых логических противоречий. Основные типы правопонимания, изучение которых в последнее десятилетие XX века активно переводилось из плоскости истории учений о государстве и праве в русло философии права, призванной выдвигать методологические ориентиры для прикладного правоведения, организованы как дедуктивные пирамидальные иерархии понятий, что делает прямую рецепцию логических конструкций невозможной. Школы права развивались как «замкнутые теории»

¹⁶⁸ Там же. С. 60.

¹⁶⁹ Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С.Нерсесянца / сост. В.Г.Графский. М.: Норма, 2006. С.122-139.

¹⁷⁰ Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. №5. С.5-13.

¹⁷¹ Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В.Г.Графского) / отв. ред. Л.Е. Лапаева. М., 2008. С.23.

В. Гейзенберга, охарактеризованные им как «методологическое совершенство»¹⁷². Они представляют собой «дедуктивную систему логически взаимосвязанных утверждений, интерпретацией которых служит идеализированный объект», и включают в себя в качестве основных элементов эмпирическую основу, теоретическую основу, логику теории и ее выводы¹⁷³. Замкнутые теории отличаются логично и когерентно сконструированным понятийным ядром теории, основанным на единстве метода и правил его интерпретации. Для замкнутых теорий специфичен методологический монизм. Гейзенберг рассматривал замкнутые теории на примерах естествознания, где в формировании понятий доминирует индуктивная логика. Школы права, как отмечено выше, дедуктивны, поскольку развивались не под влиянием изменений собственно правовых норм; источником их движения были масштабные социально-политические изменения и появление отражающих их фундаментальных идей (разум, развитие, позитивное знание и др.). Из этих идей и выводилось понятие права, логическими следствиями которого становились основные правовые категории. Иначе говоря, развитие правопонимания осуществлялось через обращение к внедисциплинарным для права философским концептам, даже если результатом такого обращения был принципиальный позитивистский отказ включать такие концепты в формируемую замкнутую систему.

В этом ракурсе обращение к внедисциплинарному для юриспруденции философскому знанию как основанию и источнику интеграции закономерно. Связь школ правопонимания с господствовавшими философскими парадигмами общеизвестна. Укорененность юснатурализма в рационалистической философии, позитивизма – в методологии и философии науки, исторической школы права – в романтическом национализме, возрожденного естественного права – в базовых течениях западной

¹⁷² Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987.

¹⁷³ Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Методологические проблемы формирования теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение 2010. № 1(288). С. 37.

философии XX века детально анализируется в истории политических и правовых учений. С точки зрения современного поиска внедисциплинарных оснований показательна частота обращений к социологическим теориям права в рамках интегративных проектов, возникавших на рубеже XX-XXI вв.¹⁷⁴ Будучи тесно связанными с современной социальной теорией, они способны обеспечить гибкость реакции на те самые социально-политические изменения, которые инициируют прогресс правоведения.

Тем не менее, стремление к интеграции на «внешней» социально-теоретической платформе также сталкивается с существенными барьерами. Если бы социальная наука была способна предложить логически строгую и всеобъемлющую модель социальной реальности, задачей правоведения стало бы сведение правовых категорий к знаменателю категориальных систем и выводов социальной теории, достижение тотального «методологического совершенства». В условиях относительного характера истины в научном познании такую задачу пришлось бы всегда решать ретроспективно, следуя за социальным познанием и отставая от осмысления наличной динамики правовой жизни. Более того, социальную ориентированность правоведения осложняет методологический плюрализм, получивший признание в качестве методологического принципа постнеклассической науки как таковой и постсоветских философских исследований, в частности. Утверждая равноправие разных методологических стратегий, методологический плюрализм тем самым ограничивает трансцендентальное притязание философских концепций на универсальность, ограничивая попытки создания «единственно верных» теорий.

Автором концепции методологического плюрализма является П. Фейерабенд. Одно из самых известных его высказываний о плюрализме метода в науке вошло в широкий оборот: «Познание... не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающийся к некоторой идеальной

¹⁷⁴ См., например: Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. №4. С.49-64.

концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой океан взаимно несовместимых альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке, и благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания»¹⁷⁵. Выдвинутая Фейерабендом идея пролиферации теорий означает необходимое сосуществование «несовместимых альтернатив» в рамках теоретического целого, требующееся для качественного опровержения/подтверждения выдвинутой гипотезы. Методологический плюрализм как принцип познания означает необходимость рисковать, сочетая даже противоречивые подходы, ради более достоверного описания изучаемого объекта¹⁷⁶.

Современный методологический плюрализм, разумеется, не тождественен методологическому анархизму. Тем не менее, не смотря на ставшее обязательным с точки зрения стандартов проектирования и организации исследования обоснование методологии, процедура отбора используемых методов в методологическом плюрализме отличается известной интуитивностью и не может быть четко формализована, несмотря на то что исследователи, разумеется, стремятся рационально аргументировать свой методологический выбор. Делают они это формально, как правило, после завершения самого исследования. В силу методологического плюрализма методологическое поле теорий мозаично и фрагментарно. Погрузившись в конкретную концепцию, трудно найти универсальную систему объяснения социальной реальности, пригодную как для методологических потребностей правопонимания в целом, так и для преодоления кризиса постмодерна в частности.

¹⁷⁵ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. С. 49.

¹⁷⁶ Тихонова С.В. Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, № 3. DOI 10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325. С. 322.

Однако, методологический плюрализм предназначен не для гносеологической фиксации дискретности набора разрозненных методов. Напротив, он обеспечивает их единство. Работая как комплементарный принцип взаимоусиления родственных и близких методов, он позволяет дополнять, «калибровать» и надстраивать исследовательские процедуры там, где это необходимо. Иными словами, он открывает пространство для методологического синтеза, в котором теории изначально конструируются не как конкурирующие и взаимоисключающие замкнутые системы понятий, а как взаимодополняющие концептуальные конструкции, открытые к диалогу, взаимодействующие друг с другом, объединяющие индуктивно-дедуктивные логики, приспособляющие «методологические ансамбли» к особенностям изучаемого объекта.

Не является исключением и коммуникативная теория права, которую А.В. Поляков неоднократно позиционировал как интегральную¹⁷⁷. Она опирается на тезис о фундаментальности процессов коммуникации в обществе и мире, а также использует категориальный аппарат, фиксирующий структуру правовой коммуникации, ее основные формы и модели, используя близкие, родственные и неконфликтные правовые и социальные теории. Эта теория не претендует на статус метатеории, т.е. не содержит объяснения входящих в ее состав дисциплинарных теорий, хотя и включает в себя метатеоретические элементы в том смысле, что они выходят за рамки теории, описывающих элементы догмы права.

«Составные» дисциплинарные теории детализируют и конкретизируют категориальные ряды теории коммуникации в соответствии с принятой в них терминологией и методологическими правилами. Таким образом формируется единое концептуальное целое коммуникативной теории права, реализующее принцип методологического плюрализма и, одновременно, опирающееся на констатацию универсальной связи правовой коммуникации и онтологической

¹⁷⁷ См., например: Поляков А.В. Постклассическое правоповедение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2(265). С. 26-43.

природы человека. Его главные эвристические достоинства связаны с фиксацией коммуникативности как основания сконструированности, intersubjectивности, человекообразности, практической воспроизводимости, а также ментальной, социокультурной обусловленности и контекстуальности правовой реальности¹⁷⁸. Используя объяснительные модели теории коммуникации, коммуникативная теория права не только предлагает широкую многоаспектную модель права, соотнося его с современными данными социогуманитаристики и преодолевая кризис методологических основ теоретического правоведения, но и открывает перспективы для модернизации юридической догматики, соединяя философию права с его теорией, а также обосновывая возможность и востребованность плюралистичной методологии в правовых исследованиях.

Как видим, поиски интегрального понимания стали основой логико-методологических критериев методологического синтеза неоднородных и нетождественных подходов, которым призвана была соответствовать коммуникативная теория права.

В заключение анализа идейных источников коммуникативной теории права необходимо отметить особый статус в их ряду современной континентальной философии права, наибольшее значение среди которой отдано современной немецкой философии права (В. Кравиц, Н. Луман, Г. Шельски, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер)¹⁷⁹. Безусловно, они оказывали влияние на коммуникативную теорию права А.В. Полякова, но влияние это имеет, скорее, диахронический характер, поскольку осуществлялось и осуществляется оно через «равноранговые» дискуссии (форумом для которых во многом послужил журнал «Известия высших учебных заведений».

¹⁷⁸ Честнов И.Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 21.

¹⁷⁹ См.: Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 570.

Правоведение», главным редактором которого А.В. Поляков был в 2011 – 2017 гг.), позволяющие прояснять в полемике используемые теоретиками объяснительные схемы и категориальные ряды.

Выводы:

Коммуникативная теория права, сформированная в России в начале XXI века в трудах А.В. Полякова, опирается на весьма широкий спектр предшествовавших концепций в философии права, поскольку ее главной методологической задачей было преодоление разрыва между юснатурализмом, юспозитивизмом и социологической школой права. Основные идейные источники коммуникативной теории права могут быть систематизированы на основе выделения трех групп – русской дореволюционной философии права, социальной феноменологии, дополненной теорией коммуникации, и базовыми положениями методологического поиска интегрального правопонимания.

Первая группа источников связана как с потребностью восстановления преемственности с досоветской традицией, так и значимостью ее собственных философско-правовых программ, связывающих личность, право и государство на основе различных направлений философского идеализма. Поскольку разработка коммуникативной теории права осуществлялась в русле теоретических поисков Санкт-петербургской школы права, особое значение для нее имело воссоздание доктринальных связей с русской философией права начала XX века, среди которых в качестве базового идейного источника применялись идеи Л.И. Петражицкого об императивно-атрибутивных эмоциях как внутренней по отношению к человеку основе права, приближающиеся к пониманию их интерсубъективного характера; учение П.И. Новгородцева о «вдохновляющей морали», инициирующей рационально-нравственное самораскрытие сущности человеческой личности; идея И.А. Ильина о признании как основе правового общения людей.

Феноменологический комплекс источников, отражающий одно из наиболее влиятельных современных философских направлений как в

онтологии, так и в социальной теории, послужил как обоснованию эйдетического смысла права, так и развитию его intersубъективной перспективы, поэтому включает в себя идеи Гуссерля о чистом сознании, интенциональности, intersубъективности, жизненном мире, идеи А. Шюца о повседневном intersубъективном жизненном мире, программу социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, раскрывающую диалектику субъективного, индивидуального и объективного, коллективного в формировании социального знания, лежащего в основе социального воспроизводства. Социально-феноменологические представления об intersубъективном взаимодействии калибруются в коммуникативной теории права таким идейным источником, как теория коммуникации, обобщающим схемой коммуникативного акта.

Последняя группа источников связана с отечественными поисками интегрального правоведения на рубеже тысячелетий, выдвинувшими базовые критерии к методологическому синтезу, направленному на объединение достижений основных типов правопонимания, сложившихся к концу XX века. С ее помощью обосновывается избранный коммуникативной теорией права вектор методологического синтеза.

Данные идейные источники детерминируют качественное методологическое своеобразие, отличающее наполненную глубоким ценностным содержанием российскую коммуникативную теорию права от западных проектов методологического применения понятия коммуникации в исследовании права.

§ 1.2. Коммуникативная теория права А.В. Полякова

Выдвинутая А.В. Поляковым коммуникативная теория права в настоящее время является одной из весьма влиятельных теорий, выступающей основой самостоятельного типа правопонимания. Ее признание в отечественном правоведении было довольно долгим процессом, начинавшегося с сдержанной позитивной оценки со стороны представителей юридико-либертарного подхода¹⁸⁰ и резкой отрицательной критики со стороны как позитивистов¹⁸¹, так и представителей широкого правопонимания¹⁸² в первом десятилетии нынешнего века¹⁸³, массированного интереса к ее анализу и установления границ применимости в начале второго десятилетия¹⁸⁴ и продолжающегося по настоящее время освоения ее эвристического потенциала¹⁸⁵. Сегодня ее оценка как самостоятельного вида неклассического (постклассического, постнесклассического) правопонимания является устоявшейся¹⁸⁶. Как указывает Д.И. Луковская, А.В. Поляков «является оригинальным разработчиком именно коммуникативной теории

¹⁸⁰ Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. 136 с.

¹⁸¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005.

¹⁸² Гревцов Ю. И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 5(268). С. 1-23; Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 1(264). С. 31-40

¹⁸³ Отнюдь не случайно М.А. Антонов характеризует полемику вокруг коммуникативной теории права тех лет как «ожесточенную» (см. Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105). С. 28).

¹⁸⁴ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: Коллективная монография. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова: в 2 т. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом "Алеф-Пресс", 2014.

¹⁸⁵ См., например: Байрамов Р. Р. Обзор некоторых аспектов теории правогенеза в контексте коммуникативной теории права // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3(75). С. 84-86; Пушин А. И. Права человека в коммуникативной теории права // Спутник высшей школы. 2021. № 3(3). С. 31-34. DOI 10.55346/2782-5647_2021_03_31.

¹⁸⁶ См., например: Лапаева В. В. Коммуникативные концепции права в контексте актуальных задач Российской правовой теории и практики (с позиций либертарного правопонимания) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6(317). С. 77-100; Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5(316). С. 31-41; Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105). С. 22-33.

права, поскольку такой теории (и по названию, и по сути) ранее не существовало, несмотря на все предпосылки ее появления»¹⁸⁷.

Структурно коммуникативная теория права состоит из двух уровней: теории трансцендентальных оснований права, концептуализирующей право как процесс взаимного признания, и собственно коммуникативной теории права, в которой право описывается как психосоциокультурная система, основанная на intersubъективной коммуникации¹⁸⁸. Первый уровень, фундаментальный по степени универсализации, является хронологически более поздним, разрабатывается автором с середины десятых годов XXI в. в статьях, и отражает стратегию философского обоснования базовых положений второго уровня. Второй, более ранний, соотносит авторскую интерпретацию права, основанную на коммуникативно-феноменологическом подходе, с классическими категориальными рядами отечественной теории государства и права. А.В. Поляков разрабатывал его в рамках учебников «Общая теория права» (2001)¹⁸⁹, «Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций» (2003)¹⁹⁰, «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода» (1-е издание 2004¹⁹¹; 2-е издание 2016¹⁹²).

Рассмотрение коммуникативной теории права в данном параграфе будет основано на хронологическом подходе, от более ранних работ к более поздним, и начнется с анализа собственно коммуникативной теории права.

¹⁸⁷ Луковская Д.И. Не все слова уже сказаны... (о коммуникативной теории права А.В. Полякова) // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.10.

¹⁸⁸ Тихонова С. В. Становление коммуникативной теории права А.В. Полякова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 3. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-3-tikhonova. С. 37.

¹⁸⁹ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 642 с.

¹⁹⁰ Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с.

¹⁹¹ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 864 с.

¹⁹² Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Проспект, 2016. 832 с.

Предваряя его, необходимо отметить, что большое значение для будущей коммуникативной теории права имеет защищенная в 1987 г. А.В. Поляковым кандидатская диссертация «Возрожденное естественное право в России: критический анализ основных концепций»¹⁹³, в которой обобщается соотношение права и нравственности в трудах П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, В.М. Гессена, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, А.С. Яценко и И.В. Михайловского. В этой работе намечаются синтетические перспективы в определении основания естественного права и возможные точки пересечения возрожденной естественно-правовой доктрины с социологической теорией права. От осмысления наследия дореволюционной русской правовой мысли¹⁹⁴ А.В. Поляков переходит к вопросам новых перспектив, открывающихся на рубеже тысячелетий¹⁹⁵, связывая их сначала с поиском интегрального правопонимания¹⁹⁶, а затем – с применением к теории права коммуникативного подхода¹⁹⁷.

Учебник «Общая теория права» структурно воспроизводит общую логику учебного курса «Теория государства и права», в которой изложение общих вопросов правопонимания, раскрывающих природу права, его связь с обществом и государства, предваряет изложение основ учений о структуре права, источниках права, норме права, правоотношении, действии права, его применении и толковании, о правонарушении, законности и правопорядке. Как отмечает И.Л. Честнов, «юридическую догматику невозможно обосновать методами самой юридической догматики», поскольку юридическая догматика выступает теорией среднего уровня в мертоновском смысле, для ее

¹⁹³ Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России : Критический анализ основ концепций: дисс. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1987. 217 с.

¹⁹⁴ Например, Поляков А. В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4(219). С. 83-101.

¹⁹⁵ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3(230). С. 240-246.

¹⁹⁶ Поляков, А. В. Возможна ли интегральная теория права? // Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и теории, Москва, 02–04 февраля 2001 года. М.: Институт государства и права РАН, 2001. С. 114-119.

¹⁹⁷ Поляков А. В. Правогенез // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 5(238). С. 216-234.

обоснования требуется выход на уровень метатеории¹⁹⁸. Последним для коммуникативной теории права является методологический синтез российской возрожденной теории естественного права и социальной феноменологии, на основе которого пересматриваются базовые элементы догмы права при сохранении большинства рабочих определений частных учений отечественной теории государства и права. Очевидно, что такая стратегия автора приведет (и привела), например, к более серьезному пересмотру темы «правосознание», нежели темы «правонарушение». Не все лекции содержат принципиальные положения коммуникативной теории права, хотя в каждой из них автор производит известную синхронизацию материала, чтобы избежать противоречий или заострить нужные ему моменты, обновляя научные данные в той части, которая относится к государствоведению, юридической психологии и т.п. В лекции «Проблема правопонимания в истории теоретико-правовой мысли» (1) в предметное поле теории государства и права вводится коммуникативная проблематика. Лекция «Российский правовой дискурс: основные идейные доминанты» (2) позволяет автору ввести в значимый для теории государства и права контекст отечественных учений о государстве и праве, некоторые из которых послужили для автора идейными источниками. Принципиальное значение для анализа имеют лекции «Правогенез» (3), «Онтологический статус права» (4), содержащие фундаментальные идеи коммуникативной теории права. Детализация этих положений содержится в лекциях «Право и закон» (7), «Нормы права» (12), «Источники права» (13), «Правовые отношения» (14). Далее в тексте лекции упоминаются по порядковым номерам.

Особенностью работы А.В. Полякова, нетипичной для выбранного жанра, является весьма масштабный ссыльно-библиографический аппарат, в котором цитаты являются основой объемных комментаторских сносок, раскрывающих и уточняющих позицию автора, а также вводящих читателя в

¹⁹⁸ Честнов И.Л. Юридическая догматика в контексте постклассической парадигмы // Криминалист. 2014. №2 (15). С. 80.

контекст наиболее острой научной полемики по дискуссионным моментам и представляющих широкую панораму философско-правовой рефлексии. Нередко сноски и цитаты вступают в развернутый полилог, провоцируя те или иные теоретические ходы там, где они эксплицитно не разворачивались. Благодаря такой авторской стратегии текст учебника сопровождается развернутым фундаментальным научным обоснованием (широта эрудиции которого не может не впечатлять), а компактное изложение учебного материала не препятствует читателю на входе в поле актуальных научных исследований.

Существенная черта формируемой в учебнике теории, акцентированная А.В. Поляковым уже в авторском предисловии, – заявка на интегральность отражаемого ею правопонимания, в соответствии с которой коммуникативная теория права представляет собой: «своего рода введение в интегральное *правоведение* (курсив автора – *С.Т.*)»¹⁹⁹. Атрибутивность этой черты подтверждают и аналитики коммуникативной теории права, усматривая в ней результат поиска «некоей срединной позиции между юспозитивизмом и юснатурализмом»²⁰⁰ и продукт «диалога различных школ и течений современного правоведения»²⁰¹. Интегративная коммуникативная теория призвана отразить интегральный характер самого права, который может быть раскрыт с помощью проявления его коммуникативно-деятельного, ценностного, семиотического и психологического аспектов, фиксируемых в общей онтологической интерпретации. При этом перед ней стоит задача модернизации отечественной правовой теории, необходимой для того, чтобы последняя смогла ответить на вызовы нового тысячелетия.

В первой лекции А.В. Поляков определяет теорию права как часть философии права, показывая ключевую значимость для ее объяснительной

¹⁹⁹ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 3.

²⁰⁰ Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105). С.25.

²⁰¹ Архипов С.И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 25.

функции онтологии права, которая требует уточнений в контексте его гносеологии и онтологии; правовую технику, правовую догматику и правовую социологию он ставит в зависимость от правовой онтологии. Далее он концентрируется на причинах отсутствия единого понимания права, связывая теоретико-правовой плюрализм с цивилизационным плюрализмом и эпистемологическим анархизмом. Исследователь подчеркивает важность преодоления идеологической редукции, связывающей право позиционируемыми той или иной идеологией ценностями, и показывает, что научный анализ права осложнен высокой степенью проникновения идеологии в социальные науки. Рассматривая типы правопонимания (естественно-правовой, этатистский и социологический), А.В. Поляков показывает необходимость «теоретического обоснования целостной концепции права, которая могла бы объединить жизненные идеи основных правовых школ и направлений», среди которых особое место отведено российской философии права.

Вторая лекция посвящена отечественной традиции поисков смысла права. Наряду с изложением базовых тезисов правового этатизма Г.Ф. Шершеневича, социологической школы права (Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев) в этот раздел включен анализ взглядов Л. Петражицкого, обнаруживающий их феноменологические коннотации, и рассмотрение неоидеализма в русской правовой теории (Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой), в части его выводов об идеальной, сверхэмпирической стороне права и его ценностной природе. В последнем доминирует обращение к взглядам В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского в контексте их поисков смысла права как плюралистического явления и установления его отношения к трансцендентному естественному праву. Развернуто трактуется феноменологическая теория права Н.Н. Алексева, в которой смысл права доминирует над его проявлениями. Именно в контексте феноменологии Алексева А.В. Поляков вводит в свой дискурс ключевые идеи гуссерлевской

феноменологии (категории феномена, эйдоса, интенциональности, ноэмы, ноэзы, жизненного мира; процедура феноменологической редукции). Также рассматриваются марксистское советское правоведение и современные российские теории права, рассмотренные концепции типологизируются по модусам правопонимания. С одной стороны, этот раздел формирует системные представления об отечественных традициях правопонимания и полностью оправдывает свое название («основные идейные доминанты»). С другой стороны, он позволяет автору выдвинуть на передний план тех российских правоведов, взгляды которых (в том числе развиваемые и их учениками, комментаторами и исследователями) будут привлекаться для обоснования, апологии и усиления собственно коммуникативной теории права.

Третья лекция ставит правогенез в прямую зависимость от социальных условий (право «"проявляется" только в обществе, как специфический порядок общественных отношений, участники которых имеют определенную социальную свободу действовать тем или иным образом, закрепленную в обязанностях других лиц. Причем мера этой свободы (субъективные права и обязанности) определяется социально признанными и обязательными для всех правилами должного поведения членов общества»²⁰²; правомерное действие, в отличие от волюнтаристского или спонтанного, «предполагает соразмерную этому праву корреляцию поведения других субъектов, обязанных действовать или не действовать определенным образом в интересах управомоченного лица»²⁰³), при этом само социальное понимается в парадигме социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, в которой воспроизводство социальной реальности раскрывается через детализированные последовательные процессы институализации, хабиутуализации, типизации, объективации и легитимации. Социально-феноменологическую перспективу А.В. Поляков калибрует теорией этногенеза, благодаря которой

²⁰² Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С.142.

²⁰³ Там же. С. 143.

устанавливается специфика групповой динамики этноса, порождающей обычное (архаичное) право.

В результате он выдвигает свое собственное определение общества, понимая под ним «совокупность людей, выделяемую на основе воспроизводимой ими системы общезначимых [т.е. социально осмысленных и социально ценных] действий»²⁰⁴. Общества он подразделяет на первичные и вторичные. Первичные связаны с удовлетворением базовых потребностей индивида, которые он не может обеспечить самостоятельно, и определяются как «исторически сложившаяся целостность людей, в рамках которой удовлетворяются их основные, жизненно важные потребности и осуществляется воспроизводство самого общества»²⁰⁵. Упорядочение первичных обществ обеспечивалось общественной властью, разрешавшей конфликты с помощью монополизированного физического принуждения в условиях отсутствия специализированных карательных органов.

Вторичные общества направлены на удовлетворение второстепенных (частных) потребностей, вызывающее к жизни те или иные социальных группы; вторичные общества менее устойчивы, опираются преимущественно на договор, степень их объективации ниже. Очевидно, что их широкое разнообразие характерно для современного этапа социального развития.

Здесь А.В. Поляков сталкивается с проблемой выявления базовых характеристик права, которые были одинаково применимы как для первичных, так и для вторичных обществ, и при этом составляли бы основу для их дальнейшей конкретизации, позволяющей без лагун определить особенности и архаичного, и государственного и позднего негосударственного права, сохранив интенцию на поддержание достижений методологического плюрализма (виды права будут им конкретизированы в седьмой лекции). Архаичное право было (и остается в известных культурах) устным, достаточно

²⁰⁴ Там же. С. 144.

²⁰⁵ Там же. С. 145.

традиционным является противопоставление устного и письменного как первобытного и государственного в части нормативной регуляции.

Однако А.А. Поляков преодолевает этот разрыв, опираясь на семиотическое определение культуры как знаковой системы, и производное от нее понимание текста как системы знаков. Право связывается с текстом, вне которого оно существовать не может, но сам текст может быть как письменным, так и устным. В итоге право с самых ранних этапов своего существования предстает как «специфический социальный язык и как универсальная форма социального взаимодействия (коммуникации)»²⁰⁶, без демаркации используемых для такого взаимодействия каналов. В этом понимании слово и действие неразрывно связаны друг с другом, поскольку каждое из них подкрепляет, сопровождает, инициирует и прекращает другое. Их интеллектуальное (теоретическое) расщепление искусственно, и его иллюзорная естественность преодолевается социально-феноменологическим подходом: для того, чтобы априорно имеющая лингвистическое измерение система социального взаимодействия существовала (как когерентное целое, так и на уровне локального акта), необходимо не только физическое существование ее субъектов, но и наличие у таких субъектов конкретных социально-психологических особенностей. К последним теоретик относит три способности: «1) понимать идеальный смысл правил должного поведения, выраженных в общеобязательных нормах, образуемых путем истолкования, интерпретации внешних, знаковых форм их выражения; 2) признавать их (прямо или опосредовано) в качестве необходимых оснований своих внешних поступков (совершать акты ценностной легитимации) и 3) самостоятельно действовать, реализовывать вытекающие из них (норм) полномочия и обязанности»²⁰⁷. На эти способности накладываются (хотя точнее, благодаря им и продуцируются) культурные коды, способные «властно воздействовать

²⁰⁶ Там же. С. 148.

²⁰⁷ Там же. С. 153.

на поведение субъектов»²⁰⁸, как специфические социокультурные условия возникновения права. К появлению этих условий приводит объективация (в терминах социального конструктивизма «типизации, экстернализации, институционализации и легитимации поведения самих социальных субъектов»²⁰⁹). Появление права А.В. Поляков связывает с переходом человечества к историческому этапу и большей степени свободы, понимаемой как вариативность поведения, опирающегося на нормы должного. Такое право исследователь называет «цивилизованным», и ключевым условием его появления считает возникновение государства, обеспечивающего перевод права в письменную форму и подкрепляющего его с помощью аппаратно-организованного физического принуждения. Важно отметить, в коммуникативной теории права для появления развитых форм права необходимо существование такого социального условия, как государство.

Третья лекция посвящена анализу онтологического статуса права, основанного на том, что право существует не только и не столько как идея, но как действительность. Под действительностью права понимается контакт индивида с ним в своей повседневной реальности, описываемой в контексте социальной феноменологии как жизненный мир. И жизненный мир, и право есть особые виды реальности, свойственные лишь человеку и созданные им, т.е. оба являются антропогенными реальностями. Определение онтологического статуса права тождественно выявлению его смысла, что на уровне феноменологического анализа равнозначно определению эйдоса права.

А.В. Поляков исходит из того, что право как антропогенная реальность представляет собой «многомерную психосоциокультурную систему, в которой все элементы связаны между»²¹⁰, и представляет собой «эмерджентное» свойство их взаимодействия. Эйдетический смысл права имеет свою структуру, которая «социально существует в виде действующей

²⁰⁸ Там же. С. 156.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. С. 172.

конкретноисторической системы права»²¹¹, но этот смысл всегда шире, чем доступный в конкретном обществе набор социальных фактов, связываемых с правом (суды, законы и т.п.).

Осуществляемая А.В. Поляковым феноменологическая редукция оставляет за скобками как неоднозначные («двусмысленные» и «многосмысленные», т.е. обладающие смыслами и вне контекста права) и нормы, и волю, и принуждение, и интерес.

Что же остается в скобках, среди «первоначальных», «коррелятивных» и «несводимых друг к другу» правовых данностей? Правомочие, которое несет в себе свет «уразуменной» данности. Теоретик настаивает на том, что «эйдетическое первородство правомочия невозможно рационально доказать, но его можно показать и описать, поскольку оно только и раскрывается через описание эйдетически взаимосвязанных элементов правовой структуры»²¹². Введение такой феноменологической аксиомы приводит к тому, что правомочие понимаемое как «наличная возможность для субъекта действовать оправданно [это оправданность действия принципиальна] тем или иным образом и требовать от других действий, соответствующих правомочию»²¹³, оказывается центральным элементом правовой структуры. Поскольку правомочие основано на связке субъективного права и корреспондирующих обязанностей, в ней А.В. Поляков усматривает эйдолу (неполный эйдос) права, к которой присоединяются остальные смыслы права, образуя его эйдос. Для раскрытия этих смыслов требуется указание на наличие носителя правомочия (правового субъекта), общезначимость и общеобязательность правил поведения, которыми оно оправдывается (норма права). Связь смыслов достигается через коммуникацию, поэтому коммуникативный аспект является важнейшим аспектом права, а само оно определяется как «основанный на социально признанных и общеобязательных

²¹¹ Там же. С. 175.

²¹² Там же. С. 177.

²¹³ Там же.

нормах коммуникативный порядок отношений, участники которого имеют взаимообусловленные правомочия и обязанности»²¹⁴.

Из этого определения вытекают два признака права, к которым относится а) наличие субъектов, обладающих взаимообусловленными (коррелятивными) правами и обязанностями и б) социально признанных и общеобязательных правил поведения (норм)²¹⁵. В отсутствие этих признаков (например, поведение субъектов не основано на нормах, для него нормами не предусмотрены права/обязанности или сами нормы не признаны в обществе или не являются общеобязательными) нет и самого права. При этом как право невозможно вне правоотношений, так и отдельная норма не существует вне правоотношений, и, шире, без субъектов, наделенных правосубъектностью.

Здесь же уточняется связь права и принуждения, которое А.В. Поляков рассматривает как средство достижения права, не входящее в его онтологическую сущность. Речь идет о физическом принуждении, которое обычно относится к понятию насилия. Психологически же право всегда принудительно в том смысле, что оно имеет интеллектуально-эмоциональное (ценностное) обоснование, выражающееся в долженствовании (императиве): «управомоченный субъект, требуя от других совершения правообязательных действий, выступает не только от себя лично, но и от всего общества, установившего и признавшего соответствующее правило в качестве общеобязательного»²¹⁶, т.е. сам по себе публичный характер права противопоставляет обязанному лицу не только управомоченное лицо, но и, одновременно, общество в целом, что делает связь права и психического принуждения имманентной.

В седьмой лекции в духе правового плюрализма устанавливаются виды права, к которым относятся государственное право (закон), а также социальное право, подразделяемое на 1) централизованное (универсальное,

²¹⁴ Там же. С. 187

²¹⁵ Там же. С. 188.

²¹⁶ Там же. С. 203.

публичное) и децентрализованное (партикулярное, частное). К первому относятся правовые обычаи и табу в догосударственных и в современных потестарных обществах, ко второму – индивидуальное (социально-гражданское) право, семейное право и корпоративное право. Разновидностью корпоративного права является церковное (каноническое право); особым видом негосударственного права является международное право. По степени институализации негосударственное право А.В. Поляков разделяет на официальное (требует манифестации конкретными социальными структурами в качестве стандартных правовых текстов) и неофициальное (не имеющее такой манифестации). Важно, что для теоретика государственное и негосударственное право не разделены непроницаемой стеной, это две взаимосвязанные подсистемы.

В двенадцатой главе устанавливаются универсальные признаки правовой нормы, характерные для всех видов права, и конкретизируются признаки правовой нормы, устанавливаемой государством. Конкретизируется понятие социальной оправданности правил поведения, или легитимность, под которым понимается нормативность («("оправдать" — это и значит соотнести с нормой»²¹⁷). Сама правовая норма определяется как «общеобязательное правило поведения, имеющее предоставительно-обязывающий характер»²¹⁸. Соответственно, ее признаками являются общезначимость (социально признанная ценностная природа нормы, или легитимность, познаваемая через intersubъективный социально-правовой опыт коммуникантов); общеобязательность (требование безусловного исполнения нормы теми, кому она адресована); предоставительно-обязывающий характер (раскрывается как вытекающее из нормы правомочие (субъективное право), коррелятивно связанное (взаимообусловленное) с правовой обязанностью. Оно предполагает наличие для управомоченного возможности властвовать над поведением обязанного, т.е. включает в себя

²¹⁷ Там же. С. 460.

²¹⁸ Там же. С. 463.

психическое принуждение). К признакам государственно-правовых норм А.В. Поляков относит «формальную определенность; установленную юридическую силу; государственную защищенность»²¹⁹. Здесь же конкретизируется система норм права, при этом исследователь дифференцирует систему права и систему норм права.

Тринадцатая лекция посвящена источникам норм права. В ней конкретизируется подход к определению понятия «правовой текст», играющего весьма важную роль в коммуникативной теории права. В самом общем виде в качестве общего источника права определяется intersубъективная деятельность членов общества, порождающая право. Ее типичные и значимые аспекты объективируются в форме первичного правового текста (выше применялось широкое определение текста как системы знаков, основанное на семиотическом подходе к определению культуры). А.В. Поляков разделяет источники формы правового текста и источники его содержания, к первым относятся способы его возникновения – обычай, установление, договор, ко вторым – сама intersубъективная деятельность. Правовой характер культурный текст получает в том случае, если он «может быть интерпретирован социальным субъектом как содержащий в себе определенное правило поведения (норму), наделяющее кого-либо субъективными правами и обязанностями (их реализация образует вторичный текст)»²²⁰. Поэтому форма и содержание правового текста являются источником нормы права, а уже норма права, в свою очередь, становится источником субъективных прав и обязанностей.

К текстуальным источникам норм права А.В. Поляков относит мифы (мифологию), правые обычаи, судебные прецеденты, судебную и административную практику, нормативные правовые договоры, правовые доктрины, священные книги, акты международного права, нормативные правовые акты. Мифологию он разделяет на мифологию в узком смысле, т.е.

²¹⁹ Там же. С. 467.

²²⁰ Там же. С. 501.

мифологию архаичных обществ, и мифологию в широком смысле, к которой, вслед за А.Ф. Лосевым, относит чудесную личностную историю и развернутое магическое имя²²¹, имеющим хождение в современных обществах. К судебной и административной практике им отнесены «сложившиеся обыкновения, приемы, способы решения юридических дел, формирующие и уточняющие значение правовых норм», которые могут играть роль источника норм права и в правовых системах, не признающих прецедентное право. Остальные виды источников норм права трактуются в традиционном для отечественной теории государства и права ключе.

Четырнадцатая лекция корректирует учение о правоотношении, сближая его с характерной для коммуникативной теории права идея о психически принудительной силе права, вытекающей из его психосоциальной природы. Общественное отношение А.В. Поляков понимает как «поведение членов общества, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и выражающееся в различных формах взаимозависимости, взаимосвязи и взаимодействия»²²². Структурно правоотношение включает в себя когнитивный уровень, к которому относятся представления участников о должном правовом поведении и их взаимные ожидания, и поведенческий уровень, т.е. действия/бездействия участников, составляющие само содержание правоотношения. Поэтому к признакам правоотношения относятся 1) правосубъектные участники; 2) соотнесенность их поведения (все та же характерная для правомочия корреляция субъективных прав и обязанностей); 3) заданность правоотношения нормой права. На этой основе выдвигается следующее определение правоотношения: «правовое отношение — это такое социальное отношение, субъекты которого соотносят свое поведение с принадлежащими им коррелятивными (взаимообусловленными) правами и обязанностями»²²³. В отличие от традиционного определения

²²¹ Там же. С. 505.

²²² Там же. С. 542.

²²³ Там же. С. 548.

правоотношения через урегулированность общественного отношения нормой права, дефиниция А.В. Полякова акцентирует процессы познания и признания нормы права, протекающие в сознании индивида, и тем самым акцентирует связь правоотношения с эйдетическим смыслом права.

Рассмотренный текст стал основой докторской диссертации А.В. Полякова, защищенной в форме научного доклада в 2002 г. Презентацию коммуникативной теории права в самом докладе можно свести к следующим положениям. Коммуникацию А.В. Поляков трактует как способ существования человека в мире; человек обретает свою человеческую сущность через коммуникативное взаимодействие с «Другим»²²⁴. Социальность сводится к коммуникативности, а коммуникативность к социальности, поскольку второе – инвариант первого²²⁵. Специфика правовой коммуникации заключается в том, что коммуниканты *осознают* наличие друг у друга правомочий и корреспондирующих им обязанностей, *взаимно признают* себя и их и взаимодействуют на этой основе²²⁶. Правомочия и правовые обязанности «облекаются» (объективируются) в текстуальные формы, они нормативны, поскольку интерпретируются из «легитимированных текстов»²²⁷. Определенные, в том числе жизненно необходимые притязания субъектов права получают признание и нормативное закрепление в виде обязанностей, налагаемых на адресата притязания. Правовая коммуникация между носителями прав и обязанностей, поддерживаемая различными способами социально легитимированного принуждения, связывает всех субъектов права в когерентную систему правовых отношений. Таким образом определяются основные элементы правовой коммуникации – субъекты права, правовые нормы, правовые тексты и правовые отношения. Поскольку правовые нормы образуют структуру собственно права, а правовые тексты относятся к правовой системе,

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. С. 9.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

формируется системная дифференциация: социальная система/культура включает в себя как подсистему правовую систему, а она, в свою очередь, право. Так в предельно кратком изложении формулируется коммуникативная модель права А.В. Полякова. По мнению автора ее преимущества сводятся к тому, что она, во-первых, стереоскопична, поскольку позволяет увидеть многогранность права, и, во-вторых, она динамична, поскольку правовая коммуникация в ее трактовке непрерывна и является продуктом социальной регуляции. Добавлю третью ее особенность – рассмотренная коммуникативная модель права отличается принципиальной открытостью права к социальной реальности.

В 2003 г. выходит новый учебник автора, «Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций». После небольшой редакции, практически в том же объеме он издается в 2004 г. под названием «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода». Именно этой книге была присуждена премия СПбГУ I степени «За научные труды». Поскольку такая высокая оценка является подтверждением признания со стороны академического сообщества, дальнейший анализ будет строиться на тексте 2004 г.

Уже из самого расширения названия очевидно методологическое самоопределение, осуществляемое автором, который теперь настаивает на новом подходе к праву, сначала связывая его с феноменологической традицией (учебник 2003 г.), а потом (учебник 2004 г.) расширяет до интерпретативной основы (как правило, в ее рамках объединяют социальную феноменологию, герменевтику и семиотику). Теперь подход автора связан с интерпретацией юридической догмы с позиций выявления коммуникативных процессов, приводящих как к ее конструированию, так и обеспечивающих ее функционирование. Существенная часть текста была переработана и получила новую компоновку для того, чтобы авторская позиция стала более отчетливой в условиях жанра, предназначенного для трансляции «усредненной» общепринятой в науке позиции (сам текст увеличился с 642 до 864 страниц)

для учебных целей. Усиливают эту интенцию и расширение текста акцентными вставками, и определенная структурная перестановка. Остановлюсь на самых значимых из этих новаций подробнее.

В новом учебнике А.В. Поляков сохраняет основную структуру изложения. В отдельных лекциях появляются новые дидактические единицы (фиксируются в расширенном плане, предваряющем каждую лекцию), позволяющие системно вводить новый материал. Расширяется авторское предисловие, вводится авторское послесловие.

Во введении сохраняется интенция на рассмотрение права как интегрального явления, что требует интегративного подхода, выявляющего «тотальную и синергичную intersubъективную реальность» права в ее коммуникативно-деятельностном, ценностном, семиотическом и психологическом аспектах, но появляется новая смысловая ось такого подхода: «В центре таким образом понимаемой правовой реальности находится человек как творение и творец правовых коммуникаций – homo communicaticus»²²⁸. Ориентация на преодоление разрыва юснатурализма и юспозитивизма сохраняется, но в новом, расширенном определении методологической ситуации, которая описывается как концептуальное противостояние этатистской, естественно-правовой и социологической юриспруденции.

В первой лекции появляются подразделы «Социальное познание», «Понятие коммуникации», «Связь типов правопонимания с типами научной рациональности». Подраздел «Социальное познание» начинается с изложения основ феноменологического подхода, базовая часть которого ранее автором использовалась для детализации взглядов Н.Н. Алексеева, а теперь призвана вскрыть специфику «наук о духе», где «феноменология разрушила «субъект-объектное» противостояние, характерное для классической научной рациональности, и сделала принцип субъектности парадигмальным для

²²⁸ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 10.

коммуникативных стратегий постнеклассической науки»²²⁹. Рассмотрев базовые категории гуссерлевского анализа, А.В. Поляков определяет социальное поведение людей как поведение коммуникативное, представляющее собой «взаимодействие между социальными субъектами в соответствии со смыслом социально признанных текстов»²³⁰. В подразделе «Понятие коммуникации» автор, отталкиваясь от основных определений коммуникации А.Ю. Бабайцева²³¹, акцентирует значение для теории права понятия «мыслекоммуникация», под которой понимается «взаимодействие между субъектами, опосредованное некоторым знаковым объектом (текстом)»²³², поскольку обнажает смысловой аспект социального взаимодействия. В семиотическом ракурсе на передний план выводится понятие текста как единицы коммуникации, устанавливается структура мыслекоммуникации (коммуниканты, осмысляемая ситуация, сообщение, мотивы и цели коммуникантов, их трансляция и интерпретация), ее аспекты (информационный, он же рациональный, эмоционально-ценностный, он же иррациональный, пракселогический, он же деятельностный), ее виды и формы. Через понятие хронотопа мыслекоммуникация соотносится с социальным временем и пространством, определяется круг авторов, чьи труды значимы для анализа социальной коммуникации, к ним относятся представители феноменологии, персонализма, экзистенциализма, герменевтики, социальной теории, символического интеракционизма, философии диалога, теории коммуникативного действия, психоанализа, метафизики коммуникации, структурализма и постструктурализма, семиологии и постмодернизма. На этой основе А.В. Поляков приводит к выводу о том, что «концепция права не может быть только теоретической наукой, основанной на эйдетическом знании, но должна быть и

²²⁹ Там же. С. 39.

²³⁰ Там же. С. 53.

²³¹ См.: Бабайцев А.Ю. Коммуникация // Постмодернизм. Энциклопедический словарь. Минск, 2001. С. 372.

²³² Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. С. 54.

мировоззренческой философией, выросшей из понимания»²³³. В подразделе «Связь типов правопонимания с типами научной рациональности» усиливается противопоставление классических типов правопонимания и концепций, появившихся во второй половине XX века, в которых «коммуникативные стратегии становятся доминирующими в постнеклассическом типе научной рациональности, которую также можно назвать “коммуникативной рациональностью”»²³⁴. Интенция на поиск интегрального типа правопонимания, в котором теория права плюралистична и построена на принципе «многоединства», сохраняется.

Во третьей лекции конкретизируется подраздел «Проблемы теории правогенеза», который в новой редакции становится подразделом «Право и коммуникация: проблемы правогенеза». Подраздел «Общесоциальные (социопсихические и социокультурные) условия возникновения права» включает новый коммуникативный акцент («Коммуникативные (социопсихические и социокультурные) условия возникновения права»). При общем сохранении логики изложения в тексте появляются отсылки, например, к концепции автопоезда У.Р. Матураны и Ф.Х. Варелы, повлиявшей на аутопойезис Н. Лумана, конкретизируется понимание общества как Другого: «...права и обязанности человек имеет не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к обществу; так же, как общество имеет права и обязанности по отношению к человеку. Простое взаимодействие двух физических лиц еще не создает права. Для этого субъекты должны быть погружены в «социальное»; необходим общий жизненный мир: общие социальные институты, общие ценности и нормы, короче, необходимо общее пространство коммуникации. Поэтому в любых правовых отношениях общество (государство) выступает одной из сторон, выполняющей функцию (роль) “Инстанции”, – гаранта правового характера совершаемых действий. Следовательно, правовая коммуникация всегда имеет публичный характер и

²³³ Там же. С. 76-77.

²³⁴ Там же. С. 106.

выступает не в форме диалога “Я—Другой”, а в форме полилога “Я—Другой—Инстанция”»²³⁵. Также вводится разграничение понятия «первичных» и «вторичных» правовых текстов (первые конституируют само субъективное права, вторые связаны с применением права и его реализацией). Правовые нормы несводимы к первичным текстам и обладают интегративным свойством, позволяющим объединять «семантические значения нескольких правовых текстов»²³⁶. Догосударственное право определяется как устное²³⁷. Выделенные ранее общесоциальные условия возникновения права теперь однозначно определяются как коммуникативные условия в подразделе «Коммуникативные (социопсихические и социокультурные) условия возникновения права». Меняется определение социокультурных условий («наличие в обществе самих объективированных, общезначимых и общеобязательных правил поведения, определяющих права и обязанности членов социума и выступающих в качестве общезначимых ценностей, своеобразных культурных кодов, способных властно воздействовать на поведение субъектов»²³⁸), объективированность теперь понимается как «текстуальная объективированность».²³⁹ Появление права как социальной свободы, понимаемой как «возможность действовать, осуществляя сознательный выбор того или иного варианта поведения на основе социально признанных норм должного»²⁴⁰ теперь прямо отождествляется А.В. Поляковым с правом, которое вытекает из коммуникативной природы человека, и естественно в том же смысле в каком естественной для человека является речь: «Только в этом смысле можно было бы говорить о праве, характеризуя его как **естественное право**. Право

²³⁵ Там же. С. 228.

²³⁶ Там же. С. 236.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 156.

²³⁹ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 243.

²⁴⁰ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 156.

вытекает из коммуникативной природы человека и естественно в том же смысле, в каком естественен человеческий язык, речь, взаимодействие между людьми, культура в целом»²⁴¹

В четвертой лекции исчезает расшифровка, данная в скобках, для подраздела «Элементы структуры права: общезначимые нормы и межсубъектные правоотношения (субъективные права и коррелятивные правовые обязанности)».

Изменение последовательности лекций «Нормы права» и «Источники права» (меняются местами, второе название конкретизируется, трансформируясь в «Правовые тексты как источники права») четче отражает дедуктивную логику изложения. В тринадцатой лекции появляется развитие идеи о первичных и вторичных правовых текстах, в структуре правовых текстов выделяется означаемое (содержание) и означающее (знаковая форма)²⁴², утверждается полилогичность правовых текстов. В четырнадцатой лекции нормы права определяются как функциональные социальные ценности и, одновременно, социальные практики их реализации²⁴³, и трактуются как результат самоорганизации социальных коммуникаций за счет обратной связи.

Итогом такой объемной переработки становится расширение метатеоретической позиции автора, включение в нее качества метатеоретического обоснования философских положений теории коммуникации, углубление понятия «правовая коммуникация» через соотнесение его с понятием социальной коммуникации, а также придание теоретическим взглядам автора большей стройности и последовательности. Свидетельством признания этой работы становится присуждение учебнику премии СПбГУ I степени «За научные труды». В 2016 г. он был переиздан с

²⁴¹ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 247. Речь идет о «естественности» права, детерминированной человеческой природой, понимаемой в русле метафизики русской философии как целостность духовного, социального и телесного.

²⁴² Там же. С. 649-650.

²⁴³ Там же. С. 698.

исправлениями и дополнениями²⁴⁴, не поменявшим, впрочем, базовых положений, что отмечено и самим А.В. Поляковым в новом авторском предисловии: «было решено никаких принципиальных изменений в текст не вносить, оставив его таким, каким он сложился в первые годы нового тысячелетия, являясь своеобразным памятником той эпохи, которая в глазах автора связывалась с надеждами на перемены к лучшему в нашем родном Отечестве»²⁴⁵. Как показывает В.М. Будилов, дополнением к этому учебнику является не только книга «Коммуникативное правопонимание» (2014), представляющая собрание трудов А.В. Полякова разных лет, на что в ней указывал и сам теоретик, но и двухтомник «Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции»²⁴⁶ (2014), показывающая широкий спектр концептуальных связей различных областей правоведения с теорией А.В. Полякова²⁴⁷. Отмечу, что хотя название учебника во втором издании продолжает утверждать авторский подход к теории права, все цитировавшиеся в данном разделе статьи, посвященные идеям А.В. Полякова, обозначают его взгляды именно как «коммуникативную теорию права», это именование к середине второго десятилетия XXI века становится общепринятым в научном дискурсе. В данном случае речь идет о том, что фактический вклад в науку оказался более фундаментальным, нежели скромные заявления автора о нем.

Отдельно необходимо отметить вышедшее в 2015 г. второе издание учебника «Общая теория права», написанное А.В. Полякова в соавторстве с Е.В. Тимошиной, в котором авторы последовательно освещают проблему места и роли общей теории права в системе социально-гуманитарного знания (первая глава) и представляют масштабный анализ исторических типов

²⁴⁴ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Проспект, 2016. 832 с.

²⁴⁵ Там же. С. 4.

²⁴⁶ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография: в 2 т. / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. Т. 1. 373 с.; Т. 2. 533 с.

²⁴⁷ Будилов В. М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник С.-Петербургского ун-та. Право, 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 13.

правопонимания (классических, неклассических, постнеклассических), акцентируя специфику интегрального правопонимания как феномена постнеклассической науки²⁴⁸.

Подводя итог анализа трудов А.В. Полякова, необходимо отметить, что в его учебниках в т.ч. в соавт. с Е.В. Тимошиной коммуникативная теория права изложена как системное целое. Несмотря на осуществляемый в ее рамках революционный пересмотр оснований определения сущности права, она сконструирована как разновидность дедуктивной «контейнерная теория». Термин «контейнерная теория» был выдвинут У. Беком²⁴⁹ для описания для описания классических социологических теорий, использующих специфические упорядочивающие логико-теоретические схемы, помещающие общества в «контейнер» национальных государств, а мезо-феномены типа коллективных идентичностей разносятся по автономным институциональным мирам. Если отбросить глобализационный контекст конструкции Бека, противопоставляющего сетевое взаимодействие иерархическим интеракциям, контейнерная теория окажется методологическим проектом, обрамляющим, и, одновременно, формирующим конкретный фрагмент предметного поля исследования через формирование каркаса, связывающего предметную область в единое целое. Ее дедуктивность означает более четкую проработку аксиоматического ядра, и вытекающего из него понятий, образующих учения, детализирующие элементы догмы права. В коммуникативной теории права основной поиск ведется на «верхних» этажах теории государства и права, граничащих с философией права. Здесь уровень универсализации положений предельно высок, и отражает работу автора с предельными основаниями элементов юридической догмы, за счет чего возможен их дальнейший дедуктивный перенос на «нижние» этажи. В итоге категориальные ряды коммуникативного характера выступают контейнером для большинства дисциплинарных учений,

²⁴⁸ Поляков А. В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: СПбГУ, 2015. 472 с.

²⁴⁹ см.: Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

традиционных для отечественной теории государства и права, а само введение новых метатеоретических оснований не предполагает разработки новых дисциплинарных учений. Формирование первых предполагает пересмотр только онтологических и, в меньшей степени, гносеологических представлений о природе права, для большинства остальных концептуальных блоков достаточно корректировок, доктринальных уточнений и соотносений, модернизирующих общепринятые в дисциплине понятийные конструкции. Так проявляется интегративный характер коммуникативной теории права, где исходный глубокий методологический синтез позволяет не только отбросить устаревшее, но и сохранить релевантное накопленное теории государства и права правовое знание.

Выводы:

Коммуникативная теория права А.В. Полякова формировалась длительное время. В настоящее время она структурируется по двум уровням, первый обосновывает трансцендентальные основания права через категорию правового признания, второй отражает авторский подход к сущности правовой коммуникации как содержанию права. Второй уровень хронологически является более ранним и включает в себя наиболее объемные тексты автора.

Работу над базовыми положениями второго уровня автор начинает в учебнике «Общая теория права» (2001), исходя из задачи формирования целостного интегративного правопонимания, способного системно учитывать различные аспекты права. В фундамент новой теории он закладывает отечественную традицию поисков смысла права, акцентируя идеи Л.И. Петражицкого, рассмотренные в феноменологическом ракурсе, и неоиdealизм в русской правовой теории (Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой). Через анализ феноменологической теории права Н.Н. Алексеева вводятся ключевые идеи гуссерлевской феноменологии.

Правогенез трактуется в социальном контексте, основой понимания социальности выбраны положения социальной феноменологии П. Бергера и

Т. Лукмана. В этом случае коммуникативная теория права обеспечивает «выход к «верхним этажам» современной социальной теории, интерпретируя правогенез как неотъемлемую часть непрерывного социогенеза»²⁵⁰. А.В. Поляков формирует свое собственное определение общества, на которое опирается определение права как многомерную психосоциокультурную систему, представляющую собой текст (систему знаков). Через процедуру феноменологической редукции он обнаруживает эйдетическую основу права, которой выступает правомочие. Остальные смыслы права (связанные с возможностью для субъекта действовать оправданно и требовать от других действий, соответствующих правомочию), присоединяются к правомочию, образуя его эйдос.

Базовые положения коммуникативной теории права конкретизировались, расширялись и дополнялись в последующих текстах. В научном докладе докторской диссертации А.В. Полякова (2002) определяется правовая коммуникация и рассматриваются ее основные элементы. В учебнике «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода» (2004) автор переопределяет свой подход, отходя от его прямой феноменологической характеристики в сторону интерпретативного анализа, синтезируя социальную феноменологию, герменевтику и семиотику для выявления смыслов права. Усиливается интегративная миссия новой теории, которая теперь преодолевает разрыв не только между юснатурализмом и юспозитивизмом, но и социологическими теориями права. Понятие правовой коммуникации соотносится с понятием социальной коммуникации, в последнем начинает доминировать ее понимание как мыслекоммуникации. Социально-феноменологический анализ правогенеза калибруется через обращение к идеям аутопойезиса.

²⁵⁰ Тихонова С.В. Становление правовой коммуникативистики в России: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, № 3. С. 326.

Теоретическим дополнением к основным положениям коммуникативной теории права становятся издания «Коммуникативное правопонимание» (2014), «Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: в 2 т.» (2014), раскрывающие концептуальные связи коммуникативной теории права с различными областями правоведения. В итоге А.В. Поляков создает целостную теорию права, опирающуюся на интегративную методологию в логике контейнерной теории, задающей социально-онтологический каркас категорий, обосновывающих догму права при ее минимальной корректировке.

§ 1.3. Развитие коммуникативной теории права А.В. Полякова

Развитие коммуникативной теории права, осуществленное ее автором, А.В. Поляковым, во втором десятилетии и начале третьего десятилетия XXI века во многом задано общим направлением его дальнейших исследований. В этот период правовед корректирует свою версию прочтения Л.И. Петражицкого²⁵¹, разрабатывает авторскую интерпретацию прав человека²⁵², раскрывает философско-правовое содержание категории свободы²⁵³, рассматривает в коммуникативном ключе соотношение категорий справедливость²⁵⁴ и легитимность²⁵⁵, обосновывает собственное понимание путей развития философии и теории права в цифровую эпоху²⁵⁶. В этом проблемном поле шло формирование фундаментального, философско-правового, уровня обоснования трансцендентальных оснований права.

Как отмечалось ранее, для коммуникативной теории права это верхний уровень предельной универсализации. Для его конкретизации в более поздних работах А.В. Поляков углубляет свою теорию концепцией правового признания. Первоначально она выдвигалась как идея признания права²⁵⁷. Само

²⁵¹ Polyakov A.V. A Communicative Approach to Leon Petrażycki's Theory of Law // Leon Petrażycki: Law, Emotions, Society / eds. Eduardo Fittipaldi, A. Javier Treviño. NY: Routledge. 2023. P. 193–208.

²⁵² Поляков А.В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 295-324; Он же. Права человека и ценности: их философский смысл и идеологическое значение в постсоветской юридической науке // Идеология и политика. 2021. №2 (18). С. 152-193; Он же. Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. №4. С. 105-117; Он же. Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. №5. С. 97-113.

²⁵³ Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 37-56.

²⁵⁴ Поляков А.В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуниктивиста // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведение: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 27-29 июня 2019 г.). Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 205-224; Он же. Справедливость как следование принципам права // Жива ли справедливость в праве? Коллективная монография / под ред. Д.И. Луковской, Н.И. Малышевой, М.И. Юдиной. СПб.: Алетейя, 2022. С. 40-82.

²⁵⁵ Поляков А.В. Легитимность как свойство право // Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 44-80.

²⁵⁶ Поляков А.В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. №12. С. 30-42; Он же. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуниктивиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-исследовательской программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 29-157.

²⁵⁷ Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6(323). С. 57-77.

предположение о том, что право нуждается в признании для того, чтобы можно было считать его существующим объективно, принципиально не совместимо с представлением о том, что право есть совокупность установленных норм, поскольку подчинение таким нормам объясняется не отношением к этим нормам, а отношениями с теми, кто их установил. Правовые тексты содержат прескрипции, в соответствии с которыми надо действовать, а не просто считывать их смысл. Поэтому правовая коммуникация обязательно «включает в себя поведение по реализации правового предписания (предписания правовой нормы)»²⁵⁸, причем поведение, обязательно предполагающее взаимодействия (как правило, по поводу тех или иных ценностей) с другими людьми. Только когда взаимодействующие понимают границы своего поведения и согласуют их друг с другом, право и становится возможным. Таким образом, А.В. Поляков связывает интеллектуально-когнитивные аспекты права с эмоционально-аксиологическими, единство которых раскрывается в его признании, трактуемом как легитимация. Последняя преобразует предписываемую норму в стратегию поведения, которую индивид сам рассматривает как правомерную, законную, справедливую. Важно, что легитимация может быть как рациональной (здесь предписание соотносится с правовой системой в рамках формальной легитимации, или с социальными идеалами и ценностями в рамках содержательной легитимации), так и иррациональной (подкрепляемой подражанием, индивидуальным или коллективным бессознательным, традициями, обычаями, ментальностью и т.п.). Но для того, чтобы легитимация вообще происходила, для нее требуется исходная предпосылка, а именно «признание субъектов коммуникативными личностями, т. е. их необходимо рассматривать как лиц, обладающих изначальной свободой, равенством, достоинством и ответственностью»²⁵⁹. Это признание неизбежно предполагает и влечет за собой их равенство.

²⁵⁸ Там же. С. 59-60.

²⁵⁹ Там же. С. 63.

Формальное равенство А.В. Поляков раскрывает в четырех аспектах²⁶⁰. Первый – это коммуникативное равенство, в котором люди предстают как одинаково способные к пониманию свободно самоопределяющиеся субъекты, т.е. равные в своей правоспособности. Здесь речь идет о том, что адресаты правовой нормы рассматриваются одинаково способными понимать смысл правовой нормы и принимать его как основание своей доброй воли. А, значит, признается ценность и автономия каждого субъекта права. Второй – нормативное правовое равенство, поскольку общие нормы отмеряют всем людям равную меру свободы. Третий – равенство как правовой идеал, в котором формальное равенство становится правовым принципом, предполагающим наделение как можно большего числа людей как можно большим диапазоном прав, подкрепленным обязанностями. Четвертый – трактует равенство через принцип соответствия, равноценности, эквивалентности. Только первые два аспекта присущи праву неотъемлемо и непосредственно, поскольку принципы права, в отличие от признаков, никогда не могут быть реализованы полностью. Ключевые признаки права сопрягают признание с доверием, верой и убеждением, т.е. совмещают когнитивные и волевые установки индивида с его ориентированностью на открытость и надежность в человеческих отношениях.

В следующей статье «Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву» (2021)²⁶¹ А.В. Поляков переходит от понимания признания права как идеи к утверждению принципа взаимного правового признания и обоснованию взаимного правового признания как разновидности взаимного признания. Поскольку социальная коммуникация имеет два аспекта, которыми являются познание (себя и мира) и отношение (к себе и к миру), признание определяется им как «позитивное ценностное отношение субъекта

²⁶⁰ Там же. С. 66.

²⁶¹ Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 39-101.

к явлениям внутреннего и внешнего мира»²⁶². Коммуникативная природа человека основана на взаимности отношений, невозможной без понимания и признания себя и Другого в качестве понимающего и взаимодействующего. Человек «переносит» свои собственные качества на своего контрагента, а факт такого переноса равнозначен утверждению человечности контрагента. Как показывают Е.Г. Самохина и И.И. Осветимская, лежащая в основе парадигмы признания А.В. Полякова идея суверенитета личности, созвучна позиции А. Хоннета («индивидуальность формируется через практическое отношение к себе, самопонимание, которое, в свою очередь, развивается в отношениях признания»²⁶³), это совпадение авторы усматривают в том, что «парадигма признания предлагает закрепить взаимное признание человеческого достоинства в социальных институтах и практиках, через которые может быть обеспечены социальная, моральная и правовая взаимозависимость (автономия) индивидов»²⁶⁴.

При очевидном сходстве двух концепций есть и существенное различие. Действительно, в анализе мотивации процедуры переноса для А.В. Полякова крайне значимы сюжетные линии хоннетовской концепции борьбы за признание. Однако А.В. Поляков усиливает их позитивное, консенсуальное звучание в противовес интересу Хоннета к перманентным ситуациям конфликта и противостояния, которые являются социально-онтологической чертой социального развития, как будет показано позднее. Если у Хоннета признание – дефицитный ресурс, за который идет непрерывная борьба, то у Полякова оно есть предпосылка любой интеракции, отсутствие которой превращает взаимодействие в дефектное. Неслучайно А.В. Поляков постулирует «пороговый минимум» признания, необходимый для того, чтобы взаимодействие считалось человеческим. Действительно, если один человек

²⁶² Там же. С. 57.

²⁶³ См.: Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. London: MIT Press, 1995. 240 p.

²⁶⁴ Samokhina, E.G., Osvetimskaya, I.I. (2022). Normativity and facticity: foundation of legal validity from the communicative perspective // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2022. №15(12). DOI: 10.17516/1997-1370-0949. P.1758.

низводит другого до уровня лабораторного или рабочего животного, рассматривает его как расходный материал или инструмент, то речь идет о дегуманизованном вещном взаимодействии. Такое понимание не исключает понимания признания как дефицитного ресурса, за который идет борьба, но является более широким. Формы и степень признания всегда изменчивы и начинаются от «порогового минимума» – на интеллектуальном уровне (в своем правовом значении), вплоть до восхищения, обожествления, преклонения на уровне эмоциональном (в моральном и религиозном значении).

Индивидуальное признание осуществляется в формате духовного акта, эмоционального акта и интеллектуального акта. Как духовный акт оно связано с уважением к человеческому достоинству, осознанному отношению к ценности человеческой свободы и солидарности с другими людьми как достойными и свободными существами, на протяжении жизни укрепляемым человеком в отношении к другим людям и реализующимся в конкретных поступках. В интерпретации духовного измерения признания А.В. Поляков сближает свою позицию с идеями В.С. Соловьева и И.А. Ильина. Признание как эмоциональный акт связано с эмоциями и чувствами, делающими другого человека значимым, особенным и крайне важным. Признание как интеллектуальный акт означает некоторую калькуляцию значимости и ценности другого индивида с позиций его экономического или социального капитала. Признание же как нравственный и правовой принцип предполагает доктринальное и институциональное обоснование, оно уже не индивидуально, а коллективно, социально. Защита на уровне закона правосубъектности каждого члена данного общества, его основных прав и свобод и является реализацией принципа правового признания на уровне правовой системы. Правовое признание не требует эмоционального отношения к другому, привязанности к нему или расчетливого обоснования его важности в контексте, допустим, его высокого статуса. Оно опирается на сам онтологический факт существования «Другого как любого, кто отличен от

меня, но принадлежит к человеческому роду»²⁶⁵, т.е. равного мне по своим коммуникативным способностям. Важную роль в правовом признании играет понятие ответственности, поскольку перенос на Другого человеческого статуса предполагает уважение к нему и принятие на себя обязанностей, корреспондирующих его правам как ответ на ожидания по поводу своих собственных прав.

Интересно, что А.В. Поляков конкретизирует возможные способы обоснования принципа взаимного правового признания, относя к ним теологическое, этическое, иррационально-мистическое, рациональное, естественно-научное, утилитарное, историко-социокультурное обоснования, показывая через разные традиции значимость исследуемого принципа в эволюции человеческого общества. А сам этот принцип становится способом обоснования естественного права, не столько возрождаемого, сколько утверждаемого коммуникативной теорией права.

Таким образом, более поздняя, чем исходная, «контейнерная» для классической теории права коммуникативная теория, концепция взаимного правового признания работает на уровне коммуникантов, расширяя первую группу следствий ее доктринального развития, которая будет рассмотрена ниже. Во-первых, она трактует взаимное признание как изначальный коммуникативный акт, отличающий человека от иных существ. Во-вторых, она утверждает естественное право как ядро человеческой коммуникации и основу социальной солидарности. Во-третьих, она дает коммуникативной теории права метафизическую глубину, связывая ее напрямую с духовным поиском дореволюционной русской правовой мысли. В-четвертых, она намечает экзистенциальную перспективу, связанную с усилением гуманистического начала в правовом развитии.

Другие работы автора конкретизируют базовые постулаты коммуникативной теории права, углубляют ее связь с философско-правовой

²⁶⁵ Там же. С. 62.

традицией и актуальными задачами современного правоведения²⁶⁶. Например, в статье «Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права» А.В. Поляков прорабатывает диалектику субъективного и объективного в праве, показывая, что природа правовой коммуникации раскрывается через ее способность, во-первых, способствовать унификации права, предлагать выработку общего кода для отличия права от неправа, и, во-вторых, позволять возникать автономным правовым системам, постепенно включаемым в процесс унификации²⁶⁷. Такая интерпретация позволяет рассмотреть право как самоорганизующуюся систему, непрерывно вырабатываемую в совместной деятельности людей. В этом ракурсе правовая коммуникация А.В. Полякова воспроизводит логику самовоспроизводства коммуникации Н. Лумана: когда материальные предпосылки собраны воедино (Вселенная возникла, белковая жизнь зародилась и привела к эволюции, разумные люди находятся рядом друг с другом), для коммуникации не нужно внешних причин, она сама себя создает в акте аутопойезиса, независимо от внешних для коммуникации целей, участников и последствий. Так и для правовой коммуникации не требуются установленные снаружи трансцендентные законы, воля или другие условия, поскольку ее стихией является социальная самоорганизация. Социальная и правовая коммуникации как раз и возникли потому, что отражают природу человека, существующего как биологический организм через адаптацию к окружающей среде. Это означает, что притязания человека в той или иной степени, но направлены на эту самую адаптацию, т.е. зависят от «природных» законов, что не мешает аутопойезису, по крайней мере, в интерпретации Матураны и Варелы²⁶⁸.

²⁶⁶ Тихонова С. В. Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64. С. 62.

²⁶⁷ Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 104.

²⁶⁸ См.: Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living (1973) // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980. P. 63-134.

В работе «Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста)»²⁶⁹ А.В. Поляков обосновывает важность проблемы целостности (как общества, так и права) и для науки в целом, и для философии права. Показывая, что ее решение возможно именно в рамках постклассической юриспруденции, он одновременно оттачивает и переосмысляет базовый категориальный ряд своей теории, укрепляя связь между двумя ее уровнями. В итоге феноменолого-коммуникативная реальность права как intersubjectивного интенционального явления выстраивается на основании коммуникативных универсалий. Если ранее последние рассматривались как трансцендентальные категории, то теперь исследователь показывает их антропологическую детерминированность, зависимость от филогенетических особенностей эволюции человека. Такой ракурс неизбежно предполагает дрейф исследовательского внимания в сторону естественно-научных данных. Если задачей оказывается демонстрация того, как опыт взаимного общения в процессе длительной генно-культурной коэволюции постепенно формировал универсальные представления об этике и праве», то неизбежно оказываются востребованными современные данные как об антропогенезе, вскрывающие взаимосвязь между обменом дескриптивными языковыми сообщениями и ответной аффективной (эмоционально-рациональной) реакцией в виде взаимного признания как наилучшего варианта для выживания социума, так и когнитивными особенностями человеческого поведения в целом. В итоге целостная коммуникативная теория права укореняется в современной эволюционной теории и нейронауках, усиливается ее междисциплинарный характер.

Выводы:

²⁶⁹ Поляков А.В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-исследовательской программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 29-157.

Первый уровень коммуникативной теории права концентрируется на обосновании метатеоретического фундамента данной теории в учении о правовом признании как трансцендентальном основании права. Предложенная А.В. Поляковым идея объективации права через признание становится основой нового гуманистического понимания права, утверждающего ключевой характер доверия в правогенезе.

Разработка учения о признании как фундаменте правогенеза начинается с обоснования идеи признания права. Саму возможность права А.В. Поляков связывает с тем, что взаимодействующие субъекты должны не только понимать границы своего поведения, но и непрерывно согласовывать их друг с другом. В этом процессе каждый из субъектов должен признать наличие симметричных способностей у контрагента, поэтому признание понимается как единство интеллектуально-когнитивных аспектов права с эмоционально-аксиологическими, в котором утверждается изначальность свободы, равенства, достоинства и ответственности участников взаимодействия. Из этого тезиса А.В. Поляков выводит четыре аспекта формального равенства – коммуникативное равенство, нормативное правовое равенство, равенство как правовой идеал и равенство как соответствие.

Концептуальный переход от идеи права как признания к принципу взаимного правового признания основан на том, что правовое признание как принцип опирается на сам онтологический факт существования Другого как представителя человеческого рода, признание за Другим человеческого статуса означает принятие индивидом на себя обязанностей, корреспондирующих правам Другого как ответ на ожидания по поводу своих собственных прав.

По итогам первой главы можно сделать следующие **выводы**.

В целом отечественная коммуникативная теория права представляет собой эссенциалистскую теорию, ядром которой является ответ на вопрос «что такое право?». На первом уровне теории раскрываются трансцендентальные

основания правовой коммуникации, предшествующие ее конкретным актам в смысле онтологического факта. Здесь интеллектуально-когнитивные аспекты права связываются с эмоционально-аксиологическими, их единство раскрывается в правовом признании. Во-первых, взаимное признание трактуется как изначальный коммуникативный акт, отличающий человека от иных существ. Во-вторых, на этом уровне коммуникативная теория права утверждает естественное право как ядро человеческой коммуникации и основу социальной солидарности. Во-третьих, концепция правового признания дает коммуникативной теории права метафизическую глубину, связывая ее напрямую с духовным поиском дореволюционной русской правовой мысли. В-четвертых, она намечает экзистенциальную перспективу, связанную с усилением гуманистического начала в правовом развитии.

На втором уровне поиск ответа на исходный вопрос выходит за трансцендентальные рамки в область реальных интеракций. Возможная предметная область их анализа задается через коммуникативно-интерпретативную парадигму, очерчивающую границы понимания природы социального. На ее платформе осуществляется процедура феноменологической редукции, обращенная в сторону социальных оснований юридической догматики. Полученный в итоге эйдетический смысл права позволяет понимать правовое как социальное без потери его сущностной специфики, через понятие правомочия формулируя понятия коммуникации, из которого далее выводятся основные категории теории права. Двухуровневая коммуникативная теория права А.В. Полякова не только интегрирует различные типы правопонимания, но и надежно связывает философию права с теорией права.

Глава 2. Западная коммуникативная теория права

§ 2.1. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Н. Луман и Ю. Хабермас

В литературе неоднократно отмечалась методологическая неоднородность западной коммуникативной традиции в философии права²⁷⁰. И.Л. Честнов, выбрав в качестве критерия отношение к автономности системы права, выделяет в них два подхода: «подход «закрытый», ориентированный на «правило замыкания» системы права и «открытый», предполагающий постоянную коммуникацию правовых с «неправовыми» – экономическими, политическими и т.п. – аспектами социальной реальности²⁷¹. Эта классификация весьма продуктивна, поскольку в подавляющем большинстве своем различные версии коммуникативизма восходят к двум идейным источникам, противостоящим друг другу именно по отмеченному критерию – политико-правовым концепциям Н. Лумана (закрытый подход) и Ю. Хабермаса (открытый подход), разработанным в русле парадигмы западного постметафизического мышления в социальной теории. Важно отметить, что и Луман, и Хабермас относятся к числу самых влиятельных социологов континентальной Европы, влиятельных не только среди обществоведов, но и среди философов и теоретиков права. Их правовые взгляды включены в контекст разработанных ими социальных теорий (у Лумана есть работа, посвященная непосредственно праву – «Право как социальная система», 1993, пер. на англ. 2004²⁷²; среди работ Хабермаса наиболее полно воспроизводящей его правовопонимание считают

²⁷⁰ Например, см.: Антонов М.В., Поляков А.В., Честно И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правовопонимание: Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф», 2014. С.550.

²⁷¹ Честнов И.Л. Коммуникативная теория Бьярна Мелкевика в контексте классической юриспруденции: Вместо предисловия // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии / пер с франц. Е.Г. Самохиной; науч. ред. И.Л. Честнов. М.: РГ-Пресс, 2020. С.6.

²⁷² Luhmann N. Law as a Social System. Oxford: Oxford University Press, 2004. 498.

«Фактичность и значимость», 1992²⁷³), и таким образом, интегрированы в категориальные ряды современного социального знания. Однако их «частный» характер не отменяет детальности их проработки. Остановимся на их подходах подробнее.

Закрытый подход Лумана иногда обозначается как «герметичный» и является следствием его системного подхода к обществу, одного из самых сложных в современной социальной теории. Социальные системы Луман рассматривает по аналогии с биологическими системами с точки зрения их способности к самовоспроизводству. Аутопойезис – ключевой термин философии Лумана – как самоорганизация и самовоспроизведение системы предполагает, что базовым элементом социального является коммуникация. Луман категорически отвергает возможность отождествления коммуникации и действия, рассматривая оба понятия как «осадочные» ("residue") реликты, затемняющие непроницаемость социальных систем для внешнего наблюдателя: «обычно они используются в отношении субъекта. Они предполагают автора, обозначаемого как индивид или как субъект, которому могут быть приписаны коммуникация или действие. Но при этом понятие "индивид" или "субъект" используется только как пустая формула для одного, самого по себе высококомплексного факта, который выпадает из компетенции психологии и уже не интересует социологов»²⁷⁴. Коммуникация – это то, что позволяет системе дифференцироваться с миром и поддерживать эту дифференциацию. Она представляет собой процессуальное единство селекции информации, сообщения и понимания; на каждую триаду селекций наслаивается последующая. Успех коммуникации создает избыточность системы – возникновение памяти, необходимый для последовательности селекций. Прямого доступа к этим селекциям у наблюдателя нет, поскольку коммуникация – это пульсация смыслов внутри системы; наблюдатель для их

²⁷³ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Berlin: Suhrkamp, 1992. 666 s.

²⁷⁴ Луман Н. Что такое коммуникация // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114.

фиксации вынужден создавать собственные объяснительные конструкции, внешние по отношению к наблюдаемой системе. И именно в силу природы коммуникации правовая теория Лумана, точно также, как и теория социальная, бессубъектна.

Аутопойезис социальной системы Лумана в конечном итоге и сводится к пересборке спецификации коммуникации по принципу системной самоорганизации. Иначе говоря, система перманентно переопределяет свои элементы из имеющихся ресурсов таким образом, что они сохраняют свою конфигурацию во времени, реагируя на сигналы друг друга, но сохраняя свою автономность. Правила переопределения выступают особы кодом. Право как элемент высокого уровня (подсистема) структурируется на основании собственного кода, который и обосновывает вырабатываемые право нормы таким образом, что они пригодны и для поддержания правового кода, и для регулирования других подсистем. Собственно, в создании таких норм и разрешении конфликтов на их основе для других подсистем и заключается функция права в социальной системе. Право «наблюдает» за другими подсистемами.

Ее реализация задана внутренней для права логикой и импульсами развития. Ядром правовой системы для Лумана является справедливость, поскольку он «утверждает, что мы можем понять, как справедливость способна действовать в рамках всей правовой системы без явления естественного права, определяющего часть правовой системы как не-закон, если справедливость рассматривать как формулу непредвиденных обстоятельств правовой системы...»²⁷⁵. Правовая и юридическая системы у него разграничены, первая является более широкой как «подвижная позитивность», вторая – как «способ, которым право создает себя, исходя из самого себя»²⁷⁶, содержательно совпадая с правоприменительной

²⁷⁵ Nobles R., Schiff D. Introduction // Luhmann N. Law as a social system. Oxford, 2004. P. 22.

²⁷⁶ Цит. по: Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск, 1997. С. 78.

деятельностью. Как показывает С.И. Архипов, в теории Лумана закон и конституция принадлежат к политической системе: «закон не принадлежит юристам (возможно, никогда им и не принадлежал), он является частью политической системы, неотъемлемым элементом механизма властвования. Единственное, что пока находится в руках юридического сообщества, – юстиция»²⁷⁷. Правовую и юридическую системы Лумана сложно прямо отождествить с целым и частью, между ними лежит разрыв, поскольку механики законотворчества и судебных решений (правовая и юридическая системы соответственно) разнонаправлены и принадлежат к разным системным мирам. Согласовать их способны юридическая догматика и юридическая техника.

Право стабилизирует поведенческие общества потому, что правовая норма структурирует социальные ожидания правовой коммуникации (вся социальная коммуникация у Лумана представляет собой реализацию ожиданий ожиданий, поскольку селекции коммуникаций включает учет предполагаемых ожиданий²⁷⁸). Она выступает формой ответа, реакции на сигналы других подсистем, вырабатываемой юридической системой. Ожидания – ключевой момент для аутопойезиса, поскольку они являются темпоральной структурой коммуникации, полагая в будущем вектор

²⁷⁷ Архипов С.И. Представления о праве Николаса Лумана // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 1. С.8.

²⁷⁸ Лумановский смысл социального ожидания наглядно проясняет А.Ю. Антоновский: «Тот теоретический прорыв, который осуществил Ричард Докинз в отношении популяций, лишив их статуса эволюционирующих субъектов в пользу каждый раз по-новому перегруппирующихся генов, Никлас Луман осуществляет в отношении групп людей. Эволюционируют не группы людей, воплощающие свойственные именно для этой группы характеристики. Эволюционируют системы коммуникации (квази-фенотипы), однако в основе этого процесса лежит эволюция их структур – ожиданий, складывающихся в программы, т.е. вербальных инструкций по выстраиванию коммуникаций, сконцентрированных в ее языковых кодах. Структуры коммуникации – это координирующие ее конструирование коммуникативные ожидания.

Ожидания в этом смысле следует понимать как набор возможных значений слова или языкового выражения, т.е. своего рода весьма вероятные возможные миры, с которыми вынуждены считаться участники коммуникации, как только то или иное выражение будет произнесено. Генотип коммуникаций – это язык коммуникации. При этом некоторые его реализации (состоявшиеся, устоявшиеся языковые выражения как формы медиума) в ходе эволюции оказались наиболее эволюционно-успешными, т.е. наиболее генерализованными в той или иной области. Это значит, что они связывают наибольшее число конкретных ситуаций в ожидаемые, т.е. обобщенные, и, следовательно, делают возможной калькуляцию будущего развития положения дел, а в конечном счете – обеспечивают подсоединение ожидаемых в будущем коммуникаций, ориентированных на то или иное языковое выражение» (См.: Антоновский А.Ю. Николас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007. 135 с. С. 42).

предполагаемых действий и связывая законченные и гипотетические селекции в предвосхищении будущего, которое на самом деле всегда является полностью неопределенным. Перед нами Луман де факто выстраивает в аутопойезисе живую и непрерывную связь времен. Право связывает в первую очередь проблематичные коммуникации так, что весьма вероятный разрыв селекций предотвращается. Именно поэтому право есть иммунная система общества²⁷⁹.

Отмечу, что благодаря тому, что право переводит ожидания в статус нормативных, сохраняются и поддерживаются ожидания, неоправдываемые фактическим положением дел. Т.е. оно не столько прямо регулирует поведение, сколько корректирует ожидания, защищая тех, кто их разделяет, и создавая для них преимущества²⁸⁰.

Если порождаемый коммуникацией смысл относится к оппозиции законного/незаконного, то коммуникация является правовой, в этом качестве она есть элемент правовой системы. Внешние для права системы (в первую очередь, политическая) могут выдавать свой код за правовой. Такое вторжение без процедур «перевода» кода разрушительно для правовой системы, поскольку только она может определять, что относится к праву. Сам код только устанавливает различие правового и неправового, но установления соответствия ситуации правовому/неправовому требует дополнительных инструкций по применению (по формуле «если...,то...»), поэтому уникальная для социальной системы структура правовой системы представлена и кодом, и инструкциями. Именно так расшифровывается тезис Лумана о том, что только само право может сказать, что такое право²⁸¹.

Для внешнего наблюдателя нет возможности дифференцировать правовое и неправовое иначе, чем опираясь на самописание правовой системы, которое само по себе уже предполагает наблюдение второго порядка

²⁷⁹ Luhmann N. Law as a Social System. Oxford, 2004. P. 171.

²⁸⁰ Ibid. P. 150.

²⁸¹ Ibid. P.85.

(наблюдатель наблюдает за наблюдателями). Такая конструкция правовой системы у Лумана позволяет В.А. Слыщенкову констатировать, что системная теория Лумана «доверяет рассказу права о себе», а к ее ключевым качествам, кроме самовоспроизводства, самоотносимости, самоописания самонаблюдения, отнести и самообозначаемость²⁸². Однако все эти качества не дают самообоснования.

Обоснование права внутри права невозможно в силу парадокса самоприменения («код законное/незаконное не может быть применен к самому себе, не приводя к парадоксу, блокирующему дальнейшие наблюдения»²⁸³), возникающему потому, что логически свойство подмножества нельзя автоматически распространить на множество. Право, говорящее, что есть право, не может доказать, что оно само есть право точно так же, как критянин, утверждающий, что все критяне лжецы, теряет логическую обоснованность истинности своего собственного самоопределения. Любое обоснование законности закона через закон уходит в дурную бесконечность. В итоге основание правовой системы парадоксально, а такая парадоксальность несовместима с функциональностью. Поэтому правовая система действует так, словно никакого парадокса не существует. Для Лумана логическое противоречие не предполагает функционального конфликта, так как последний решается функциональными же средствами. Право продолжает определять собственные границы, делая свой парадокс невидимым, скрывая его. Механика сокрытия инициирует внутреннее развитие права, усложняя системы аргументации его инструкций, т.е., его структуры.

Отсутствие внутренних оснований права предполагает его трансцендирование. Поэтому в концепции Лумана правовая система подчинена политической, поскольку именно там, как отмечалось выше,

²⁸² Слыщенков В.А. Правовая теория Николаса Лумана и кризис современного общества // *Lex Russica*. 2016. №2 (111). С.189.

²⁸³ Luhmann N. *Law as a Social System*. Oxford, 2004. P.102.

аутопоетически устанавливается, что законно, а что нет, а конституция представляет собой механизм соединения этих двух систем. В такой модели правом будет то, что объявило себя правом слишком широко и неопределенно получается, независимо от своего содержания. Конечно, такой вывод приводит нас к избытку широты и неопределенности в правопонимании. Это противоречие Луман пытается преодолеть с помощью собственной концепции справедливости, в рамках которой он, по меткому замечанию К. Шульце, «переформулировал все основные понятия традиционной правовой философии и обесценил их функции. Таким образом, неизменным осталось только само слово «справедливость», но его смысл более не имеет ничего общего с исходным понятием справедливости»²⁸⁴. Связывая справедливость с непрерывно изменяющимися социальными установками, Луман получает возможность рассматривать ее как адекватную комплексность изменчивых социальных интересов и внутренней стабильности правовой системы. В итоге он получает доступ к механике внутренней самонастройки социальной системы, необходимой для ее сохранения во времени – система сама стремится к тому, что он называет функциональной справедливостью.

Лумановские взгляды на право тяготеют к универсализму – они описывают организацию правовой регуляции в любой социальной системе. Право для него не возникает «из-под пера законодателя», а формируется развитием коммуникативным аутопоезисом, логика которого в обществах, прошедших модернизацию, является универсальной, именно потому, что она функциональна и может иметь различные материальные основания.

На этом основании В.А. Слыщенко показывает приближение концепции Лумана к правовому плюрализму, отмечая, что реальный переход к последнему на основе системной теории осуществил Г. Тойбнер, согласно которому «правовой плюрализм (legal pluralism) есть... множественность разных коммуникативных процессов, которые наблюдают общественную

²⁸⁴ Шульце К. Постметафизическое мышление и переосмысление права разума (справедливость в восприятии Лумана, Хабермаса и Деррида) // Lex Russica. 2015. №2 (XCIX). С. 21.

деятельность сквозь призму кода законное/незаконное. <...> Именно явное или подразумеваемое использование правового кода лежит в основе феномена правового плюрализма — в диапазоне от официального права государства до неофициальных законов рынков и мафии»²⁸⁵. Концепция Лумана в отношении правового плюрализма также развивалась В. Кравицем, рассматривавшим право как институализированную нормативную коммуникацию, благодаря которой устанавливаются порядки общественных отношений через соотношение человеческого поведения и связанных с ним переживаний. Особенностью правовой коммуникации в его концепции является ее необходимая связь с поддерживающими ее институтами, сетевой характер информационно-коммуникативных систем, а также открытость социологии, выводящей на проблематику правового плюрализма. Кравиц, ориентированный на трансформации национального права в условиях глобализации и историю права Европейского Союза, прямо декларирует необходимость учета правового плюрализма: «наряду с формально-этакетистскими директивами и правовыми нормами необходимо обратить особое внимание на неформальное, негосударственное, подлинно социальное правотворчество. Не выпуская из поля зрения государственно организованную правовую систему, нужно в особенности учитывать прикладные коммуникативные сети и структурные связки, которые требуют дальнейшего формализованного и упорядоченного создания нормативных предложений (конституция, законы и т. п.) применительно к разнообразным правотворческим институтам, организациям и социальным системам. Следовательно, дальнейший анализ проблематики нуждается в опоре не только на формализованные правовые коммуникации, хотя такое видение проблематики активно отстаивают представители правового позитивизма.

²⁸⁵ Слыщенко В.А. Правовая теория Николаса Лумана и кризис современного общества // *Lex Russica*. 2016. №2 (111). С.190.

Анализ должен касаться также одновременно протекающих неформальных коммуникативных процессов»²⁸⁶.

Критика правового плюрализма обычно сосредоточена на характерном для него размывании сущности права, готовности любую социальную норму переоценить в качестве правовой. Эта же проблема, в принципе, характерна и для теории Лумана²⁸⁷. Кроме того, ее бессубъектный характер и подчиненность в ней правовой системы политической проблематизируют гуманистический статус права, поскольку блокируют совместимость с юснатурализмом. В целом сама модель аутопойезиса слабо чувствительна к аксиологическому измерению правового бытия, поскольку ориентирована на процессы социальной самоорганизации. Несмотря на сложность теоретических построений Лумана и его любовь к радикальному переопределению общеупотребимых научных категорий, сама по себе его концепция как разновидность системного подхода вполне соотносима с традиционным структурно-функциональным анализом, а предлагаемое ею описание позитивизации – с юридическим позитивизмом.

Теперь перейдем к открытому подходу. Как и Луман, Хабермас²⁸⁸ предлагает концепцию, претендующую на близкое к исчерпывающему объяснение социальной реальности. Но ее отличительной чертой является политизация, поскольку именно демократические процессы являются источником справедливого социального порядка. Если у Лумана политика

²⁸⁶ Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Правоведение. 2011. № 5. С. 21.

²⁸⁷ Тихонова С.В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 1. DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-1-60-64. С. 63.

²⁸⁸ Для дальнейшего анализа имеет значение прояснение авторской позиции по принадлежности Хабермаса к Франкфуртской школе. «Школьный» статус Хабермаса в контексте его взаимоотношений с франкфуртцев неоднозначен. Разногласия с Хоркхаймером, ревизионизм марксизма, защита докторской диссертации в Марбурге, сближение с феноменологической традицией, современной логикой и философией языка при разработке теории коммуникативного действия – все эти обстоятельства позволяют некоторым исследователям выводить фигуру Хабермаса из школьного контекста. Сам Хабермас негативно оценивал попытки объединить весьма различных мыслителей в одну школу. Однако, по моему мнению, заведование франкфуртской кафедрой после Хоркхаймера, отношения с Адорно, генетическая связь с марксистской традицией и общий критический пафос социально-политических идей Хабермаса вполне позволяют оставлять его в рамках Франкфуртской школы.

стоит над правом, управляя его парадоксом, то у Хабермаса демократическая коммуникация лежит в самом сердце правогенеза²⁸⁹. Практический поворот социальной философии позволил Хабермасу сблизить через коммуникацию социальную практику и язык, превратив разум лумановской трансцендентной инстанции, насаждающей правовые идеалы, императивы, ценности и нормы в реальную сеть их совместного социального конструирования. Хабермас «расколдовывает» реифицирующие правовые понятия с помощью модели коммуникативного действия, порождающего коммуникативную рациональность. Теория коммуникативного действия призвана развернуть эволюционную перспективу развертывания жизненного мира, и, одновременно, выявить механизмы интеграции социальных субъектов в единое целое социального. В этом случае социальное действие, трактуемое как коммуникативный акт, прагматически, иллокутивно ориентировано. Практическая установка позволяет Хабермасу объединить инструментальность прагматизма, способность рационально аргументировать свои устремления и социальную интеракцию.

Хабермас трактует коммуникативное действие как действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия. Но это согласие изначально не простое логическое сближение/отождествление мнений, а рациональная основа для совместных действий. Чтобы согласовать феноменологическое и практическое, Хабермас разграничивает четыре вида социального действия²⁹⁰. Телеологическое действие направлено на практический успех, его разновидностью является утилитаристское стратегическое действие, когда действующий субъект максимизирует собственную пользу. В него структурно включены субъект, объективный мир

²⁸⁹ На этом основании концепция Хабермаса рассматривается в том числе как теория права, см., например: Глебова В.К. Концепция права Юргена Хабермаса. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2020. 31 с.

²⁹⁰ Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 10-11; подробнее рассматривается в работе Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 107-126.

и социальный мир. Нормативно регулируемое действие характерно для членов группы, объединенных общими ценностями, структурно включает в себя субъекта и социальный мир. Драматургическое действие «касается участников взаимодействия, образующих друг для друга публику, перед взором которой они представляют себя»²⁹¹, включает субъекта, его субъективный мир и публику (социальный мир). Коммуникативное действие характеризуется тем, что языковое взаимопонимание становится механизмом координации не менее двух субъектов, «причем говорящий и слушающий устанавливают отношения – исходя из горизонта их уже проинтерпретированного жизненного мира – одновременно к чему-то в объективном, социальном и субъективном мире с тем, чтобы выработать общее определение ситуации»²⁹². Условно говоря, предшествующие виды социального действия – это составные элементы действия коммуникативного. Хабермас акцентирует его предназначение для диалогической интеракции, поскольку оно «относится к взаимодействию как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий. Центральное понятие интерпретации связано в первую очередь с выработкой способных привести к согласию определений ситуации. В данной модели действия язык получает, как мы увидим, определяющее значение»²⁹³. Для того, чтобы субъекты смогли понять друг друга, язык должен сделать доступным для них объективный, социальный и субъективный миры, а каждый из субъектов должен себя спозиционировать по отношению к этим трем мирам.

Используемая Хабермасом модель коммуникации довольно специфична. В теории коммуникации существующие модели акцентируют

²⁹¹ Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия. С. 10

²⁹² Там же. С. 19.

²⁹³ Там же. С. 11.

конкретные аспекты коммуникации, выявляя связь сообщения и смысла, смысла и поведения коммуникантов, кода и канала. Модель Хабермаса восходит к модели К.Л. Бюлера, получившую название «органона» вслед за Платоном, рассматривавшим в диалоге «Кратил» слово как орудие²⁹⁴. Идея модели – люди используют язык как инструмент (*organum*) для того, чтобы сообщить друг другу о вещах. Бюлер считает, что функция языка тройственна, в этом тройном качестве ее представляют экспрессия (изъявление), апелляция (побуждение) и репрезентация. Поэтому в свою модель знака/речевого акта он включает символ, демонстрирующий соотнесенность с предметами и положением дел); симптом (примета, индекс), отражающий зависимость от отправителя, внутреннее состояние которого он выражает, и сигнал, предполагающий обращение к слушателю, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет так же, как и другие коммуникативные знаки²⁹⁵. По мнению В. Веренича, модель Бюлера «подразумевает переход от закрытого языкового знака к прагматически открытому высказыванию»²⁹⁶, дополняя семантическую обоснованность акта коммуникации обоснованностью прагматической. Действительно, сам Хабермас связывает свою модель коммуникативного действия с моделью Бюлера: «Функциональная схема Бюлера к предположению о том, что с помощью речевого акта ведет к предположению о том, что с помощью речевого акта 'MP', S одновременно устанавливает отношения с чем-то в объективном мире, с чем-то в субъективном мире и с чем-то в социальном мире»²⁹⁷. С помощью этой модели Хабермас получает выход на интересующую коммуникацию, объединяющую коммуникантов диалогически.

²⁹⁴ «Имя есть некое орудие обучения и распределения сущностей» (Платон. Кратил. 388b).

²⁹⁵ Бюлер К. Л. Теория языка // https://classes.ru/grammar/111.Karl_Buller_Teoriya_yazika/html/27.html (Дата обращения 29.07.2021).

²⁹⁶ Веренич В. Коммуникативный акт в теории Юргена Хабермаса: опыт семиотического анализа // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. С.111.

²⁹⁷ Habermas J. Postmetaphysical Thinking Philosophical Essays tr. W.M. Hohengarten (Boston: M.I.T. Press) 1998. P. 73-76. Цит по: Веренич В. Коммуникативный акт в теории Юргена Хабермаса: опыт семиотического анализа // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. С.111.

Действительно, используемая модель помещает сообщение в центре треугольника, вершинами которого являются предметы/ ситуации и коммуниканты. Сообщение, таким образом, спозиционировано между коммуникантами и общей для них предметной ситуацией, тем самым коммуникация строго интерсубъективна, а, значит, интерсубъективны ее смыслы. Субъект по ситуации может выбирать тип действия, тем самым выбирая тип рациональности, но если он обращается к другому субъекту как к цели, то результатом их совместной деятельности будет интерсубъективная коммуникативная рациональность. Коммуникативные действия позволяют субъекту обозначить причины своего выбора, аргументировать их и получить признание их и собственной значимости от другого субъекта. Признание значимости совпадает с пониманием²⁹⁸.

Очевидно, что Хабермас работает в парадигме социальной феноменологии, при этом его модель коммуникативного действия вполне соотносима с традицией определения социального действия в социологической теории. О. Вербилович справедливо отмечает, что «конструкт коммуникативного действия Ю. Хабермаса является, скорее, результатом модернизации теории Вебера, попыткой взглянуть на историю развития социального действия под углом разных социологических парадигм: пересмотр теории Парсонса, который, как оказалось, во многом полагался на веберовское понимание социального действия, переход к интеракционизму и драматургической социологии Ирвинга Гоффмана»²⁹⁹. Таким образом, концепция Хабермаса остается открытой для классического ядра социальной теории, прямо связана с социальным конструктивизмом и легко интегрируется в современные социально-философские и социологические исследования.

²⁹⁸ Тихонова С.В. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Юрген Хабермас // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1(144). DOI 10.24412/2227-7315-2022-1-25-36. С. 29.

²⁹⁹ Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Вербилович О., Малинова О.Ю., Семенов А.В., Трубина Е., Хартблэй К., Ярская-Смирнова Е.Р., Ясавеев И. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: 2013. С.40.

Что же происходит в этой концепции с правом? Для начала отметим, что концепция Хабермаса предполагает демаркацию жизненного мира и социальной системы, но их автономию она отрицает. Жизненный мир и система открыты для взаимопроникновений, более того, вторая формируется первым, поскольку жизненный мир постепенно дифференцируется.

Детальный анализ правовых воззрений Хабермаса осуществлен Б. Мелкевиком³⁰⁰. Коротко логику его анализа можно воспроизвести следующим образом. Хабермас трактует право двояко – как институт и как средство. Право как институт связано с процессами легитимации позитивистских процедур, регулирующих отношения, прямо связанные с моралью (к ним он относит убийство, аборт, изнасилование и т.п.) и потому всегда конфликтных. Понимание сути этих отношений укоренено в опыте множественности intersubjectивных миров жизненного мира как возможного горизонта каждого участника коммуникативного действия. Такое понимание требует мобилизации культурных смыслов, общих для всех участников для того, чтобы согласовать разные точки зрения, сформированных в значительной степени совпадающих (и тем не менее, различных!) мирах.

Согласование равнозначно выработке нормы, с притязанием на значимость которой соглашаются все включенные в проблему участники и тем самым делают ее значимой. Выработку норм Хабермас предлагает контролировать этикой дискурса, имеющей процедурный характер. Дискурс служит «коммуникативным судом» (термин Б. Мелкевика³⁰¹), поскольку запускает речевую (диалогическую, субъект-субъектную) аргументацию, в которой познаются основания коммуникативного действия и устанавливается их значимость. Напомню, что феноменологический конструктивизм позиции Хабермаса позволяет ему совмещать когнитивный и прагматический контексты коммуникации. В итоге «перспектива координации действий

³⁰⁰ Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права. СПб., 2018. 95 с.

³⁰¹ Там же. С. 53.

приводит к выводу, что беспристрастное формирование суждения выражается в принципе, заставляющем любое заинтересованное лицо принять перспективы всех других участников дискуссии»³⁰². Поскольку все участники дискуссии признают друг друга в качестве субъектов, они неизбежно «обмениваются ролями» при оценке перспектив и интересов друг друга и универсализируют в итоге общую перспективу. Раз коммуникация субъект-субъектна, манипуляции в ней невозможны. Поскольку положение индивида в жизненном мире конкретно, итогом коммуникативного дискурса становится консенсус, возникающий по конкретному поводу (мы помним, что конфликтны далеко не все отношения, т.е. консенсус требуется не везде) до очередного изменения жизненных миров. Иначе говоря, согласование начинается каждый раз, когда сложившаяся традиция не справляется с новым вызовом. Как отмечает Б. Мелкевик, «перспектива жизненного мира автоматически исключает мечту о тотальном пересмотре, тоталитарную мечту «начать с чистого листа», потому что преобразование права всегда сможет запускаться, объясняться и оправдываться, отталкиваясь от реального контекста жизненного мира»³⁰³. Иначе говоря, содержание права как института может меняться только порционно, «по частям», в соответствии с тем, как люди осваивают новую повестку в своей повседневной практике.

Практическим итогом работы коммуникативного аргументирующего дискурса становится «публичное использование разума как социальной силы, утверждающей себя в бесконечном процессе языковых действий»³⁰⁴. Так формируется коммуникативный суверенитет правового государства. Поскольку каждый участник ситуации включен в формирование правовых норм (а коммуникативный дискурс у Хабермаса является частью законотворчества), право перестает быть репрессивным.

³⁰² Там же. С. 57.

³⁰³ Там же. С. 47.

³⁰⁴ Там же. С. 67

Право как средство является инструментом организации социальных подсистем (власть, деньги, управление), для которых характерна относительно самостоятельная самоорганизация. Эти сферы сами по себе инструментальны, они нужны для того, чтобы организовывать более сложные сети жизненного мира. Право как средство обслуживает их внутреннюю логику координации. Это право в его функциональном измерении. С точки зрения легитимации оно вторично по отношению к праву-институту, его работа не требует материального обоснования.

В итоге право и неправо Хабермас разграничивает с помощью объективизации Другого – как только она включается в основу права-института, право превращается в неправо. Субъективизация Другого всегда лежит в основе подлинного права. Как мы видели, она представляет собой результат серии когерентных коммуникативных актов, связанных с предметной ситуацией. В этом смысле она локальна, но это процессуальная локальность, претендующая на самореферентность в том случае, когда речь идет об аналогичных предметных ситуациях.

Насколько позиция Хабермаса соотносима с юснатурализмом? Б. Мелкевик прямо противопоставляет два эти подхода к праву, в качестве демаркации используя теорию общественного договора (контрактуализм). Мелкевик учитывает два этапа в развитии контрактуализма – этатистский (Боден, Гоббс, Макиавелли) и революционный (Локк и Руссо), но считает, что оба они сводятся к легитимации политических институтов: «общественный договор является лишь средством обнуления или подтверждения так называемых “естественных прав”»³⁰⁵. Эта легитимация в итоге отчуждает политическую волю от субъектов, а сама демократия превращается в инструмент защиты фундаментальных принципов права. С этой установкой ничего не может сделать и современный контрактуализм, к которой Мелкевик относит и философию права Ролза, в которой демократия «может быть лишь

³⁰⁵ Мелкевик Б. Общественный договор или демократия: вопрос философии // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 82.

инструментом, конструкцией, поддерживающей первоначальный моральный договор»³⁰⁶. Хабермас же настаивает на том, что социальное согласие, основанное на всесторонней коммуникации, легитимирует и утверждает любые нормы и институты или отменяет их. Приверженность граждан политическому порядку становится ненужной, избыточной конструкцией там, где действует взаимное подтверждение субъектов как авторов «любого автономного правового и политического порядка»: «если все должно быть разделено на демократических основах между субъектами права, из этого следует, что мы не должны признавать никакой другой орган легитимации, кроме надлежащих демократических процессов, которые на практике подтверждают это требование»³⁰⁷. Правовая система превращается в общую работу по утверждению друг друга в качестве авторов наших собственных прав. Никаких трансцендентных оснований и экстрадемократических источников у нее нет.

Такое преодоление «аристократических» принципов права равнозначно переходу на уровень субъектов права и их интересов, где процедуры коммуникации предотвращают отчуждение справедливости, прав человека, общего блага в надсубъектные сущности. Разовый, фундирующий общественный договор универсального рода заменяется серией локальных общественных договоров, связанных с конкретной повесткой дня. Разумеется, такая ситуация приносит совершенно новые риски. На первый взгляд, демократические процессы коммуникативной рациональности имеют анархическую природу, слабо совместимую со стабильным воспроизводством правовой системы. Их чистый волюнтаризм предполагает, что абсолютно любые нормы и институты могут отменяться и создаваться, что не может не вызывать тревогу. Реализм делиберации, выражающийся в ее детерминированности реальной предметной ситуацией, легко переходит в тотальный релятивизм.

³⁰⁶ Там же. С. 90.

³⁰⁷ Там же. С. 94.

Однако теория Хабермаса довольно четко его ограничивает процедурностью коммуникативной рациональности, равнозначной требованию универсальности. Хабермас формулирует последнее следующим образом: «Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые *общее* следование ей предположительно возымеет для удовлетворения интересов *каждого* отдельного индивида, могут быть без какого бы то ни было принуждения приняты *всеми*, до кого она имеет касательство»³⁰⁸. Эта формулировка предполагает, что каждый индивид, которого коснется норма, достаточно рационален, чтобы осознать свои интересы, соотнести их с интересами Другого и принять их реализацию во имя их взаимного блага. Такая «достаточная» рациональность постулируется как универсальная, и в этом смысле соответствует пониманию, признанию и утверждению разумной природы человека, поддерживаемой всеми версиями юснатурализма. Ценностное ядро гуманизма, составляющее смысл юснатурализма, в той же мере востребовано теорией Хабермаса, более того, оно охраняется ее процедурными нормами. Поэтому в ее рамках в принципе невозможно демократическое принятие нормы, которая вопиющим образом противоречила бы фундаментальным ценностям – например, такой, в соответствии с которой, допустим, человека бы произвольно лишали права на жизнь ради развлечения большинства.

Но так ли надежны охранительные барьеры рациональности? Рациональность публичного дискурса как с точки зрения его возможности, так и с точки зрения его распространенности – ахиллесова пята теорий делиберативной демократии. И.Л. Честнов так формулирует ключевые вопросы, на которые последняя не может дать ответа: «Кто формирует повестку дня предельно широкого – универсального – политического форума, на котором происходит выработка конституционных норм; кто селекционирует те

³⁰⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 179.

позиции, которые достойны обсуждения; по каким критериям происходит “определение победителя” в конкурентной борьбе идей, на этом форуме представленных?»³⁰⁹. Ш. Муфф обращается к социально-политической онтологии, показывая, что модель делиберации игнорирует конфликтную природу демократической политики и «оставляет в стороне решающую роль, которую играют «страсти» и коллективные формы идентификации в области политики»³¹⁰. С.С. Бодрунова приводит схожую позицию финских критиков Хабермаса – Р. Кунелиуса и С. Спаркса: «упор на рациональность в классических формулировках хабермасовской теории резко неадекватен насущной реальности общественного дискурса... Интерес и страсть... не только присутствуют на практике во всех существующих политических ситуациях, но и не предоставляют серьезных оснований для их исключения»³¹¹. В общественном мнении всегда доминировали мифологизированные формы мышления. Публичный дискурс в XX веке традиционно отождествлялся с дискурсом СМИ, сам Хабермас публичную сферу трактовал как сферу массмедиа, оказывающую регулирующее влияние на общество в качестве пространства формирования общественного мнения³¹². Разумеется, Хабермас предполагал широту доступа к публичной сфере, хотя и учитывал фильтрационное влияние капитализма и государства. Тем не менее, для XX века характерны вертикальные системы массовой информации, в которых позиции заинтересованных сторон представляются журналистами. Если властные субъекты и элиты могут прямо влиять на журналистов, то обыватели в массмедиа крайне редко получали голос. Возможность диалога в такой сложно опосредованной коммуникации невысока, при этом в принципе

³⁰⁹ Честнов И.Л. Коммуникативная теория Бьярна Мелкевика в контексте постклассической юриспруденции: Вместо предисловия // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии / пер с франц. Е.Г. Самохиной; науч. ред. И.Л. Честнов. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 17.

³¹⁰ Mouffe Ch. *Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism* // Reihe Politikwissenschaft / Political Science Series 72. Institut für Höhere Studien (IHS), Wien. December 2000. URL: https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_72.pdf (дата обращения 31.08.2021).

³¹¹ Бодрунова С.С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 121.

³¹² См.: Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: 2016.

признание и понимание – затратные с точки зрения когнитивных, эмоциональных и временных ресурсов личности процессы. Чем больше участников в обсуждении, тем меньше у них шансов быть признанными контрагентами. Расцвет интернета и социальных сетей расширил доступ к публичной сфере, более того, вызвал к жизни специализированные площадки для обсуждения нормотворчества и законотворчества, но он вряд ли способствовал рационализации публичного дискурса. Во всяком случае, в медиаисследованиях его состояние характеризуется с помощью концепта «постправды» как коммуникативной стратегии апелляции к личным убеждениям и эмоциям вместо объективных фактов, слабо коррелирующей с рациональной аргументацией. Контроль повестки дня никогда не был доступен массам, он всегда отчужден от них. Как контролировать рациональность публичного дискурса – вопрос более чем открытый.

Однако уязвимость рациональности в теории Хабермаса гораздо глубже, чем проблемы публичного дискурса, и связан с проблемой субъекта. Субъект права у Хабермаса – это всегда феноменологический субъект. Однако вопрос о рациональности феноменологического субъекта если и был однозначным, то крайне недолго. Традиционно рациональным он считался в феноменологии Э. Гуссерля. Однако сегодня есть попытки переосмысления рациональности даже в классической феноменологии. Так, В. Плотка считает, что феноменология Гуссерля представляет собой умеренную форму рационализма, в которой не исключаются проблемы иррациональности, более того, сама рациональность понимается как коррелят иррационального³¹³. Иррациональность связывается с возможными неопределенными уровнями и степенями очевидности, проясняя сущность разума, конструируя фигуру Другого, феноменология не столько выдвигает рациональные аргументы, сколько постоянно разграничивает его с «неразумием», исследуя в том числе и иррациональные очевидности.

³¹³ Плотка В. Умеренный рационализм Гуссерля и вопрос об очевидности // Horizon. Studies in phenomenology. 2019. №8 (2). С. 389–408.

В феноменологии Мерло-Понти в исходной точке философствования вместо гуссерлевского потока сознания мы обнаруживаем телесное «чувствование» как первичный контакт с миром, само сознание неразрывно связано с телесностью, а «подлинная intersубъективность обретается не «внутри» пространства сознания, а “вовне” – в соприкосновении тел, где ощущающее и ощущаемое никогда не могут совпасть в своих восприятиях, но естественным образом дополняют друг друга»³¹⁴. Понимание Другого в этом случае выходит далеко за когнитивные рамки, представляя собой гармонизацию своих интенций и интенций Другого, укорененных в соответствующих феноменологических телах.

В феноменологической социологии П. Бергера и Т. Лукмана (а Хабермас, безусловно, испытал на себе ее влияние), конструирование субъекта включает в себя дорациональные и внерациональные процессы. Это и роль подражания в процессах типизации, и мифологические аппараты интернализируемых норм. Коль скоро под знаменем Бергер и Лукман понимают «все то, что считается в обществе “знанием”, невзирая на обоснованность или необоснованность (по любым критериям) такого “знания”», рациональность их феноменологического субъекта всегда предполагает наличие некоторой «степени». Экзистенциально-феноменологический подход в социальной психологии сопрягает субъективность с эмоционально-экзистенциальными состояниями тревоги, переживания и проч., позволяя (пост)феноменологической традиции включать в основание субъективность опыт желания, травмы, сверхстрастности или неустойчивости³¹⁵.

Рациональность феноменологического субъекта не является автоматической, ее спонтанные и стихийные проявления часто гаснут во

³¹⁴ Феррони В.В. Тело и другой (проблема другого в феноменологической концепции М. Мерло-Понти) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3(17). С. 46.

³¹⁵ Подробнее см.: Шолохова С.А., Ямпольская А.В. Предисловие составителей // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 3-8.

враждебной среде. Коммуникативная теория права Хабермаса ощутимо нуждается в конкретизации условий и пределов рационализации субъекта, уточнения ее связи с иррациональными компонентами, выяснении векторов их рассогласования и взаимодополнения в диалоговой коммуникации, лежащих в основе понимания и признания.

Выводы:

Рассмотренные подходы к анализу права относятся к проектам постметафизического мышления в социальной теории. В социальной системе Н. Лумана коммуницирует коммуникация, поэтому концепция Лумана относится к числу бессубъектных. Автономность и закрытость правовой системы является основанием обозначения подхода Лумана как закрытого. Правовая система в ней формируется дифференциацией коммуникаций, благодаря которой возникает правовой код. На его основе переопределяются конкретные коммуникации, включаясь в правовую систему. Функция правовой подсистемы – стабилизация других подсистем за счет нормирования ожиданий контрагентов и «наблюдения» за всеми подсистемами. Луман показывает, что обоснование права внутри права невозможно в силу парадокса самоприменения – право не может определить, является ли оно само правом. Логическая парадоксальность права не отменяет его функциональности, поскольку основание права трансцендентно и вынесено в политическую систему. Лумановская модель аутопойезиса не соотносима с юснатурализмом, поскольку ориентирована на процессы социальной самоорганизации. Она отражает традиционные для юридического позитивизма классические объяснительные схемы, поскольку позитивизация в конечном итоге подчинена трансцендентному политическому основанию права.

Открытый подход Ю. Хабермаса основан на обращении к демократическим основаниям правогенеза, обеспечивающему соотносимость правопонимания Хабермаса с юснатурализмом и юспозитивизмом. Подход Хабермаса к праву представляет собой компромиссную стратегию, позволяющую установить гуманистические основания права как

субъективации Другого, не допуская элиминации процессов позитивизации права. Используемая Хабермасом модель коммуникации К.Л. Бюлера позволила ему дифференцировать объяснение логики функционирования права как института и права как средства. Основным инструментом демаркации права и неправа в основании права-института для Хабермаса являются процессы субъективации и объективации Другого. В этом качестве правопонимание Хабермаса вполне соотносится с юснатурализмом; юспозитивизму корреспондирует хабермасовский анализ права-средства. Установлены точки уязвимости правопонимания Хабермаса – неоднозначный статус рациональности публичного дискурса и феноменологического субъекта.

Ключевое различие их подходов заключается в следующем. Бессубъектный системный подход Лумана, целенаправленно исключая проблему индивидуального сознания из структуры коммуникации, акцентирует процессы объективации субъекта. В теоретических конструктах Лумана, тщательно избегающих появления субъективностей, можно обнаружить аналоги субъектности, когда речь идет о формировании коммуникацией (т.е. обществом) индивида. Но эти процессы являются внешними для «отсутствующего» сознания. Именно поэтому Луману приходится обосновывать трансцендентное основание права в политической системе, открывая широкую перспективу для признания в качестве права подавление чужой воли и насилия. Хабермас, напротив, укореняет право в сознании субъекта, размыкая его в интерсубъективный мир, тем самым формирует линию субъективации. Таким образом, обе концепции отличаются принципиально диаметральной центрированностью.

При этом фундаментальном различии они обладают и определенным сходством. Во-первых, обе близки в описании процесса позитивизации права, воспроизводя традиционные для юридического позитивизма классические объяснительные схемы. Во-вторых, правовые институты в обеих теориях подверстываются, подгоняются под развитие системообразующих для права

элементов. Правообразование, экстернальное у Лумана и интернальное у Хабермаса, направляет и регулирует позитивизацию. Однако такая интерпретация действительно затемняет конфликтность институциональных структур. Последние могут прямо блокировать и сам аутопойезис, и демократические процессы становления коммуникативного суверенитета. В целом оба подхода, при всей своей полярности, не раскрывают сущность права, а устанавливают его функциональную роль в социальном целом на основе понятия «коммуникация» без анализа базовых положений юридической догматики, т.е. являются разновидностью социальных теорий о праве. Поэтому для их обозначения будет применяться конструкция «коммуникативно-правовые теории».

§ 2.2. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы

Дальнейшее развитие открытого подхода Хабермаса к праву осуществляется А. Хоннетом. Хоннет, как ученик Хабермаса, весьма бережно относится к идеям учителя, однако помещает их в новый концептуальный горизонт. Он прямо обращается к наследию Франкфуртской школы, мало интересовавшему Хабермаса, не без виртуозности выстраивает мостики между стратегиями критической традиции и генеалогией социальной теории в XX веке, и обогащает сформулированную таким образом повестку новой интерпретацией текстов Г.В.Ф. Гегеля. Для этого ему требуется дистанцирование от взглядов Хабермаса, позволяющее при необходимости возвращаться к модели коммуникативной рациональности после того, как будут вскрыты ее ограничения и пробелы³¹⁶. М. Ивкович определяет теоретические предпосылки мысли Хоннета, отделяющие ее логику от логики Хабермаса, следующим образом. Во-первых, Хоннет базирует свою социальную онтологию на теории социального действия, в которой предполагается диалектическая связь между интерактивными потоками повседневного социального взаимодействия и формирующими их хрупкими и ненадежными социальными рамками (именно на этой методологической платформе Хоннет с самых ранних периодов своей исследовательской работы заявляет о социологическом дефиците критической теории³¹⁷). Базовые современные институты (рынок и государство) для него лишены эпистемологической автономии. Во-вторых, конфликтное понимание социальной динамики и социальных изменений – история для Хоннета есть случайный результат длинной серии конфликтов между социальными группами, которые борются за право переопределять и оправдывать данный

³¹⁶ Пеннер Р. В., Тихонова С. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.107>. С. 88.

³¹⁷ Strydom P. The sociological deficit of contemporary critical theory – Axel Honneth's theory of recognition, part 1 // <https://thenewpolis.com/2019/10/15/the-sociological-deficit-of-contemporary-critical-theory-axel-honneths-theory-of-recognition-part-1/>. (accessed 25.08.2022).

институциональный порядок на основании своих нормативных ориентаций на действия. В-третьих, потребность человека в развитии «неискаженной личности», само наличие которой как предполагает принципиальную незавершенность человеческого существа, так и констатацию, что большинство повседневных акторов не дотягивают до требований коммуникативной рациональности Хабермаса³¹⁸. Избранная стратегия позволяет Хабермасу реагировать на все «болевы точки» современности, обращаясь к широчайшему спектру социально-правового дискурса.

Разумеется, изначальная «континентальная» ориентированность мысли Хоннета затрудняет ее восприятие теми, для кого более привычны логические ходы аналитической философии права. В этом отношении обоснованной представляется оценка М.А. Кукарцевой, согласно которой «в США идеи Хоннета в целом мало признаны социологами, равно как и социальными философами. Вписанность в европейское интеллектуальное пространство, организуемое философским дискурсом, окрашенным в гегельянские, марксистские, экзистенциалистские тона, делает концепцию Хоннета плохо распознаваемой для большинства его американских коллег, мыслящих в контекстах аналитической традиции философствования и убежденности в своей самодостаточности»³¹⁹. Хоннета отнюдь нельзя обвинить в безразличии к достижениям англосаксонской традиции, однако его логика одинаково легко сближает Мида и Гегеля, Гегеля и Аристотеля, Гегеля и Роулза. Далекое не все исследователи соглашались с гегельянскими штудиями Хоннета, и дело не столько в очевидной сложности и известной «темности» гегелевских текстов, а в легкости эвристики самого Хоннета, который свободно подчиняет и философскую, и психологическую, и правовую традицию самостоятельно поставленным задачам. Освободить коммуникативную реальность Хабермаса, в которой анализ интересубъективных актов способен в лучшем случае

³¹⁸ Ivković M. The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition // *Idéias*. 2017. № 2 (7). С. 99.

³¹⁹ Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог // *Социологические исследования*. 2014. № 4 (360). С. 39.

объяснить легкую зыбь при выработке консенсуса, от статики, разомкнуть ее таким образом, чтобы обнажить сложную нелинейную канву социального прогресса, показать, что жизненный мир является ареной конфликтов и разломов, столь же реальных, как и солидарность, обретаемая после их преодоления, – все это более чем масштабная исследовательская программа. Возможно, именно поэтому результат, который получает Хоннет, весьма нетривиален, и позволяет сводить если не к общему знаменателю, то к общим узловым моментам, становление личности, социальный прогресс и развитие права³²⁰.

Ядром подхода Хоннета является концепция признания. Она является способом объяснения человеческой автономии, социальной солидарности и естественного права в их неразрывном единстве, отнюдь не исключая драматической диалектики. Не случайно эту концепцию часто обозначают как «конфликтную», чтобы подчеркнуть роль борьбы, противостояния и негативных патологий, тщательно исследуемых Хоннетом, в собирании человеческого сообщества в единое целое.

Признание Хоннет определяет как первичную форму отношения к миру: «наши действия в первую очередь носят характер не эмоционально нейтральной, когнитивной позиции по отношению к миру, а скорее утвердительного, экзистенциально окрашенного стиля заботливого поведения. В жизни мы постоянно придаем ситуационным обстоятельствам нашего мира их собственную ценность, что заставляет нас задуматься о наших отношениях с ними»³²¹. Таким образом, признание – это позитивное отношение индивида к людям и их группам, изначально intersubjectивное, включающее в себя как рационально обоснованные суждения о своих и чужих способностях и достижениях, так и аффективное одобрение/поощрение,

³²⁰ Тихонова С.В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 4. DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479. С. 474-475.

³²¹ Honneth A. [at all]. Reification: a new look at an old idea / A. Honneth, J. Butler, R. Geuss, J. Lear, M. Jay, Oxford ; New York: Oxford University Press, 2008. С. 38.

требующее эмпатии. Признание для Хоннета есть то, чем люди обязаны друг другу, то, на что они ориентированы, вступая во взаимодействие, приближаемое к кантовскому смыслу отношения к человеку как цели.

Для того, чтобы прийти к этому пониманию признания в работах разных лет, ему требуется масштабная ревизия оснований естественно-правовых воззрений на природу человеческой автономии, до сих пор определяющих правовую доктрину либерализма. В совместном с Дж. Андерсоном эссе в книге «Автономия и вызовы либерализму» (2005)³²² он отходит от оптимистической версии классического гуманизма, в которой ядром сущности человека является продуктивная активность, самостоятельность и независимость в суждениях, решениях и действиях, необходимые для того, чтобы «вести собственную жизнь». Хоннет и Андерсон обращаются к теме уязвимости человека, его зависимости от других людей, потребности быть включенным в их жизнь. Либерализм, неразрывно связанный с индивидуализмом, исповедует ограничение вмешательств в человеческую свободу, но постоянно сталкивается с проблемой ослабления автономии у индивидов из различных социальных групп, требующей особой защиты и компенсации для тех, кто не вытягивает роли атомарных индивидов.

Для Хоннета уязвимость атомарного индивида – не результат случайной девиации, связанной с дефектами или ослаблением работы социальных институтов (например, образования или здравоохранения), приводящих к тому, что автономия снижается и требует активного включения других индивидов для своей реализации. Уязвимость фундаментальна, онтологична, изначальна и первична по отношению к автономии. Опираясь на дефиницию автономии Дж. Недельски, согласно которой «автономия есть способность, существующая только в контексте социальных отношений, которые их поддерживают, и только в сочетании с внутренним чувством автономии»³²³,

³²² Anderson J., Honneth A. *Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice* под ред. J. Christman, J. Anderson, Cambridge University Press, 2005. P. 127–149.

³²³ Nedelsky J. *Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities* // *Yale Journal of Law and Feminism*. 1989. № (1). P. 25.

авторы трактуют автономию как достигаемое (и не всегда достижимое) качество. Так устанавливается модель «признательной автономии», в рамках которой «реальная и эффективная способность развивать и преследовать собственную концепцию достойной жизни достижима только при социально благоприятных условиях³²⁴»; такая «достижимость» автономии представляет собой перманентный прижизненный процесс, в рамках которого индивид учится доверять своим чувствам и стремлениям при формировании проектов себя и опираться на других людей в их осуществлении. Автономия зависит от отношений с другими людьми, эти отношения как укрепляют ее, так и ослабляют. Сама зависимость интерсубъективна: чтобы действовать в собственных интересах, индивид должен определенным образом к себе относиться; отношение к себе формируется не солипсическим эго, свободным в своих размышлениях от социальных связей, а человеком, драматично переживающим несоответствие между своими интенциями и оценками контрагентов. Для автономии личности обязательным элементом являются самоуважение и доверие к себе, анализ которых приводит Хоннета к созданию впечатляющей социально-психологической версии теории субъективности, опирающуюся на современную психоаналитическую традицию. Глубокой «интроспективный» анализ позволяет ему детализировать «интраспективный» контекст, выявить те измерения внешней жизни субъекта, прямо влияющие на стержневые структуры автономии. К ним он относит, во-первых, юридически закрепленные отношения всеобщего уважения к автономии и достоинство личности, во-вторых, тесные отношения любви и дружбы (центральное место в доверии к себе), и, в-третьих, сети солидарности и общих ценностей, в рамках которых может быть признана особая ценность членов сообщества)³²⁵.

Опираясь на Дж. Мида, Хоннет показывает, что человек должен научиться понимать, кого другие люди видят в нем, когда взаимодействуют с

³²⁴ Anderson J., Honneth A. *Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice* под ред. J. Christman, J. Anderson, Cambridge University Press, 2005. P. 130.

³²⁵ Ibid. P. 132.

ним посредством норм. Коллективные попытки получить признание приводят к изменению норм, и, в итоге, общества. Таким образом, закономерности онтогенеза оказываются ключом к пониманию социально-правовой панорамы общественной жизни. Успех человека в отношениях любви (в самом широком смысле) детерминирован способностью, обретаемой в раннем детстве, способностью к обретению баланса между симбиозом и самоутверждением. Поскольку забота матери является неотъемлемой частью существования новорожденного в первые месяцы его жизни, постольку на этом этапе ребенок представляет собой «недифференцированную intersубъективность», симбиоз, вне которого нет ни младенца, ни матери. Постепенное обретение каждым независимости предполагает чувствительность к изменениям потребностей ребенка для матери, и постепенному формированию убеждения ребенка в том, что мать обязательно вернется и удовлетворит его нужды. Симбиоз сменится ограниченной зависимостью, а последняя – привязанностью, и конфликты не просто неизбежны на этом пути, они являются его движущей силой. Любовь возможна только там, где признается независимость того, кого любят, узнавание этой независимости не может быть безболезненным и автоматическим. Симпатия и влечение не являются сферой контроля тех, кто их испытывает, но способ и границы их выражения могут выбираться и конструироваться. Человек, созревший для автономии, доверяет поддержание любви тому, кто в данный момент по разным причинам не может прямо участвовать в интеракции (если мать уходит на работу, она не исчезает из жизни ребенка). Доверие как коммуникативная защищенность является социально-психологической способностью к признанию других. Задача принятия и признания себя, других и реальности для человека никогда не завершается, но качество ее решения меняется.

Реализацию этого фундаментального принципа признания себя, других и реальности Хоннет усматривает и в расширении понятия естественных прав (он их рассматривает по группам гражданских прав, гарантирующих свободу, политических прав, гарантирующих участие, и социальных прав,

гарантирующих базовое благосостояние), когда рост конкретного типа индивидуации в сообществе инициирует борьбу его членов за возможность быть собой новым способом. По его мнению, обладание правами равнозначно возможности выдвигать социально приемлемые требования, что предполагает наличие законного способа «дать понять самому себе, что его уважают все остальные»³²⁶. В итоге опыт юридического признания предполагает, что человек способен рассматривать себя как субъекта, разделяющего со всеми субъектами «в своем сообществе качества, которые делают участие в дискурсивном волеобразовании возможным»³²⁷. Такое позитивное отношение к себе Хоннет называет самоуважением, и рассматривает он это качество всегда в интересующей динамике. Тогда закономерным представляется вывод о том, что цель права – вывести формы признания из терминов классовых групп в общесоциальные категории, создав основу для самоуважения каждому члену общества, и, тем самым создать предпосылки социальной солидарности.

Теория признания Хоннета весьма существенно отличается от концепции правового признания А.В. Полякова. Экзистенциально-эмоциональная окрашенность первой проблематизирует интересующий мир повседневности в качестве экзистенциальных корней человека, понимаемого как проект или набросок в хайдеггеровском смысле, поэтому ее правовое содержание всегда подчиняется экзистенциальному и социальному, связывающему реализацию отдельных экзистенций в социальной солидарности.

Для того, чтобы выявить механизмы социальной солидарности, Хоннету потребовалось по-новому подойти к интерпретации взглядов Гегеля³²⁸. Выбор первоисточника связан с тем, что именно Гегель первым показал

³²⁶ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth, перевод J. Anderson, Reprinted-e изд., Cambridge, UK: Polity Press, 2005. P. 120.

³²⁷ Ibid.

³²⁸ Отмечу, что этот логический ход весьма близок исследовательской стратегии А.В. Полякова, который работает с идейным наследием И.А. Ильина для того, чтобы вскрыть «феноменолого-гегельянский» ракурс принципа взаимного духовного признания.

необходимость признания для самосознания, заявив, что самосознание может существовать только тогда, когда его признает другое самосознание³²⁹. Признание двояко, поскольку содержит в себе акт непосредственной реакции на особенности субъекта, и, одновременно, акт формирования общего понятия, на основе которого классифицируются и наделяются статусом люди. Поэтому оно объединяет онтологические, гносеологические, социальные, правовые и этические аспекты человеческого бытия, что открывает весьма широкие методологические рамки для анализа взаимосвязи экзистенциальных, социальных и правовых механизмов социального воспроизводства. Задача, которую перед собой поставил Хоннет, задана названием второй главы «Борьбы за признание», в котором роль понятия преступления в работе Гегеля «Система нравственности» прямо описывается как «интерсубъективистская инновация».

Важно отметить, что «Система нравственности» является рукописью Йенского периода (написание датируют 1802-1803 гг., была опубликована в 1913 г.), связанным с тематикой статьи «О научных способах исследования естественного права» (Журнал критической философии, 1802, т. 2, №2; 1803, т. 2, №3). Многие положения этого текста Гегель позднее пересмотрит, они не войдут его «Философию права» (1821) или получат новое звучание, исследователи философско-правовых взглядов Гегеля по этой причине редко обращаются к «Системе нравственности». К ней обращался П.И. Новгородцев в своей докторской диссертации³³⁰ и Н.В. Мотрошилова³³¹. Г. Маркузе характеризовал это произведение как «одно из самых трудных в немецкой философии»³³². Во многом это объясняется тем, что рукопись была обнаружена в архивах философа после его смерти, при жизни он ее не готовил

³²⁹ Brincat Sh. Recognition, conflict and the problem of ethical community // Global Discourse. 2014. № 4 (4). С. 397–408.

³³⁰ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.

³³¹ Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики»: Формирование принципов системности и историзма. М: Наука, 1984. 351 с.

³³² Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. СПб: Владимир Даль, 2000. С. 514.

к печати и не редактировал (набело она переписана лишь частично), содержание явно отражает влияние сотрудничества с Шеллингом и подчинено критике Фихте, занимавшей тогда Гегеля. Понимание само термина «нравственность» Гегелем направленно на обычаи и традиции народа, а не на то, что традиционно относят к этике и морали. Как показывает анализ «Системы нравственности», проведенный Н.А. Татаренко³³³, базовые понятия ее текста прямо Гегелем не определены, прямая экстраполяция на них значений позднейших периодов творчества Гегеля невозможна, связи с опорными текстами не устанавливаются, три части еще не знают последовательного деления в триадной логике, четко распределена по нему только первая глава.

Основание хоннетовской интенции при обращении к «Системе нравственности» Дж. Андерсон, переводчик «Борьбы за признание» на английский язык, характеризует следующим образом: «Хоннет заимствует у Гегеля идею о том, что полное процветание человека зависит от существования прочно установленных «этических» отношений – в частности, отношений любви, закона и «этической жизни» [Sittlichkeit] – которые могут быть установлены только через конфликтный процесс развития, в частности, через борьбу за признание»³³⁴. Если брать за ключевой критерий зрелость системы, объективированной автором в тексте, то выбор Хоннета может оказаться под вопросом. Но его цель – вскрыть тот теоретический контекст объяснения социальной борьбы в социально-философской мысли, что был затемнен господством кантовской этики, основанной, по мнению Хоннета, на индивидуализме. Отход Гегеля от индивидуализма под влиянием концепций Платона и Аристотеля для Хоннета оказывается благодатной почвой политического мышления вне тисков атомарных стратегий политического мысли Нового времени. И ранний текст с набросками философии права нужен

³³³ Татаренко Н. А. Понятие нравственного и его интерпретация в гегелевской «Системе нравственности» // Историко-философский ежегодник. 2019. (34). С. 102–134.

³³⁴ Anderson J. Translator's Introduction. Cambridge, UK: Polity Press, 2005. P. XI.

ему для того, чтобы реконструировать принципиальную возможность мышления об обществе, политики и праве презумпции существования до социализации (понимаемой предельно широко, и в социально-психологическом контексте онтогенеза, в русле учений о естественном состоянии общества) изолированных субъектов. Если зачатки этой возможности могут быть обнаружены уже в начале XIX века, то Хоннет получает надежную опору для переформатирования всей последующей истории социальной, политической и философско-правовой мысли³³⁵.

Атомистическая оптика неизбежно обнаруживает изначальную эгоцентрическую мотивацию субъектов, к которой потом откуда-то извне должна быть привита потребность в этическом единении, интеграции, друг с другом. Этот взгляд делает невозможным объяснение развития «этической тотальности», которую представляет собой человеческое сообщество, и которая, по мнению Хоннета, имеет для Гегеля принципиальное значение со времен «Первой программы системы немецкого идеализма» (1796). Хоннет многократно подчеркивает, что идеал государства Гегеля в тот период однозначно совпадает с моделью греческого полиса, живым единством всеобщей и индивидуальной свободы, где политическое общение строится не на ущемляющем ограничении свободы индивидов, а, напротив, позволяет ей полно разворачиваться³³⁶.

Здесь он подкрепляет свою позицию обращением к тексту «О научных способах исследования естественного права», в котором Гегель иллюстрирует свою позицию через интерпретацию известной аристотелевской цитаты («государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства,—

³³⁵ Тихонова С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в интерсубъективистской интерпретации А. Хоннета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-54-60. С. 56.

³³⁶ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth, перевод J. Anderson, Reprinted-e изд., Cambridge, UK: Polity Press, 2005. P.12-14.

либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»³³⁷). Хоннет подчеркивает, что этим пассажем Гегель демонстрирует несостоятельность философской презумпции о первичности действий изолированных субъектов, и начинает переход к постулированию первичности «рамок этических связей, внутри которых субъекты всегда уже движутся»³³⁸.

Однако простой нейтрализации социально-политического атомизма с помощью Гегеля Хоннету недостаточно. Он пытается установить, как Гегель конструирует переход от «естественной этической тотальности» к развертыванию всех заложенных в ней задатков. Идейную точку опоры определяется как новая отрицательная версия аристотелевской онтологии: телеологическое развитие субстанции в свою максимально зрелую форму (Аристотель) происходит через последовательную серию отрицаний, освобождающие этические структуры общества от односторонности и частных. Обращение к Аристотелю принципиально для Хоннета, поскольку очевидно переводит его мысль в русло коммуникативного подхода к государству и обществу. Естественное начальное состояние нарушается различиями, нарушение приводит к восстановлению равновесия, равновесия обретаются до тех пор, пока всеобщее и частное не достигнуто единства (т.е. субъективное как различное будет обобщено). Таким образом конфликтность оказывается важнейшей чертой развития истории человеческого духа и для Гегеля, и для Хоннета, причем конфликтность, понимаемая как обретение всеобщей значимости теми моментами, которые при возникновении имели частный характер.

Хоннет настаивает на том, что главная проблема для Гегеля йенского периода заключалась в том, чтобы добиться такого описания нормативного процесса исходной социализации, которое одновременно реконструировало

³³⁷ Аристотель. Политика // Аристотель: в 4 тт. Т.4. М: Мысль, 1983. I, 1, 12, 1253а.

³³⁸ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth, перевод J. Anderson, Reprinted-e изд., Cambridge, UK: Polity Press, 2005. P. 14.

бы рост общественных связей, и рост личной свободы, иначе взаимопроникновение социализации и индивидуации (а для Хоннета оно тождественно intersубъективному признанию особенности всех индивидов, входящих в общество) окажется за кадром. Решением стало обращение Гегеля к теории признания Фихте. Хоннету приходится обосновывать этот фихтеанский сюжет в йенской гегелиане апелляцией к исследованиям (на тот момент еще свежим) Л. Сипа³³⁹ и А. Вилдта³⁴⁰, чтобы увести на второй план возможную преемственность между признанием у Гегеля и взаимным признанием у Руссо. Хоннет показывает, что для Фихте признание – это «взаимное действие между индивидами, лежащее в основе правоотношения: как взаимно требуя друг от друга свободы действий, так и ограничивая свою сферу деятельности в пользу другого, субъекты формируют общее сознание, которое затем приобретает объективную значимость в правоотношениях»³⁴¹. Гегель переводит эту модель из трансцендентальной сферы, прямо переместив ее во все разнообразие человеческого действия. В итоге этические отношения в обществе оказываются формами практической intersубъективности, в которой признание соединяет взаимностью противоположных субъектов, и обеспечивает тем самым согласие.

Этот процесс происходит следующим образом. Взаимодействуя, субъект осознает, что его «контрагент» (Другой) признал некоторые его, субъекта, особенности. В итоге пропорционально степени осознания он а) примиряется с контрагентом, б) принимает свои особенности, в) снова противопоставляется контрагенту по поводу непризнанного им. Хоннет полагает, что этот вывод является радикальной гегелевской новацией, позволяющей философу выйти за рамки фихтеанской стратегии и создать новую социальную онтологию. Отношения признания самого себя всегда

³³⁹ Siep L. Der Kampf um Anerkennung. Zu Hegels Auseinandersetzung mit Hobbes in den Jenaer Schriften // Hegel-Studien. 1974. (9). С. 155–207.

³⁴⁰ Wildt A. Autonomie und Anerkennung: Hegels Moralitätskritik im Lichte seiner Fichte-Rezeption / A. Wildt, 1. Aufl.-e изд., Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. 445 p.

³⁴¹ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth, перевод J. Anderson, Reprinted-e изд., Cambridge, UK: Polity Press, 2005. P. 20.

открывают перед субъектом возможности узнавать новое об особенностях своей идентичности, обретение этого нового измерения себя равнозначно все более глубокой индивидуации субъекта, и каждый раз оно требует выхода из наличной стадии этических отношений посредством конфликта. Поэтому система нравственности динамична, она есть непрерывная череда конфликтов и примирений. Здесь Хоннет сближает этот постфихтеанский момент гегелевской логики с гоббсовской концепцией войны всех против всех: для Гегеля субъекты выходят из наличных этических отношений потому, что их индивидуальность недостаточно признана. Поскольку индивидуальность непрерывно углубляется, остановить конфликтный процесс однократным общественным договором, как это предлагает Гоббс, невозможно. Гегель, перераспределив акценты в идеях Аристотеля, Гоббса и Фихте, модернизирует телеологическую природу в панораму социальности, конститутивно включающей конфликт как форму непрерывной социальной борьбы и продвигающейся в направлении роста разнообразия социальной жизни, оттачивающей все новые и новые грани индивидуальности включенных в нее субъектов, борющихся за свое признание.

Далее Хоннет переходит к стадиям конфликтной динамики, демонстрируя, как гегелевская исходная «естественная» этическая жизнь приходит к повреждению конфликтами, и через диалектику признания выходит на уровень органической чистой этической жизни. Ключевым понятием здесь становится категория преступления. Первые общественные отношения устанавливаются, когда субъекты начинают освобождаться от своих естественных определений. В сфере семьи исходное объединение чувств требует «смещения», чтобы у ребенка сформировалась «внутренняя отрицательность» (самостоятельность). На второй стадии начинается правовая универсализация, практическое отношение к миру, характерное для семьи, сменяется договорными отношениями по установлению юридических требований. Юридические формы признания концентрируют негативные свободы, их содержание составляет способность отказываться от социальных

предложений. Интерсубъективное признание получают формальные аспекты индивидуальности субъекта. Преступление появляется там, где эти аспекты атакуются конфликтами. Хоннет считает, что понятие преступления в «Системе нравственности» определяется более ранними богословскими трудами Гегеля, в которых устанавливалась зависимость между формами закона и преступными действиями, и может быть сведено к следующей дефиниции преступных деяний: «действия, связанные с социальной предпосылкой правоотношений, в том смысле, что они вытекают непосредственно из неопределенности формы индивидуальной свободы, которая является просто законной»³⁴². Поскольку субъект как носитель права интегрирован в социальную жизнь отрицательно, это обстоятельство может деструктивно использоваться другими субъектами. Для Хоннета отдельные пассажи «Системы нравственности», весьма запутанные и сложные для понимания, являются основанием для предположения о том, что мотивом преступления является неполное распознавание. Эту гипотезу Хоннет обосновывает тем, что Гегель начинает описание различных видов преступления с бессмысленного акта разрушения. Вероятно (в этом случае приходится идти за Хоннетом, а не за текстом «Системы нравственности»), это означает, изначально преступление есть бесцельная реакция на элементарное неуважение, ставшее возможным там, где появилось формальное признание. В пункте b раздела «Негативное, или свобода, или преступление» Гегель говорит о том, что «Реальное снятие признания снимает также и это соотношение, такое снятие есть *ограбление*, или, поскольку оно направлено чисто на соотносимый объект, *кража*»³⁴³. Для Хоннета в данном случае речь идет о том, что мотивы деструктивного акта сводятся к «самому опыту абстрактного юридического признания»³⁴⁴.

³⁴² Ibid.

³⁴³ Гегель Г. В. Ф. Система нравственности // Гегель Г. В. Ф. Политические произведения: Памятники философской мысли. М: Наука, 1978. С. 316.

³⁴⁴ Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth, перевод J. Anderson, Reprinted-e изд., Cambridge, UK: Polity Press, 2005. P. 21.

Активное сопротивление потерпевшего Гегель прямо называет борьбой, причем перед нами борьба «лица» против «лица», в которой потерпевший борется за свою целостность, а преступник – за отдельный интерес, что предполагает победу потерпевшего. Кража переходит в фазу принуждения преступника, а затем начинается отрицание – борьба за честь, в которой из гегелевского текста далеко не всегда удастся установить, кто с кем борется. Поскольку честь – «это позиция, которую я занимаю по отношению к себе, когда я позитивно отождествляю себя со всеми своими чертами и особенностями»³⁴⁵, Хоннет получает прямое основание для того, чтобы интерпретировать гегелевскую борьбу за честь как борьбу за признание, борьбу не на жизнь, а на смерть, драматизм которой выходит далеко за формальные юридические рамки, поскольку на карту поставлен весь человек как целостность. В основном речь идет о борьбе индивида за признание себя, но ее схема легко реализуется в контексте борьбы за признание Другого.

Глава о преступлении в «Системе нравственности» для Хоннета становится учением о постепенном (и поэтапном) расширении притязаний индивидов на собственную идентичность, где каждый этап становится основанием для более зрелых отношений признания, характерных для общества свободных граждан. Он усиливает интерсубъективистское звучание своей интерпретации, показывая, что гегелевские конфликты обладают обучающим морально-практическим потенциалом, каждая «провокация» дает новые горизонты в самопонимании особенностей идентичности, в ее признании и в познании взаимозависимости субъектов. Логика межсубъектного конфликта на уровне индивидов легко переносится Хоннетом на отношения сообществ. «В этом смысле, – отмечает он, – социальные конфликты, нарушившие естественную этическую жизнь [исходный этап состояния субъекта] подготавливают субъектов к взаимному признанию друг друга как личностей, зависимых друг от друга и в то же время полностью

³⁴⁵ Ibid. P. 22.

индивидуализированных»³⁴⁶. Завершая свой анализ «интерсубъективного Гегеля» (не столько вновь открытого, сколько пересобранного и переконструированного), Хоннет вынужден констатировать, что в поздние периоды Гегель теряет интерес к этой теме, переходя от модели признания к тематике сознания, ставшей основой его интерпретации бытия права в «Феноменология духа» и «Энциклопедии философских наук». Этот отказ позволяет перейти ему к стройной системе категорий и системной четкости весьма сложного содержания, не достигнутых им в период Йены. В итоге мир узнал и классифицировал совсем другого Гегеля, нежели тот, что вдохновил Хоннета. Конечно, туманность и нестройность «Системы нравственности» открывает весьма широкое поле для интерпретаций. Однако, прослеживая аргументацию Хоннета, действительно сложно утверждать, что мы все еще имеем дело с Гегелем. Скорее Хоннет использует его рассуждения как рабочий материал, поставляющий готовые формы для сложной и не лишенной революционности хоннетовской мысли. В дальнейшем Хоннет обращался к «Философии права» Гегеля, это обращение также предполагало программную реконструкцию в узком ключе, поскольку Хоннет прекрасно осознавал, что философия права Гегеля не может быть реанимирована сегодня – и логическая основа формирования его системы слишком сложна, и убежденность Гегеля в состоятельности консервативного идеала государства противоречит социально-политическим взглядам самого Хоннета.

В «Праве свободы» Хоннетом определяются пределы правовой свободы в деле формирования свободы социальной. Как отмечает Я.Ф. Брокхаузен, на протяжении всей своей книги «Хоннет открыто выступает против тенденции разрабатывать основы теории справедливости только на основе правовых концепций»³⁴⁷. Хоннет выдвигает триадическую концепцию свободы, включающую в себя три модели – негативную, рефлексивную и социальную.

³⁴⁶ Ibid. P. 24.

³⁴⁷ Broekhuizen J. P. Private law and ethical life. Honneth on legal freedom and its pathologies // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2013. № 2 (42). P. 102.

Как показывают А.Ю. Шачина и С.В. Шачин, в анализе мыслителя первая и вторая модели являются необходимыми условиями третьей, что требует перманентного критического сомнения в индивидуалистических основаниях модерна³⁴⁸. Негативная свобода – это индивидуальная свобода, под которой понимается гоббсовская свобода (категориально отточенная Дж. Локком, Дж. С. Миллем и Ж.П. Сартром) для эгоцентрических действий, возможность делать все, что пришло в голову, пока пределы свободы соседей этому не мешают. Стоит отметить, критикуемая Хоннетом традиция является базовой для понимания отношений человека и государства в философии права, в рамках которого речь идет о человеке как активном субъекте³⁴⁹. Для самого Хоннета быть свободным в индивидуалистическом смысле означает «быть в состоянии реализовывать столь много эгоцентричных, совершенно своевольных целей, сколь еще совместимо со свободой всех остальных сограждан»³⁵⁰. Негативная свобода концентрируется на достижении целей, но не затрагивает целеполагания, поскольку уровень свободного и разумного определения собственных целей – это уже уровень рефлексивной свободы, на котором индивид осознает и обдумывает собственное отношение к себе. В этом случае свободно только такое действие, которое инициирует исключительно свободная и автономная воля субъекта действия. Теоретизацию рефлексивной свободы Хоннет связывает с Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, И.Г. Гердером. Детрансцендентализация кантовской мысли, осуществленная Ю. Хабермасом и К.-О. Аппелем в русле перехода к intersubjectivным основаниям свободы, недостаточна, поскольку не учитывает связь реализации целеполагания и обеспечивающих ее наличных социальных институтов. Коммуникативный дискурс зависает в воздухе, не добираясь до институциональных практик, используемых субъектами, чтобы

³⁴⁸ Шачина А. Ю., Шачин С. В. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. В.: Suhrkamp, 2011. // Кантовский Сборник. 2012. № 1 (39). С. 94.

³⁴⁹ Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2(295). С. 36.

³⁵⁰ Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin: Suhrkamp, 2011. P. 51.

запустить диалектику признания с другими. Невозможно располагать индивидуальной свободой, не включаясь в конкретные институты, в рамках которых и происходит разделение опыта признания с другими. Рефлексивная свобода может быть реализована только на основе институциональных предпосылок, раскрывающихся как конкретные нормы взаимодействия. Норма для Хоннета формируется в гегелевском смысле, поэтому она – отнюдь не механизм синхронизации ожиданий, это постепенное раскрытие потенциала уже зафиксированных ожиданий. Социальная свобода в понимании Хоннета означает, что свобода индивидуальная реализуется через институциональную сферу общества: «В конечном счете субъект “свободен” только тогда, когда он в рамках институциональных практик встречается с визави, с которым его связывает отношение взаимного признания потому, что он может усмотреть в его целях условие осуществления своих собственных целей»³⁵¹. Социальная свобода включает в себя как собственные компоненты возможности взаимодействия в тематизированном русле. К ним относятся три сферы – любовь (брак, семья, дружба), правовая сфера (рынок) и солидарность (публичная сфера), чтобы считаться справедливым, общество должно позволять каждому человеку иметь доступ к «институтам признания» этих сфер³⁵². Й. Шауб считает, что в этой триаде перед нами два типа отношений признания, индивидуальная свобода (в этом случае придется под ней понимать и негативную, и рефлексивную) – это свобода в модусе возможности, тогда как социальная – это свобода в модусе действительности³⁵³. Гегелевская перспектива позволяет Хоннету рассматривать субъектов как непрерывно обучающихся выдвигать цели и желания, дополняющие цели и желания других. Интерсубъективное окружение в таком случае воспринимается как расширение своей личности.

³⁵¹ Ibid. P. 86.

³⁵² Carrá L. Beyond distribution: Honneth's ethical theory of justice // *Civitas - Revista de Ciências Sociais*. 2016. № 4 (15). С. 619.

³⁵³ Schaub J. Misdevelopments, Pathologies, and Normative Revolutions: Normative Reconstruction as Method of Critical Theory // *Critical Horizons*. 2015. № 2 (16). P. 113.

Как показывает Я.Д. Рендторф, Хоннет определяет юридическую свободу на основе концепции личных прав Гегеля³⁵⁴. Правовая свобода создает «защитную стену», за которой человек может свободно рассматривать свои собственные цели и желания³⁵⁵. Однако таким образом, при помощи закона, формируется форма индивидуальной свободы, условия существования которой он сам не может ни создать, ни поддержать³⁵⁶. Правовая свобода отражает негативную свободу, зиждущуюся на иллюзии, что человек имеет право поступать так, как ему заблагорассудится и нарушать обязательства в том случае, если закон это позволяет, и останавливаться там, где закон это запрещает. В итоге воля человека постоянно ограничивается правом, а правовая свобода и сводится к обоснованию ограничений, которые необходимы для удержания разнонаправленных волей эгоистических индивидов от столкновений. Ограничения не могут быть свободой, т.е. правовая свобода развивает изначально порочную логику: «правовая свобода как таковая никоим образом не представляет собой сферу или место индивидуальной самореализации; она гарантирует возможность приостановить, подвергнуть сомнению или прекратить собственные проекты и обязательства, но она не открывает возможности реализовать блага или цели сами по себе»³⁵⁷. Свобода не может сводиться к ограничениям, она возможна там, где человек становится творцом и новатором собственных правовых принципов, там, где он стремится к сотрудничеству с другими людьми. В правовой сфере индивид, напротив, вынужден абстрагироваться от своих морально-этических убеждений для того, чтобы стратегически ориентироваться на контрагента, соглашаясь с действующими правовыми

³⁵⁴ Rendtorff J. D. Axel Honneth: The law of freedom – Institutionalization of freedom in modern societies – A reconstruction and some remarks // *Nordicum-Mediterraneum. Icelandic E-Journal of Nordicum and Mediterranean Studies*. 2012. № 2 (7). P. A3.

³⁵⁵ Honneth A. *Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit*. Berlin: Suhrkamp, 2011. P. 145.

³⁵⁶ Ibid. P. 156.

³⁵⁷ Ibid. P. 154-155.

нормами. Примирить это абстрагирование с живым участием к другому в сфере интерсубъективного признания невозможно.

С одной стороны, подход Хоннета закладывает надежный фундамент для понимания того, как и почему происходит переосмысление и расширение понимания прогресса естественного права в исторической ретроспективе. Дж. А. Сааведра демонстрирует, как хоннетовская перспектива продвигается, по сравнению с предшественниками, выявляя, что а) права должны быть чем-то большим, чем просто переводом какого-то идеализированного демократического процесса, как это следует из трудов Хабермаса; б) права должны защищать социальные отношения от угрозы непризнания; в) правовая сфера признания дает возможность положительного отношения к себе, а именно самоуважения, которое реализуется через правоотношения (признать кого-либо означает признать его или ее в равной степени заслуживающими права на свободу, доступ к политическому процессу, социальные права и бремя юридической ответственности; г) судебная власть должна защищать отношения юридического признания, чтобы позволить членам общества достичь самоуважения к себе как к равным другим членам и дать им право принимать собственные решения о том, как понимать и реализовывать свои собственные жизненные планы³⁵⁸.

С другой, Я.Ф. Брокхаузен показывает, что стремление Хоннета выступить против избыточной юридизации социальной жизни, отказ рассматривать все базовые социальные связи как правоотношения, во многом связан с особенностью его интерпретации гегелевских текстов. По его мнению, позиция Хоннета задана «игнорированием фундаментального понимания Гегелем положительной роли института юридической свободы — абстрактного права и его выражения в позитивном праве — для свободы в социальной реальности. Хоннет не может в полной мере оценить гегелевское

³⁵⁸ Saavedra G. A. The constitution of recognition : Towards a critical constitutional theory под ред. S. G. Ludovisi, Rome : [Newark, Del.]: John Cabot University Press ; Distributed by the University of Delaware Press, 2009.

проникновение в позитивный момент, внутренний по отношению к сфере абстрактного права, момент, когда свобода, бывшая прежде чисто негативной свободой, становится связанной с позитивным пониманием свободы, выражающимся в сфере этической жизни»³⁵⁹. В итоге Хоннет приходит к недооценке правовых оснований для базовых социальных связей (любви, дружбы, семьи). Его позиция предполагает овнешнение права для институциональной сферы, поэтому право для него скорее вызывает коммуникативную деградацию intersубъективных моделей, чем дает людям возможность найти и встретить друг друга. Вывод Хоннета неутешителен: правовая свобода паразитирует на социальной свободе.

Таким образом, концептуальные искания Хоннета в рамках данного исследования укладываются в модель коммуникативно-правовых теорий, развивая панорамную теорию социального, в которой правовое привлекается для объяснения реализации социальной телеологии. Однако работа Хоннета по переосмыслению взглядов Хабермаса приводит к неожиданному (вряд ли сам Хоннет это планировал) эффекту – снятию фундаментального логического противоречия в открытом подходе Хабермаса между локальным и контекстным характером коммуникативного действия как основания нормативности и универсальным статусом моральных и правовых норм.

А.Н. Павленко, анализируя логическую несостоятельность развиваемой Хабермасом идеи «невозможности существования чистого индивида», на которой и основана его коммуникативная программа, показывает абсурдность хабермасианской логики выработки универсальных моральных норм в локальных интеракциях³⁶⁰, разбирая ее квинтэссенцию через деконструкцию сильного и слабого тезисов («индивид в отдельности не обладает ничем, что не было бы продуктом коллектива» и «коллектив первичен, а индивид

³⁵⁹ Broekhuizen J. P. Private law and ethical life. Honneth on legal freedom and its pathologies // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2013. № 2 (42). P. 110.

³⁶⁰ Павленко А.Н. Коммуникативная доктрина морали и права: признание до обоснования // *Мир человека: нормативное измерение - 2* : сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 29-30 апреля 2010 г.) / [редкол.: И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.] ; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. 288 с. С. 49-58.

вторичен», соответственно). Хоннетовский субъект, вынужденный бороться за признание потому, что сталкивается с людьми, отрицающими его субъектность, изначально конструируется как процессуальная константа, позволяющая абстрагироваться от базовых комплексов интеракций, формирующих самопризнание и самоуважение на конкретном этапе жизненного пути. Тем не менее, такое абстрагирование – только дань теоретическим схемам. Контрверза атомарного субъекта предполагает, что субъект всегда процессуален, он может менять домашние миры (а может всю жизнь прожить в одном таком мире), которые его, субъекта intersубъективно «шлифуют», в этом процессе индивид никогда не бывает один. Intersубъективное в контексте признания не может быть вынесено либо в коллектив, либо в индивида, поскольку оно происходит всегда между индивидами, как коллективное его реконструирует наука, как личное – сам субъект.

Выводы:

А. Хоннет продолжает развитие открытого коммуникативно-правового подхода Ю. Хабермаса, корректируя взгляды последнего и осуществляя ревизию гегелевского политико-правового наследия. Гегельянская традиция, как и в случае концепции правового признания А.В. Полякова, позволяет при дополнительных приемах интерпретации обнаружить начала социальной солидарности в intersубъективных интеракциях. Хоннет строит свою новую интерпретацию на платформе intersубъективизма, открывая неисследованный потенциал ранней гегелевской мысли в «Системе нравственности». Таким образом анализ правогенеза как продукта коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас) подчиняется у Хоннета установке на установление пределов права как механизма овнешнения intersубъективных институтов. Выдвигаемая Хоннетом оппозиция теориям общественного договора с имманентной для них моделью атомарного индивида использует учение Гегеля о преступлении как описание постепенного самораскрытия взаимного признания индивидов, важнейшую

роль в котором играет конфликт как борьба с непризнанием. Гегелевская идея преступления как реакции на усиление формального юридического признания позволяет Хоннету перейти к осмыслению онтологической взаимозависимости индивидов, предшествующей установлению правовой свободы при одновременном схватывании ее конфликтного, динамического характера.

Разработанная Хоннетом концепция признания расширяет представления об intersубъективном взаимодействии и его социальных и правовых эффектах. Автономию субъекта Хоннет пересматривает в сторону признания, что означает, что степень автономного поведения зависит от социального окружения и успешности intersубъективных стратегий индивида в нем. Социализация – это процесс, в ходе которого человек учится понимать и признавать не только других, но и себя самого, доверяя им и полагаясь на них. В мире, где конкретное Я обесценивается и отвергается другими, Я лишено сил на самоутверждение и самоуважение. Эта модель диаметрально противоположна либеральной доктрине, основанной на представлении об атомарном изолированном индивиде. Теория признания Хоннета проблематизирует intersубъективный мир повседневности в качестве экзистенциальных корней человека, понимаемого как процессуальный проект, поэтому ее правовое содержание подчиняется экзистенциальному и социальному, связывающему реализацию отдельных экзистенций в социальной солидарности.

Опыт юридического признания предполагает, что человек способен рассматривать себя как субъекта, разделяющего со всеми субъектами «в своем сообществе качества, которые делают участие в дискурсивном волеобразовании возможным». Цель права – вывести формы признания из терминов классовых групп в общесоциальные категории, создав основу для самоуважения каждому члену общества и, тем самым, – предпосылки социальной солидарности. В «Праве свободы» Хоннет определил пределы правовой свободы в деле формирования свободы социальной. Правовая

свобода создает «защитную стену», за которой человек может свободно рассматривать свои собственные цели и желания. При помощи закона задается форма индивидуальной свободы, условия существования которой он сам не может ни создать, ни поддержать. В хоннетовской триаде негативной, рефлексивной и социальной свободы правовая свобода отражает свободу негативную. Выдвинутое Хоннетом понимание правовой свободы является элементом его концепции социальной свободы, не способным самостоятельно обеспечивать человеческую автономию.

§ 2.3. Коммуникативная теория права М. Ван Хука

Выдвинутая М. ван Хуком «перспектива» осмысления права как коммуникации, в отличие от философской концепции Хоннета, выстраивается юристом-правоведом на традиционном поле теории права. Ее развитие также осуществляется в концептуальном пространстве, сформированном противостоянием закрытого подхода Лумана и открытого Хабермаса. Хотя оно не было завершено «прорывным» для теории права результатом, его интегративные, универсалистские интенции еще могут принести свои плоды в даже весьма отдаленной перспективе.

Сначала необходимо обозначить идейные источники движения мысли ван Хука. К ним относятся, во-первых, сравнительное правоведение, во-вторых, теории глобализации, в-третьих, правовой плюрализм, в-четвертых, сетевой подход. Все они тесно взаимосвязаны как в биографическом аспекте творчества исследователя, так и в контексте теоретической повестки, детерминировавшей проблематику его работы «Право как коммуникация», опубликованной в 2002 г.

Правовая компаративистика как самостоятельная область исследования имеет длительную историю, прогресс в которой всегда затруднялся удвоением требований к исследователю, который в идеале должен быть достаточно эрудирован в минимум двух сравниваемых объектах, что предполагает высокий уровень владения двумя национальными языками и компетентностью в двух национальных правовых системах. Как показал Р. Давид, «сравнительное право показывает нам множество правопониманий. Оно знакомит нас с обществами, в которых право – синоним принуждения и даже символ несправедливости и тесно связано с религией и составляет ее сакральную часть»³⁶¹. Можно сказать, что компаративист всегда погружен в

³⁶¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 2009. С. 14.

правовую реальность, аксиоматически и априорно сконструированную как множественность правовых систем.

Если в середине XX в. Главным ориентиром эволюции сравнительного правоведения была гармонизация национального права и унифицирующегося международного права, то на рубеже XX-XXI вв. главными трендами в правовом развитии стала усиливающаяся роль международных (над- и транснациональных) организаций, активно включающихся в правогенез. Мир права начинает трактоваться как пространство, в котором «глобальное и локальное оказываются нормативно-институционально связанными между собой»³⁶² в процессах глокализации правовой коммуникации.

Глобализация стала внешним источником развития правового плюрализма, ситуации, когда множественные правовые системы не просто существуют одновременно, но, когда некоторые из них одновременно действуют на одной территории. Формально истоком дискурса о правовом плюрализме (юридическом плюрализме, полиюридизме) считают публикацию в 1971 году сборника трудов Ж. Джиллисана «Правовой плюрализм», в котором концептуализировались полевые исследования обычного права и впервые было проведено различие между «действующим правом» и «государственным правом»³⁶³. От исследований обычного права постколониальных стран теоретики правового плюрализма перешли к исследованию правовых порядков, возникающих под влиянием глобализации на территории Евросоюза. Важно отметить, что эта концепция не предполагает анархичности сосуществующих правовых порядков, напротив, она учитывает и характерные для них отношения соподчинения: «ни один из рассматриваемых правовых порядков не является полностью автономным. Они [правовые порядки] не изолированы ни от общества, ни от государства –

³⁶² Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. №5 (298). С. 12.

³⁶³ La Pluralisme Juridique: Études Publiées Sous la Direction de John Gilissen. Bruxelles: Université libre. Centre d'histoire et d'ethnologie juridiques, Éditions de l'Université de Bruxelles, 1971. 332 p.

они не могут не взаимодействовать с другими правовыми порядками»³⁶⁴. Еще четче эту идею проводят Л.Х. Уршелер и Ш.П. Донлан: современные элементы правового плюрализма «скорее относительны, чем верховны, зависимы, а не независимы, приспособляются, а не доминируют, и способны изменять свой нормативный охват в ответ на другие требования»³⁶⁵.

Исследования глобализирующихся социальных порядков, характерные для рассматриваемого периода, выдвинули на передний план понятие сети как структуры, становящейся альтернативой вертикальным иерархиям Модерна³⁶⁶. В правоведение сетевой подход проникал медленно, поскольку юридическая догматика всегда опирается на иерархический подход, и в целом не может на него не опираться. Как показывает Г. Харшер, сетевой подход в правоведении основан на убеждении в том, что «сеть» более эгалитарна, чем иерархия, а значит, более «современна» и более демократична, сетевой подход предполагает, что классическая «вертикальная» иерархия будет заменена «горизонтальной» гетерархией, авторитет – консенсусом, послушание – переговорами, что в целом сетевая парадигма коннотирует с творчеством, гибкостью, плюрализмом, обучением на протяжении всей жизни, мягкостью, общительностью, мирным сосуществованием, она предлагает более сложные уровни организации, нежели иерархия³⁶⁷. От себя отметим, что невозможность исключить принуждение из права хотя бы в какой-либо форме без размывания четкой границы между государственно-организованным правом и социальным правом, официальным и неофициальным правом, правом и нравственностью, не позволяет говорить о принципиальной возможности сетевой реконструкции права, лишенной иерархичности, по существу. Однако

³⁶⁴ Burg, van der W. A Pluralist Account of Legal Interactionism // Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies, 2013, No. 13-01, May 13, Version: 1,0. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2264108> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2264108>

³⁶⁵ Donlan S. P., Urscheler L. H. Concepts of Law: An Introduction // *Concepts of Law* / by ed. S. P. Donlan & L. H. Urscheler, Routledge, 2016, 270 p, pp.1-18 <https://doi.org/10.4324/9781315573298>, p.11

³⁶⁶ Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. 2016. №3. С. 140.

³⁶⁷ Haarscher G. Some Contemporary Trends in Continental Philosophy of Law // *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory* / Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. Blackwell Publishing Ltd, 2005, 357 p. P. 300-312.

это принципиальное соображение не относится напрямую к предмету нашего изучения, в рамках которого мы реконструируем историю идей в определенном контексте. Возвращаясь к процессу реконструкции, следует отметить, что в развитии этого подхода важную роль сыграла работа Ф. Оста и М. ван де Керхова «От пирамиды до Сети? К диалектической теории права»³⁶⁸, вышедшая в том же 2002 г., что и «Право и коммуникация». Ван Хук цитирует более раннюю работу этих авторов (с одним из которых, в свою очередь, ранее работал в соавторстве³⁶⁹), очевидно стараясь понятием «сеть» не злоупотреблять, тем не менее, его концепция циркулярности явно производна от сетевого подхода.

Свою работу «Право как коммуникация» ван Хук позиционирует как обобщенный взгляд на правовую теорию³⁷⁰, центром которого является анализ коммуникации в праве и для права. Теоретико-методологическими основами его анализа, как показывает А.В. Поляков, выступают теория коммуникативного действия Хабермаса, положения психологии, лингвистики, теория правового аутопойезиса Лумана, идеи Кельзена, Раза, Фуллера, Харта³⁷¹.

Констатируя многообразие подходов к определению права, ван Хук проводит параллель между образами права, формирующимися на обыденном уровне в результате негативного или положительного опыта контакта с правовыми явлениями, и нарративами о праве, вырабатываемыми правовой теорией – поскольку теоретики работают с разными аспектами права, они концептуализируют разный опыт о праве. При этом представления о праве, полученные в результате образования, неизбежно расходятся с опытом, поскольку право меняется. Его изменения протекают медленнее, чем

³⁶⁸ Ost, F. and van de Kerchove, M. De la pyramide au re'seau? Pour une the'orie dialectique du droit. Brussels:Faculte's universitaires Saint-Louis, 2002, 596 p.

³⁶⁹ Hoecke van M., Ost F. Epistemological Perspectives in Legal Theory // Ratio Juris. Vol. 6. No 1. March. 1993. Pp. 30-47.

³⁷⁰ Хук, ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С.9.

³⁷¹ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2(265). С. 39.

изменения социального контекста, а теоретическая рефлексия запаздывает еще больше. К моменту трансляции рассогласование не просто неизбежно, оно удваивается и утраивается, поскольку на момент формирования образа права имела место конкуренция разноаспектных подходов. На первый взгляд, постулирование изменчивости права является общим местом, но ван Хук идет дальше, и утверждает, что историческая детерминированность развития права закономерно приводит к тому, что разные поколения людей застают разные этапы развития правовой реальности: «Теория, которая казалась очевидной предшествующему поколению (часто потому, что оно хотело видеть ее очевидной: люди верят в то, во что они хотят верить), может показаться странной в настоящее время. Во-первых, это новое поколение забывает исторические соображения, которые вызвали к жизни существующие теории... Во-вторых, установившаяся теория уже не отвечает реальности»³⁷². Различные аспекты права могут недооцениваться или переоцениваться в теории, но ван Хук концентрируется не столько на проблеме расхождения факта и теории (хотя и отмечает, что в основе юридического позитивизма XIX в. лежит наивная вера в существование «чистых фактов», т.е., по сути, одна из самых рациональных правовых доктрин основана на зыбкой эпистемической иллюзии), сколько занимает позицию жесткого историзма. Демонстрирует ее он на примере сопоставления средневекового и современного права: «Нам очень трудно сегодня осознать, как наши предки представляли себе феномен, называемый правом, но мы можем предположить, что в современной юридической литературе можно найти лишь очень немногие дефиниции, которые бы этому соответствовали. Такие концепции права, как концепция Кельзена или аутопойетическая система, не могли вписаться в средневековую картину мира не потому, что средневековые люди расходились во мнениях, но потому, что они просто не могли понять эти подходы. Они не могли соответствовать их мировоззрению, в котором не было места для подобных

³⁷² Хук, ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С.14.

рациональных, системных подходов к действительности»³⁷³. Право разных эпох может быть весьма мало похожим, в разное время доминируют различные правовые институты и формы, и дать в теории все возможные перспективы такого многообразия невозможно. Но можно, и в этом ван Хук и видит свою задачу, найти такой ракурс взгляда на право, который даст увидеть большее количество таких ключевых эпохальных перспектив. Если исчерпывающий взгляд на право невозможен, то это отнюдь не значит, что при выборе между узким и широким охватом нужно предпочесть первое.

Максимально широкий взгляд на право дает его интерпретация через категорию коммуникации. Это значит, что право рассматривается как инструмент человеческого взаимодействия, причем инструмент процессуальный. Важно, что ван Хук исходит из того, что коммуникация в праве обнаруживается на разных уровнях и в разных формах, т.е. речь идет о разных способах и видах коммуникации, характерных для права, а не о том, чтобы право специфицировать к конкретному типу коммуникации, обладающими особыми характеристиками, или его элементам, к тем же правовым нормам, например.

Опираясь на парадигму интересубъективизма, мыслитель настаивает на том, что «чистые факты» являются конструктами, зависящими от опорных структур теории, разрабатывающей их описание (реальность частично детерминирует теорию, теория частично детерминирует право). Попытка определить право предполагает такую теоретическую работу, в которой будет учитываться существование как конституций, актов, законодателей, судов, государств, договоров и других юридических фактов, так и смысл, придаваемый праву обывателями и юристами в наше время³⁷⁴.

Эта работа начинается с уточнения применимости коммуникативного подхода к общепризнанным³⁷⁵ признакам права, анализа последних с точки

³⁷³ Там же. С. 18.

³⁷⁴ Там же. С. 26.

³⁷⁵ Ван Хук в названии соответствующей главы помещает слово «возможные» в скобки – «(Возможные) признаки права», тем самым акцентируя дискуссионность набора признаков права, обычно

зрения прояснения их содержания и установления того, насколько они могут быть объяснены через коммуникацию. Ван Хук выбирает для нее девять признаков права 1) право как регулятор человеческого поведения; 2) право как совокупность норм; 3) право как институционализируемая нормативная система; 4) право как продукт государства; 5) право как результат принуждения; 6) право как автономное образование; 7) право как закрытая и полная система; 8) право как культурный феномен; 9) право как справедливость.

Первый признак исследователь сужает, доказывая, что право регулирует не человеческое поведение вообще (к нему не относится то, что делает Робинзон Круза на необитаемом острове в одиночестве), а только человеческое взаимодействие (коммуникацию), межличностное поведение.

Второй признак уточняется в контексте ограниченности совокупностей норм, присутствующих в обществе (кроме права, ван Хук относит к ним мораль, религию, идеологию, обычаи, обыкновения и этикет – перечень исчерпывающий). Специфику права в ряду других нормативных систем он связывает с тем, что, во-первых, санкции права формулируются четко и конкретно до нарушения права и, во-вторых, процесс наложения санкций также регламентируется правом³⁷⁶. Кроме того, нормы права всегда связаны друг с другом хотя бы слабыми связями, поэтому они являются не «коллекцией», а системой.

Третий признак ван Хук детализирует от общего к частному, начиная с формальной институционализации. Здесь он опирается на идею Харта о том, что право представляет собой единство первичных и вторичных правил. Первичные правила адресованы к членам общества и представляют собой дозволение или запрет тех или иных действий. Вторичные правила – это правила о правилах. Их институционализация проходит в двух аспектах –

приводимых в юридической литературе как однозначно определенные, проблематизируя тем самым существующие перечни.

³⁷⁶ Там же. С. 32.

структурном и процедурном, и приводит к появлению двух уровней – правотворчества и правоприменения. Функциональное разделение на нормотворчество и нормоприменение обнаруживается в любой правовой системе, тогда как структурно оно не обязательно, поскольку обе функции могут сосредотачиваться в одних руках. Создание правил предполагает установление значения и границ применения правила, поэтому институционализация всегда конкретизирует как определение правил, так и установление их применимости.

Далее ван Хук отказывается следовать за Хартом, вводящим третий тип вторичных правил, а именно – правила признания. По его мнению, эти правила социетальны, а, значит, не могут быть институционализированы, как то, что является фактом, а не нормой. Эти правила, касающиеся установления источников права, постоянно находятся в движении.

Ван Хук разделяет социологическую и профессиональную институционализацию права. К первой он относит «обобщенное признание в данном обществе формальных институтов рассматриваемой правовой системы»³⁷⁷. Это понятие он использует, чтобы иметь возможность обозначить процесс социальной легитимации права таким образом, чтобы можно было определять степени его действенности (эффективности). В этом случае речь должна идти не о том, что в данном обществе соблюдаются установленные правовые нормы, а правовые институты и должностные лица признаются имеющими власть «делать право действительным», реализовывать его. Иначе говоря, социальная институционализация права предполагает признание не первичных правил, а вторичных, а само признание трактуется как феномен социальной психологии. Такое социально-психологическое признание позволяет ван Хуку разграничить, например, правовую систему Италии и нормативную систему итальянской мафии. По его мнению, нормы права, установленные государством в Италии, могут не соблюдаться или

³⁷⁷ Там же. С. 41.

соблюдаться реже, чем мафиозные правила, но мафия никак не может «контролировать верования народа в действительность вторичных правил»³⁷⁸.

Профессиональная институционализация права характерна не для всех обществ, и не является необходимым условием для существования права, но она является признаком развитости правовой системы. Только на современном этапе формируются три вида самостоятельных юридических профессий – законодатели, представители юстиции и представители доктрины, при этом степени и темпы их профессионализации автономны друг от друга и асинхронны, возможна ситуация, когда профессия судьи отличается сложным набором норм, регулирующих эту роль, а профессионализация доктрины является слабой. Профессионализацию научной деятельности мыслитель считает необходимой для дальнейшего развития современного права.

В четвертом признаке Ван Хук сосредотачивается на связи государства и права. Он исходит из представлений об эрозии национального суверенитета в период глобализации, связанной с утратой государствами некоторого объема властных полномочий, децентрализацией и появлением Евросоюза. Из этого следует ослабление верховенства правовых систем, установленных централизованными государствами. Обращаясь к новой роли национальных и международных спортивных организаций, церквей, объединений нацменьшинств, Ван Хук настаивает на том, что для «правовой системы первичной является способность устанавливать соглашения, а не быть производной от соглашений», ее производность от государства и связь с ним для него очевидно (во всяком случае, для самого автора) отходит на второй план. Ключевой в этом случае является апелляция к феномену международного права.

Формальная институционализация как появление правил о правилах универсальна для всех правовых систем, социологическая институционализация (легитимация) характерна как для государственных, так

³⁷⁸ Там же.

и не для государственных правовых систем (например, для канонического права), профессиональная институционализация чаще встречается в государственных правовых системах, но ей обладает то же каноническое право. Иначе говоря, институциональные признаки правовой системы сами по себе прямо не связаны с государством. Ван Хук предлагает выйти в широкий социальный контекст для ответа на вопрос о том, какие именно виды структурированных общественных отношений являются правовой системой. Он однозначно декларирует правовой плюрализм, развитие которого на уровне определения права он связывает с отказом от юридического понятия государства в пользу социологического понятия общества. Поскольку последнее весьма плюралистично благодаря широкому спектру парадигм социальной теории, ван Хук использует максимально приближенное к потребностям правовой рефлексии понятие общества, введенное Дж. Финнисом, согласно которому общество может существовать «везде, где в течение определенного промежутка времени происходит координация деятельности ряда индивидов в форме взаимодействий и представлений об общей цели»³⁷⁹. В этом случае речь идет о социологически институализированной группе людей, в которой распределяются различные функциональные совместные интеракции, и есть конкретные общие верования и ценности, сплачивающие группу, но разделение правил на первичные и вторичные еще не акцентировано. Так понятие «общество» может учредить конституционный договор и стать государством, отвечающим классическим признакам Ф. Энгельса. Но оно может представлять собой и меньшую группу в составе большей или на «пересечении» больших групп (и даже «над» ними). И в этой группе будет сплавляться традиция и инструментализм, «исторически развивавшиеся правила и общие цели»³⁸⁰, для которых выработаны «новые правила»³⁸¹ под оперативную координацию наличных функциональных задач

³⁷⁹ Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford, 1980. P.153.

³⁸⁰ Хук, ван М. *Право как коммуникация*. С. 48.

³⁸¹ Там же.

социального обмена. С социологической точки зрения такая группа в смысле финнисовского общества представляет собой зрелый тип средних и переходящих в большие социальных групп, со всеми выделяемыми социальными теоретиками признаками (цель, ролевое взаимодействие, контроль, образцы поведения, правила, чувство принадлежности и ролевые ожидания), позволяющими отличить их от социальных движений, групп по интересам, воображаемых сообществ и т.п. На правовом уровне финнисовское общество ван Хук отождествляет с понятием «полуавтономного поля» С. Мур, классика кросс-культурных сравнительно-правовых исследований. Ключевой особенностью автономного поля является способность самостоятельно генерировать собственные нормы, обычаи и символы, а не культивировать общесоциальные. Такой подход весьма эффективен в контексте правовой компаративистики, поскольку позволяет исследователю фокусироваться на разноуровневых правовых нормах, вызванных к жизни разными источниками права в одной социальной контексте, не ставя вопрос о статусе источников. Он очень удобен там, где позитивные правовые нормы сосуществуют с обычными нормами, прецедентами и договорами. Но легко превращается в маргинальный подход там, где правовая система основана на нормативно-правовых актах, и именно они составляют эмпирическую базу для юридической квалификации и научного правового исследования.

Тем не менее, он позволяет ван Хуку выдвинуть следующее определение права: право есть институционализованный нормативная система сообщества³⁸². Понятие «сообщество» воспроизводит логику и Финниса, и Мур, оно применимо к любым социальным группам, производящим правовые нормы, независимо от того, опираются ли они на военную силу, как государства, или на международные политические дебаты как международное право. Монополию на применение военных сил в рамках конкретной территории, способность структурировать политические дебаты и делать

³⁸² Там же. С. 50.

выбор, связывающий все правовые системы, действующие на конкретной территории, ван Хук считает признаками государства. Разумеется, он не игнорирует ведущую роль государства как политического сообщества в современных процессах правогеиза, скорее, он отрицает исключительность этой роли.

В анализе пятого признака, принуждения, ван Хук переходит к принципиальным основаниям своей позиции. Казалось бы, этот признак легко скомпрометировать как прямой вывод из итога по предыдущему: если не все правовые системы порождены государством, а признаком государства является монополия на принуждение, то не все правовые системы опираются на принуждение. Однако ван Хук идет дальше и исследует «механику» работы санкций, исходя из модели права, установленного государством. Он утверждает, что, хотя принуждение подкрепляет общую легитимацию власти, пока не начинается ее кризис, для определения права оно незначимо. Во-первых, сами санкции имеют значительно более слабый характер, чем это обычно постулируется, поскольку они могут вообще не применяться, применяться редко и, так сказать, «по нижней планке». Во-вторых, санкции аналитически значимы для первичных и вторичных правил, а не для правовой системы в целом, и значимы они как возможность, а не социологический факт. Большинство правил соблюдается спонтанно, например, люди чаще всего вступают в брак потому, что хотят жить с любимым человеком, а не потому, что хотят реализовать правовую норму, а не убивают других людей потому, что не имеют ни малейшего желания этого делать. Те нормы, которые действительно регулируют поведение, могут приниматься в разной степени – полностью, условно или принудительно, а в случае принятия все равно могут нарушаться независимо от того, какая санкция за это предусмотрена, поскольку детерминированы мотивами иного порядка. Точно также и выполнение правил может быть никак не связано с самой нормой, а объясняться аффектами или экономической выгодой.

Шестой признак, автономность права, ван Хук рассматривает с позиции системного подхода – право является частью социальной системы. Поэтому оно относительно автономно. Как показывают И.Л. Честнов и Е.Г. Самохина, слабая автономия права у ван Хука означает, что речь идет не просто об отражении правом набора внеправовых правил³⁸³. Если бы право было абсолютно автономно, оно бы не нуждалось во внешней (в терминах ван Хука – социологической) легитимации. Но и внутренняя легитимация (самолегитимация) автоматически не предполагает автономию. Ван Хук рассмотрение формальной автономии начинает с критики кельзеновской модели легитимации права. Под ней понимается линейный процесс, в котором судебное решение обосновывается более высоким правилом, а оно само – вышестоящим, и так вплоть до основной нормы. Ван Хук показывает, что вышестоящие нормы в иерархии права не только обосновывают нижестоящие нормы, но и сами обосновываются ими (например, судебная власть подчинена законам, но некоторые суды могут отменять некоторые виды законов). Эту специфику права ван Хук называет циркулярностью и подчеркивает ее коммуникативный характер, поскольку циркулярность не реализуется автоматически, а требует коммуникативных действий и аргументации. Ванхуковское понятие циркулярности Р. Мансилла конкретизирует следующим образом: циркулярность – это гетерархическая связь, которой нормы связаны друг с другом как в цепочке круговых причинно-следственных процессов, где существует взаимное влияние³⁸⁴.

Затем исследователь конкретизирует «относительность» закрытости/открытости правовой системы, поскольку недостаточно констатировать, что одни системы более/менее открыты, чем другие, необходимо указать, что в системе «открывается» и что «закрывается», и какими именно способами. Здесь ван Хуку помогает критика лумановского

³⁸³ Chestnov I.L., Samokhina E.G. The Principle of Relativity in the Post-Classical Theory of Law // Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. P.46.

³⁸⁴ Mancilla R. Sociocybernetics and Political Theory in a Complex World. Recasting Constitutionalism // Sociocybernetics and Complexity. 1.1 (2020) 1–120, doi:10.1163/25900587-12340001. P. 56.

аутопойезиса, который он использует как точку опоры, одновременно показывая уязвимость лумановских схем и предлагая их корректировку. Правовые системы закрыты оперативно, т.е. они перерабатывают социальные факты в факты юридические по своим собственным правилам, не включая в этот процесс внешних социальных агентов. При этом когнитивно правовые системы открыты, поскольку постоянно взаимодействуют с «внешним» миром, в который, кстати, включены и другие правовые системы. Важно отметить, что понимание автономии, отстаиваемое ван Хуком, задано общей методологией системного подхода (в данном случае то обстоятельство, что работает он преимущественно с его лумановской версией, неважно, поскольку аутопойезис ровно на системный подход и опирается), поэтому автономия отнюдь не исключает отношений взаимозависимости – системы могут использовать другие системы как ресурс, без которого их существование проблематично, или управлять друг другом, но они не могут быть частями друг друга, что, конечно, не мешает им играть роль подсистем в предельно общей социальной системе.

В итоге этой специфической открытости формируются следующие виды автономии права: формальная автономия (сводится к наличию у правовой системы собственных институтов), процедурная автономия (вторичные правила), профессиональная автономия (юридические профессии), методологическая автономия (особый язык, стиль и аргументация внутри правовой системе) и доктринальная автономия. Формальная и процедурная автономия универсальны, профессиональная характерна только для развитых правовых систем, методологическая в разных системах имеет разные степени сложности, доктринальная появляется там, где есть профессиональная и сложная методологическая автономия.

Чем больше видов автономии обретает система по мере развития, тем выше циркулярность ее норм и тем меньше она нуждается во внешней легитимции, поскольку сама осуществляет легитимацию в юридических терминах и на основе юридических источников, т.е. внутренними способами.

При этом рост автономии неизбежно приводит к аутопойетическому парадоксу: «чем больше правовые системы развиваются и становятся автономными как системы, тем меньше их автономия определяет их содержание»³⁸⁵.

Поскольку современные правовые системы основаны на общности методологической автономии (у них общие правовой язык, стиль и аргументация) и заимствуют нормы и понятия друг друга, будучи при этом связаны отношениями циркулярности, их автономия друг от друга слаба, но это слабость является основой сильной автономии от других социальных систем, появляющейся в результате синергического эффекта. При этом первичные нормы обладают слабой автономией от внешних социальных систем (зависят от них и детерминированы ими), а вот вторичные – сильной. В целом нужно отметить, что анализ автономии как признака права ван Хук строит в лумановской парадигме (в тойнберовской ее версии), внося в нее корректировки и уточнения, связанные с эволюцией его собственного видения системного подхода.

Эту логику он продолжает, обращаясь к седьмому признаку, к которому были отнесены полнота и закрытость права. Ван Хук продолжает отстаивать тезис об относительной открытости права как системы, полемизируя с Кельзенем (статическая модель закрытой системы права) и Луманом (динамический закрытый аутопойезис). Исследователь отмечает, что максимальная полнота права характерна для государственных систем, сумевших за последнее столетие охватить почти все сферы общественных отношений. Однако это обстоятельство он использует для того, чтобы показать не только диалектику операциональной закрытости и когнитивной открытости, но чтобы доказать, что и операциональная открытость также не абсолютна: правовые системы не могут быть полностью завершенными на уровне первичных правил (многообразие ситуаций неисчерпаемо). На

³⁸⁵ Хук, ван М. Право как коммуникация. С. 67.

вторичном уровне правовая система должна закрываться на основе «правила закрытия», т.е. правила, определяющего алгоритм действий при обнаружении ситуации, не регламентированной правовой системой на уровне первичных правил. Ван Хук показывает, что «правило закрытия» имеет ограниченную область применения, а часть ситуаций пробела снимается на третьем уровне «технической закрытости», где правовая система решает использование правил других систем для закрытия своих пробелов, а решение это детерминировано четвертым уровнем, идеологическим, интегрирующим в право неправовые ценности. Таким образом, и на операциональном уровне правовая система никогда не бывает полной и закрытой, выступая четырехуровневой системой разрывов, закрываемых разными способами, причем последний уровень циркулярно связан с первым.

Восьмой признак – связь с культурой. Эта связь начинается с общих ценностей и мировоззрений, затем охватывает ценности групповые (причем к ним относится само переживание групповой принадлежности как особая ценность), затем переходит на уровень собственно правовой культуры, дифференцирующейся на внешнюю (представления обывателей о правосудии, справедливости, правопорядки и т.п.) и внутреннюю (профессиональная культура юристов). Как показывает Й. Крайован, у ван Хука правовая культура в своем ядре, т.е. базовой парадигме, содержит ключевые точки зрения на концепцию права, источники права, методологию права, легитимность права, в более общем плане общие ценности и определенный взгляд на мир.³⁸⁶ Правовая культура порождается правом, может блокировать его развитие или ускорять его, но, по мнению ван Хука, зависит от политической воли, вплоть до утверждения о том, что юристы прекратят менять свои привычки, если их к этому вынудит право³⁸⁷.

³⁸⁶ Craiovan I. On Legal Culture Concept Within Transdisciplinarity // US-China Law Review, August 2019, Vol. 16, no. 8, p. 318-323. doi:10.17265/1548-6605/2019.08.002. p. 320.

³⁸⁷ Хук, ван М. Право как коммуникация. С. 85

И последний признак – справедливость. По мнению ван Хука, справедливость сама по себе не является сущностным признаком права, однако стремление к ней характерно для любой правовой системы: «право всегда претендует на обладание хотя бы минимумом справедливости и честности»³⁸⁸. Эта идея «минимальной справедливости», понимаемой как применение принципа справедливости на уровне создания и применения права, важна для социологической институционализации (легитимации) права. Пренебрежение ею может привести к кризису и смене правовой системы, но вовсе не обязательно к ним приводит, поскольку объектами социальной критики по вопросам справедливости являются правила, установленные представителями публичной власти, а также действия этих представителей.

Таким образом, три признака из девяти ван Хук не считает пригодными к применению, из оставшихся пять переопределяются, преимущественно в контексте детализации их «частичности», или возможности градации степени выраженности. Что остается? Право – регулятор человеческой коммуникации, представляющий систему норм, в которую включены первичные и вторичные (нормы о нормах) нормы. Вокруг вторичных норм могут выстраиваться юридические профессии, признание этих норм обществом делает правовую систему действующей. Правовые нормы создаются сообществом, которому необходимо координировать социальную деятельность внутри себя ради достижения общих целей (в эти цели имплицитно встроена справедливость); таких сообществ много, те из них, что являются политическими, создают государственные правовые системы, использующие монополию на подчинение. Система норм динамична, нормы «расположены» иерархично, но при этом их возникновение циркулярно: они могут возникать как на низшем уровне под влиянием норм высшего уровня, так и наоборот. Формальная и процедурная автономия (установление самих первичных и вторичных норм и

³⁸⁸ Там же. С. 85.

порядков их производства) универсальна, над ними может «надстраиваться» профессиональная, методологическая и доктринальная автономия. Последние три вида автономии возникают не везде, возникают в разных комбинациях, правовые системы с разным набором автономий сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, по отношению к порождающему их сообществу как социальной системе они в высокой степени операционально закрыты (есть система разрывов, позволяющих компенсировать принципиальную неполноту норм таким образом, что в итоге система переводит, «объявляет», неюридическое юридическим там, где разрыв радикален) и открыты когнитивно. Правовая система продуцирует появление в культуре специфических ценностей (правовых) разного порядка, их взаимодействие может влиять на развитие самой системы.

После анализа определения права и его признаков ван Хук рассматривает функции права, т.е. ту работу, которую право выполняет в обществе (речь идет всегда об обществе в специфическом, финнисовско-муровском смысле сообщества-полуавтономного поля). Право структурирует политическую власть, легитимируя ее; оно сохраняет социальную связь, интегрируя систему социальную и консолидируя саму правовую систему; право содействует индивидуальной жизни, намечая наиболее эффективные и разумные модели социальных интеракций в практически бесконечном разнообразии потенциальных действий; создает сферы автономии в условиях дефицита усилий конкретных людей; побуждает индивидов к желаемому (наиболее удобному для всех) поведению; координирует, согласует человеческую деятельность; предлагает инструменты для заключения частных соглашений; позволяет индивидам и их объединениям концентрировать ресурсы; делает возможным безопасное для индивидов перераспределение этих ресурсов (в форме товаров и услуг); обеспечивает разрешение конфликтов.

От рассмотрения функций права ван Хук переходит к правовым нормам, которые уже им разделены на первичные и вторичные. Вторичные выступают

структурой для первичных³⁸⁹. И те, и другие он рассматривает как основания для действия человека, и воспроизводит выдвинутое Дж. Разом деление норм на обязывающие (прескриптивные в терминологии ван Хука), разрешающие и предоставляющие полномочия. Все три вида облегчают действие, поскольку а) предоставляют готовую модель действия, экономя мышление и б) синхронизируют ожидания людей, прогнозирующих поступки друг друга. И здесь возникает вопрос о том, кому в первую очередь помогают нормы, т.е. кто является коммуникантом в коммуникации, инструментом которой (сообщением) является сама норма и как соотносены коммуниканты? Ван Хук противопоставляет командную теорию права, отождествляющую закон с чистой волей суверена, движение реалистов, в американской версии акцентирующее роль судей как нормополучателей, а в скандинавской – роль граждан, и теории «черных литер», сводящие норму исключительно к тексту. Это противопоставление позволяет ему «распределить» функции элементов коммуникации, показав влияние нормоотправителя и нормоплучателя на саму норму, и их обоих – на ее анализ, интерпретацию и реализацию.

Анализ правовых норм нужен для того, чтобы подойти к системному изложению специфики правовой коммуникации и обосновать используемую им модель коммуникативного акта. Роли коммуникантов он уточняет следующим образом. Нормоотправителем является формальный законодатель, даже если он не совпадает с реальным коммуникатором, поскольку законодательный процесс выступает синтезом коммуникаций между профильными комитетами законодательного органа и агентами политических дебатов по поводу нормы. Нормополучатель включает в себя и граждан, и «судей», причем вторые включаются в коммуникацию как «средства», позволяющие изменить поведение первых.

Именно связи между нормами, совпадающие с коммуникативными процессами, лежат в основе правовых систем. Первичные нормы, по его

³⁸⁹ Там же. С. 101.

мнению, в исторических масштабах редко организуются в иерархию, где их иерархичность формируется через логическую иерархию понятий, аксиологическую иерархию, иерархию источников права, системную иерархию отраслей и входящих в них институтов. Анализ правовой системы всегда основан на статике (требует гипотетического синхронического «снимка» из статичной позиции), тогда как анализ механизма права, под которым мыслитель и понимает совокупность связей между нормами, требует учета динамики, «фильма». Связано это с таким аспектом вторичных правил, как их неполная формализация, вызванная циркулярностью. Оказавшись на перепутье между иерархическими и анархическими моделями правовых систем³⁹⁰, ван Хук выбирает компромиссную позицию в оценке реальной модели: «ни одна правовая система не может быть полностью «иерархической» или полностью «анархической», но всегда будет в некоторой степени циркулярной»³⁹¹. Циркулярность для ван Хука оказывается понятием, позволяющим сочетать индивидуальное стратегическое действие, ориентированное на партикулярные цели актора, и коммуникативное действие, ориентированное на общую цель, в терминологии Хабермаса. Встроенность частных и общих целей в коммуникативность циркулярности формирует системную структуру правовой системы.

Таким образом, ван Хук подходит к ключевому моменту своей концепции, где начинает применять модель сети для объяснения системного взаимодействия. Поскольку ван Хук не работает в традиции, проводящей линию демаркации между системой права и правовой системой, вопрос об атомарном статусе правовой нормы ему нет необходимости ставить. Право предстает для него как связанные сложными сетями взаимной циркуляции комплексы первичных и вторичных норм, в каждом из которых есть собственные правила построения нормативных иерархий. Этот конгломерат

³⁹⁰ Здесь ван Хук апеллирует к работе Kerchoue M. van de, Ost F. *Legal System Between Order and Disorder*. Oxford, 1994.

³⁹¹ Хук, ван М. *Право как коммуникация*. С. 152-153.

норм размыкается «во все стороны» в социальное и в другие правовые системы, зоны размыкания также представляют собой сгустки сетей. Коммуникация циркулярности возвышается над механикой взаимодействия благодаря включенности в применяемую аутопойетическую методологию аспекта понимания, а значит, смысла, собирающего в единое целое правовую систему. Именно поэтому ван Хук постулирует теоретический статус правовой системы, настаивая на том, что она есть «не некий действительный факт, но продукт теории»³⁹². Смысл конструируется как когерентность, логичность норм, их внутреннее единство и внешняя связь с социальными фактами. Поэтому в правовой системе неизбежно переплетаются форма и содержание, неразрывно связанные друг с другом. Выбранная для анализа точка зрения определит подход к теоретическому конструированию формы наблюдаемого типа права (правовой семьи), из которого будет потом выводиться «базовый элемент» права, релевантный для этого типа структуры. Иначе говоря, первоэлементом права всегда будут структуры коммуникативного действия, в данных исторических условиях формирующих правовые нормы. Этот ключевой вывод ван Хука вызывает наибольшую критику³⁹³, поскольку он не дает конкретного и однозначного ответа о том, какой элемент в цепи нормоотправитель-правовая норма-нормополучатель делает саму эту цепь правовой.

В защиту концепции ван Хука можно отметить два обстоятельства. Первое – универсальность выбранного им базового элемента (структуры коммуникативного действия) выявляется тогда и там, где исследователь работает с разными правовыми системами, и может сопоставлять и сравнивать их только при условии использовании пяти видов автономии, которые наслаиваются друг на друга, как куклы в матрешке. Эти куклы весьма различны по размеру и форме, которая может быть, допустим, зооморфной,

³⁹² Там же. С. 159.

³⁹³ Например, см.: Berteau S. Mark van Hoecke, LAW AS COMMUNICATION // The Edinburgh Law Review. 2005, Vol. 9. P. 346-347.

антропоморфной или сложной стереометрической. Грубо говоря, перед исследователем лежит три таких матрешки, в каждой из которых есть первые два слоя (формальная и процедурная автономии), поскольку они универсальны, у двух есть третий слой – профессиональная автономия, и только у одной есть четвертый и пятый – методологическая и доктринальная автономия. Каждая из условных «матрешек» является правом в полной мере, нельзя сказать, что что-то в ней является не/внеправовым. В самой толстой «матрешке» способы производства правовых норм очень сложны и перегружены циркулярными сетями, в самой тонкой они «усечены» и включают гораздо меньше видов агентов-коммуникантов. Если разрезать «матрешек права» на части и попытаться сопоставить полученное через механическое соотнесение, обнажатся только различия, между тем, сходства обнаруживаются в сердцевине слоев и в способах их дальнейшего производства, который и сводится к формированию коммуникативных структур.

Второе – ван Хук детализирует различные виды правовой коммуникации, однако работает он при этом с современными правовыми системами, в которых сложилась профессиональная, методологическая и доктринальная автономия. Как показывают Л.Х. Уршелер и Ш.П. Донлан, ван Хук, будучи одновременно компаративистом и теоретиком права, включает в свой анализ правовые нормы, выходящие за рамки позитивных правовых предписаний, и ставит вопрос сущности «правовой системы», исходя из того, что эта система кажется естественной, а ее значение самоочевидным, несмотря на том, что по факту она является «изобретением» континентальной Европы³⁹⁴.

Профессиональная автономия, как показано выше, предполагает разделение юридических профессий, базовым из которых является деление на законодателей и судей. Вторая предполагает конкретизации связи правового

³⁹⁴ Donlan S. P., Urscheler L. H. *Concepts of Law: An Introduction* // *Concepts of Law* / by ed. S. P. Donlan & L. H. Urscheler, Routledge, 2016, 270 p, pp.1-18 <https://doi.org/10.4324/9781315573298>.

мышления (которое, будучи заданным исторически, практически и конкретно, заключается в принятии решений³⁹⁵) и языка, основанного на треугольнике «отправитель–знак–получатель», где знак через смысл обозначает реальность³⁹⁶. Смысл ван Хук понимает как содержание сообщения, закладываемое отправителем и/или интерпретируемое получателем. Перед нами в итоге модель коммуникации, которая при необходимости легко трансформируется в классическую линейную модель Лассуэлла, устанавливающую изменения в сознании и поведении реципиента под влиянием переданного коммуникатором сообщения, или в циркулярную модель Осгуда–Шрамма, калибрующую динамику содержания сообщения от заложенного коммуникатором до понятого реципиентом. На этой основе ван Хук описывает законотворчество через одностороннюю модель Лассуэлла, где односторонняя коммуникация основана на властеотношении, подчиняющем граждан как реципиентов тому содержанию сообщения, который дает законодатель. Позднее на основе идей ван Хука выдвигались проекты полимодельного инструменталистского подхода к законотворчеству³⁹⁷. Но в его концепции линейной специфике законотворчества подчиняется методология законодательства, разрабатывающая подходы к дефинициям и обозначению логических связей между ними, и определяющая подходы к толкованию законов и интерпретации правовых принципов.

Сложнее дело обстоит с атрибуцией правовой коммуникации, осуществляемой судьями. В первом приближении судья выступает интерпретатором норм законодателя, т.е. должен был бы встроиться в предыдущую модель. Однако ван Хук настаивает на отношениях циркулярности между законодателями и судьями. Конституционные суды отменяют законы, а вышестоящие суды иногда принимают позицию

³⁹⁵ Хук, ван М. Право как коммуникация. С. 171.

³⁹⁶ Там же. С. 173.

³⁹⁷ Butculescu C. R. Considerations regarding law as an instrument of communication // [Juridical Tribune \(Tribuna Juridica\)](#), 20146 vol. 4(2), p. 22-29; Kłodawski M. Przepis prawny jako komunikat. Uwagi o refleksji nad komunikacją w polskim prawoznawstwie // W *Komunikologia. Teoria i praktyka komunikacji*. Red. Emanuel Kulczycki, Michał Wendland. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii UAM, 2012. С. 205–222.

нижестоящих, меняя толкование нормы весьма существенным образом. В этом случае речь идет о правовой коммуникации судья – законодатель, где правоприменительная норма оказывается сообщением, а новая правовая эффектом. Но такая модель является результирующим вектором целой серии совещательной коммуникации, пронизывающей судебную практику. Совещательная коммуникация чаще всего (но не всегда) приближается к диалогической модели равноранговой коммуникации и приводит к появлению особых коммуникативных сфер, в которых происходит убеждение сторон, приводящее к тому, что их позиция становится если не консолидированной, то хотя бы не конфликтной. Ван Хук описывает пять таких сфер³⁹⁸. Первая – обе стороны принимают решение, предлагаемое судьей, соглашаются с ним. Вторая – вышестоящий суд принимает аргументы обеих сторон, включая несогласную с судом первой инстанции, и аргументы самого этого суда. Третья – если дело достаточно интересно, то оно публикуется в учебной или научной литературе, и к обсуждению присоединяются ученые-правоведы. Четвертая – дело получает медийный резонанс, к его обсуждению присоединяются СМИ, оно выходит за рамки юридической аудитории. Пятая – дело получает общественный резонанс, к его обсуждению присоединяются граждане. В итоге расширения сфер по разным вопросам формируются различные варианты публичного форума, отвечающего за общественный контроль, критику и обсуждение. Множественность публичного форума есть реализация циркулярности судебных решений, которая при этом столь сложным и многоступенчатым способом обеспечивает легитимацию судебной власти, рекрутирование которой в демократических обществах почти всегда осуществляется недемократическим (профессиональным) способом. В результате такой интерпретации применение права оказывается многосторонним коммуникативным процессом, включающим законодателя,

³⁹⁸ Хук, ван М. Право как коммуникация. С. 238.

судей различных инстанций, госслужащих, участников судебного процесса, ученых-правоведов, СМИ и даже общество как целое.

Особое внимание он уделяет правовой доктрине – последнему уровню автономии права, далеко не массовому для существующих правовых систем. Правовая доктрина является главным пространством и, одновременно, главным инструментом совершенствования юридического языка и юридической методологии, которые сами собой, на уровне методологической автономии, не могут достичь высоких степеней совершенства. В контексте доктринальной методологии он выдвигает гипотезу о том, что она является основанием для дальнейшего развития права, поскольку позволит добиться того, что юридические «профессии будут использовать деятельность друг друга как строительные блоки для построения собственной функциональной деятельности»³⁹⁹. Фактически, речь идет о том, что на уровне доктринальной автономии появится возможность формировать коммуникативные структуры, гибко координирующие коммуникацию основных юридических профессий способом, не снижающим уровень их институционализации.

Основными очевидными функциями правовой доктрины являются описание правовых норм (разработка теорий юридических источников и теорий интерпретации) и систематизация законодательства. Но главный ее потенциал заключается в перспективной выработке консенсуса юристов, объединяющего практику и теорию. Этот консенсус и представляет собой правовую культуру, возникающую вокруг правовых исследований по закономерностям общенаучных парадигм Т. Куна. Правовая культура строится на общности понятий в вопросах дефиниции права, установления его источников, методологии его создания и применения, теорий аргументации и легитимации, а также общей базовой идеологии. Обсуждения базовых понятий могут быть как эксплицитными, так и имплицитными для большинства юристов, тем не менее, именно они являются основой их

³⁹⁹ Там же. С. 243.

долгосрочной внутренней межпоколенческой коммуникации и коммуникации с обществом в целом. И именно они закладывают структуры коммуникации, необходимые для легитимации права, особенно дефицитной в условиях государственного права, установленного на демократических началах. Стоит отметить, что механику такой легитимации, характерной для наблюдаемого ван Хуком общества, исследователь детализирует таким образом, чтобы согласовать свои идеи с общими контурами хабермасианской делиберативной демократии. Правовая доктрина у него размыкается в публичные форумы, вместе с которыми начинает формировать структуры широкого спектра коммуникативных действий.

В начале своего исследования ван Хук констатировал асинхронность теории и практики, причем инерционность первой определял как более высокую, чем инерционность второй по отношению к социальной динамике. Эти разрывы инерции временами сокращаются, как в условиях нормальной науки, так и в ситуациях научной революции. Предлагаемая им интерпретация лумановского аутопойезиса, который сам ван Хук характеризует как полностью формальный и позитивный теоретический проект⁴⁰⁰, заключается в размыкании с помощью сетевого по сути понятия циркулярности замкнутой правовой системы в делиберативные коммуникативные процессы демократического консенсуса по установлению легитимных законов. Право интерпретируется как открытая система, состоящая из комбинаций различных типов коммуникации (односторонних, многосторонних, командных и совещательных), выстраиваемых иерархически, но внутри и поверх иерархий, связываемых в гибкое целое преимущественно сетевой циркулярностью. Теоретическое отражение такой системы предъявляет высокие требования к правовой доктрине. Если она сможет ответить на этот вызов, то сможет выдвинуть и обосновать эффективные алгоритмы построения коммуникативных структур, подкрепляющих коммуникативные действия, и

⁴⁰⁰ Там же. С. 258.

максимально сократить инерционный разрыв, интенсифицировав развитие права.

Выводы:

Ван Хук создает коммуникативную теорию права, позволяющую, с одной стороны, примирить противостояние закрытого (Луман) и открытого (Хабермас) подходов к праву таким образом, чтобы показать единство правового развития как результирующего вектора для множественных правовых систем прошлого и современности. Логика его теории призвана учитывать все возрастающую роль международных организаций в правогенезе в релевантной развитию двухуровневой правовой системы Евросоюза. Опираясь на правовой плюрализм, он отказывается от доминирования древовидных моделей правовой коммуникации в пользу близких к сетевым моделям циркулярным для того, чтобы сформировать максимально широкий взгляд на право.

Базовое понимание правовой коммуникации ван Хука интерсубъективно, в этом отношении ван Хук следует за Хабермасом. Интерсубъективная коммуникация институализируется в особую социальную подсистему, которой и является право, в этом отношении ван Хук следует за Луманом, корректируя его идеи так, чтобы показать когнитивную открытость правовой системы и ее не абсолютную операциональную закрытость. Анализ общепринятых в теории признаков права позволяет мыслителю сократить и переопределить их перечень, отказавшись от фундаментального значения таких признаков, как связь с государством, принуждение и справедливость.

В итоге право понимается им как хронологически последовательное, но достигаемое в разных правовых системах развитие уровней автономии права: первичные нормы, прямо регулирующие интерсубъективную социальную коммуникацию и «собирающиеся» в правовые институты, и вторичные нормы (нормы о нормах) в своем развитии порождают универсальные для всех правовых систем формальную и процедурную автономию права; их усложнение приводит к появлению и институционализации базовых

юридических профессий, обслуживающих правотворчество и правоприменение; появление у последних особого языка и основанных на нем стилей и типов аргументации завершается появлением методологической автономии права; трансляция методологии через систему профессионального образования и научную деятельность завершается формированием доктринальной автономии права.

Развитие уровней автономии приводит к тому, что иерархичные связи между правовыми нормами все больше сменяются и/или дополняются циркулярными, тогда как сами нормы являются основанием правовой коммуникации. В отличие от А.В. Полякова ван Хук не разграничивает правовую коммуникацию и коммуникацию о праве, в его теории все коммуникации, связанные с правом, являются правовыми, а само право определяется через коммуникацию как таковую («право как коммуникация»).

Не существует универсального «первоэлемента» для всех правовых систем, у каждой правовой системы он свой собственный и представляет собой те или иные структуры коммуникативного действия, в данных исторических условиях формирующих правовые нормы. Иначе говоря, указать раз и навсегда конкретный элемент цепи нормоотправитель-правовая норма-нормополучатель как источник ее правового характера невозможно. Зато таким образом можно конкретизировать виды коммуникации, характерные для того или иного уровня правовой автономии. Наиболее значимым для современного развития западных континентальных правовых систем он считает правовую коммуникацию доктринальной автономии права, поскольку она позволяет уменьшить асинхронность теории и практики.

По итогам второй главы можно сделать следующие **выводы**.

Западная коммуникативная теория права, возникающая как ответ на вызов глобализации и идею единой Европы, может быть разделена на два уровня. Первый представлен коммуникативной теорией права в широком смысле, как совокупность коммуникативно-правовых теорий, формулируемых в рамках социальной теории Франкфуртской школы,

объясняющих право не эссенциалистски, а функционально, и показывающих роль права в формировании западных демократий как продукта консенсуса или конфликта intersубъективных коммуникативных действий. Эти теории призваны установить демократическое начало нормогенеза как на уровне права, так и на уровне морали при удержании в фокусе внимания регулирующей функции права. Коммуникативно-правовые теории распадаются на закрытый подход к праву, в котором право трактуется как аутопойетическая автономная подсистема социальной системы (Луман), и открытый подход, показывающий intersубъективные основания правогенеза, реализующиеся в коммуникативной рациональности (Хабермас) или борьбе за признание (Хоннет). Второй представлен коммуникативной теорией права в узком смысле, позволяющей ответить на вопрос о том, как развивается право в контексте плюралистичности существования разнообразных правовых систем. Коммуникативная теория права использует коммуникативно-правовые теории как свой методологический фундамент, на основе которого осуществляется поиск компромиссного подхода, преодолевающего противостояние закрытого и открытого подхода через корректировку первого благодаря внедрению сетевых (циркулярных) элементов в иерархичные модели отношений между правовыми нормами, и коммуникативными процессами, связанными с их созданием и реализацией. Западная коммуникативная теория права выявляет элементы коммуникативного действия, связанные с правовыми нормами, для того, чтобы объяснить развитие базовых видов автономии права, и обосновать плодотворность развития европейского права в начале XXI в. на основе интенсификации правовой науки (доктрины).

Уже на этом уровне сравнения прослеживается, что в центре коммуникативной концепции права А.В. Полякова находится человек с точки зрения морального измерения его бытия (при этом все моральные принципы объединены в принципе взаимного правового признания), тогда как западная

коммуникативная концепция права сосредоточена на обезличенных институтах и процессах. Это различие представляется принципиальным.

Глава 3. Коммуникативная теория права в контексте мемориального поворота

§ 3.1. Мемориальный поворот: право как социообразующая память в социальной онтологии М. Феррариса

Мемориальный поворот представляет собой актуализацию исследований социальной (коллективной) памяти в рамках междисциплинарной исследовательской области «исследований памяти» (“memory studies”), концептуально-методологические основы которой были заложены в трудах М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Нора, Ю. М. Лотмана⁴⁰¹. На протяжении XX века в этом проблемном поле осуществлялся переход от изучения прошлого (основная цель исторической науки того времени) к изучению коллективных представлений о нем, включая процессы обратной детерминации между социальными трансформациями и исторической памятью⁴⁰². Если ранние исследования отцов-основателей данного направления затрагивали, в принципе, локальные аспекты теории истории и теории культуры, фокусируясь на том, как в культуре распределяются общие воспоминания живых современников и их мертвых предшественников, связанные поколенческой последовательностью, то в XXI веке память становится ключевым концептом для объяснения ресурсной

⁴⁰¹ См.: Хальбвакс. М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.; Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 368 с.; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.; Она же. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.; Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.; Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. 704 с.

⁴⁰² Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история, 2004, № 5. С. 33-45; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.; Савельева И. М. История и время: В поисках утраченного. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1997. 796 с.; Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: [в 2 т.]. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. 631 с.; Сыров В. Н. Историческая память и историческое знание: проблема соотношения // Философские дескрипты. 2020. № 22. С. 9; Сыров В. Н. Коммуникация и историческое познание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3(29). С. 84-91.

основы и причин геополитического противостояния, формирования социальных и политических идентичностей и процесса социализации⁴⁰³. Отдельные исследования правовой памяти⁴⁰⁴ не отменяют того обстоятельства, что образы общего прошлого в качестве источника доктринальных правовых концептов и инструмента легитимации доктринальных правовых принципов остаются недооцененными в юридической науке. Образ общей Истории цементирует национальную идентичность, консолидирует разнообразные точки зрения на будущее страны и цели государственного строительства как проекты общего для граждан дела. Борьба за память и право на активную политику памяти становится ареной современной перекройки мирового правопорядка и политических режимов, на которой переформатируется традиционная для этих сфер борьба за рынки. Мемориальный поворот сегодня характерен практически для всех областей гуманитарного знания, и философия права становится его последним фронтиром.

Не случайно В.В. Савчук приходит к выводу о том, что «медиа есть условие, собирающее и соединяющее людей в целостность и проявляющее результат их усилий в формировании новой реальности. Они — условие целого, его исток и способ воспроизводства»⁴⁰⁵. В этой трактовке *медиа и есть память*. Любой, кто терял личные архивы, бумажные или цифровые, не сочтет

⁴⁰³ Джонсон Д., Малинова О. Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. 2020. № 2. С. 15-41; Heisler M.O. The political currency of the past: History, memory, and identity // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 617, N 1. P. 14-24; Torsti P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier // The Cold War and Politics of History / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. – Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. P. 19-35; Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.; Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32; Миллер А. И. 2013. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 4 (71). С. 114-126; Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1(80). С. 111-121; Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285-312.

⁴⁰⁴ Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика и правовая память // Философия права. 2004. № 4(12). С. 25-29; Шаповалов А. А. Система права как особая разновидность социально-правовой памяти // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 128-135.

⁴⁰⁵ Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. №1(10). С.103.

этот тезис гиперболой. Индивидуальная память, лишенная средств объективации, нема и почти мертва. Ей нужен голос, но голос – это лишь культурный стереотип, клише, которым привычно обозначают медиа. Голос, конечно, имеет шансы быть услышанным и с первого раза. Но обращение к принесенному им смыслу возможно только в мемориальной перспективе, независимо от того, какой будет траектория повтора обращений, вирулентной в смысле мема Докинза, спящей красавицей ван Раана или коротким отрезком линейной прямой. Новые медиа, расширяющие, интегрирующие, комбинирующие, реорганизуящие во времени и пространстве старые медиа, переформатировали не только конфигурацию субъекта, но и конфигурацию памяти, поддерживающей разные голоса. В этом случае пространство интересубъективного оказывается публичной памятью, что предполагает пересмотр понятия текста.

Объективация памяти основана на естественных каналах коммуникации, использующих для передачи сообщений человеческое тело. Искусственные каналы появляются с первыми артефактами материальной культуры, начиная с орнаментов и рисунков. Развитие сложных искусственных каналов коммуникации, в первую очередь, систем письменности, связано с развитием государства. Их распространение никогда не было частным делом. Коммуникационные технологии вплоть до новейшего времени никогда не распространялись настолько свободно, насколько это происходит сейчас, подчиняясь цензуре и разного рода публичным ограничениям и социальным цензам, национальные системы которых отличались принципиальными особенностями в истории формирования и архитектонике, что мы можем видеть, например, на примерах англосаксонской⁴⁰⁶ и континентальной⁴⁰⁷ правовых систем.

⁴⁰⁶ Тихонова С.В. Концепт свободы слова в Новое время: свободомыслие vs мятежная клевета // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2(84). С. 36-37.

⁴⁰⁷ Тихонова С.В. Развитие цензурной правовой политики Российской империи при Александре I // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 73-74.

В доцифровой эпохе «производство» памяти как производство текстов осуществлялось в логике социальных ансамблей Модерна, основанных на коммуникационной асимметрии. Коллективная память производилась под контролем государства. Государство обеспечивало выделение исторической науки в самостоятельную дисциплинарную область, цензурировало полученное ею знание и направляло его в систему образования. Оно же контролировало тиражирование массовой культуры, аккумулирующей базовые исторические мифы, а также степень открытости библиотечных и архивных фондов. Массовые медиа при этом и по сей день включают рядового члена общества в свою структуру только как реципиента – в данных условиях взамен индивидуальной мнемонической активности ему предлагается уже подготовленный образ Прошлого. Поэтому для истории XX века подчас характерно проявление конфликтов между официальной историей политического дискурса и его индивидуальными интерпретациями.

Независимо от оценок, факт в том, что цифровые технологии обеспечили коммуникационное «раскрепощение» пользователей и перманентный кризис цензуры. Во-первых, они открыли индивидам прямой доступ к массовой и групповой коммуникации, до этого определявшийся социальной стратификацией и элитократическими цензами. Во-вторых, дали возможность интегрировать массовую, групповую и личную коммуникацию в соответствии с личными вкусами и потребностями. В-третьих, предоставили инструменты оперативной и комфортной интеграции такого рода. Разумеется, все эти характеристики возникли не одновременно, они продолжают конвергентно накапливаться в процессе развития различных сервисов интернета. Массовость «цифрового раскрепощения» продолжает набирать обороты по мере роста аудитории новых медиа. Согласно аналитическому отчету Digital 2020 общественного креативного агентства «We Are Social» и платформы «Hootsuite», на начало 2020 года более 4,5 миллиарда людей пользовались интернетом, при этом аудитория социальных сетей превысила 3,8 миллиарда, в онлайн-среде присутствует почти 60% мирового населения,

мобильными телефонами пользуется 5,19 миллиарда человек (половина интернет-трафика приходится на эти устройства), среднестатистический человек проводит в интернете 40% времени бодрствования – 100 дней в году⁴⁰⁸. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ на 2022-2023 гг. в России насчитывается 101.4 млн. человек интернет-пользователей, что составляет 83 % населения (из них 98.3 млн. чел., т. е. 81 % пользуются интернетом каждый день). Среднее время, проводимое пользователями в интернете, составляет 3 ч. 56 мин., 91% всего времени, проводимого в интернете, приходится на мобильные устройства⁴⁰⁹.

Мобильные приложения применяются во всех сферах повседневной жизни, от управления финансами до построения романтических отношений. Используя цифровые технологии, пользователи потребляют контент, который сами же и производят. Если до мемориального поворота производство прошлого было направлено только от публичных инстанций к частным лицам, то сегодня его направление включает и «децентрализованный» вектор – от масс к массам, через узлы фильтрации, забвения и частичного публичного контроля. Сегодня явно прослеживается активная роль государства, которое «вливается» в этот процесс не только и не всегда в качестве «инстанции», но также и в качестве одного из субъектов, «играющего по правилам», т.к. юридически контролировать его хотя и в значительной степени может, но только путем косвенного правового воздействия на информационных посредников.

Способность интернета выступать в качестве института/ресурса памяти в последние годы все больше привлекает внимание гуманитарной науки. Так, Д.А. Аникин и А.Ю. Бубнов трактуют интернет как медиатор памяти, трансформирующий виртуальными стратегиями коммуникации

⁴⁰⁸ Digital 2020: 3,8 миллиарда человек используют социальные сети / We are social & Hootsuite, 2020. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media>.

⁴⁰⁹ Интернет в России. М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. С. 23, 30. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения 14.03.2024).

распространение коллективной исторической памяти⁴¹⁰. Сходную позицию демонстрирует А.В. Пестова, рассматривающая интернет как «архив» культурной памяти⁴¹¹. Эпифеномены интернета как инструменты памяти изучались, например, А.В. Шуталевой и Е.А. Путиловой, анализировавшими роль интернет-мемов в трансляции социальной памяти⁴¹², а также Л.В. Зиминой, на основе сравнения книгопечатания и электронного издательского дела определившей гипертекстовые технологии в качестве идеальной модели культурной памяти⁴¹³.

На сегодняшний день все практики воспроизводства коллективной памяти медиатизированы⁴¹⁴. Интернет впитал и дал новую жизнь всем литературным жанрам, связанным с памятью, от дневников (и здесь необходимо вспомнить феномен блогосферы, в которой частный дневник гибридизирован со СМИ) до мемуаров, вызвал к жизни многопользовательские компьютерные игры на историческую тематику, открыл архивы, позволил «реанимировать» присутствие исторических личностей через фейковые тематические аккаунты социальных сетей⁴¹⁵. Как показывает Е.Н. Шапинская, в цифровом (пост)историческом пространстве соседствуют самые разные виды репрезентаций исторического прошлого, от академического дискурса до чисто игровых форм⁴¹⁶. Анализ медиатизации мемуарных свидетельств в блогах и социальных сетях позволил М.А. Агеевой

⁴¹⁰ Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53). С. 19-28.

⁴¹¹ Пестова А.В. Интернет как "архив" культурной памяти // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения), Екатеринбург, 25 марта 2016 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 141-143.

⁴¹² Шуталева А.В., Путилова Е.А. Интернет-мем как способ воспроизводства социальной памяти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (86). С. 219-221.

⁴¹³ Зиминая Л.В. Интернет или сетевые технологии культурной памяти // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2002. №2. С. 64-75.

⁴¹⁴ Артамонов Д. С., Тихонова С.В., Чеботарева Е. Э. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти // Шаги/Steps. Т. 8 № 3 2022 С. DOI: 10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24. С. 13.

⁴¹⁵ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. DOI 10.17976/jpps/2022.05.06. С. 83.

⁴¹⁶ Шапинская Е.Н. История в цифровом формате: будущее нашего прошлого // Культура культуры. 2020. №1. С. 6.

отнести к мемориальным и ностальгическим ресурсам Рунета не только тематические исторические сайты и аудиторные академические проекты, но и все виды социальных сетей, поскольку их целью является актуализация старых связей, поиск и объединение людей, имеющих в том числе и общее прошлое⁴¹⁷. Автобиографические, коммеморативные, мемориальные и мемуарные медиатексты являются неотъемлемым элементом медиaprостранства, выступая каркасом пользовательской самопрезентации, наррации и сторителлинга. Все эти материалы интерактивны и коннективны, они встроены в социальную коммуникацию и включены в принципиально незавершаемый полилог. Его содержание избыточно, конфликтно и противоречиво одновременно. С одной стороны, классические стратегии рациональной работы с информацией проблематичны в сверхнасыщенной среде, где «информационный мусор» трудно отделить от качественного знания, и где субъект чаще ориентируется на эмоционально-эстетические критерии. С другой стороны, полицентричность образов Прошлого противостоит четким классификационным схемам. То, что сегодня воспринимается как нечто сомнительное, завтра может стать надежным свидетельством ушедших дней, позволяющим реконструировать их.

Пользователи не просто играют в историю в медиасреде, поскольку общество перестает воспроизводиться в чистых офлайновых формах. Приходит время писать историю цифрового общества и создавать цифровую философию истории⁴¹⁸. Поэтому главной характеристикой интернета как пространства памяти является тотальная цифровизация следов Прошлого, когда сам след доступен для познания субъектом только при условии, что он объективирован в цифровой форме, и инструменты его познания опираются на цифровые медиа. Главным императивом производства памяти становится

⁴¹⁷ Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. №363. С. 68-74.

⁴¹⁸ Артамонов Д.С., Устьянцев В.Б. Цифровая философия истории: постановка проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 1. С. 4-9.

принцип «не запостил – не было!», имеющий значение не только для установления онтологического статуса событий, но и для их темпорального осмысления. Учитывая, что навыки нецифрового восприятия прошлого (через печатные тексты и аналитический контакт с артефактами) как минимум упрощаются, а медиаграмотность развивается, пределы цифровизации Прошлого представляются бэкониианскими идолами рода. Опыт карантинных мер в связи с пандемией COVID-19 показал, что в условиях развитой цифровой медиасферы баланс онлайн и офлайн – скорее дело случая, чем сознательный выбор человечества, в его тотальности кризисный фактор важнее кумулятивного.

Суммируя, можно сказать, что современный этап мемориального поворота характеризуется превращением интернета в среду памяти и ее инструмент, обеспечивающий непрерывное производство цифрового Прошлого. Присвоение информации статуса свидетельства Прошлого сегодня происходит через цифровую объективацию, и не важно, идет ли речь о результатах научного исследования или об онлайн-исповеди в блоге.

Какое значение имеет мемориальный поворот имеет для коммуникативной теории права? Он несет в себе два масштабных вызова, требующих философско-правовой рефлексии в перспективе правовой коммуникации. Во-первых, это появление новой версии социальной онтологии, предлагающей иной взгляд на социальную роль права и социальный статус правовой коммуникации. Во-вторых, это превращение памяти в стратегический концепт национальной безопасности и государственного суверенитета, что не может не отразиться на структуре коммуникаций о праве и предполагает пересмотр категорий справедливости и ответственности в контексте концептуализации понятий «историческая справедливость» и «историческая ответственность».

Черновые наброски ответа на первый вызов могут быть обнаружены при обращении к социальной онтологии М. Феррариса, получившей название «теория документальности». М. Феррарис принадлежит к «новому реализму»,

течению, имеющему множество точек пересечения со «спекулятивным реализмом» (именно поэтому в работах Г. Хармана немало отсылок к Феррарису⁴¹⁹). Новый реализм Феррариса не просто преодолевает разрыв между континентальной и аналитической философией, но переосмысливает отношения между онтологией, эпистемологией и социальной теорией. Искания нового реализма близки к задачам плоских онтологий, возникших в начале XXI века, однако Феррарис пересматривает именно социальную онтологию. Его задача – выявить природу социальных объектов по сравнению с объектами физическими и идеальными⁴²⁰, и медиа оказываются для него залогом понимания социогенеза.

По мнению Феррариса, существование социальных объектов детерминировано феноменом записи. Этот тезис он конструирует в плоскости полемики с теорией Дж. Серля, которую он определяет как «основную точку зрения в социальной онтологии»⁴²¹. Речь идет о работах Серля «Конструирование социальной реальности» (англ. «The Construction of Social Reality»)⁴²² и «Создание социального мира: структура человеческой цивилизации» (англ. «Making the Social World: The Structure of Human Civilization»)⁴²³, насколько можно судить, крайне мало востребованных в отечественной социальной философии и редко цитируемых, особенно на фоне «Социального конструирования реальности» (англ. «The Social Construction of Reality»)⁴²⁴ П. Бергера и Т. Лукмана. Феррарису нужно показать ошибочность фактически общепринятых в социальном знании представлений о том, что коллективный социальный субъект – это самостоятельная сущность,

⁴¹⁹ Например, см.: Harman G. The Only Exit From Modern Philosophy // *Open Philosophy*. 2020. № 3(1). Pp. 132–146. <https://doi.org/10.1515/opphil-2020-0009>.

⁴²⁰ Ferraris M. Social Ontology and Documentality // *Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law*, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. P. 83–97.

⁴²¹ Ferraris. M., & Torrenco G. Documentality: A Theory of Social Reality // *Rivista di estetica*. 2014. №57. Pp. 11–27. <https://doi.org/10.4000/estetica.629>

⁴²² Searle J. R. The construction of social reality. Free Press, 1995. 241 p.

⁴²³ Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford University Press, USA, 2010. 224 p.

⁴²⁴ Berger P. & Luckmann T. The social construction of reality; a treatise in the sociology of knowledge. Doubleday, 1966. 249 p.

действующая благодаря наличию коллективных убеждений, формирующих коллективную идентичность и коллективную интенциональность.

Сёрлевская теория для Феррариса выступает квинтэссенцией редукционизма, в котором социальные феномены сводятся к свойствам их материальных носителей. Феррарис показывает, что в социальной реальности встречаются объекты, существование которых возможно исключительно благодаря человеческой деятельности; при этом они не могут быть возведены к носителям даже через их опосредованные коллективными представлениями функции. Таковы, например, правовые и социальные институты, социальные роли, обещания, браки, ассоциации, предприятия, государства, электронные деньги. Социальные объекты зависят от людей, без них бы они исчезли. Но эта зависимость не означает, что социальные объекты являются послушными инструментами в человеческих руках, или что любой человек может изменить структуру социальной реальности. С одной стороны, создание объекта может ограничивать человеческую волю; все, что дает новую свободу, вводит и контроль. С другой, социальные объекты делают возможным совершение социальных действий – покупка или вступление в брак были бы невозможны, если бы в обществе не были созданы соответствующие социальные объекты.

Чтобы сохранить целостность социального мира, Феррарис предлагает расширить редукционистскую модель двумя интуициями: во-первых, идентичность социальных объектов не связана прямо с убеждениями и намерениями людей, во-вторых, социальные объекты детерминированы не свойствами носителей, а правилами построения⁴²⁵.

Если индивидуальные намерения не могут изменить социальный мир, значит, последний не может определяться набором индивидуальных представлений. Существование коллективных представлений весьма часто постулируется, однако вопрос о механике перехода индивидуального в

⁴²⁵ Тихонова С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 2. DOI 10.46539/gmd.v4i2.262. С. 89.

коллективное всегда остается открытым. Конкретные люди очень часто не хотят платить налоги, и, если стоять на позициях редукционизма, массовость позиции должна дать соответствующее коллективное представление, и, в результате, отказ от налогов. Однако этого не происходит. Почему? Феррарис настаивает на том, что в основе появления социальных объектов лежит социальный акт, устанавливающий содержание взаимных обязанностей и ожиданий: «именно содержание, созданное в социальном акте, а затем где-то записанное, определяет характер фактических ограничений и гарантирует долговечность социального объекта»⁴²⁶. Его принципиальная характеристика – фиксация с помощью записи в документах. Благодаря документированию контент социального акта выводится из поля субъективности, что позволяет ему реализоваться в качестве независимого объекта, в своей независимости близкого к идеальным и материальным объектам. Там, где содержание социального акта перестает быть субъективным, оно перестает быть индивидуальным; именно здесь находится переход к коллективному.

Для Феррариса каждый социальный объект зависит от конкретного документа. Каждый документ зависит от инициирующего его социального акта. В итоге социальный объект зависит от людей, признающих определяющий его документ. Документы Феррарис склонен также относить к социальным объектам, отмечая их особую природу. Во-первых, они имеют характер базовых (на них опираются объекты, не обладающие признаками документов). Во-вторых, только документы обладают социальным содержанием, которое Феррарис сводит к пропозициональности, моделирующей отношения между участниками ситуации. Убеждения людей могут не соответствовать пропозициональному объекту документа, но если конкретно эти люди считают обязательным такой документ (Феррарис отмечает, что признание обязательности связано с процедурой принятия документа), то их отношения после удостоверения документом примут форму,

⁴²⁶ Ferraris. M., & Torrenzo G. Documentality: A Theory of Social Reality. P. 16.

близкую к пропозициональной модели. Любопытно, что Феррарис считает допустимым сближение (до определенных пределов) редукционистской социальной онтологии и своей социо-онтологической концепции на уровне объектов-документов, тогда как «чистые» социальные объекты второго порядка остаются, по его мнению, для редукционизма слепым пятном. Пафос его концепции направлен на обнажение процесса перехода физического в социальное, в результате которого появляются как социальные тела, связанные с физическими телами, так и социальные тела, такой связи лишённые.

Что же такое документ? В первом приближении – это правовые акты. И сами примеры, выбираемые Феррарисом, например, Итальянская конституция, и его апелляции к процедурам принятия документов свидетельствуют об их нормативном характере. Любопытно, что эта позиция во многом воспроизводит общепринятое понимание нормативности, господствующее в философии и теории права, где наиболее значимые социальные нормы получают защиту государства через закрепление в законах, трансформируясь, таким образом, в правовые нормы, после чего начинается регулирование общественных отношений правом, то есть переход их в форму правоотношений. Однако Феррарис настаивает на том, что нормативность является следствием документальности, а не документальность – оформлением нормативности. Действительно, в рамках цифровизации мемориального поворота становится очевидным изменение способ документирования, а именно документирование является условием нормативности. Как мы видели, документ фиксирует социальный акт. Для последнего Феррарис выдвигает необходимые и достаточные условия: а) присутствие минимум двух людей, совершающих действие (жест, высказывание или текст) и б) запись об этом действии⁴²⁷. Число вовлеченных людей, разумеется, может быть большим; кроме людей, в социальные объекты

⁴²⁷ Ferraris M. Collective intentionality or documentality? // *Philosophy & Social Criticism*. 2015. №41(4–5). P. 423–433. <https://doi.org/10.1177/0191453715577741>.

могут вовлекаться вещи. Но в целом необходимые достаточные условия позволяют Феррарису описать минимальный социальный феномен как атомарную единицу. Если убрать из нее людей, останется физическая реальность, неспособная продуцировать социальную реальность (в этом ракурсе взаимодействие латуровских «нечеловеков» для Феррариса выпадет за рамки социального). Если же убрать запись, то социальный акт сразу «растворяется» в реальности, теряя свою способность сохранять свое значение с течением времени. Записанный акт, напротив, обретает способность длиться в качестве социального объекта, и срок его существования зависит как от срока существования записи, так и от жизни включенных в него людей. Итак, документ для Феррариса – медиа, дистантная коммуникация.

Обычно в социальной теории структура социального акта так или иначе совпадает со структурой коммуникационного акта – субъекты взаимодействуют друг с другом, сообщая смыслы своих поступков, надеясь изменить совместное поведение таким образом, что оно приведет к желаемому результату. Субъективный смысл коммуниканта понятен ему самому, опирается на его знания о наличной ситуации и является основой его поступков. Основная проблема социальной коммуникации – синхронизация субъективных смыслов коммуникантов, равнозначная пониманию. Основная проблема социальной интеракции – распределение статусов социальных субъектов, равнозначная установлению социальной структуры. Социальное действие и коммуникационный акт преимущественно совпадают, хотя предположение о том, что социальное действие может потребовать смены нескольких коммуникативных ходов, или что из одного сообщения могут вытекать несколько социальных действий, вполне допустимо. В противоположность этому общему месту, идея Феррариса означает расщепление социального и коммуникационного с удваиванием коммуникационного. Коммуникация удваивается, поскольку сам социальный акт у Феррариса представляет собой коммуникацию (мы видели, что он сводится к жесту, высказыванию, слову), а коммуникационный характер

записи очевиден. Обозначу пока коммуникацию социального акта как первичную, а коммуникацию записи – как вторичную, исходя из их хронологического порядка.

Первичная коммуникация – наиболее расплывчатый момент концепции Феррариса. С одной стороны, он критикует коллективную интенциональность, а ее действие, как и действие индивидуальной интенциональности, соотносит с уровнем записи, обозначенной мной как вторичная коммуникация. Соответственно, первичная коммуникация не может трактоваться как продукт интенциональности или процесс ее определения. Процедурные аспекты принадлежат к порядку записи. Именно на уровне вторичной коммуникации происходит формирование коллективного «Мы», тогда как первичная – это всегда встреча только «двух умов».

Первичная коммуникация, судя по всему, представляет собой решение реальных участников переговоров с целью консенсуса. На первый взгляд, оно должно быть продуктом осознанного конструирования нормы. Однако Феррарис показывает, что, хотя существование социального объекта требует хотя бы двух человеческих разумов, увеличение числа участников приведет к тому, что их участие перестанет быть субъектным. «Многие из тех, кто участвует в этом процессе, никоим образом не задумываются о социальном объекте, в создании которого они участвуют, и в то же время каким-то образом умудряются влиять на этот процесс. В то же время может быть много других людей, которые действительно думают об этом, но все же неспособны оказать такое влияние (подумайте о финансовом кризисе или войне). По-видимому, мы складываем головоломку: социальные объекты, как мы видели, зависят от разума, но они независимы от знаний (и даже от сознания)»⁴²⁸. После того, как социальный объект зарегистрирован, он влияет на людей независимо от того, думают ли они о нем или нет, поверхностны ли их знания о нем или детализированы. Далее Феррарис показывает, что нормативность не

⁴²⁸ Ibid. P. 425.

конструируется как проект, во всяком случае, ее можно сконструировать не больше, чем, например, «альфа-самцовость»⁴²⁹, поскольку индивид относится к социальной реальности не как законодатель (даже если в качестве примера индивида взять исторически реального законодателя), но как субъект. Норма дается субъекту извне, а не изнутри: «Мы не являемся конструкторами смысла. В лучшем случае мы являемся рецепторами смысла»⁴³⁰.

Вторичная коммуникация – след «решения». Поскольку след перестает зависеть от тех, кто его создал, он определяет их поведение даже в том случае, если создатели перестают считать его разумным или правильным ориентиром для своей воли. След создает норму; если норма запускается в действие, то документ функционален, он является «сильным» в терминологии Феррариса. Если ему не удастся воплощаться в серии поступков людей, «нормативной практике», то он оказывается «слабым».

Еще одно основание деления документов на сильные и слабые у Феррариса – разделение их на документы, фиксирующие акты, и документы, фиксирующие факты⁴³¹. Он описывает различие сильных и слабых документов следующим образом: «Сильный документ – это тот, который обладает какой-то силой (такими документами являются, например, банкноты, билеты, контракты), в то время как слабый документ – это тот, который просто отслеживает то, что произошло, например, билеты с истекшим сроком действия или контракты, которые больше не действительны. Последние обладают простой информативной силой, а не нормативной, хотя они могут восстановить некоторую такую силу в новом виде контекста – например, когда в судебном контексте просроченный билет на поезд считается алиби для обвиняемого»⁴³². Здесь обнаруживается явная параллель с правовыми текстами у А.В. Полякова.

⁴²⁹ Ibid. P. 430.

⁴³⁰ Ibid. P. 431.

⁴³¹ Ibid. P. 425.

⁴³² Ibid.

Вторичная коммуникация трактуется Феррарисом предельно широко. Запись может производиться любым известным способом, с помощью видео, медиатекста интернета и т.д. Более того, в качестве средства записи может использоваться память индивида: «Воспоминания и следы в головах людей могут быть документами в том смысле, что они являются материалом, опорой, на которой начертано содержание, определяющее идентичность социального объекта (например, когда память свидетеля клятвы является документом, от которого зависит эта клятва)»⁴³³. Иначе говоря, воспоминания индивида выполняют функцию документа в тех ситуациях, когда речь идет о свидетельстве очевидца или показаниях свидетеля.

Одни документы могут зависеть от других документов; могут существовать иерархии документов. Феррарис говорит о том, что массовые социальные вмешательства требуют актуализации сетей документов⁴³⁴, взаимодействие которых для нас непрозрачно. В целом, обмен документами формирует традиции и в конечном итоге обеспечивает появление коллективного «мы». Документальное сообщество – это человеческая реальность, в которой складываются коллективные субъекты, включающие в себя и коллективную идентичность, и коллективную интенциональность. Но собирает их в единое функциональное целое коллективная память, сводимая в концепции Феррариса к документальности. Если индивидуальная память иногда пригодна к выполнению функции документа, то документ всегда есть коллективная память, и в этом качестве он выступает отправной точкой социогенеза. Таким образом, медиа, обеспечивающие запись (а запись для Феррариса тождественна любому способу объективации), и есть память. Она не делится на живую и мертвую, коллективную и историческую, поскольку социальные действия вырастают на текстах. Документальность и есть культурная память, сильная там, где она порождает социальные объекты и слабеющая там, где истощается социальное действие. Может показаться, что

⁴³³ Ferraris. M., & Torrenco G. Documentality: A Theory of Social Reality. Pp. 20-21.

⁴³⁴ Ferraris M. Collective intentionality or documentality? P.429.

с позиций Феррариса культурная память, например, о правовых обычаях древних римлян слаба и немощна. Но в той мере, в какой является основанием правового института собственности в континентальных системах права, она вполне сильна. При этом медиа и право как система текстов в смысле А.В. Полякова для М. Феррариса если не тождественны, то в основном совпадают, поскольку документ Феррариса соответствует используемому А.В. Поляковым понятию правового текста, акцентируя его базовую социальную миссию. На этом основании право должно быть отнесено к порядку записи (вторичная коммуникация) и может быть описано как система сильных документов, сила которых определяется их процедурностью, вполне совпадающей с вторичными правилами Г. Харта. В феррарисовской версии социальной онтологии право не может быть сведено к классической функции регулятора поведения и понято как механизм, блокирующий одни типы человеческих поступков и обеспечивающий зеленый коридор для других. Оно выступает как основной (сильный) способ производства социальных объектов, которые и составляют содержание социальной реальности. В этом случае право относится к глубинному порядку социальной онтологии как базовый источник социогенеза, а не замкнутая или промежуточная социальная сфера, задача которой обеспечивать координацию между остальными сферами (Луман) или медиацию перехода социального в политическое (Хабермас). Поскольку в социальной онтологии Феррариса нет никаких маркеров демаркации между различными медиа, текстовый фундамент нормотворчества и правоприменения для него абсолютно медиален, из чего можно сделать вывод о том, что право и есть социальная память, во всяком случае, ее самая мощная и плодотворная для социогенеза часть. Радикальность этого вывода оставляет далеко позади характерные для отечественной традиции и представления о том, что право – элемент или вид социальной

памяти⁴³⁵. Более того, в данном случае классический тезис о том, что общество создает право, заменяется тезисом о том, что право создает общество.

Необходимо отметить, что социальная онтология Феррариса, подобно теории Хабермаса, не интересуется проблемами конфликтной социальной динамики. Если я не захочу принять участие в создании социального объекта, его инициатор просто найдет себе другого контрагента. Кроме того, потеря силы документом для Феррариса – это естественный процесс, подобный старению. Между тем очевидно существование ситуаций, в которых как индивидуальные, так и коллективные субъекты (даже если определять последние в смысле Феррариса) отказываются считаться с тем, что у кого-то «все ходы записаны».

В нашей стране идеи Феррариса известны, в основном, в контексте его переосмысления феномена документа, что представляет интерес для представителей исследований памяти. Между тем, на его родине они давно интегрированы в контекст философии права. Первое системное изложение его теории документальности опубликовано в первом томе коллективной монографии «Подходы к правовым онтологиям. Теории, области, методологии. Право» (англ. «Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law»)⁴³⁶, целью которой является концептуализация теоретического ландшафта разработки юридических онтологий в контексте цифровых семантических сетей. Исходная проблема монографии была конкретизирована членами ее коллектива, М. Фернандес-Баррерой и Дж. Сатор в отдельной работе, сравнивших классификации правовых понятий в правовой доктрине и ИТ-онтологиях⁴³⁷. Авторы показывают, что правовой дискурс, для которого может быть построена формальная онтология,

⁴³⁵ См. цитировавшиеся выше работы О.Ю. Рыбакова и А.А. Шаповалова.

⁴³⁶ Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5>. XIV, 282 p.

⁴³⁷ Fernández-Barrera M., Sartor G. Classifications and the law: doctrinal classifications vs. computational ontologies // European University Institute Working Papers. LAW. 2010. №10. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1698686> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1698686>.

неоднороден и включает в себя дискурс законодателя, дискурс судей, дискурс правовой доктрины и дискурс теории права. Концентрируясь на двух последних, они пытаются установить их пригодность для построения юридических формальных онтологий, поскольку особенность и «правовой доктрины, и теории заключается в том, что они пытаются идентифицировать, определить и организовать в более широких концептуальных структурах объекты предметной области»⁴³⁸. В данном аспекте оба поддискурса содержат в себе интеллектуальные корни концептуальных структур, используемых в юридических рассуждениях. Их анализ топологических и семантических характеристик систем правовых концепций, разработанных на протяжении всей истории юридической мысли, позволяет исследователям прийти к выводу о том, что в целом концептуальная структура правовой доктрины и теории в целом соответствует современному типу концептуального моделирования, требуемого для разработки онтологий. В таком ракурсе философия и теория права сближается с семантическими онтологиями как структура представления знаний, и в этом случае переходит как объект анализа в сферу теорий искусственного интеллекта. Думается, таким образом обнаруживается переход теории права к этапу цифровой теории.

Именно поэтому термин «онтология» в названии рассматриваемого издания легко интерферирует от философского смысла к смыслу информатики и обратно. Например, Т. ван Энгерс с соавторами⁴³⁹ рассматривают онтологию именно в контексте семантической разработки сети, понимая под ней «словари, которые могут быть использованы для описания универсума дискурса. Онтология описывает домен с помощью набора используемых терминов и, в частности, то, как эти термины структурированы и определены»⁴⁴⁰. В этом случае правовой дискурс, объективируемый в

⁴³⁸ Ibid.

⁴³⁹ Engers T., van at all. Ontologies in the legal domain // Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5>. Pp. 233-261. P.234.

⁴⁴⁰ Ibid. P. 234.

публичном дискурсе сети, становится инженерным управляемым объектом, в котором значения используемых терминов задаются при проектировании семантической онтологии для семантического поиска, что может противопоставлять или, наоборот, примерять смыслы, используемые в терминах правоведами, практикующими юристами, и укорененными в парадигме здравого смысла обывателями. В этом же русле строятся рассуждения П. Казановас и соавторов, рассматривающих несоответствия между эмпирическими данными и семантическим содержанием в правовой сфере⁴⁴¹. Теория документальности М. Феррариса в этом ракурсе задает векторы моделирования правовой коммуникации в социальных системах с дополненной реальностью и нейросетевым компонентом. В этом случае можно наблюдать последовательность и внутреннюю глубокую связь между работой медиального и мемориального поворота в контексте коммуникативной проблематики философии права, вызываемую им трансформацию социально-правовой онтологии на уровне пространства и времени⁴⁴².

Тем не менее, концептуальные мостики от социальной онтологии к правовой онтологии через логико-семантическую онтологии могут оказаться слишком длинными и ненадежными. В этом случае сближение коммуникативной теории права и теории документальности может строиться через химерическую логику *metaxis*'а, прямо встраивающую мемориальные аспекты в правовое признание А.В. Полякова, в котором перенос на Другого человеческого статуса имеет начало, но продолжается ровно столько, сколько длиться само признание, т.е. опирается на память об исходном акте.

⁴⁴¹ Casanovas P., Casellas N., p Vallbé J.-J. Empirically-Grounded Development of Legal Ontologies: a Socio-Legal Perspective // *Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies*. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5>. P. 49-67.

⁴⁴² Artamonov D.S., Kalinin S.S., Kulikova S.A., Tikhonova S.V. Temporality of law in light of axiology // *SHS Web Conf. Volume 134, 2022 14th Session of Euro-Asian Law Congress "The value of law" 2021*, Article Number 00100, Number of page(s) 5. DOI <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400100>.

Второй вызов связан с углублением научного понимания того факта, что представления о прошлом являются важным фактором устойчивого политико-правового развития. Версии того, «как было на самом деле», тиражируемые в медиасреде, часто становятся более влиятельными в общественном сознании, чем признанные в исторической науке данные. Общественное сознание сегодня перенасыщено конфликтными и противоречивыми образами прошлого, каждый из которых может использоваться в качестве ресурса мемориальных войн как особого вида идеологических противостояний. В условиях медийного диктата постправды мемориальные конфликты провоцируют протестные движения и социально-политическую борьбу, вплетаясь в систему экономических, политических, этнических детерминант политической нестабильности. Поэтому современные государства так или иначе уделяют серьезное внимание контролю над Историей, стремясь удержать единство воспоминаний о ключевых моментах и событиях своего развития. В исторической науке такая деятельность фиксируется понятием политики памяти (реже – исторической политики). В юридической науке понятие «политика памяти» пока не получило категориальной разработки и не соотносилось с политикой права, нередко за метафорой «политика памяти» скорее всего скрывается определенная правовая идеология с ее борьбой за предпочтительные ценности. К шагам к разработке легального понятия «политика памяти» можно отнести ряд документов стратегического планирования, среди которых особо следует отметить Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴⁴³.

По субъектному составу политика памяти отличается многообразием, поскольку ее реализуют самые разные участники, но ключевым субъектом выступает государство. Правовые аспекты государственной политики памяти

⁴⁴³ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 14.07.2023).

связаны с правовым регулированием меморативных и коммеморативных практик, в рамках которого государство с помощью правовых средств охраняет тот или иной образ прошлого, памятники и способы празднования памятных дат. Исследователи-историки дают государственной правовой политике памяти ограниченную правовую характеристику. Во-первых, последняя рассматривается чаще всего в негативном измерении, как деятельность, карающая тиражирование образов Прошлого, признанных государством недопустимыми. Во-вторых, государство как базовый субъект государственно-правовой политики памяти трактуется в позитивистском ключе, как источник правовых предписаний, проводящий собственную волю на основе собственных интересов. Такой подход нивелирует роль правовых ценностей в государственной политике памяти, фундаментальное значение естественных прав и антропологическое целеполагание в праве. Проблемы, связанные с преодолением такого подхода, будут изложены в следующих параграфах.

Выводы:

Различия в способе документирования, которые по-разному структурируют социальную реальность демонстрируют начало мемориального поворота, сущностью которого является вызванный цифровой революцией распад асимметричной системы производства и распределения представлений о прошлом, выработанной государствами в Новейшее время. Медиапространство становится ареной борьбы индивидуальных, групповых и корпоративных голосов памяти, противостоящим ее традиционным агентам – государствам, науке и системам образования. Историческая память превращается в основной ресурс политических и геополитических конфликтов, и в этом качестве представления о ней начинают проникать в предметное поле философии права. Направление мемориальных исследований в связи с резкой актуализацией превышает традиционные для междисциплинарных областей объемы исследований, начинается

теоретическая экспансия характерных для него понятий и тематизмов по всем социально-гуманитарным научным дисциплинам.

Первый вызов мемориального поворота для коммуникативной теории права связан с появлением новой социальной онтологии, в которой память связывается с базовыми процессами социогенеза. Теория документальности М. Феррариса рассматривает общество как совокупность социальных объектов, не сводимых к физическим носителям благодаря особому набору процедур их создания. Интерпретация социогенеза как результата формирования социальных объектов на основе процедуры записи позволяет переосмыслить мемориальную функцию медиа, выявить ее фундаментальный характер, и связать ее с основными структурами правового признания и правовой коммуникации. Право как основной способ производства социальных объектов может быть отождествлено с памятью и рассмотрено как основной источник социогенеза. Актуальный способ синтеза здесь может сблизить феноменологические пласты коммуникативной теории права, рассматривающие смыслопорождение права в коммуникации, с аналитической традицией, переосмысленной Феррарисом, рассматривающей право как действие.

В основе данной интерпретации лежат отношения эквивалентности между сформированным в коммуникативной теории права понятием правового текста и понятием документа в теории документальности. Кроме того, триада осознание-признание-взаимодействие («коммуниканты *осознают* наличие друг у друга правомочий и корреспондирующих им обязанностей, *взаимно признают* себя и их и взаимодействуют на этой основе») в структуре правовой коммуникации А.В. Полякова, равно и поддержание результата акта правового признания в дальнейшем взаимодействии возможно только в мемориальной перспективе. Независимо от того, насколько эксплицируются процессы памяти в определениях правовой коммуникации и правового признания, реальная или демонстративная амнезия сделает их невозможными, и в ситуации, когда

медиа дают широчайшие возможности для замалчивания, подмены и фальсификации памяти, ее правовая роль приобретает особенную значимость. Сама интерпретация права как памяти основана на методологической стратегии химерического синтеза, игнорирующей генетические связи между теориями при акцентировании их функционального сходства.

Второй вызов мемориального поворота для коммуникативной теории права связан с углублением научных взглядов на масштаб вклада коллективных представлений о прошлом в устойчивость политико-правового развития. Специализация политики памяти, ее трансформации в государственно-правовую политику инициирует появление нового категориального ряда с философско-правовым содержанием, введение которого затрагивает понимание коммуникации о праве, и усиливает связь коммуникативной теории права и правовой коммуникативистики.

§ 3.2. Историческая справедливость как новая категория политико-правового дискурса

В современном мире историческое прошлое приобретает определяющий характер при проведении политики, направленной на достижение общественного консенсуса. Производство исторических представлений становится средством утверждения государственной суверенности, единства нации, политической легитимности правящей элиты и идентичности локальных сетевых сообществ. Оно происходит в рамках политики памяти, которая представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств⁴⁴⁴. Политическая инструментализация прошлого предполагает, что историческое знание используется в целях поддержания политической стабильности и патриотического воспитания. Исторические интерпретации правящих элит теснейшим образом вплетены в коллизии исторической памяти, от которых зависит состояние обыденного сознания. Современные массовые представления об истории не являются только лишь «естественной памятью», передаваемой от поколения к поколению. По мнению Пьера Нора⁴⁴⁵, они — результат деятельности профессиональных агентов исторической политики⁴⁴⁶, которые воспринимают прошлое как пусть и большое, но ограниченное множество, как ограниченный ресурс, которого не хватит на всех⁴⁴⁷.

Реализация исторической политики неизбежно приводит к конфликтам памяти, которые могут перерасти в мемориальные войны. Несмотря на

⁴⁴⁴ Линченко А. А., Аникин Д. А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. №1. С. 19.

⁴⁴⁵ Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17-50.

⁴⁴⁶ Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. 2013. №4 (69). С. 109.

⁴⁴⁷ Калинин И. Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 330-339.

широкое распространение в СМИ, публицистике и политической риторике термина «мемориальная война» или его аналога «войны памяти», данные понятия не подвергались глубокому теоретическому научному осмыслению⁴⁴⁸. Представляется очевидным, что войны памяти являются разновидностью информационных (смысловых) войн⁴⁴⁹, которые, по мнению Г.Л. Тульчинского, представляют собой продукт дискурсивных практик мифотворчества, отражающих конфликт интерпретаций тех или иных действий противников, в том числе и в «глубоком» прошлом⁴⁵⁰.

Таким образом, мемориальную войну можно охарактеризовать как процесс противоборства концепций исторической памяти, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей, связанных с формированием идентичностей и проведением политики памяти, посредством распространения через медиа специально отобранной и подготовленной исторической информации и исторических источников.

Конкуренция версий прошлого не является исключительно гносеологической проблемой, в ее рамках происходит перераспределение о том, что и почему один коллективный субъект «должен» другому, и этот этический ракурс становится основой правовых притязаний. Поэтому в условиях «заката глобализации» историческая справедливость становится одной из самых востребованных в социально-политическом дискурсе категорий. Во многом она связана со стратегиями государственно-правового самосохранения, активно развиваемых геополитическими субъектами. Стремление укрепить государственный суверенитет актуализирует работу с политической идентичностью как ключевым ресурсом внутренней консолидации. Историческая справедливость в этом отношении позволяет апеллировать к общесоциальной традиции интерпретации справедливости,

⁴⁴⁸ Мамонов Ф. Тамбовское восстание 1920-2015: «мемориальная война». URL: <http://eurorussians.com/tambov-rebellion/> (дата обращения: 11.03.2020).

⁴⁴⁹ См.: Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. 2014. №4. С.105-128.

⁴⁵⁰ Тульчинский Г. Н. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. №5. С. 27.

встраивая политико-правовые цели в идеологические структуры социальной солидарности. Как отмечает Г.Ш. Аитова, исторический взгляд актуализирует вопрос о чувстве справедливости, побуждающее человека к социальным и политическим изменениям действительности⁴⁵¹.

Историческая справедливость выступает частным случаем социальной справедливости. Последняя связывает общественный порядок и правду как идеал, переводя их взаимодействия в плоскость правового регулирования общественных отношений. Социальная справедливость как понятие тесно связана с представлением об общем благе. Как отмечает Е.В. Карчагин, в классической философии справедливости многие концепции формулировались именно в масштабе города⁴⁵². Он приводит примеры проекта идеального государства Платона (в качестве полиса оно выступает одновременно и как город, и как государство), «Утопию» Т. Мора (федерация из 54 городов), «Город солнца» Т. Кампанеллы. Для всех этих проектов характерно отсутствие демаркации города, государства и общества. Полисный синкретизм в средневековье усиливается герметической традицией отождествления макро- и микрокосма (вспомним «Как Вверху, так внизу; как внизу, так вверху» Изумрудной скрижали), город-государство превращается в модель мироздания. В таком ракурсе общее благо как благо каждого в отдельности и благо сообщества автономно «упаковано» городскими стенами, внутри которых и должна расцвести справедливость. Более того, поскольку (социальная) справедливость относится к высшему уровню общественных благ, она имплицитно понимается как универсальная и, по сути, вечная: то, что истинно справедливо в человеческих делах, остается таковым и через столетия.

Неслучайно в западных теориях справедливости появление темпорально-исторических понятийных конструкций – сравнительно позднее

⁴⁵¹ Аитова Г.Ш. Социокультурные и исторические смыслы справедливости: российский контекст // Альтернативы. 2016. № 2. С. 300.

⁴⁵² Карчагин Е.В. Историческая справедливость в контексте городского пространства // Социология города. 2010. № 3. С. 48.

явление, относящееся к новейшему времени. Поскольку они, так или иначе, опираются на идею автономии личности, тесно связанную с концепциями общественного договора естественно-правовой школы, атомарность индивида имплицитно содержится в них на правах «естественного факта». С этой точки зрения, разделенность индивидов в социальном мире изначально, справедливость актуализируется после того, как люди начинают вступать в социальные отношения. Например, в теории исторической справедливости Р. Нозика право собственности обосновывается ретроспективно, через принцип справедливости в приобретении. Д. Антсери и Дж. Реале сводят теорию Нозика к формуле «Собственность личности оправдана, если установлены права на нее посредством принципов справедливости в приобретении, передаче и ректификации (исправлении) от возможной несправедливости»⁴⁵³. Так понятая, она противостоит потенциально тоталитаристским воззрениям, связывающим необходимость государства для справедливого распределения благ и богатства. «Историчность» теории справедливости Нозика раскрывается как последовательность процедур, обеспечивающих справедливость сложившегося правопорядка. Иначе говоря, ее темпоральность слабо связана с историческим процессом, поскольку акцентирует ретроспективный строй индивидуальных интеракций.

Как показывает О.В. Таратун, в российской культуре и общественно-политической мысли интерпретация социальной справедливости отличается не индивидуалистическим, а соборно-коллективистским характером⁴⁵⁴. Если в западной либеральной традиции носителями общего блага являются все члены общества, то в российской традиции к ним относятся религиозное и/или государственное сообщество как надличные институты. В этом случае социальная справедливость легко переключается в исторический регистр,

⁴⁵³ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (4) / В переводе с итальянского и под редакцией С. А. Мальцевой. СПб: Пневма, 2003 // URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/reale_antiseri-4_tom-roman_now-2003-a.htm (дата обращения 04.11.2020).

⁴⁵⁴ Таратун О.В. Развитие представлений о социальной справедливости в российском обществе: исторический контекст // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 2 (31). С. 124.

обнажающий характерную для философии истории проблему судьбы народа. Если социальная справедливость касается всех и каждого, то историческая справедливость возникает там, где люди соединены этнически и национально. Субъект – носитель исторической справедливости всегда коллективен.

Не случайно русская философия принимает форму историософии, в которой учение об общих принципах и законах истории, основанное на онтологических, детерминистских и прогрессистских постулатах, выводится в нравственно-этическую плоскость, где цель истории сливается с ее смыслом и принимает форму деонтологических, религиозных и антропологических идеалов. Н.А. Бердяев связывает историософию как философскую традицию с постановкой следующих вопросов: «Что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба... Может ли Россия пойти своим особым путем, не повторяя всех этапов европейской истории?»⁴⁵⁵. Историческая судьба России, ее самобытность и место в ряду расцветающих и исчезающих цивилизаций составили основу полемики западников и славянофилов, евразийства. Интегрируя эсхатологию, прогрессизм и учение о сущности человека, историософия формировала особый образ хода истории, движущемуся к преодолению отчуждения между Человеком и Богом. В этом контексте социальная справедливость принимала историософскую форму – выработывались идеи о справедливости Истории и справедливости в Истории с точки зрения полноты раскрытия мистического потенциала человеческого саморазвития, требующего синтеза национального, культурного, коллективного и личностного начал. Так знаковая для историософии русская категория «соборность», не имеющая аналогов в других языках, вбирает социальную и историческую справедливость в идею свободного духовного единения людей в братстве и любви как в церковной, так и в мирской жизни.

Две этих линии интерпретации социальной справедливости, ретроспективная и историософская, автономные и, во многом, полярные, к

⁴⁵⁵ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: IMGA-Press, 1971. С. 36.

концу XX века стали неоправданно узкими. История Новейшего века жестоко разделяла, противопоставляла и смешивала судьбы народов. Однако тот новый мировой порядок, который сложился после Второй мировой войны, был основан на примате универсальной общечеловеческой аксиологии, слабо чувствительной к проблемам исторических субъектов. Тем не менее, стремление к единому глобальному миру ограничивается ходом исторического процесса. Социальное воспроизводство даже в период ориентации на глобализацию предполагало неразрывную связь государственного национального, локально-культурного аспектов социальной жизни.

Именно в таком ключе все большую актуальность приобретает понятие исторической справедливости. Например, А.А. Гагаев и П.А. Гагаев выдвигают ориентированную на макро-темпоральные аспекты социального развития концепцию форм справедливости, в которой фигурируют такие формы справедливости как универсальная, общая, частная и межпоколенческая эволюционная, историческая, этническая⁴⁵⁶. Историческая справедливость, с их точки зрения, базируется на объективных, а не на конструктивистских моделях исторического пространственно-временного континуума, для нее значима историческая правда с точки зрения преемственности между различными историческими формами жизни конкретного этнического образования, его идентичности, телеологии развития (включенности в прогресс/регресс) и общей социокультурной динамики. Поскольку справедливость в международных отношениях предполагает равенство рас и народов с точки зрения самоопределения, она затрагивает проблемы справедливости эквивалентного обмена между ними, справедливости воздаяния, запрета на войны и насилие, поддержание их естественных жизненных циклов.

⁴⁵⁶ Гагаев А.А., Гагаев П.А. Теория естественной и исторической справедливости // Казанский вестник молодых учёных. 2017. Т. 1. № 3. С. 62-65.

А.А. Шевченко определяет историческую справедливость как поиск мер по исправлению некоторой ситуации в прошлом, в которой имело место нарушение норм справедливости (чаще всего в результате применения «правильного») со стороны государства или уполномоченных им лиц по отношению к группе людей, выделяемой по некоторому произвольному признаку (национальному, религиозному, географическому и т. д.)⁴⁵⁷. Восстановление исторической справедливости он считает возможным в рамках ретрибутивной (воздающей) справедливости и компенсаторной справедливости (возмещение причиненного в прошлом ущерба)⁴⁵⁸. Восстановление исторической справедливости, таким образом, понимается им как некий комплекс мер по достижению желаемого положения дел, которое включает как наказание виновного, так и возмещение ущерба пострадавшей стороне. Если оставить в стороне проблемы наказания и возмещения (случаи их реализации известны в международно-правовой практике реституций). Однако в такой интерпретации одинаково проблематичны и «желаемое положение дел», и «виновный». Знание о сути «желаемого положения дел» опирается на адекватную оценку прошлого (действительно ли имеются основания считать, что без деяний виновного потерпевшая сторона достигла конкретного этапа исторического развития). Что касается «коллективной ответственности» виновных в нарушении исторической справедливости, то здесь мы упираемся в проблему неопределимости исторического субъекта и фундаментальной проблемой обоснования возможности т.н. «коллективной ответственности» как таковой с точки зрения фундаментальных принципов права и справедливости.

А.А. Шевченко в цитируемой статье пытается перевести проблематику историческую справедливости в аспект консенсуса и коммуникации, в современной социальной теории фиксируемый понятием «коммуникативная

⁴⁵⁷ Шевченко А.А. Об исторической справедливости // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. № 4. С. 49.

⁴⁵⁸ Там же. С. 50.

рациональность». Он полагает, что общий подход восстановительной справедливости требует, во-первых, доброй воли агента восстановления справедливости, и, во-вторых, совместное обсуждение процедур восстановительной справедливости, необходимых для выработки вариантов возмещения. Однако предлагаемую им модель невозможно реализовать до тех пор, пока не будет сформировано общеупотребимое понимание субъектов истории и этапов их развития.

Гипотетически, за эту концептуальную работу должны отвечать общие исторические дисциплины (философия истории и теория истории), поскольку именно они обеспечивают формирование исторической истины об истории в макромасштабе.

Однако именно этот сегмент исторического знания давно находится в состоянии методологического кризиса. Концепция всемирной истории как общего вектора в развитии народов была подорвана противостоянием формационного и цивилизационного подходов. Ни философия истории, ни теории истории не предложили до сих пор для нее никаких альтернатив. Более того, в теории истории продолжается доминирование микроподходов, направленных на изучение исторических событий и явлений вне их связи с макропроцессами. Задачи исторического исследования в историке (принятое в немецкоязычной традиции определение исторической методологии понятие, обозначающее совокупность разнообразных теорий и методов исторической науки) концентрируются вокруг понятия исторического источника, понимаемого как «памятник», «след», «остаток», «материал», а также как «репрезентант», «очевидец» и «свидетель» прошлого⁴⁵⁹. Социальная философия сконцентрирована на систематизации теорий глобализации и информационного общества, в которых доминирует образ будущего, не предполагающий особой востребованности дифференциации исторических субъектов. Этапы развития в жизни коллективных сообществ все реже

⁴⁵⁹ См.: Буллер А. Введение в теорию истории: учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 180 с.

рассматриваются как результат исторических закономерностей, они связываются с целенаправленным государственным строительством и управлением.

Можно сказать, что общество, разочаровавшись в исторических законах, обратилась к юридическим, пробуя найти в них замену потерянному чувству защищенности и предсказуемости Истории. Если формационный подход предсказывал поступательную смену формаций, то это оставляло надежду, что чтобы не происходило, лучшее будущее обязательно наступит, а цивилизационный подход демонстрировал поступательность развития человечества, и это также давало уверенность в завтрашнем дне⁴⁶⁰. Отрицание самого факта существования объективных законов истории поставило под сомнение все проекты будущего, конструируемые не только учеными, но и, что еще более важно, политиками. Более того, субъективизация восприятия исторических процессов привела к пониманию, что неопределенность будущего является прямым следствием свободных интерпретаций произошедших событий.

Спекуляции с историей представляют собой вызов для формирования идентичностей национальных сообществ, которые строятся на основе конструирования общей исторической памяти⁴⁶¹. В современном обществе тонкая грань между исторической памятью и историей как наукой все более стирается, так как в производстве исторического знания принимают участие все большее количество интернет-пользователей, использующих цифровые технологии для поиска и интерпретации фактов прошлого⁴⁶². Но если в научном дискурсе исторической науки часто наблюдается отказ от поиска

⁴⁶⁰ Ляхова Л.Н., Галанина Н.В. Проблема объективных законов истории в исторической науке // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2006. № 3. С. 129-131.

⁴⁶¹ См.: Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

⁴⁶² Wolff R. S. *The Historian's Craft, Popular Memory, and Wikipedia. Writing History in the Digital Age*, edited by Jack Dougherty and Kristen Nawrotzki, University of Michigan Press, Ann Arbor. 2013. P. 65 // JSTOR. URL: www.jstor.org/stable/j.ctv65sx57.10. accessed: 04.04.2020.

исторической истины⁴⁶³, то для потребителей исторической информации вопрос об исторической правде становится основополагающим.

В 1990-е и 2000-е гг. можно было наблюдать стремительный рост мемориального законодательства в ряде европейских стран⁴⁶⁴. Эти законы не просто проводили определенную политику памяти, а юридически закрепляли необходимые обществу или власти трактовки исторических событий, имеющих определяющее значение для конструирования исторической памяти. Большинство мемориальных законов носят декларативный характер, что еще больше подчеркивает их символическое значение. Однако, в некоторых странах возникла необходимость принятия нормативно-правовых актов, криминализирующих те или иные взгляды на прошлое, в основном за отрицание Холокоста или геноцида, а в Уголовный кодекс РФ была введена статья 354.1. «Реабилитация нацизма»⁴⁶⁵. Уголовное наказание за публичное выражение определенных оценок прошлого, не соответствующих ценностям общества, стало важным инструментом исторической политики. Жесткость подобных законов подкрепляет ощущение невозможности повторения самых страшных преступлений прошлого, дает уверенность в будущем, а, главное, соответствует представлениям о справедливости.

В этнологии, частично унаследовавшей проблематику исторической справедливости в смысле, близком к приводившейся концепции А.А. Гагаева и П.А. Гагаева, примордиализм как учение об априорности этнических категорий практически вытеснен конструктивизмом, настаивающим на искусственности этничности как продукта социального конструирования, и инструментализмом, прямо связывающим этничность с манипулятивным идеологическим воздействием элит на массы. Понимание этнического

⁴⁶³ Смоленский Н. И., Багдасарян В. Э., Наумов О. Н., Журавлев В. В., Шарифжанов И. И., Реснянский С. И. Проблема объективности исторического познания (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 86-114.

⁴⁶⁴ Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы // Интернет-журнал «ГЕФТЕР». 2012. 28 фев. URL: <http://gefter.ru/archive/3302>. (дата обращения: 08.06.2020).

⁴⁶⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.07.1996 № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 01.07.2021 № 292-ФЗ // Российская газета. 1996.16, 19, 20, 25 июня; 2022. 25 марта.

содержания социально-политической жизни практически повсеместно переходит на платформу примата свободного выбора индивидом собственной национальной/этнической идентичности. Если сегодня индивиды способны выбирать этническое сообщество независимо от того, принадлежат ли они к нему по факту рождения, исторический субъект принципиально не фиксируем в терминах «определенного круга лиц», необходимых для установления адресата правовых предписаний, предполагающих коллективную ответственность.

На этих основаниях, например, С.И. Посохов отмечает, что, с научной точки зрения, границы понятия «историческая справедливость» весьма широки, а смысловое наполнение очень размыто, поскольку «оно представляет собой метафору, укорененную в разнообразных дискурсах (научного, публицистического, идеологического, этического) и практиках (политических, культурных, комемориальных). Она является активным элементом «языковых игр» и важным звеном многих идейных конструкций»⁴⁶⁶.

Как полидискурсивная метафора, историческая справедливость связана с исторической истиной. Ю.И. Докучаева определяет последнюю как некий идеальный конструкт прошлого, который стремится воссоздать по крупицам сведений из различных источников ученых. Историческую истину она связывает с «исторической правдой» – неискаженным отражением реальности, которое историческая наука должна давать как конечный продукт своей деятельности, в представлении рядового обывателя⁴⁶⁷. Эти две версии видения исторической реальности (историка и обывателя) могут противостоять друг другу, их отношение может содержать конфликт в открытой или скрытой форме.

⁴⁶⁶ Посохов С.И. *Метаморфозы исторической справедливости* // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. № 8. С. 133-134.

⁴⁶⁷ Докучаева Ю.И. «Историческая справедливость» в восприятии участников Русско-японской войны // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 4. С. 57.

Историк отнюдь не предлагает свой «продукт» нейтрально или лояльно настроенному обывателю. Представления последнего об истории не являются *tabula rasa*. Мемориальные исследования как междисциплинарное направление исторических исследований рассматривает совокупность индивидуальных представлений о прошлом как историческую память. Личная и семейная история преломляет восприятие исторической динамики макросубъектов, сопрягаются с образами прошлого, сформированными школьным и вузовским образованием, средствами массовой информации, художественной литературы, кинематографом и все возможными «местами памяти» (мемориальными комплексами и пространствами, музеями). Современные цифровые технологии позволяют массовому индивиду легко объективировать свои представления о прошлом. В итоге историческая память представляет собой многоголосую арену выражения гетерогенных суждений о прошлом самого широкого спектра субъектов, она конфликтна, многомерна и весьма противоречива. Именно в ее рамках кристаллизуются представления о том, что представляет собой историческая справедливость⁴⁶⁸. И эти представления легко становятся основой мемориальных войн. С точки зрения социологического ракурса в данной области, вопрос об исторической справедливости разные коллективные и индивидуальные субъекты решают для себя принципиально различно, при этом настаивая на необходимости восстановления исторической справедливости, продвигая собственную позицию как основу правильного решения.

Поскольку историческая память является основой построения коллективной идентичности, лежащей в основе патриотизма и гармоничных отношений личности и государства, постольку государства внимательно относятся к ней, формируя соответствующую государственно-правовую политику. Государственно-правовая политика памяти конкретизирует модели

⁴⁶⁸ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Социальные медиа как арена конструирования исторической памяти // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-74-83. С. 76.

взаимодействия государства, науки и общества в дискурсе о прошлом, постепенно вычлняясь из политики памяти и исторической политики. В современных исследованиях государственно-правовая политика все чаще связывается с интерпретацией прошлого для решения насущных практических задач и приобретает все большее значение для характеристики феномена использования истории для достижения политических целей и культурной гегемонии в социальном пространстве. Особое значение имеет ее взаимоотношения с исторической наукой, поскольку научная обоснованность является одним из ключевых признаков правовой политики, она закладывается в доктрину правовой политики как фундаментальное начало, а игнорирование научных данных в процессе разработки и реализации правовой политики недопустимо⁴⁶⁹.

Исследования в области политики памяти за рубежом на сегодняшний день оформились в особое междисциплинарное научное направление, сконцентрированное на четырёх основных темах: 1) использование прошлого при формировании национальных и региональных идентичностей; 2) изучение памяти о колониализме; 3) «проработка проблематичного прошлого», травмы памяти, главной из которых провозглашается Холокост; 4) проблемы политики памяти в контексте «восстановительного правосудия», направленного на преодоление последствий систематических нарушений прав человека, связанных с историей «авторитарных режимов» (при этом само понятие «авторитарного режима» в западных исследованиях, очевидно, представляет собой инструмент конструирования истории)⁴⁷⁰. В России наряду с изучением данных тем особое внимание уделяется исследованию роли государства и его институтов в проведении политики памяти. Эти исследования ориентированы на государствоведение, и для обозначения исторической политики в них используются понятия «государственная

⁴⁶⁹ Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // *Lex Russica* (Русский закон). 2015. Т. 100, № 3. С. 16.

⁴⁷⁰ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С. 128-140.

политика по сохранению исторической памяти»⁴⁷¹, «государственная политика в области праздников»⁴⁷² либо «государственная политика памяти»⁴⁷³.

Невнимание к исторической справедливости влечет угрозы для политической стабильности и суверенитета. В то же время, отстаивание исторической справедливости должно учитывать и необходимую меру свободы научных исследований и мнений, которые лежат на другой чаше весов. Чтобы пройти между опасностями крайностей, как между Сциллой и Харибдой, требуется рационально обоснованная система целей государственно-правовой политики памяти, в которой историческая справедливость и историческая правда будут выведены из ранга метафор в научно-обоснованные понятия.

Выводы:

В современных условиях актуализируются мемориальные исследования, особое значение в которых обретает категория мемориальных войн. В этом контексте историческая справедливость становится знаменем консолидации альянсов и эскалации конфликтов, и превращается из метафоры, утверждающей победу исторического прогресса, в рациональную категорию с философско-правовым содержанием.

Категория «историческая справедливость» получает широкое хождение в политико-правовом дискурсе, а ее содержание определяется не только этически, как частный случай социальной справедливости, но и коммуникативно, в контексте межпоколенческих связей. Она тесно связана с представлением об общем благе и выступает регулятором общественных отношений. В западной традиции историческая справедливость понимается

⁴⁷¹ Попп И.А., Шахнович И.С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. 2018. № 12. С. 42-49.

⁴⁷² Ефремова В.Н. Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2016. № 5. С. 93-98.

⁴⁷³ Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания современной России: Проблемы и противоречия // Studia Humanitatis. 2016. № 2. С. 21.

как ретроспекция легитимности современных притязаний индивидов. В отечественных интерпретациях исторической справедливости сильны историософские мотивы, связывающие историческую судьбу народу с представлениями о соборно-коллективистском характере российского общества.

В восприятии общества и государственной власти историческая справедливость определяется обеспечением прав человека и народов, а любые попытки покушения на них вызывают апелляцию к прошлому. В условиях, когда историческая память стала главным инструментом конструирования идентичности нации и государственного строительства, значение понятия исторической справедливости возрастает. Государство в своей политике памяти использует силу нормативно-правовых актов и это встречает одобрение в обществе, в котором утрачена вера в исторические законы. Представление об исторической справедливости и ее юридическое воплощение поддерживает общественное доверие и обеспечивает консенсус общества с властью.

§ 3.3. Культура отмены в контексте коммуникативно-правовых теорий Ю. Хабермаса и А. Хоннета

Лета – река в подземном царстве Аида, дарующая забвение. По верованиям древних греков, прибывшие в мир мертвых пили ее воду, чтобы память о жизни перестала их мучить, а те, кто это царство покидал по воле богов, должен был пить воду Леты, чтобы память вернулась. Некоторых героев боги освобождали от вод Леты, чтобы сохранить им память как привилегию. Альтернативой Лете была река Мнемосина, воды которой давали всезнание; согласно некоторым религиозным культам, в зависимости от добродетельности умерший мог выбрать, из какой реки ему пить. Мифологема была выбрана Б. Мелкевиком, правоведом – исследователем и продолжателем в философии права идей Ю. Хабермаса, для конкретизации роли механизмов памяти и забвения.⁴⁷⁴ Работа этих двух режимов памяти очевидна в цифровую эпоху, когда, с одной стороны, как показал М. Феррарис, интернет обеспечивает тотальную мобилизацию памяти, архивируя почти каждый социальный жест, с другой стороны⁴⁷⁵, способом восстания против медиавлания становится культура отмены. В мире «Больших данных» утверждение о том, что мы можем что-то забыть, крайне наивно, однако так же очевидно, что люди не хотят помнить и знать все, что им доступно, они активно протестуют против того, что нарушает их когнитивный комфорт. Мифологема Леты представляется удачной и своевременной в свете стремления пролить некоторое количество света на весьма темный и запутанный вопрос о природе культуры отмены.

Культура отмены стала ключевым феноменом, определившим социально-политический ландшафт миропорядка в 2022 году. В качестве объекта отмены выбирались люди (как живущие, так и исторические деятели),

⁴⁷⁴ См.: Мелкевик Б. Заметки по истории правовых понятий. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. С. 69-86.

⁴⁷⁵ Ferraris M. New Realism, Documentality and the Emergence of Normativity // *Metaphysics and ontology without myths*. By ed. Dell'Utri and S. Caputo. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 110-124.

компании, сообщества, мероприятия, исторические факты, страны. Практики отмены разнообразны, но их плацдармом всегда является цифровая медиасреда, поскольку базовый набор коммуникационных инструментов ее площадок всегда содержит те или иные алгоритмы устранения нежелательных контактов. Побочным эффектом цифровой грамотности является рутинизированная привычка к легкому удалению презентации раздражающих инфоповодов. Пользователи, с одной стороны, воспитываются в парадигме контроля над безопасностью цифрового пространства, которое они склонны рассматривать как приватное, несмотря на всю его публичность. С другой стороны, легкость социальной кооперации в социальных медиа становится источником влияния, когда негативные эмоции быстро сближают разделяющих их в борьбе с неудобными фрагментами реальности.

В качестве источников культуры отмены называют различные формы социального ostracism, однако чаще всего апеллируют к его афинской версии. Однако как цифровой феномен культура отмены появляется на рубеже нулевых и десятых годов нынешнего столетия: «В 2010-х существовали блоги в Tumblr наподобие «Your Fave Is Problematic», авторы которых собирали информацию о неоднозначных событиях, высказываниях и поступках звезд. Именно это стало фундаментом для появления современной культуры отмены. Выражение «отменить» (англ. «to cancel») стало трендовым после того, как на реалити-шоу «Любовь и хип-хоп: Нью-Йорк» участница проекта заявила своему парню, что он «отменен». Совсем скоро фразу стали использовать по отношению к звездам и брендам, чье поведение или заявление пользователи осуждали»⁴⁷⁶. Очень быстро формула отмены стала применяться широким спектром сетевых движений, среди которых были #MeToo, #ЯНеБоюсьСказать и #BLM; по обвинениям в ксенофобии «отменялись» самые разные категории знаменитостей, в первую очередь, связанных с кино

⁴⁷⁶ Зиновьев Н. С. Культура отмены как аспект общественного дискурса // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 июня 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 270.

и телевидением – актеры, режиссеры, телеведущие, блогеры. «Культуру отмены» нередко трактуют как вид социальной реакции на снижение эффективности классических способов правового регулирования свободы слова в медиасреде. Интернет живет сверхбыстрыми темпами, плохо адаптирующимися к длительным бюрократическим циклам правосудия. Применение юридических средств защита доброго имени и деловой репутации требует серьезных временных затрат, тогда как массированное тиражирование клеветы, фейка, диффамации и троллинга может осуществляться в течение дня на миллионную аудиторию. Первое десятилетие существования культуры отмены однозначно было связано с реакцией на ксенофобию, случаи отмены четко работали там, где обнаруживалась публичная поддержка дискриминации всех меньшинств, маркируемых в парадигме толерантности как угнетенные, при этом квалификация факта поддержки никогда не соответствовала юридическим стандартам установления деяния, она могла сводиться не только к вольной интерпретации, но и прямой фантазии.

Гуманитарные науки довольно быстро отреагировали на новый феномен. Сначала возникли две полярные модели научной его оценки. П. Норрис показал противостояние двух групп исследователей, к первым относятся те, кто видит в культуре отмены новый способ блокирования общественных дискуссий, т.е. деструктивный для свободы слова феномен, ко вторым относятся те, кто считает культуру отмены новой формой присвоения права голоса маргинализированными субъектами, лишенными возможностей реализовать это право в традиционных формах⁴⁷⁷. Лагерь скептиков на сегодняшний день гораздо шире. К типичной можно отнести позицию К. Л. Кука и соавторов, определяющих культуру отмены как «новый катализатор цифровой ненависти, наблюдаемый на различных медиа-платформах, когда большие группы людей публично критикуют действия жертвы и отказываются от поддержки этой жертвы, что приводит к серьезным

⁴⁷⁷ См.: Ng E. No Grand Pronouncements Here...: Reflections on Cancel Culture and Digital Media Participation // *Television & New Media*. 2020. Vol. 21. № 6. P. 621-627.

последствиям для их средств к существованию и благополучию»⁴⁷⁸. В фокусе экспертных оценок оказывается, прежде всего, эмоциональный накал связанных с культурой отмены дискурсивных практик. Так, Е. Нг показывает, что энергичным ядром культуры отмены является социальная драма – недостаточно просто отказаться от чего бы то ни было, необходимо сделать это в максимально перформативной форме, например, сжечь на видео ассоциированный с объектом отмены предмет, или высказать свой протест максимально экспрессивным способом⁴⁷⁹, используя провокацию и площадную брань. В итоге именно манифестация социальной драмы обеспечивает иммерсивное включение в ее процесс всех, кого социальная ситуация делает нуждающимися в катарсическом очищении. А. Котек интерпретирует культуру отмены как форму войны за социальную справедливость, в которой остракизм всегда следует по пятам за перфекционизмом, утверждающим приукрашенную реальность: медиаперсоны «придерживаются высоких стандартов со стороны своих сторонников, поэтому каждая ошибка, которую они совершают, высвечивается и вызывает массовую вспышку разочарования»⁴⁸⁰; стремление оказаться на высоте заставляет инфлюенсеров быстро дистанцироваться от запятнавших себя конкурентов, раскачивая маятник отмен. Важно, что отмена концентрируется вокруг концепта «публичного позора», стремления подвергать публичному остракизму тех, кто нарушил социальные нормы⁴⁸¹. Сетевое медиаприсутствие связано с так называемым парасоциальным эффектом – ощущением наличия социальной связи, формирующейся между владельцем публичного профиля и его фолловерами, в результате которой

⁴⁷⁸ Whose agenda is it anyway: an exploration of cancel culture and political affiliation in the United States / C.L. Cook [et al.] // SN Social Sciences. 2021. Vol. 1. № 9. P. 237.

⁴⁷⁹ Ng E. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 39-72.

⁴⁸⁰ Kotek A. The relationship between cancel culture and perfectionism. A critical discourse analysis of othering strategies in modern communication on the example of internet personalities // ResearchGate [Сайт]. DOI:10.13140/PG.2.2.34630.40006.

⁴⁸¹ Norris P. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Working Paper No. RWP20-025, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3671026> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3671026>.

люди начинают предъявлять тем, с кем они даже не знакомы, социальные ожидания, характерные для соседства, приятельства и дружбы. Этот эффект определяет сверхбыструю групповую динамику между сетевой личностью и ее фанатами, которая легко может переходить от положительных форм к отрицательным.

Л. Альварес Триго показывает связь культуры отмены и движения «воинов социальной справедливости» (англ. “social justice warriors”) (ироничное название характеризует активистов интернета, сплотившихся в ходе печально известного скандала, получившего название «Геймергейт» в 2015 г.), акцентирует внимание на структурных особенностях дискурса культуры отмены, связанных с техническими особенностями порождающих ее платформ (западных социальных сетей, включая как запрещенные в Российской Федерации в качестве экстремистских организаций, так и заблокированные Роскомнадзором), а именно – принципиальным доминированием коротких прямых сообщений, не включающих контекст, и резкой селекции позиций вокруг них⁴⁸². Радикализация позиции приводит к тому, что она быстро набирает сторонников, а негативные черты отменяемого объекта гипертрофируются. При этом люди, не включенные в конкретную эхо-камеру, или информационный пузырь, вообще могут не знать о том, что отмена происходит. Поэтому особую роль в раскручивании отмены всегда играют традиционные СМИ, гомегенизирующие повестку таким образом, чтобы включать в нее тех, кого «интернет-войны» не касаются в цифровом ландшафте.

В итоге культура отмены сплавляет в единое целое экономические (отказ потреблять медиапродукт), парасоциальные (иллюзия равноранговости отношений с медиаперсоной, ассоциированной с продуктом) и политические (желание возвысить свое Я через гипертрофию личных мировоззренческих отличий, связанных с полом, расой, статусом) аспекты в этическом жесте,

⁴⁸² Álvarez Trigo L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // PopMeC Research Blog. 2020. T. September 25. P. 2.

радикализирующем в первую очередь эмоциональное отношение. Поскольку субъектом отмены всегда выступает коллективный (и, в отдельных случаях, маргинализированный) индивид, декларирующий свою эксплуатируемость, отчужденность и порабощенность, а отменяют тех, чья полноценная субъектность признана, в этом феномене можно увидеть не просто новую форму социального протеста, но новые способы перераспределения власти в широком социологическом смысле слова.

Даже в этом качестве культура отмены выглядит как полностью внеправой феномен. Она противоречит презумпции невиновности, избегает рациональных процедур доказывания, часто опирается на ложь и фальсификацию, апеллирует к нерациональным мотивам. Стоит исследователю сосредоточиться на ней, как ее экстремальный (и нередко прямо экстремистский) контраст с ранее традиционной для западной медиасреды либеральной правовой доктриной заставляет видеть в ней нечто абсолютно чуждое западной политико-правовой мысли. Действительно ли этот продукт цифровой культуры настолько несовместим с правовым мышлением и должен быть теоретически вынесен за рамки философско-правового дискурса?

В рамках данного параграфа следует обозначить философско-правовые искания коммуникативно-правовой теории Ю. Хабермаса и А. Хоннета как открытого подхода к праву в социальном целом. С одной стороны, концептуальные миры этих двух мыслителей существенно отличаются, интересубъективистский коммуникативный подход Хабермаса весьма далек от критического пафоса зрелой франкфуртской школы, тогда как Хоннет пытается этот пафос возродить. Тем не менее, между двумя исследовательскими программами достаточно преемственности, вызванной последовательной работой Хоннета с идеями учителя. Поэтому можно рассматривать их как две сопряженные перспективы понимания культуры отмены, не полярные и частично пересекающиеся, фрагментарные друг без

друга, но вместе позволяющие сформировать весьма широкое панорамное видение.

Итак, первая перспектива теоретической «легитимации» культуры отмены – хабермасианская. Как было показано, идея коммуникативной рациональности как источника правогенеза опирается на концепцию об особом демократическом статусе публичной сферы. Анализ воззрений Хабермаса применительно к культуре отмены осуществлен Х.М. Бриджес. Хабермас рассматривал публичную сферу как открытое пространство, предназначенное для публичных рациональных дебатов граждан по вопросам государственного устройства. Именно в публичной сфере осуществляется кристаллизация общественного мнения, выступающего ориентиром для государства в «демократии закона». По мнению исследовательницы, представления Хабермаса по-прежнему значимы для научных моделей социально-политической миссии интернета, но в цифровой среде усиливаются те риски и опасности, которые Хабермас связывал с коммерциализацией публичной сферы капиталистического общества, развращающей субъектов дискурса развлекательно-гедонистическим форматом. Ранние этапы развития интернета вовлекали в цифровой мир наиболее образованную часть населения, и рациональность казалась атрибутом нового техногенного пространства. Расцвет социальных сетей показал, что интернет действительно дает простой и дешевый вход на новую агору широчайшим массам, но вот рациональными дискуссии масс автоматически в нем не становятся. Более того, сетевое присутствие подчиняется когнитивному комфорту, когда любой системе аргументов противопоставляется альтернативный набор фактов (или набор альтернативных фактов), позволяющих замкнутым в эхокамерах сообществам оставаться в плену своих солипсических иллюзий и требовать приведения общества в соответствие с ними: «действительно, комментаторы сегодня менее склонны утверждать, что интернет спас демократию, и более склонны сетовать на то, что Интернет отправил демократию в мертвую петлю. В социальных сетях рациональные дебаты — отличительный признак

гражданских дискуссий, которые имели место в публичной сфере Хабермаса, — не доминируют»⁴⁸³.

Бриджес апеллирует к весьма давним результатам исследований П. Дальгрена, показывающим экспоненциальный рост экспрессивного политического участия в интернете на фоне участия инструментального (второе направлено на достижение цели, т.е. целерационально в терминах Хабермаса, а первое преследует достижение эмоциональной разрядки)⁴⁸⁴. Экспрессивное участие исчерпывается самим актом участия, и если его недостаточно для социально-политических изменений, то вполне хватит для концентрации негативной оценки, обрушивающегося на объект отмены. С середины нулевых подмеченная Дальгреном тенденция только усиливается, что подтверждают социометрические исследования доминирования ложной информации в социальных сетях⁴⁸⁵. Отметим, что в постправде социальных медиа крайне сложно найти рациональные дебаты, но вот распределения и разделения интерсубъективных представлений, лежащих в основу коллективного консенсуса по отменяемым объектам, в них предостаточно⁴⁸⁶. Возможно, это говорит о том, что рациональность для публичного пространства характеристика скорее количественная, чем качественная, и необходимо ставить вопрос не о ее наличии/отсутствии, а о степени ее выраженности. И в этом смысле культуру отмены не обязательно рассматривать как уродливую карикатуру на идеал Хабермаса, скорее, перед нами его простая деромантизация, связанная с переоценкой мыслителем базового атрибута человека как видового существа. Люди, свободно и на основе демократических процедур решающие в публичном пространстве, что

⁴⁸³ Bridges Kh. M. Language on the Move: “Cancel Culture,” “Critical Race Theory,” and the Digital Public Sphere // *The Yale Law Journal - Forum*. 2022. T. January 26. P. 770.

⁴⁸⁴ Dahlgren P. The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation // *Political Communication*. 2005. Vol. 22. № 2. P. 147–162.

⁴⁸⁵ Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359. № 6380. P. 1146–1151.

⁴⁸⁶ Sidorov S., Faizliev A., S. Tikhonova. An Extension of the Susceptible–Infected Model and Its Application to the Analysis of Information Dissemination in Social Networks // *Modelling*. 2023. № 4. <https://doi.org/10.3390/modelling4040033>. P. 597.

другим людям среди них не место – это ожидаемый эффект в модели, не предусмотревшей на теоретическом уровне возможность расчеловечивания и не выдвинувшей на практическом уровне предохранительного механизма.

В приведенной выше работе Б. Мелкевик, развивая концепцию Хабермаса, дифференцирует понятия «память» и «коллективное прошлое». Память он однозначно связывает с индивидом, обладающим уникальными воспоминаниями, а вот коллективное прошлое, по его мнению, это то, что может быть «преодолено». Не вдаваясь в проблему онтологического статуса коллективных воспоминаний, следует отметить, что взгляды Мелкевика в этой части противоречат данным, накопленным в исследовательской традиции мемориальных исследований. Вопрос же о памяти у Мелкевика – это прежде всего этический вопрос, связанный с так называемым «долгом памяти», который устанавливается обществом. Долг памяти тесно связан с идеей о том, что потомки должны нести ответственность за преступления предков, в которой переплетаются и отголоски кровной мести, и библейские реминисценции богоизбранности и проклятости «колен», и ретроспективность таких коллективных идентичностей, как нация и народ. В этом случае не принципиален даже эпистемический статус самого исходного деяний (насколько достоверна информация о том, что они имели место быть), поскольку Мелкевик ставит свой вопрос о памяти следующим образом: «насколько вообще этично возлагать на потомков ответственность за любые действия предков?»⁴⁸⁷. При ответе на него он категорично связывает вопросы памяти и гласности, все преступления с коллективными субъектами и жертвами должны быть преданы огласке, необходимо проговорить их в публичном обсуждении (здесь Мелкевик близок к психоаналитической традиции, настаивающей на исцеляющем характере речи о травме). Только в публичном дискурсе обвиняемые потомки могут выразить свое сочувствие тем, кто считает себя жертвами и разделить с ними их ужас и горе.

⁴⁸⁷ Мелкевик Б. Указ. соч. С. 78.

Замалчивание или отрицание травмирующих событий блокирует сочувствие, ведь нельзя сочувствовать тому, чего не было. Гласность становится формой превенции преступлений, превращающей память из этической привилегии в открытый социально-правовой конструкт – после того, как жертвы утолили свой гнев сочувствием, с точки зрения автора, память о травме не нужна, поскольку она только разделяет потомков жертв и палачей.

Очевидно, что Мелкевик осуществляет экспликацию концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса к памяти. Напомним, что у Хабермаса выработка базовых правовых норм контролируется этикой дискурса, имеющей процедурный характер, т.е. дискурс служит «коммуникативным судом»⁴⁸⁸. Почему бы этому суду не заняться памятью? Рациональный дискурс, с этой точки зрения, должен прийти к выводу о том, что никаких обязательств и долженствований этического характера в сфере памяти не существует. Так отрицается этизация памяти, она полностью выводится из плоскости этики, перестает быть объектом охраны и приносится в жертву современности: «именно современность может предстать в лучшем свете и устремится в будущее, не повторяя ошибок прошлого, если мы это прошлое забудем»⁴⁸⁹. Однако тут возникает закономерный вопрос о том, о каком будущем сегодня идет речь, поскольку единого цивилизационного проекта, разделяемого населением планеты, не существует. Кроме того, как показывалось ранее, модель Хабермаса феноменологична. Во-первых, она ориентирована на разделение общего опыта интерсубъективности, основа которой и позволяет концептуализировать норму в демократических процедурах⁴⁹⁰. На первый взгляд, коллективная память опирается на интерсубъективный опыт. Однако память сама по себе крайне ненадежный источник данных. «Надежное прошлое» формируется не голосами памяти, а

⁴⁸⁸ См.: Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права. СПб., 2018. С. 53.

⁴⁸⁹ Там же. С. 84.

⁴⁹⁰ Артамонов Д.С., Тихонова С.В. "Безжалостная милостивая Лета" Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2(12). С. 15-21. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21.

исторической наукой, основанной на рациональной работе со следами прошлого – историческими источниками. Разумеется, историческая наука неспособна ответить на все вопросы о том, «как было на самом деле». Но чисто конвенциональное утверждение некоей исторической правды закладывает под консенсус мину замедленного действия – любое вдумчивое обращение к ее следам подорвет не связанные с ними и противоречащие им картины минувших событий. Вопросы экспертной оценки принципиально не разрешаемы демократическими процедурами. Во-вторых, модель Хабермаса в принципе диалогична, и любой обрыв коммуникации в духе «культуры отмены» не позволит ее реализовать.

В то же время, дискурсивная «открытая» память Мелкевика сама по себе не является надежным основанием против возможности вменения коллективной ответственности (которая объективно остается предметом научной дискуссии), под которым понимают ситуацию, когда за действия одного или нескольких членов неопределенной по численности группы несут ответственность (как моральную, так и правовую) не совершившие действия, а вся группа целиком. Коллективная ответственность чаще всего возлагается по национальному признаку, хотя может использоваться любой другой, от пола до социальной группы или места жительства. Ответственность выражается в наказании, возложении обязанностей, а иногда и поощрении, в коллективном случае касающаяся не только причастных к какому-либо действию, а имеющих отношение к людям, его совершившим, в самом широком понимании, вплоть до национальной идентификации.

Концепт коллективной ответственности исторически весьма архаичен, он восходит к политико-правовому строю родовой общины, где сообщества отвечали за поступки своего сородича или члена общины в силу не только кровных уз, но и из-за совместного проживания.

В современном мире идея коллективной ответственности противоречит презумпции невиновности, а возложение вины за деяния на непричастных к ним лиц воспринимается негативно. Однако, практики применения

коллективной ответственности можно обнаружить и в истории XX в., в недавнем прошлом, и в политической реальности сегодняшнего дня⁴⁹¹. Применение коллективной ответственности в решении политических или экономических споров и противоречий обладает, возможно, сиюминутной выгодой, но в целом она имеет негативные последствия даже для тех, кто ее применяет. С этической точки зрения коллективная ответственность в юридическом смысле этих слов уменьшает или нивелирует вовсе индивидуальную, и непосредственные виновники могут уйти от наказания. Коллективная ответственность такого рода провоцируется безответственным поведением и потребительской культурой массового общества, как отметил В. Хесле, «...угрызения совести индивида стихают, если он принимает участие в действиях, за которые не несет единоличной ответственности»⁴⁹². Элиминация личностного аспекта совершения деяния, тогда как только личность является центром морального поступка и несет ответственность за него, приводит к негативным последствиям применения коллективной ответственности, так как она воспринимается как «нечестная система нравственного вменения»⁴⁹³.

Проблематика коллективной ответственности находится в фокусе общественного внимания в связи с практиками ее реализации. Одной из них стала культура отмены, применяемая в общественных и политических дискуссиях, происходящих в современном медиапространстве. Концепт коллективной ответственности определяется в них в качестве не столько юридического, сколько этического конструкта. Между тем, статус культуры отмены юридически в целом не определен в силу того, что ее применение игнорирует принятые правовые нормы, а его этическое определение вызывает серьезные разногласия. Культура отмены использует социальное

⁴⁹¹ См.: Токарева С. Б. Коллективная и личная ответственность в обществе // Власть. 2012. № 3. С. 44-48.

⁴⁹² Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993. С. 102.

⁴⁹³ См.: Платонова А. В. На пути к концепции коллективной ответственности: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5(133). С. 132.

давление как метод воздействия на инакомыслящих, что вызывает негативные последствия и осуждение, однако, она же может восприниматься как «мягкая сила», способная принудить индивида или общность людей выполнять моральные требования, господствующие в современном мире. Отмена приводит к прекращению поддержки социального субъекта (известную личность, компанию, бренд) с целью вытеснить его из медиасферы, социальных или профессиональных сообществ, и принудить к публичному покаянию и изменению модели поведения. Все вербальные сообщения, «отмененного» социального субъекта наказываются бойкотом всех форм и каналов коммуникации, доступных ему, до тех пор, пока будет не принесено публичное извинение и прекращена декларация осуждаемых взглядов. Однако, и после этого возвращение в публичное пространство субъекта, подвергнутого культуре отмены, остается затруднительным в связи с возникшим негативным эффектом для его репутации, хотя известны случаи, когда «отмена» приводила к повышению популярности личности, и всплеску интереса к его творчеству и продуктам. В связи с этим, культура отмены может рассматриваться как аналог самосуда или форма цензурной практики, но вместе с тем, она является механизмом медийного регулирования общественного мнения, возникающим стихийно или применяемым целенаправленно.

Культура отмены принципиально ретроспективна, сроки давности для нее не имеют значения, она не знает соразмерности деяния и давления, коллективное и индивидуальное для нее не дифференцируемы. Все эти особенности приводят к тому, что культура отмены становится угрозой модели субъектности и субъективности, выработанной мировой культурой и правовой мыслью. Некоторые субъекты в контексте культуры оказываются «недосубъектами», а способы отмены конвенционально не установлены.

К проблеме расчеловечивания и отказу в статусе субъекта ближе всего подошла хоннетовская перспектива теории признания. Признание представляет собой интерсубъективный диалектический процесс принятия

себя и другого в качестве субъекта. Хоннету потребовалось осуществить тотальную ревизию концепции автономии субъекта, включая теорию субъективности. Ее основания в западной либеральной доктрине он связывает с моделью атомарного индивида, выдвинутую в Новое время в теориях общественного договора. Общественный договор заключают равные индивиды, обладающие свободной волей и уверенные в своем праве действовать в соответствии с ней. Общественный договор создает границы для произвола индивида, поскольку по известной формуле его свобода заканчивается там, где начинается свобода других. Хоннет показывает, что абстрактный атомарный индивид столь же утопичен, как сам изначальный общественный договор, реальных следов которого не смог найти ни один правовец со времен исторической школы права. Разумеется, сегодня в правовой мысли доминирует концепция конституционного договора, описывающая отношения граждан и государства, учрежденного по их воле в конституции современного типа, хотя теории общественного договора практически нигде не являются частью правовой доктрины. Но альфа и омега современной правовой мысли – представление о совершеннолетнем человеке как праводеспособном субъекте – столь же мало отвечает социальным реалиям, как учение Гоббса о завершении войны всех против всех передачей полномочий суверену.

Стандартная антропологическая ситуация предполагает, что индивид всегда длительно формирует в процессе социализации собственное представление о себе, исходя из представлений о себе, объективируемые значимыми другими, в первую очередь, матерью или заменяющими ее лицами, в затем всеми теми, кто окажется для индивида авторитетом. Чтобы действовать по своей воле, нужно знать, что эта воля у тебя есть, нужна раз за разом убеждаться, что твои контрагенты считаются с ней. Далее, нужно обладать известной самодисциплиной, позволяющей дифференцировать собственные аффекты от личной стратегии самопроектирования, что, опять же означает высокий уровень рациональности и критического мышления, крайне

редко возможный без соответствующего образования. В итоге автономия оказывается идеалом, весьма слабо реализуемым осознанно большинством взрослых людей. И если человек, страдающий, допустим, алкогольной зависимостью, может быть с точки зрения права ограничен в дееспособности, то человек слабохарактерный, травмированный насилием и нелюбовью, с точки зрения права автономен, но в реальной социальной жизни таковым никогда не является.

Концептуализации проблемы автономии в этом ключе посвящено небольшое эссе «Автономия, уязвимость, признание и справедливость», опубликованном Хоннетом в соавторстве с Дж. Адерсоном, в книге «Автономия и вызовы либерализму»⁴⁹⁴. Авторы фокусируются на «общественных обязательствах по снижению уязвимости отдельных лиц до приемлемого минимума»⁴⁹⁵. Индивидуалистическое (атомистическое) понимание автономии затемняет масштабы проблемы, поскольку либерализм обычно исходит из представлений о том, что маргинализированные индивиды – это обычно изживенцы, являющиеся скорее исключением из общего правила полной автономии; дефекты их автономии исправляются инструментом опеки. Авторы настаивают на том, что уязвимость является фундаментальной характеристикой автономии: «индивиды – в том числе автономные индивиды – гораздо более уязвимы и зависимы, чем их традиционно представляла либеральная модель»⁴⁹⁶, что должно привести к тотальному пересмотру картины требований социальной справедливости. Для них автономия существует только в контексте а) социальных отношений и б) учета внутреннего отношения субъекта к себе. Это признательная модель автономии, в рамках которой самоактуализация – путь, который «мы не можем пройти ... в одиночку, и мы уязвимы на каждом этапе пути к автономии –

⁴⁹⁴ Anderson J., Honneth A. *Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice // Autonomy and the challenges of liberalism: new essays* / под ред. J. P. Christman, J. Anderson. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005. P.127-149.

⁴⁹⁵ Ibid. P. 127.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 129.

подрыв несправедливости – не только к вмешательству или материальным лишениям, но и к нарушениям социальных связей, которые необходимы для автономии»⁴⁹⁷. Неотъемлемые компоненты автономии – самоуважение и доверие к себе являются эмерджентным результатом длительного процесса intersубъективных отношений, где каждый человек является объектом заботы и заботиться о другом. Отношение к себе формируется не в результате размышлений в одиночестве, оно есть продукт тех оценок, которые мы получаем себе в ответ на наши собственные отклики к потребностям и чувствам наших близких. Автономия предполагает и эмоционально нагруженную самооценку, и способность предъявлять претензии к другим таким образом, чтобы их поведение этой самооценке соответствовало. Отсутствие самоуважения, внешнего уважения и доверия к себе разрушает автономию, что авторы демонстрируют на примерах травмы (пережитый опыт изнасилований или пыток). Поэтому достижение автономии не может быть частным и индивидуальным делом индивида, оно требует коллективных усилий, как внутри локальных групп (родителей, родственников, учителей и т.п.), так и в обществе в целом.

Если с гуманистическим пафосом (весьма близких к размышлениям о самоактуализации человека Э. Фромма) таких утверждений сложно не согласиться, то прикладные выводы не столь очевидны и приближают нас к пониманию этической и социальной механики работы культуры отмены.

Они сформулированы в разделе рассматриваемого эссе, обозначенного авторами как «Самооценка: Семантическая уязвимость». Здесь авторы настаивают на том, что даже те, кто не был в роли жертвы, могут снижать свою автономию через подрыв самооценки, «в результате стереотипов унижения и очернения, а также таким образом, что человек становится менее способным к самоопределению в отношении своих проектов»⁴⁹⁸. Иначе говоря, гарантии социальной справедливости требуют контроля семантических ресурсов,

⁴⁹⁷ Ibid. P. 130.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 135-136.

необходимых для позитивной самоинтерпретации. Поскольку индивиды не могут исключительно самостоятельно определять смыслы своих речевых действий, постольку выбираемые ими в качестве ключевых для самоописания понятия могут быть (и, разумеется, бывают) денотативно и коннотативно негативно семантически нагружены (в числе примеров – «отец-домохозяин»). Оценочный характер семантико-символического поля самоописания не может не влиять на признательную автономию. Маргинальный (в широком смысле) образ жизни может стать подлинным выбором человека только тогда, когда он отличается персональной устойчивостью, имеет субкультурную поддержку и перманентно прилагает усилия для поддержания своего образа Я. Иначе говоря, в семантической среде должен быть широкий набор «ролей» для самоопределения, и эти роли должны быть освобождены от очернения: «в той степени, в какой человеку не хватает ощущения того, что то, что он делает, имеет смысл и значение, становится трудно заниматься этим всем сердцем. Существует, по крайней мере, напряженность между тем, чтобы вести такой образ жизни и думать о себе как о том, что делаешь что-то, что имеет смысл»⁴⁹⁹. В итоге социокультурная среда, позиционирующая выбранную индивидом роль как незначимую или прямо враждебная к ней, является деморализующим фактором автономии. Конечно, авторы оговариваются, что речь не идет о прямой угрозе автономии, а о возможной, которая зависит от «степени» очернения. Подозреваем, что степени очернения квантифицировать так же сложно, как и степени рациональности. Тем не менее, Хоннет и Андерсон приходят к выводу о том, что «из-за того, как они могут подорвать самооценку, систематические формы очернения, таким образом, представляют угрозу не только для счастья или самоидентификации, но и для свободы действий тех, кто пострадал»⁵⁰⁰.

Таким образом, роль символическо-семантической среды как ресурса автономии двояка. Во-первых, богатая и разнообразная среда, которая «идет

⁴⁹⁹ Ibid. P. 137.

⁵⁰⁰ Ibid. P. 137.

навстречу» чаяниям людей, укрепляет их жизненные проекты и дает им богатую самоинтерпретацию. Во-вторых, враждебная среда ограничивает свободу выбора и поведения, порождая конкретные смысложизненные проекты, она отвращает людей от них. Поэтому в работе Хоннета и Андерсона красной линией проводится идея защиты семантической среды от «угрозы очернения».

Это эссе было опубликовано за несколько лет до появления первых эпизодов культуры отмены, как они распознаются в современном обществе. Обвинения в очернении сами превратились в реальную угрозу и социально-политическую силу. Семантическая среда не может быть предметом тотального контроля, и это вопрос не правовой, а гносеологический – смыслы, несмотря на всю свою субъективность, оценочность и интересубъективность, формируются на основе адекватного (во всяком случае, проверяемого практикой) объективного отражения действительности. Однако мыслящие, говорящие и действующие субъекты есть часть семантической среды, которая без них не существует (если люди исчезнут с планеты, а книги, например, останутся, семантическая среда все равно исчезнет). Культура отмены очевидно связана с новыми практиками идентификации субъектов и объектов в цифровой среде, и здесь для нас весьма актуальна хоннетовская концепция забвения признания.

В своей Таннеровской лекции «Овеществление: Взгляд теории признания»⁵⁰¹, Хоннет вводит понятие забвение признания, связывая его с собственно овеществлением. Овеществление он рассматривает, опираясь на концепцию Д. Лукача, и видит в нем тип человеческого поведения, который нарушает моральные или этические принципы, рассматривая других субъектов не в соответствии с их характеристиками как людей, а как лишённые жизни и воли объекты (вещи или товары)⁵⁰². Хоннет настаивает на том, что признание и сопереживающее участие первично по отношению к

⁵⁰¹ Honneth A. Reification: A Recognition-Theoretical View // The Tanner Lectures on Human Values. https://web.archive.org/web/20080228090803/http://www.tannerlectures.utah.edu/lectures/documents/Honneth_2006.pdf. 2005. С. 89–135.

⁵⁰² Ibid. P. 94.

познанию и отстраненному пониманию социальных фактов. Если признание сохраняет живую эмпатийную связь с другим как с субъектом, то второе и предполагает овеществление. Если для Лукача овеществление – это нечто вроде ментальной привычки, укрепление которой приводит к тому, что человек теряет способность сопереживать живым людям, то Хоннет концентрируется на том, как «подлинная, вовлеченная человеческая перспектива нейтрализуется до такой степени, что в конечном счете превращается в объективирующую мысль»⁵⁰³, т.е. показывает переход между вовлеченным участием и актом отстраняющей рефлексии. Для Хоннета важно показать, что в разных социальных контекстах уместность признания и объективации вариативны, это буквально два модуля, два регистра отношения к людям, которые нужно уметь переключать. Хоннет настаивает на том, что критерии смены регистра должны быть внешними для субъекта, поскольку они связаны с социальными функциями, но внятного ответа на вопрос об их механике не дает, констатируя его туманность. Объективация, овеществление предполагают утрату живого содержания признания, и вот про эту утрату Хоннет и говорит посредством апелляции к забвению. Опыт овеществления он описывает следующим образом: «наше социальное окружение предстает здесь, во многом как в мире восприятия аутичного ребенка, как совокупность просто наблюдаемых объектов, лишенных всякого психического импульса или эмоции»⁵⁰⁴. Чтобы смениться овеществлением, признание не может просто исчезнуть из нашего сознания. Но оно может уйти с переднего плана на задний, если мы меняем концентрацию внимания на разных целях, так теннисистка, сосредоточенная на игре и победе, забывает, что ее партнерша по игре – близкая подруга, дорогой ей человек. Кроме того, признание размывается в том случае, если мы подчиняемся внешним мыслительным схемам, содержащими те или иные способы селекции информации, и здесь мы

⁵⁰³ Ibid. P. 125.

⁵⁰⁴ Ibid. P. 129.

не столько забываем, сколько, подчиняясь предрассудкам, переходим к «отрицанию» и «обороне»⁵⁰⁵.

Отметим, что значимость концепции Хоннета велика также и потому, что она применима не только к индивидам, но и коллективным идентичностям, за которыми стоят группы людей. Переключать внимание, забывать, отрицать можно и людей, и вещи, а расчеловечивание как вариант персонализированной культуры отмены прямо укладывается в объяснительные схемы Хоннета. Конечно, очевидно, что Хоннет разрабатывал свою модель забвения признания для описания работы индивидуального сознания, а не для коллективных действий. Однако в коллективных практиках культуры отмены мы легко обнаруживаем те когнитивные ходы, которые так старательно детализирует философ.

Выводы:

Культура отмены как форма социального протеста, радикальная с точки зрения последствий, основанная на повседневных практиках интернет-интеракций, стала основной тенденцией социально-политического ландшафта передела миропорядка в глобальном противостоянии России и коллективного Запада в 2022 г. С научной точки зрения, противоречие культуры отмены презумпции невиновности и рациональным процедурам доказывания является логическим следствием коммуникативно-правовых теорий Ю. Хабермаса и А. Хоннета

Теоретическая легитимация культуры отмены в хабермасианской перспективе опирается на абсолютизацию коммуникативной рациональности. Вводимая в контексте идей Хабермаса концепция «Леты» Б. Мелкевика предполагает конвенциональное установление режима забвения для исторической памяти. Культура отмены, характерная для цифровой медиасреды, блокирует используемую Мелкевиком хабермасовскую модель коммуникативной рациональности. В современном обществе могут быть

⁵⁰⁵ Ibid. P. 131.

усмотрены примеры «новой этики», предполагающей возможность возложения вины за действия одного человека на группу, с которой он идентифицируется. Сам концепт коллективной ответственности, нередко использовавшийся в XX веке в геополитических отношениях, не получил должной философско-правовой разработки и в наличном виде противоречит базовым идеям юснатурализма о природе естественных прав, используемым коммуникативной теорией права.

Хоннетовская перспектива легитимации культуры отмены связана с моделью ограниченной автономии индивида, субъектность которого прижизненно зависит от ее признания другими людьми. Уязвимость как онтологическая характеристика хоннетовской автономии предполагает пересмотр социальной справедливости с точки зрения равенства в распределении семантических ресурсов, необходимых для позитивной самоинтерпретации. Если медиапространство становится враждебной к автономному выбору судьбы средой, то логичным оказывается вывод о необходимости зачистки этой среды, элиминации из нее травмирующего содержания, способного стать для автономии деморализующим фактором. В этом случае меняется механика работы забвения признания, которая мыслилась Хоннетом как инфраструктурная основа диалектики признания, обеспечивающая паузы в его тактах. Она переносится с индивидуальных действий на действия коллективные, и радикализируется до масштабов, в которых самому признанию места не остается.

Две перспективы – хабермасианская и хоннетовская, позволяют рассмотреть культуру отмены как практику новой политико-правовой работы с памятью, радикализирующей потенциал коммуникативного дискурса в цифровых условиях дефицита его рациональности и закладывающей основы для нового понимания субъектности, где возможность градации ее выраженности, вероятно, станет новой угрозой для формального равенства. Преодолеть этот кризис можно на основе коммуникативной теории права, в которой механизмы правового признания онтологичны и трансцендентальны,

и в этом качестве предшествуют самоактуализации личности, а не завершают ее.

По итогам третьей главы можно сделать следующие **выводы**.

Главные вызовы мемориального поворота – это, во-первых, новая перспектива переосмысления правовой коммуникации в контексте категория память, позволяющая устанавливать непрерывный вклад права в социогенез. Методология российской коммуникативной теории права может быть расширена и углублена за счет установления роли памяти в триаде осознание-признание-взаимодействие, лежащей в основе правовой коммуникации и правового признания. Такая теоретическая стратегия одновременно является ответом на вызов медиального поворота, поскольку предполагает осуществление метамодернистского химерического синтеза.

Во-вторых, новым вызовом становится внедрение в философско-правовой дискурс новых категорий мемориальной повестки. Категория исторической справедливости, обеспечивающая политический консенсус государства и граждан по острым вопросам внешней политики, не только требует философско-правовой рефлексии, но и актуализирует оценку проблемы формализации коллективной ответственности. Складывающаяся в медиапространстве практика культуры отмены как форма этического, в том числе исторического, самосуда, легитимируется дискурсом западных коммуникативных теорий на правах продолжения их логики. Российская коммуникативная теория права содержит в себе концептуальные мотивы, потенциально отвечающие этому вызову мемориального поворота, которые могут быть применены для разработки философско-правовых интерпретаций коллективной ответственности, основанных на незыблемости естественно-правовых оснований правовой коммуникации.

Глава 4. Медиальный поворот: коммуникативные стратегии современной философии права

§ 4.1. Коммуникативная теория права в контексте медиального поворота

Как было показано, появление коммуникативных теорий права было ответом на вполне определенные социальные макропроцессы. Российская версия была подчинена потребности модернизировать основы правопонимания после распада СССР, связывая, с одной стороны, новый методологический проект с дореволюционным теоретическим контекстом, а, с другой – обеспечить включение идей западной правовой теоретической мысли в правовой дискурс и осуществить их критическое переосмысление. Западная версия отвечала на менее радикальные по трагичности, но более широкие по масштабам запросы, связанные с кризисом традиционной системы массмедиа, сопровождавшим расцвет интернета, процессами глобализации и, уже, европейской интеграции, и гуманистической легитимацией социально-правового порядка позднего капитализма. Обе они выступали определенной аксиологической альтернативой для тотального релятивизма социальной парадигмы постмодернизма. Эта доктринальная повестка уходит в прошлое, уступая место концептуализации новых цивилизационных реалий.

Мемориальный поворот может быть понят только в его связи с поворотом медиальным. Термин «медиальный поворот» достаточно долго в нынешнем столетии формулировался как финальный в ряду методологических метафор «поворота» (онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, нарративный, пространственный и др.), раскрывающих движение философской мысли с начала XX века. Первоначально поворот как тектонический сдвиг мысли сближался со смыслом движения назад, характерным для рефлексии, и принимал форму возвращения к истокам. В.В. Савчук устанавливает в качестве отправной точки истории поворотов призывы, сменяющие друг друга

в философии Нового времени: «назад к природе», «назад к Канту», «к Фрейду», «к самим вещам», «к досократикам», «в до-миф»⁵⁰⁶. В XX веке трансформировалось направление поворотов, изменился их угол – изначальный в 180° означал обращение к тому, что было за спиной. Угол поворота сократился, он смог стать условным разворотом «направо» или «налево» (что имело вполне политизированную дискурсивную основу в контексте противостояния неомарксизма и «буржуазной» философии), сохраняя свою радикальность за счет устремления к новым горизонтам. Последние всплывали все чаще по мере развития междисциплинарности неклассической рациональности, когда синтез автономных исследовательских областей регулярно оборачивался прорывом в неведомое.

Интерес к механике поворота предполагает обращение к его компонентам и условиям. П.И. Чубарь выделяет три ключевых момента, характеризующие философский поворот – 1) изменение стиля и характера мышления человека определенной эпохи; 2) социокультурные перемены; 3) внутреннюю логику развития самой философии⁵⁰⁷. Это значит, что поворот философии возможен тогда, когда массы начинают думать иначе, поскольку повысился уровень типового образования, получила тотальное распространение та или иная религия или идеология, катастрофические события привели к переоценке ценностей – XX век знает не мало обстоятельств такого рода; изменился образ жизни людей, например, усилилась миграционные или урбанистические тенденции; сама философия «доросла» до появления новых концептов, усовершенствовала свою оптику, откалибровав старую или соорудив новые методологические «гаджеты». С точки зрения «хореографии» тактов поворота уникален именно медиальный поворот, поскольку он опирается не только на идеально-духовные основания,

⁵⁰⁶ Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. №1(10). С. 93.

⁵⁰⁷ Чубарь П.И. Визуальный и медиальный повороты сквозь призму осмысления современной культуры // Молодежный вестник Санкт-петербургского государственного института культуры. 2016. №1 (5). С. 5.

но на новую технику, технику медиа. В этом качестве он является магистральной линией, к которой «присоединяются» все остальные современные повороты – игровой, мемориальный, иконический.

Действительно, лингвистический, теологический или нарративный повороты являются идеологическими в своей природе. Необходимый для них сдвиг парадигм крайне слабо детерминирован научно-техническим прогрессом. Как известно, история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее, допустимо предположить, что близкие к этим поворотам концептуальные процессы и тенденции можно обнаружить на протяжении всей истории философской мысли. Что же до медиального поворота, то он вызван к жизни именно «коммуникационным взрывом» (М. Маклюэн) медиатехнологий, перекроившим экономическую, политическую, социальную и культурные сферы общества к концу XX века. Именно благодаря синхронизации с медиальным поворотом мемориальный бум (именно так называли в конце XX века рост интереса к общегуманитарным исследованиям памяти) перерастает формат типовой актуальной темы и становится собственно поворотом благодаря универсальным цифровым мнемоническим технологиям, используемым населением планеты повсеместно.

Медиальный поворот опирается на экспоненциальный рост цифровых сетей, впитывающий в себя результаты поворотов электронной и экранной культуры. Субъекты, интерпретируемые в специальном языке медиафилософии с точки зрения их «тела», как бы растворяются в непрерывном потоке сообщения. Понимание любого современного социального феномена, управление им и его производство требует знания его коммуникационного контекста, установления его репрезентаций и способов их передачи. Именно поэтому, если допускать элемент гиперболы, чтобы присвоить чужую личность, сегодня достаточно украсть смартфон и получить беспрепятственный доступ к его данным.

Содержание медиального поворота наиболее последовательно раскрыто в работах В.В. Савчука, опирающегося, в том числе, на идеи Стефана

Мюнкера и Райнхарда Марграйтера, позволяющие зафиксировать единство методологического и технологического в социально-онтологическом медиаанализе. Медиальный поворот есть онтологическое свидетельство изменения реальности, благодаря которому бытие и медиальность отождествляются и взаимозаменяются, растворяясь в друг друга⁵⁰⁸; он означает особую чувствительность к влиянию медиа на человека и способность это влияние устанавливать, опираясь на сами медиа. Показывая, что «все есть медиа», исследователь выводит формулу «имей образ, слова и вещи придут», позволяющую обнажить ведущую роль медиа в формировании реальности: «совокупность посредников создает действительность: воспринятая, помысленная и концептуально выраженная, она открывается тому, кто рефлексивно подходит к условиям ее производства и репрезентации»⁵⁰⁹. Новые медиа порождают своим галлюцинаторным мерцанием (Ж. Бодрийяр) новую медиареальность, в которой зарождается новая конфигурация субъекта, чьей отличительной чертой выступает децентрация, возведенная в абсолют, и потому превратившаяся во всеприсутствие⁵¹⁰. Погружаясь в сеть вниманием, сознанием, телом, достраивая и расширяя мир дополненной реальностью, человек получает не со-бытие, но соучастие во всем и со всеми как новый способ существования. Медиальный поворот, таким образом, выявляет связи там, где прежде видели только границы, и эти связи – результат социализации медиа.

Что означает медиальный поворот для права? Попыткой (весьма оригинальной и многообещающей с точки зрения эвристичности) ответа на этот вопрос является диссертационное исследование В.В. Архипова «Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация»⁵¹¹. В нем медиальный поворот (включающий в себя

⁵⁰⁸ Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века... С. 105.

⁵⁰⁹ Там же. С. 103.

⁵¹⁰ Савчук В.В. Философия эпохи новых медиа // Вопросы философии. 2012. №10. С. 37.

⁵¹¹ Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дисс. ... д. юрид. наук. СПб., 2019. 757 с.

цифровой и игровой повороты как составные элементы) показан как специфическая социокультурная ситуация, в отношении которой верно утверждение о том, что «до медиального поворота медиареальность была объектом права, но сейчас происходит осмысление того, что право действует в медиареальности и само выступает в качестве ее объекта»⁵¹². Задача самого исследования при этом позиционируется как стремление дать «юридическую оценку медиальному повороту»⁵¹³. Автор стремится обнаружить разумные границы осмысленной правовой коммуникации в социальной реальности, включающей теперь самые разные по целям и способам интеракций пересекающиеся формы медиaprостранства, где техническое и социальное качество симуляции настолько неоднородно, что далеко не все возникающие в их рамках общественные отношения в принципе могут регулироваться правом. Как показывает В.В. Архипов, «включение симулякров медиaprостранства в область правового представляет собой специальный случай именно абсурдности, а не бессмысленности, в применении и толковании права. В данном случае абсурд отражает фундаментальное противоречие здравому смыслу как имплицитной рациональности права. Такое противоречие выражается в применении «реального» и «серьезного» права к замкнутому игровому симулякру, в том числе, виртуальной реальности, именно в том особом аспекте, который не предполагает последствий ... для социальной реальности повседневности, а потому не имеет интересубъективной социальной значимости»⁵¹⁴. Выдвигая критерии реальности и серьезности для проверки атрибуции к правовому «контенту» магического круга, под которым подразумевается замена искусственной компьютерной реальностью офлайновых законов и правил, автор тем самым вносит свой вклад в демаркацию правового и социального в цифровом обществе, одновременно показывая его новую, технически опосредованную

⁵¹² Там же. С. 139.

⁵¹³ Там же. 137.

⁵¹⁴ Там же. С. 51-52.

многомерность. Последнюю он связывает с распространением феномена «новых медиа», описываемых на основе выделенных Л. Мановичем принципов их организации (бытование в форме числовых репрезентаций, фрактальность, автоматизация, вариативность, транскодирование)⁵¹⁵. Эти характеристики привели к тому, что медиа перестали быть автономным институциональным миром, но буквально растворились в ткани социального, обеспечивая ее, так сказать, адгезию и когезию⁵¹⁶.

Именно поэтому цифровые медиа стали основой современного технологического уклада. Цифровая коммуникационная революция меняет экономические, политические, культурные ландшафты, перекраивает повседневность, вызывает к жизни новые этические системы. Перед нами новый этап социального развития, в котором общество приобретает специфическую конфигурацию как статики, так и динамики⁵¹⁷.

Осмысление этой конфигурации очень быстро привело к появлению медиафилософии. Как показывает Л. Виниг, еще на рубеже тысячелетий отсутствовало единое понимание назначения медиафилософии⁵¹⁸. Сегодня задачей медиафилософии становится разработка адекватного новым вызовам категориального аппарата, составляющего основу новой исследовательской методологии, чувствительной к цифровым реалиям. В ее основании лежат основные тенденции исследования цифровых технологий, универсализация и обобщение которых может составить философский базис понимания новых медиа. Кратко охарактеризовать их можно следующим образом.

Во-первых, определенная «социализация» теорий искусственного интеллекта, предполагающая интерес к проектированию стратегий

⁵¹⁵ Manovich L. *The Language of New Media*. London: MIT Press: Cambridge, Massachusetts, 2001. 202 p.

⁵¹⁶ В химии адгезия – это прилипание поверхностей разнородных тел, характерное в том числе и для склеивания, а когезия – сила, удерживающая молекулы тела вместе и обеспечивающая его способность противостоять внешнему воздействию, используя метафорическое значение химического понятия «когезия» им стали обозначать внутреннюю сплоченность социальной группы в психологии и смысловую связность текста или предложения в лингвистике.

⁵¹⁷ Тихонова С.В. Интернет в предметном поле юридической науки: проблемы теории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 3-1. С. 352.

⁵¹⁸ Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?» // http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (Дата обращения 31.01.2022).

взаимодействия машины (под которой чаще всего понимается программное и аппаратное воплощение математической модели нейросетей) и человека.

Во-вторых, новое понимание взаимодействия науки, технологий и общества (последнее поколение “STS”, science-technology-society). Латурнианская программа акторно-сетевой теории позволила рассматривать научные практики как сети, объединяющие людей и объекты, и учитывать значение алгоритмов и артефактов для приращения научного знания. Внимание к материальным (медиальным по характеру) основам научной эпистемологии открывает новые перспективы в понимании сущности научной экспертизы, социальной ответственности ученых и связи науки и общества через практики гражданской науки.

В-третьих, развитие теории медиатизации. Представители этой теории пытаются выдвинуть качественные оценки влияния медиа на социальную жизнь. Одна из наиболее удачных ее линий в социальной теории – попытка пересмотра социального конструктивизма Бергера и Лукмана на основе учета вклада медиа в конструирование социальной реальности, осуществленная Н. Коулдри и А. Хеппом⁵¹⁹. Выяснение роли медиа в повседневном intersubъективном мире позволяет понять, как медиа трансформируют социальные тела, меняют темпоральность и пространственные структуры социального мира.

В-четвертых, институционализация теорий цифрового общества. Нарботанные теорией информационного общества данные о трансформации государственного и социального управления посредством интернет-коммуникации переходят в цифровую фазу⁵²⁰, когда в фокусе внимания исследователей оказываются конкретные платформы и сервисы, используемые для государственного строительства, различным способом

⁵¹⁹ Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*, Cambridge: Polity Press, 2016.

⁵²⁰ Тихонова С.В. Коммуникационное пространство как объект правовой политики: Теоретические проблемы формирования пространственного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, № 2-2. С. 441.

развивающие родовые характеристики интернет-сетей (М. Кастельс, Г. Рейнгольд) в форматах, адаптированных к новым медиа⁵²¹.

В-пятых, развитие цифровой антропологии. Исследования этого блока направлены на выяснения перспектив и возможностей трансформации человеческой природы под влиянием распространения практик самоулучшения человека.

Для отдельных направлений медиафилософии характерно использование плоских онтологий, однако нельзя утверждать, что их применение является необходимым для реконструкции концепции медиального поворота и, тем более, использования ее в правовом дискурсе. Примером может быть указанная ранее концепция В.В. Архипова, ориентированная на поиск «реальных» и, в известной мере, иерархичных ценностей, как антитезы симулякрам цифрового пространства.

Все эти тренды могут быть систематизированы через соотношение с основными разделами философского знания (в этом случае несколько изменится порядок перечисления), но их появление и развитие нелинейно и неоднородно. Их осмысление позволяет медиафилософии выйти за рамки констатации медиального поворота и перейти к качественному философскому анализу цифровой эпохи. Возможно, работа в данном направлении приведет институциональной трансформации самой медиафилософии, изменению ее теоретического статуса в системе разделов философского знания. Этот вопрос лежит за рамками данного исследования. В его контексте гораздо важнее то обстоятельство, что философия права, как и любая другая самостоятельная область философии, не может и не должна прямо воспроизводить тенденции медиафилософии, поскольку она имеет дело с изучаемыми медиафилософией процессами в рамках своего предмета и сквозь призму собственной методологии. Поэтому коммуникативная теория права не может просто

⁵²¹ Тихонова С.В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: "Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг." // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, № 4. DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457. С. 454.

«подхватить флаг» у медиафилософии, четко реализуя обозначенные тенденции, что не означает при этом отказа от поиска в контексте выдвигаемых медиафилософии острых проблем.

Первый рубеж такого поиска – теоретический контакт с новыми медиафеноменами в рамках своей предметной области, такой опыт и представлен в диссертации В.В. Архипова. Менее экзотическими, нежели симулятивные миры компьютерных игр, на этом теоретическом фронте являются процессы общей цифровизации юридических технологий, приводящие к появлению новых исследовательских объектов по смысловой оси взаимодействия «государство-личность». Они достаточно хороши исследованы за последнее десятилетие⁵²², и, хотя теоретические разработки такого рода прямо не укладываются в структуру коммуникативной теории права, они могут быть отнесены к правовой коммуникативистике как примыкающему к коммуникативной теории права междисциплинарному направлению, реализуемого в науках разных отраслей права.

Схематично содержание этого направления можно представить следующим образом. Современный этап развития информационного общества, вызванный информатизацией публичной сферы, представлен интенсивными процессами юридизации информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В перспективе их развития основой правотворчества и правоприменения становится электронный документ, предполагающий новые процедуры создания, расширяющие доступ к участию в его производстве⁵²³.

⁵²² Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2003. 22 с.; Тедеев А.А. Предмет информационного права в условиях Интернета // Информационное право. 2006. №3. С.3-6; Богдановская И.Ю: Концепция «электронного государства» (сравнительно-правовые аспекты) // Четвертая конференция «Право и интернет: теория и практика». М., 2009. URL: http://www.parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=346. (Дата обращения 12.08.2022); Федосеева (Телешина) Н.Н. Контроль виртуального пространства как направление деятельности российского государства. Муром: Издательско-полиграфический центр МИ ВлГУ, 2010. 205 с.; Андрищенко Е.С. Интернет-отношения: Понятие и классификация // Вестник СГАП. 2010. №3. С. 150-154; Васькова М.Г. Проблемы построения электронного государства: теоретические аспекты // Социально-экономические явления и процессы. 2010. №3. С.278-280; Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 6 -10.

⁵²³ Тихонова С.В. Теоретические основы коммуникационной правовой политики в Интернете // Философия права. 2013. № 3(58). С. 98.

Доминирование электронных документов в системе законодательства является новым рубежом в развитии электронного государства, определяемого как совокупность сетевых сервисов по предоставлению публичных услуг и правовой информации в онлайн-режиме⁵²⁴, а также электронных платформ, обеспечивающих деятельность базовых ветвей государственной власти. Сразу отметим, что в этом контексте, связанном с изменением инструментария юридической практики как части правовой культуры и правовой системы речь идет, образно говоря, не о замене одного стержня в шариковой ручке на другой, а о замене самой ручки, причем вместе с бумагой, на совершенно иной способ осуществления информационных процессов.

В настоящее время эволюция информационного общества трактуется как экспансия ИКТ в публичную сферу. Логика этого процесса такова. В 90-е гг. XX века начался коммуникационный бум, связанный с бурным развитием и распространением Интернета. Цифровое неравенство потребовало существенных сглаживающих мер от правительств самых разных стран. Высокими темпами шло формирование технической инфраструктуры информационного общества, неуклонно росло число интернет-пользователей. Сетевая электронная коммуникация с ее оперативностью, простотой и равенством участников рутинизировалась, на ее основе формировались социальные ожидания и коммуникативные обычаи, значительная часть которых еще не изучена. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо: на протяжении более чем десятилетия (или двух, в зависимости от юрисдикции) использования Интернета до того, как отношения им опосредованные стали непосредственным объектом регулирования со стороны государственно-организованного права, эти отношения складывались и успешно реализовывались на началах правового обычая и договора – хотя и в той изолированной части правовой реальности, которая Интернетом была охвачена. Контраст между взаимодействием в киберпространстве и

⁵²⁴ Тихонова С.В. Теоретические основания концепции "электронного государства" // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 29.

традиционными бюрократическими институтами, действующими в публичной сфере, усложнял взаимоотношения между государственными структурами и индивидами, снижая эффективность государственного управления⁵²⁵. Стало очевидно, что информационное общество не может не затрагивать сферу политики и права, встал вопрос о содержании этих изменений.

Во-первых, этот процесс начался включения в проблематику информационного общества политических, а затем и правовых процессов и явлений⁵²⁶. В публичной сфере интернета проектируется, реализуются, обсуждаются и корректируются отношения власти и граждан. Иначе говоря, в киберпространстве представлен как публичный дискурс по актуальной повестке дня, так и взаимодействия по разрешению насущных проблем.

Во-вторых, модернизация институционального взаимодействия государства, граждан и их объединений, привела к переосмыслению государственных функций и коммуникаций. Сначала в Европейском союзе, а за ним и в других странах, сферу социальной активности государства стали трактовать как систему служб общего значения. Понятие публичной (государственной) услуги возможно только тогда, когда имплицитно речь идет о социальной миссии государства, реализуемой в «человекоориентированном» ключе. К XXI веку важнейшими характеристиками качества государственных услуг стали широта доступа, оперативность и прозрачность предоставления, т.е. такие свойства, которые не могут быть обеспечены классической бюрократией, но легко достигаются в условиях киберсферы.

Итогом обозначенных процессов стало смещение дискурса доктрины информационного общества от констатации возрастания роли информации в

⁵²⁵ Тихонова С.В. Эволюция конституционного правового государства в информационном обществе: электронное государство // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2(109). С. 69-70.

⁵²⁶ Тихонова С.В. Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 31.

развитии экономики в плоскость артикуляции проблем формирования специфических публичных и государственных сервисов на основе конкретных технологических платформ. По меткому замечанию А.В. Андреева, «современное государство стремится решать все меньше проблем, используя традиционные ресурсы управления, и все чаще вынуждено прибегать к «гибким стратегиям». Государство в конце XX века действует в сетях внутрисоциальных и транснациональных взаимоотношений»⁵²⁷. Новые возможности самоорганизации, которые дает сеть, государство учится направлять и контролировать. ИКТ становятся неотъемлемым средством решения правовых задач⁵²⁸.

Однако такой контакт права и ИКТ не может оставить нейтральными сами технологии. Не только юридическая практика меняется под влиянием информатизации. Сами технологии адаптируются к решению юридических задач, их создание и применение задается правовыми нормами. В итоге информационно-коммуникационная технология приобретает черты юридической технологии, подчиняясь содержательным и процессуальным требованиям, вытекающим из сущности права. Данная мысль осознается не только теоретиками права, но и теоретиками в области правовых проблем информационно-телекоммуникационных технологий. Так, например, идея о том, что архитектура сетей является разновидностью социального, если не правового, регулирования, была сформулирована еще Л. Лессигом⁵²⁹ в начале 1990-х гг.

В юридической науке понятия техники и технологии используются давно. Классической категорией является понятие «юридическая техника», раскрываемое как система приемов, способов, средств, правил подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования компетентными органами наиболее

⁵²⁷ Андреев А.В. Глобализация, информационные технологии и формирование «глобального сетевого общества» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1(49). С.58.

⁵²⁸ Тихонова С.В. Теоретические проблемы специализации правовой политики в информационной сфере // Информационное право. 2015. № 2. С. 15.

⁵²⁹ См.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. Iss. 13. P. 501-549.

совершенных по форме, структуре, содержанию и изложению нормативно-правовых, правоприменительных и интерпретационных актов. Юридическая технология как термин вошла в научный оборот относительно недавно⁵³⁰, сначала как видовое по отношению к юридической технике понятие, позднее – как родовое. Родовидовые отношения рассматриваемых терминов могут выстраиваться по-разному – в зависимости от применяемых исследователем определений и используемой методологической традиции. Однако все используемые подходы демонстрируют усеченное понимание техники и технологии, акцентирующий такой аспект техносферы как орудия умственного труда и алгоритмы интеллектуальной деятельности. В таком методологическом ключе юридическая технология (включающая юридическую технику) является видом социальной технологии, т.е. «совокупности приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и развития, решения разного рода социальных проблем»⁵³¹. В этом случае семантическим ядром методологической интерпретации является текст нормативно-правового акта, логико-лингвистические процедуры создания, толкования и применения которого и составляют содержание юридических технологий. Однако перевод текста в электронную форму означает включение в эти процедуры ЭВМ и основанных на ее использовании информационно-компьютерных технологий⁵³². В XXI веке юридическая практика без применения ИКТ не осуществляется, а сами ИКТ специально проектируются для решения юридических задач таким образом, что ни для каких других целей конечный продукт не пригоден. Иначе говоря, такая сетевая «компьютеризация» юридических технологий является результатом взаимодействия новых информационных технологий и права, что

⁵³⁰ Иванец Г.И. Законодательные технологии: постановка проблемы // Право и политика. 2001. № 2. С. 149.

⁵³¹ Энциклопедия социологии. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4220> (Дата обращения 15.01.2023).

⁵³² Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза // Информационное право. 2014. № 6. С. 7.

«свидетельствует о том, что наступает новая эра правового регулирования, особо остро нуждающаяся на данной стадии в самой идеологии регулирования нового и по-новому⁵³³.

Повсеместное использование интернет-технологий для установления и поддержания общественных отношений привело к изменению юридической практики и сделало очевидной определенную трансформацию права и государства. Появились основания для трактовки электронного государства (и как совокупность цифровых платформ взаимодействия с гражданами, и как приближающей к организационному единству системы цифровизированного правотворчества и правоприменения) как нового этап в развитии социально-правового государства⁵³⁴, в рамках которого реализация социальной миссии государства предполагает использование на правовых началах технологического развития киберсферы.

С точки зрения, например, российской коммуникативной теории права А.В. Полякова все эти процессы относятся не к правовой коммуникации (неразрывно связанной с взаимодействием субъектов, основанном на осознании ими наличия друг у друга правомочий и корреспондирующих им обязанностей и взаимном признании их и друг друга), а к коммуникации о праве. Во всяком случае, до тех пор, пока стабильным является само понимание прав человека. Как показывают работы Н.В. Варламовой⁵³⁵, процессы признания цифровых прав пока не приводят к полноценному появлению нового поколения прав человека. По мнению автора, «цифровизация социальной жизни не приводит к появлению новых прав человека принципиально иной юридической природы. Она «просто»

⁵³³ Гавриленко И.В. Процессуальное право в информационном обществе: общие тенденции и перспективы развития: автореф. дисс ... канд-та юрид. наук. Самара, 2009.- 24 с. С.6.

⁵³⁴ Тихонова С.В. Ветви власти в электронном государстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3(92). – С. 16.

⁵³⁵ Варламова Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 9-46. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova.; Она же. Цифровые права - новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 141-167. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-5-varlamova.

актуализирует или нивелирует определенные аспекты давно признаваемых прав, переносит их осуществление в «цифровое поле» (англ. “digital field”), создает новые возможности для их реализации и порождает новые угрозы им»⁵³⁶. Тем не менее, данный анализ опирается на формат интернета web 2.0, опорой которого продолжает оставаться гипертекст. Если, допустим, интернет-развитие пойдет по пути наращивания дополненной и виртуальной реальности (а именно она составляет материальное содержание «магического круга» в интерпретации В.В. Архипова) и, тем более, через создание нейросимуляций, природа цифровых прав однозначно изменится.

Более серьезной проблемой становится то обстоятельство, что перед философией права сейчас остро стоит вопрос о возможности «улучшения человеческой природы» с использованием, в том числе, цифровых технологий. В коммуникативной теории права коммуникативное равенство субъектов является основой правового признания. Более того, А.В. Поляков прямо обосновывает правовое признание современной теорией генно-культурной коэволюции, показывая, что «процесс эволюционного развития человеческого общества был связан с формированием таких приспособительных и защитных механизмов, которые необходимы для адаптации к внешним условиям и для выживания в изменяющейся среде. К ним относят и моральную интуицию, и моральную грамматику, которая в своей основе содержит и грамматику правовую, по смыслу близкую к тому, что Л.И. Петражицкий называл аксиомами интуитивного права»⁵³⁷. В этом случае природа человека рассматривается как однородная сущность, но как расценивать возможные посягательства на данный тезис? В современном мире, например, рассматривается возможность частичной интеграции человеческого тела и новых цифровых устройств, которые одновременно будут частью

⁵³⁶ Варламова Н.В. Цифровые права - новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 162.

⁵³⁷ Поляков А.В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. № 12. DOI 10.52433/01316761_2022_12_30. С. 37.

человеческого тела и инструментом коммуникации⁵³⁸. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет о какой-либо произвольной «киборгизации» – к этой области ведь относятся, например, современные технологические способы компенсации утраченных функций для людей с ограниченными возможностями, например, в области зрения. В этом отношении известный пример был продемонстрирован при производстве бионических протезов, приближающимся к принципу прямого интерфейса мозг – внешнее техническое устройство; известен эксперимент по «сенсорной телепатии» проф. К. Уорвинга (Университет Рединга, Англии), внедрившему принимающий внешние электронные сигналы чип в свою нервную систему. Таким же устройством он «оснастил» свою жену, и объединил их обоих через компьютер, после чего действия жены муж воспринимал как собственные⁵³⁹. Однако менее привлекательными для прессы и, соответственно, обладающими меньшим общественным резонансом, являются фармакологические практики, используемые для повышений когнитивных способностей (например, многие западные студенты во время экзаменов принимают определенный препарат, имеющий признаки наркотического средства⁵⁴⁰). С отвлеченной научной точки зрения, фармакологическое воздействие технически применимо и для снижения агрессии, и вообще, для подавления/усиления различных аспектов того, что составляет единство психологических сил человеческой личности. С некоторых точек зрения именно это лежит в основе современных представлений о человеческой природе⁵⁴¹. Таким образом, по одной или другой причине намечается неоднозначность применения понятия субъект, используемого коммуникативной теорией права.

⁵³⁸ См.: Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // *Lex Russica (Русский закон)*. 2014. Т. 96, № 2. С. 143-152.

⁵³⁹ Warwick K., Gasson M., Hutt B., Goodhew I., Kyberd P., Schulzrinne H., Wu X. Thought communication and control: a first step using radiotelegraphy // *IEEE Proceedings – Communications*. 2004. V. 151. Is. 3, June, p. 185 – 189. DOI: 10.1049/ip-com:20040409.

⁵⁴⁰ Battleday R.M., Brem A.-K., Modafinil for cognitive neuroenhancement in healthy non-sleep-deprived subjects: A systematic review // *European Neuropsychopharmacology*. 2015. Vol. 25. No. 11. P. 1865-1881. <https://doi.org/10.1016/j.euroneuro.2015.07.028>.

⁵⁴¹ Тихонова С.В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна // *Вопросы философии*. 2021. №10. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-29-39>. С. 37.

Категория субъекта проблематизируется не только указанной направленностью суждений. Вызовом для нее является и объектно-ориентированная онтология. К этому, впрочем, весьма неоднородному, направлению современной философии относятся концепции, пересматривающие онтологический статус объекта.⁵⁴² Часто для их обозначения используется термин «онтологический поворот». Как показывает Т. Керимов, к ним относятся корпус «исследований, независимых друг от друга и тем не менее, по крайней мере частично, параллельных, связанных с акторно-сетевой теорией, новым материализмом, концепциями со-производства, теорией сборки, агентным реализмом, критическим реализмом»⁵⁴³. Справедливо утверждение А.А. Писарева об уникальности новых онтологий: с их позиций «существовать можно только в одном смысле, и существование приписывается всему без исключения – от физических сущностей до фикциональных и идеальных объектов»⁵⁴⁴. Поэтому объектно-ориентированные онтологии оперируют категорией «плоскость», чтобы показать отсутствие иерархии для бытийствующих объектов (а классическая субъект-объектная дихотомия всегда вертикальна), их «демократическую онтологию», не знающую ни верхнего, ни нижнего предела, ни середины. С этой точки зрения, разнородность физических, социальных, идеальных объектов представляет собой данность и не предполагает какие-либо высшие (и трансцендентные, и трансцендентальные) инстанции как точки их соподчинения, поэтому такие онтологии позиционируются как плоские или приближаются к плоскости.

Для коммуникативной теории права этот поворот не является неожиданным и внезапным, во всяком случае, для ее западных версий, поскольку уже лумановская интерпретация права через аутопойезис

⁵⁴² См.: Павлов А. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–36.

⁵⁴³ Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. doi: 10.17323/1728-192x-2022-1-109-130. С. 110.

⁵⁴⁴ Писарев А.А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2020. №1. С. 144-157.

представляет собой проект бессубъектной методологии, в которой нет коммуникантов, а коммуницирует сама коммуникация. Подчеркнем, что именно здесь и становится заметным одно из принципиальных различий: данная «бессубъектность» отличает западную коммуникативную концепцию права от отечественной по существу.

Критическое осмысление данного различия требует изучения концепции «плоских онтологий» характерных для современной континентальной европейской мысли. Анализ различий в уже разработанных плоских онтологиях занял бы слишком большой объем текста, поэтому имеет смысл остановиться только на латурнианской акторно-сетевой методологии, которая может быть рассмотрена как проект перехода к объектно-ориентированной онтологии. Она позволяет удерживать внимание как на специфике человека, ранее фиксируемой концептом субъекта, и на новой активности артефактов в цифровом пространстве. Латурнианская онтология фокусируется на нечеловеческих объектах, стремясь к достижениям философии массы. По замыслу ее представителей, ее задача – используя конструкт «актанта», вернуть в социальную теорию *«недостающую массу»*, нечеловеческую по своей природе. В статусе актанта она уравнивает людей и нечеловеческие объекты, образно говоря, инженеров и артефакты, но ее непросто поставить в один ряд с плоскими онтологиям. Сети Латура топологичны и многомерны (число измерений зависит от числа узлов), а актантом может быть все, что угодно.

Тем не менее, отметим в качестве принципиальной для включения творчества Латура в предметное поле объектно-ориентированных онтологий позицию Хармана, тезисно резюмирующего онтологию Латура: «мир сделан из акторов всех типов и размеров. Человеческий субъект или *Dasein* — акторы, но акторами являются также свечи, звезды, газеты, экспрессы и боги. Все, что так или иначе существует, является актором. Это не просто изолированные сгустки вещества — они ведут переговоры между собой в сетях. Актор неотделим от своих качеств и не “переживает приключения во времени и

пространстве»⁵⁴⁵. В этом прочтении онтология Латура является объектно-ориентированной, но у нее есть одна специфическая черта. А именно, из латурнианской онтологии никогда не уходит *человеческий свидетель*.

Харман акцентирует это обстоятельство: «Но говорит ли Латур о двух неодоушевленных акторах, взаимодействующих без участия человеческого свидетеля? Хотя в его работах можно найти ресурсы для такого анализа, я не припомню, чтобы он где-либо предпринимал его»⁵⁴⁶. Таким образом, Латур весьма активно встраивает человеческий голос в свою концепцию, но делает это на имплицитном уровне, чтобы не заглушать голос нечеловеческих объектов.

Несмотря на то, что главная задача Латура – дать голос не-человеческим объектам, исходя из того, что «различия между людьми и не-человеками, воплощенными и развоплощенными навыками, персонификацией и „механизацией“ являются менее интересными, чем вся цепочка, по которой распределяются компетенции и действия»⁵⁴⁷, люди в его онтологии вполне рельефны. Их атрибутами являются слабость, непрочность, недисциплинированность и неосторожность (которыми нечеловеки не грешат). И, главное отличие, вещи в латурнианской онтологии недостаточно самостоятельны, чтобы говорить. Именно поэтому они пока не пишут трактатов по философии права. Это занятие даже для Латура все еще предполагает в первую очередь *человеческую работу*⁵⁴⁸.

Тем не менее, в латурнианском анализе актанты обладают агентностью, они действуют, а их действие имеет, как минимум, социальные эффекты. Конечно, Латур говорит в первую очередь о таких вещах-актантах, как насосы, микробы, поезда. Но его акторно-сетевая теория очевидно обладает

⁵⁴⁵ Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3 (118). С. 22.

⁵⁴⁶ Там же. С. 24.

⁵⁴⁷ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (дата обращения 19.01.2021).

⁵⁴⁸ Тихонова С. В., Артамонов Д.С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. DOI 10.17223/1998863X/63/5. С. 46.

приложимостью к объектам, само существование которых прямо связано с медиальным поворотом и вызвано им. Речь идет о цифровых «квазиразумных» артефактах, созданных с применением технологий искусственного интеллекта. Этим обстоятельством и объясняется переход ученика Лумана, Г. Тойнбера, к позициям, близким к объектно-ориентированной онтологии. Он продолжает использовать постулаты лумановского аутопойезиса, дополненного дерридианской деконструкцией, лежащего в основе его концепции «социального конституционализма», приближая их к позициям акторно-сетевого анализа Б. Латура, чтобы исследовать поведение гибридных актантов искусственного интеллекта и связанные с ним правовые режимы⁵⁴⁹.

Как показывает К. Литвак, в последнее время массивные новые медиа-разработки трансформировали юридическую науку, приводя к доступности данных, быстрому распространению текущих исследований, новым коллаборациям, интернационализации исследований и факультетов, росту связи с другими дисциплинами⁵⁵⁰. Цифровизация самой правовой науки не может не затрагивать философию права и коммуникативную теорию права.

В то же время, представляется, что отечественная коммуникативная концепция права, которая на данный момент соотносит свои основы с принципом взаимного правового признания, не может считаться совместимой с объектно-ориентированной онтологией. Сам же принцип взаимного правового признания может занять свое органическое место в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Выводы:

Появление коммуникативной теории права детерминировано макросоциальными вызовами, ее дальнейшее развитие очевидно будет зависеть от них. Глобальный новый вызов, стоящий перед коммуникативной

⁵⁴⁹ Teubner G. Critical theory and legal autopoiesis: The case for societal constitutionalism (D. Göbel, Ed.). Manchester University Press, 2019. 408 p.; Beckers A., Teubner G. Three liability regimes for artificial intelligence: algorithmic actants, hybrids, crowds. Oxford ; New York: Hart, 2021. 208 p.

⁵⁵⁰ Litvak K. Blog as a bugged water cooler // Washington University Law Review. Vol.84. No. 5. P. 1061-1070.

теорией права в цифровую эпоху, связан с медиальным поворотом. И философско-правовые искания А.В. Полякова, и анализ правовой системы в Франкфуртской школе, опирались на методологические конструкты моделирования коммуникации в рамках теории массмедиа, ван Хук вводил в свою теорию сетевые понятия практически имплицитно, через концепт циркулярности. Медиальный поворот, технологический, а не идеологический по своей природе, концептуализирует тотальное проникновение цифровых медиа на все уровни социальной реальности, их способность опосредовать интеракции любых форм и видов социальной коммуникации. Виртуальное и цифровое перестало укладываться в традиционные представления о медиа как одном из объектов правового регулирования, состоящего из однородных общественных отношений. Практически все общественные отношения включают в себя сегодня опосредующий их цифровой элемент, поэтому медиа становятся ключевым условием бытия права. Основные направления медиального поворота концептуализируются в медиафилософии. Коммуникативная теория права предлагает свои ответы на повестку медиафилософии. Их обоснование началось с осмысления цифровизации юридических технологий, возникновения и развития электронного государства, развития современных технологий, в том числе искусственного интеллекта, включая «искусственный интеллект вещей» и креативные нейросети, приложимые в качестве инструмента-ассистента к любым творческим задачам. Этих обстоятельств достаточно для характеристики тех вызовов, с которыми сейчас сталкивается коммуникативная концепция права.

Рассмотренное приближение философии и теории права к проблематике медиафилософии демонстрирует чувствительность первой к новым мутациям методологического понимания категорий субъекта и объекта и взаимодействия между ними. В отличие от бессубъектных западных концепций коммуникативная теория А.В. Полякова, центрированная на субъекте, наделенном свободой и ответственностью, а в целом – имеющий способность к взаимному правовому признанию, позволяет согласовать

аксиологическое наследие, актуализированное мемориальным поворотом, с современной цифровой эпохой.

Возможно, мы приближаемся к формированию нового, цифрового, типа научной рациональности. Но пока этот рубеж не определен, есть время сосредоточиться на методологических процессах, характерных для теории права и обусловленных медиальным поворотом. Правовые ассистенты и боты, использование технологий нейросетей в юридической квалификации – это уже не дело завтрашнего дня, а практически сегодняшняя реальность. И уже сейчас доктринальная разработка любого правопонимания испытывает влияние со стороны общей цифровизации науки. Материальная составляющая этого процесса концептуализируется в рамках последнего поколения “STS” и цифровой методологии науки, тогда как сопровождающие ее методологические тенденции прямо затрагивают развитие коммуникативной теории права в контексте медиального поворота.

§ 4.2. Переход к медиальному повороту: открытый концептуальный натурализм Дж. Финниса

Медиальный поворот не только приводит к появлению новых исследовательских объектов и тематических направлений в философии права. Он ускоряет процессы методологического синтеза и прогресс коммуникативных, диалогичных методологических стратегий, реализуемых в ее рамках. Исследование этого процесса осложняется тем, что он происходит как бы на заднем, не заметном для «зрителя» плане, тогда как на переднем плане располагается внешнее выражение идей авторов в их научных трудах, публично доступной полемике и т.п. Однозначная фиксация этого процесса невозможна без учета массивных биографических данных, показывающего степень включенности каждого исследователя в процессы научной коммуникации, относящиеся к классическим формам культуры печатной книги или к формам электронным. В этом случае продуктивным может оказаться поиск рубежа, водораздела, позволяющего наметить линию демаркации между разными теоретическими конструкциями с точки зрения их принадлежности к разным социально-технологическим контекстам. Конечно, электронная коммуникационная революция не произошла в один миг, ее углубление связано как с появлением ЭВМ в целом, информационно-телекоммуникационных сетей, персональных компьютеров, так и с политикой национальных государств, а равно теми направлениями международной политики, которые обеспечивали внедрение компьютерно-цифровых технологий в различные сферы экономики и общественной жизни. Ее начало можно отнести к середине XX в., а исчерпание ее потенциала, позволяющее фиксировать финальную точку, пока еще является делом будущего. Тем не менее, исходя из задач данного исследования, начало медиального поворота можно условно отнести к началу 1980-х гг., по принципу периодизации теории коммуникации на классическую и современную.

Последними теоретическими работами, трактующими системы массовой информации как основные для обществ XX века, считаются исследования Д. Маккуэйла. В 1982 с С. Виндалем он публикует работу «Модели коммуникации», представляющую собой попытку систематизации теорий массовой коммуникации, а его единоличная книга «Теория массовой коммуникации», вышедшая в 1983 г. уже включает в себя теорию информационного общества⁵⁵¹. К концу 1980-х большинство исследователей массовой культуры переходят к изучению электронной коммуникации, начиная с коммерческого кабельного телевидения (в отличие от государственного вещательного ТВ оно было сегментировано и распространяло контент, опираясь на обратную связь с абонентами), и, далее, прямо к Интернету. До медиального поворота научная коммуникация концентрировалась в печатных и устных формах, в первой доминировала периодика естествознания, опирающаяся на международные экспертные сети, и жанр монографии в гуманитарных науках, вторая реализовывалась в научных форумах и «кулуарах»⁵⁵². Медиальный поворот таким образом значительно расширил промежуточную зону неформальной коммуникации, ускорив темпы научного обсуждения и кристаллизации научных положений⁵⁵³.

Данная реконструкция хронологии позволяет по-новому рассмотреть современные теории естественного права, переходящие в последней трети XX века в фазу «концептуального натурализма», в рамках которого «естественное право осмысливается в виде имманентной и фундаментальной характеристики позитивной правовой системы»⁵⁵⁴. Хотя данное утверждение может

⁵⁵¹ См.: McQuail D. Mass Communication Theory. 6th ed. London, Sage, 2010. 632 p.

⁵⁵² Подробнее см. Прайс Д.Дж де С. Тенденции в развитии научной коммуникации - прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке / под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 1993-110.

⁵⁵³ Тихонова С. В. Научная коммуникация: этос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. DOI 10.24411/2079-0910-2020-14009. С. 163-164.

⁵⁵⁴ Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // СХОЛН. 2014. №. 8. С. 419.

показаться спорным на первый взгляд, естественно-правовые теории были и остаются фундаментом коммуникативной теории права. Речь в данном случае идет о выдвинутом в их рамках постулате о том, что подлинное право вытекает из природы явлений, в частности из природы человека. В этом отношении наиболее показательна важная роль фундаментального трактата правоведа и философа Джона Финниса «Естественное право и естественные права» (1980)⁵⁵⁵.

Во-первых, Финнис активно интегрирует в классический юснатурализм современные для него достижения не только правовой, но и социально-политической мысли. Во-вторых, его понимание связи сообщества, общего блага и естественных прав, близкое к правовому плюрализму, используется в коммуникативных теориях права для обоснования правогенеза (например, М. ван Хук прямо опирается на финнисовское понятие общества как «как более широкое и гораздо более убедительное понятие общества в его связи с правом»⁵⁵⁶; встречаются отсылки к Финнису и у А.В. Полякова). Во многом процессы методологической коммуникации внутри коммуникативной теории права и современного юснатурализма конвергентны. В-третьих, прямое их взаимодействие может быть установлено через биографическую связь: и Дж. Финнис, и А.В. Поляков были связаны совместной работой над Российским ежегодником теории права, включавшей в себя и неформальные контакты, и научные дискуссии.

Неоднозначность термина «концептуальный натурализм» (А.Б. Дидикин) требует пояснений. С одной стороны, любая версия юснатурализма концептуальна, поскольку не обходится без базовых понятий. Попытка связать «концептуальность» с телеологичностью современных теорий юснатурализма⁵⁵⁷, их направленностью на роль естественного права в создании и поддержании общего блага нуждается в дополнительных

⁵⁵⁵ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. 554 с.

⁵⁵⁶ Хук ван М. Право как коммуникация. С. 46.

⁵⁵⁷ Дидикин А.Б. Формирование и развитие аналитической традиции в философии права XX века.: Автореф. дисс. ... д-р. филос. наук. Томск, 2016. С.25.

процедурах уточнения выдвигаемой терминологии. С другой, обращение к внутренней логике его обоснования связана с тем, что охарактеризовать его содержание очень сложно, если опираться на платформу классических стратегий систематизации и классификации правопонимания. Показательно, что исследователи, анализирующие в рамках истории политических и правовых учений проекты современного юснатурализма, с неизбежностью сталкиваются со сложностью их отнесения их к конкретному типу правопонимания. Например, если рассматривать проблемы осмысления творческого наследия отдельных ключевых авторов в данной области, А.В. Поляков, отмечая при этом даже приверженность Л. Фуллера технике аналитической философии, показывает, что «его правовое учение в большей мере соответствует интегральным представлениям о праве, чем естественно-правовому подходу. Ведь то, что Фуллер относит в своем учении к естественно-правовой традиции является важной, но лишь составной частью. Взятая же в своей целостности, его концепция, по нашему мнению, вполне соответствует коммуникативному варианту интегрального правопонимания»⁵⁵⁸. Л.В. Карнаушенко обозначает концепцию Дж. Финниса как «аксиологию права» и «метафизическую правовую теорию»⁵⁵⁹; при этом В.Ю. Перов и А.Д. Севастьянова подчеркивают, что хотя Финнис обращается к Фоме Аквинскому как к «классической традиции», он пытается построить естественно-правовую концепцию именно как внерелигиозную⁵⁶⁰. Ю.Ю. Ветютнев вынужден констатировать, что «не так легко определить принадлежность Р. Дворкина к какой-либо из классических школ правопонимания: отталкиваясь от юридического позитивизма в лице Бентама и Г.Л. Харта, он в то же время не примыкает к социологическому

⁵⁵⁸ Поляков А.В. Л.Л. Фуллер // Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. Ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. С. 478 - 479.

⁵⁵⁹ Карнаушенко Л.В. Теория естественного права Дж. Финниса как возрождение метафизики права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 158, 161.

⁵⁶⁰ Перов В.Ю., Севастьянова А.Д. Проблема морального содержания права в концепции Дж. Финниса // Конфликтология. 2018. № 13(3). С. 73.

направлению, хотя в некоторых отношениях близок к нему. Вероятно, вполне отнести Р. Дворкина к естественно-правовой концепции: фактически он отстаивает именно этот подход, признающий существование определенных прав индивида вне их формального государственного закрепления»⁵⁶¹. Приведенные оценки (перечень далеко не исчерпывающий) демонстрируют, вероятно, условную применимость используемых классических классификационных схем для постнеклассических методологических программ. Известны попытки радикального определения, например, концепции Р. Дворкина: С.Н. Касаткин приводит предложенный для нее Дж. Мэки «титул» третьей теории права, противоположной позитивизму и юснатурализму и в ряде отношений промежуточной между ними⁵⁶². Такой подход к классификации, безусловно, подчеркивает самобытность идей мыслителя, но, при переходе к обобщениям на основе большего числа концепций он неизбежно уходит в бесконечность натуральных чисел, что отмечает и сам С.Н. Касаткин: «Применение этих критериев порождает бесконечное множество «третьих», «четвертых», «пятых» и т. п. теорий»⁵⁶³.

В первом приближении надежным решением кажется отнесение таких концепций к интегративным теориям права. Безусловно, на их материале можно продемонстрировать процессы методологической интеграции, проблема в том, что интегративность теорий – слишком общий признак, опираясь на него, сложно маркировать степень, направление и качество интеграции, которая может проявляться в интенциях исследователя, в используемой им категориальной и методологической технике, в полученных результатах, наконец.

Разумеется, процедуры классификации позволяют использовать множество критериев, включая комплексные, не бывает единственно верных

⁵⁶¹ Ветютнев В.В. О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. 2005. №10 (106). С.132.

⁵⁶² Касаткин С.Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 98.

⁵⁶³ Там же. С. 104.

классификаций, рациональнее делить их на более и менее удачные. Все их возможное многообразие является неотъемлемой частью эвристического поиска сущностных черт классифицируемого объекта, даже если оно способно запутать исследователя. Ситуация, в которой одна классификация полностью отрицает другую, возникает крайне редко, как правило, они налагаются друг на друга, открывая перспективы дополнений и корректировки. В то же время, представляется целесообразным исходить из того, что для прояснения и корректировки термина «концептуальный натурализм» продуктивным может оказаться обращение к анализу методологических особенностей отнесенных к нему концепций.

Классические версии правопонимания, по крайней мере, рассмотренные на уровне абстрактных моделей их категорирования, концентрировались на конструировании права как теоретического объекта, разработка метода его познания для них была вторым этапом в разработке теории, метод прямо зависел от базовой дефиниции и традиции ее смыслового уточнения. Именно поэтому классификационные конструкции в духе «концептуального плюрализма»⁵⁶⁴ оказываются или перегруженными, или содержат пробелы в цепочке определения родовидовых отношений. При этом сам по себе плюрализм может отсылать как объединяемой множественности, так и хаотичной разобщенности, поэтому для его «концептуальности» значима установка на поиск целостности⁵⁶⁵.

Концепции, относимые к «концептуальному плюрализму», реализуют возрождение метафизики в праве, и представлены различными философско-правовыми проектами, характерными для различных правовых культур и их особенностей. Коль скоро данные авторы уже были упомянуты, рассмотрим в качестве их репрезентативных примеров концепции Л. Фуллера, Дж. Финниса

⁵⁶⁴ Термин предложен А.А. Ковалевым (см.: Ковалев А.А. Концептуальный плюрализм в зарубежной философии и социологии права: история и современность // Философия и культура. 2020. № 11. С. 27-43. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.11.33456.

⁵⁶⁵ Тихонова С.В. Открытый концептуальный натурализм: коммуникативные методологические проекты естественного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1(138). DOI 10.24412/2227-7315-2021-1-26-36. С. 28.

и Р. Дворкина. Каждая выступает оригинальной концепцией ревизионизма классического юснатурализма и отличается весьма специфической методологической особенностью, вызванной с их «встроенностью» в парадигму постклассической рациональности. Их задача – не «подобрать» подходящий метод к имеющемуся определению права, а сконструировать новый метод так, чтобы он позволил сформулировать новое определение права. Сначала метод, потом ключевое понятие, метод – путь к нему. При этом метод не конструируется с чистого листа, он формируется через коммуникацию с предыдущими методологическими проектами таким образом, что критика всегда включает в поле рефлексии критикуемый аргумент как идейный источник.

Особенно наглядно из числа представленных эту новую методологическую стратегию и можно рассмотреть в логике рассуждений Дж. Финниса в работе «Естественное право и естественные права»⁵⁶⁶. Выбор работы Финниса объясняется также тем, что с 1980 г., года выхода в свет его трактата, его работа явно была на переднем крае возрождения теории естественного права в конце XX века⁵⁶⁷.

Исходные посылки Финниса: а) существование в социальной жизни особых универсальных благ, которые могут обеспечивать только правовые институты, и б) наличие требований практической разумности, которым могут удовлетворять только правовые институты⁵⁶⁸. Цель трактата для него заключается в выявлении данных благ и требований и оценке того, как правовые институты их обеспечивают. В посылках Финниса распределяется правовое и социальное через новый теоретический конструкт, на котором и строится метод теоретика. Таким образом, буквально на первых страницах своей книги Финнис вводит понятие практической разумности (*practical*

⁵⁶⁶ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. 554 с.

⁵⁶⁷ Murphy M.C. Natural Law Theory // The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P.19

⁵⁶⁸ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. С. 19.

reasonableness), технический⁵⁶⁹ термин, необходимый ему для того, чтобы выйти из поля влияния разрыва между социальными и нормативными фактами. Под ней он понимает «разумность в принятии решений, усвоении убеждений, выборе и исполнении планов и вообще в действии»; «под термином «практический» здесь, как и по всей книге, я не имею в виду «пригодный» как антоним непригодному, эффективный как антоним неэффективному; я подразумеваю «нацеленный на принятие решения и на действие». Практическое мышление – это рассуждение о том, что (кому-либо) должно, или следует, делать»⁵⁷⁰. Практическую разумность Финнис выбирает в качестве практической точки зрения – ракурса, позволяющего «оценивать важность и значимость тех или иных сходств и различий в рамках предмета исследования, задавая себе вопрос о том, что могло бы считаться важным и значимым в этой сфере теми, чьи интересы, решения и деятельность порождают или составляют предмет исследования»⁵⁷¹. Так как предметом исследования в данном случае является право, очевидно, что для автора право – производная важных интересов, решений и деятельности конкретных субъектов, причем он осознает, что ему придется предложить не только критерии для оценки важности данных феноменов с помощью понятия «практическая разумность», но и очертить круг продуцирующих их субъектов.

Практическая разумность позволяет мыслителю оказаться там, где принципиально возможно если не отождествление, то совпадение социальных (моральных) и нормативных фактов, поскольку они едины в практической точке зрения, детерминирующей как теоретика права, так и участника правоотношения. Этот вывод Финнис обосновывает последовательной критикой позиций Харта и Раза, полярных в фиксации «практической точки зрения», служащей отправной точкой в анализе того, что является сходным и различным в разных правовых системах, а, стало быть, и составляет основу

⁵⁶⁹ Так это понятие характеризует В. Родригез-Бланко, его логическая характеристика будет представлена далее.

⁵⁷⁰ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. С. 29.

⁵⁷¹ Там же.

права. Если Харт, по крайней мере, в наиболее принципиальных случаях, опирается на «внутреннюю точку зрения» правоприменителя, то Раз в ранних работах использует точку зрения обычного человека, хотя в поздних переходит к внутренней правовой точке зрения (типичное мнение судьи). Финнис подчеркивает, что выбранные Хартом и Разом позиции не позволяют «отбраковать» точки зрения, паразитирующие на праве точно так же, как они могут паразитировать на морали, тогда как для порождения права в качестве социального порядка необходима «бескорыстная заинтересованность в благе других»⁵⁷². Так как практическая точка зрения распространяема на всех дееспособных людей, она принимает универсальное значение. Поскольку практическая разумность описывает универсальную позицию, она не является ни внешней, ни внутренней для права, поэтому Финнису нет необходимости отрицать либо социальный, либо нормативный подход, что он и делает: он признает их оба.

Что означает выбор позиции практической разумности? Во-первых, с методологической точки зрения она обеспечивает обретение рефлексивного равновесия дескриптивной теорией, баланса между описанием права и оценкой того, что составляет его смысл. Эта позиция у Финниса становится особенно ясной в свете применения аристотелевского приема выявления фокусного значения, благодаря которому рост дифференциации описания права не препятствует общему статусу самого описания, т.е. остается общей теорией права. Фокусное значение или центральный случай – это ситуация, когда признаки явления, описываемые теоретическим понятием, достигли максимальной степени развития. Периферийные случаи могут отличаться неразвитыми, примитивными и девиантными признаками; центральный случай не вытесняет периферийные случаи из поля анализа, но позволяет понять, где ослабляется действие общих закономерностей их развития. Центральный случай точки зрения на право не отрицает все многообразие

⁵⁷² Там же. С. 33.

точек зрения на право, он обнажает общие для них всех структуры, релевантные собственно праву.

Конструирование позиции практической разумности Финнисом В. Родригез-Бланко обозначает как «концептуальный аргумент». Концептуальный аргумент подкрепляется «функциональным аргументом», который можно свести к следующему.

Содержательно практическая разумность означает определения горизонтов человеческого выбора. Эти горизонты связаны с оценкой всего диапазона возможностей, необходимых для человеческого благосостояния. Финнис стремится концентрироваться не на моральных суждениях *per se*, а на их «оценочной подоснове»⁵⁷³, укорененной в опыте выбора как реализации в практическом выборе собственных склонностей, устремленных к (обще)человеческому благу. Принципы практической разумности не столько применяются, сколько «воплощаются», т.е. индивид не присваивает себе благо в акте выбора действия, а «приобщается» к нему. Такой способ формулирования аксиологии подчеркивает, что универсальное благо не нуждается в доказательстве, оно самоочевидно и в этом качестве как принцип «предполагается во всех доказательствах, и даже во всех серьезных утверждениях о чем бы то ни было, и может называться «объективным» на таком же основании, как и любое другое предложение, противоречащее которому неизбежно фальсифицируется самим актом его утверждения»⁵⁷⁴. Детализация общечеловеческого блага осуществляется Финнисом через констатацию и описание ее аспектов, которые он обозначает как семь «основных благ», способствующих полноценной жизни: 1) жизнь (стремление к самосохранению); 2) знание (как знание теоретическое); 3) игра (в смысле правильного распределения ролей в обществе); 4) эстетический опыт (способность понимать прекрасное); 5) общительность (дружба), 6) практическая разумность (стремление сделать свой разум более эффективным

⁵⁷³ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. С. 87.

⁵⁷⁴ Там же. С. 104.

в инструментальном плане); 7) религия (представление о происхождении космического порядка, человеческой свободы и разума)⁵⁷⁵. Выбор этих ценностей никак не обосновывается Финнисом, он считает, что они могут быть выдвинуты в качестве целей человеческих поступков потому, что «любая другая цель, которую вы или я можем признавать и преследовать, на поверку будет представлять или включать какой-то аспект (или аспекты) некоторых из них или же их всех»⁵⁷⁶. Действительно, переопределив, блага Финниса несложно соотнести с семью приоритетами человеческих потребностей Маслоу (более известными как «пирамида Маслоу», хотя сам Маслоу никогда не отображал их в графической форме), к которым относятся 1) физиологические потребности (голод, жажда и т. д.), 2) потребность в безопасности (чувство уверенности, избавление от страха и неудач), 3) потребность в принадлежности и любви, 4) потребность в уважении (достижение успеха, одобрение, признание), 5) познавательные потребности (знать, уметь, исследовать), 6) эстетические потребности (гармония, порядок, красота), 7) потребность в самоактуализации⁵⁷⁷; нетрудно заметить, что они перекликаются и могут быть сведены друг к другу (1 и 1, 2 и 5, 4 и 6, 6 и 3 тождественны; 3, 6, 7 могут быть аспектами 2, 3 и 7, возможно и обратное).

Впрочем, М. Мерфи полагает, что список основных благ в теориях естественного права вызывает предсказуемое несогласие⁵⁷⁸. Он приводит следующие списки благ:

- 1) Аквинат: жизнь, продолжение рода, социальная жизнь, знание и рациональное поведение;
- 2) Грисез, 1983: целостность, практическая разумность, подлинность, справедливость и дружба, религия, жизнь и здоровье, знание истины, понимание красоты и игра;

⁵⁷⁵ Там же. С. 118-122.

⁵⁷⁶ Там же. С. 124.

⁵⁷⁷ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.

⁵⁷⁸ Мерфи М. Традиция естественного закона в этике / пер. с англ. Д. Серада // <https://brickofknowledge.com/articles/the-natural-law-tradition> DOI: 10.34704/BKN.2019.01.001.2019.19.49.117 (дата обращения 23.08.2020).

- 3) Финнис, 1980: жизнь, знание, эстетическое удовольствие, игра, дружба, практическая разумность и религия;
- 4) Чэппел, 1995: дружба, эстетическая ценность, удовольствие и отсутствие страданий, физическое и психическое здоровье и гармония, разум, рациональность, разумность, истина и ее знание, мир природы, людей, честность и достижения;
- 5) Финнис, 1996: список Грисеза, дополненный благом супружества;
- 6) Мерфи, 2001: жизнь, знание, эстетический опыт, совершенство в труде и игре, агентность, внутренний мир, дружба, сообщество, религия и счастье;
- 7) Гомез-Лобо, 2002: жизнь, семья, дружба, труд и игра, опыт красоты, теоретическое знание и целостность;
- 8) Кроу, 2019: жизнь, здоровье, удовольствие, дружба, игра, признание, понимание, смысл, разумность⁵⁷⁹.

Действительно ли эти списки так уж различны? Если представить их в виде таблицы (см. Приложение 1) можно обнаружить близкие к строгим совпадения (то же самое понятие, оно же, но с дополнительной парой или его ближайший синоним) в 52 случаях из 68, и еще 11 нестрогих совпадений (понятия могут использоваться как синонимы). Блага из категорий жизнь, социальные отношения, знания, рациональность, эстетика, игра образуют явные устойчивые ряды. Остальные категории демонстрируют меньше единодушия, однако они же открывают широкое поле для интерпретационной работы, в результате которых, вероятно, можно установить единые разновидности общего блага, что, впрочем, выходит за рамки настоящего исследования.

Вернемся к Финнису. Он не устанавливает иерархии благ, по его мысли, индивид, обреченный на конечность своего бытия, способен длительное время на конкретном этапе жизни концентрироваться на одном из них, но, так или

⁵⁷⁹ Там же.

иначе, ему нужны они все, каждое из них обязательно притянет к себе его внимание именно потому, что они отражают фундаментальные аспекты человеческого бытия и необходимы для процветания личности. Это логика дрейфа фокуса концентрации интереса вообще характерна для мысли Финниса⁵⁸⁰.

Реализуя ее, на основе динамичного «перечня» благ мыслитель переходит к формулированию метода установления естественного права, суть которого сводится к определению требований практической разумности. Как показывают В.Ю. Перов, А.Д. Севастьянова, эти требования суть универсальные и неизменные «принципы естественного права»⁵⁸¹. Ясный план жизни, никаких произвольных (только разумные) предпочтений между ценностями, никаких произвольных предпочтений между людьми, отрешенность (запрет принесения себя в жертву проекту), приверженность (стремление к подлинному благу), (ограниченная) значимость следствий: эффективность с точки зрения разума (требование эффективности действий, направленных на благо), внимание к каждой из основных ценностей в каждом поступке (запрет абсолютизации конкретного блага), требование общего блага, согласие со своей совестью⁵⁸² – эти императивы раскрывают социальную функциональность благ и обосновывают моральные ответственности (обязанности) индивидов. Необходимо отметить, что слова «процветание» и «благосостояние» Финнис употребляет как синонимы в смысле самоконституирования личности и обретения ею власти над собой. Речь идет о самоактуализации и самореализации личности.

Обозначенные Финнисом принципы и составляют содержание естественного права в онтологическом и методологическом смысле, как его сущность и, одновременно, мерило человеческих поступков. Важен тезис

⁵⁸⁰ Тихонова С.В. Список основных благ: квантификация общего блага в современном юснатурализме // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 6. DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tikhonova. С. 52.

⁵⁸¹ Перов В.Ю., Севастьянова А.Д. Указ. соч. С.80.

⁵⁸² Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. С.139-164.

Финниса о том, что благо практической разумности структурирует человеческое стремление к благам⁵⁸³. Признание базовых ценностей и правильный в моральном отношении выбор между ними требует согласования человеческих намерений и поступков таким образом, чтобы было возможно сочетание индивидуального и коллективного благосостояния. Право, таким образом, оказывается «совместной деятельностью, и участники политического сообщества разделяют концепцию смысла или цели продолжения сотрудничества»⁵⁸⁴. Данная цель есть общее благо, общее, во-первых, в смысле совокупности базовых ценностей, причастность к которым является общей для всех людей, во-вторых, в смысле способности каждой базовой ценности объединять причастных к ней людей, и, в-третьих, как совокупность условий, необходимых членам общества, чтобы разумно ставить цели и приобщаться к основным благам. Все три смысла важны для Финниса, но именно последний он выводит в политико-правовую плоскость: право и есть социальность как способ совместной жизни людей в контексте общего блага, проявляющаяся в координационной деятельности – установлении правил. Синхронизация всех видов правил осуществляется на основе требований практической разумности. Сами эти правила позволяют установить институт для создания подкрепленных санкциями правил (важно, что создание правил также осуществляется по правилам). Таким образом Финнис сводит воедино право и закон, рассматривая их как центральный случай права и закона (англ. «the law and legal system» в оригинале⁵⁸⁵), определяя в таком качестве право как нормы, принятые в соответствии с регулятивными правовыми нормами определенной действующей властью (которая сама выделена и по, стандарту, конституирована как институт через посредство правовых норм) для «совершенного» сообщества и поддерживаемые санкциями в соответствии с подчиненным нормам постановлениям судебных учреждений⁵⁸⁶. Задача

⁵⁸³ Там же. С. 135.

⁵⁸⁴ Там же. С. 196.

⁵⁸⁵ Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford University Press, 1980. P. 260.

⁵⁸⁶ Финнис Дж. *Естественное право и естественные права*. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. С.343.

правовых норм и учреждений – решение любых координационных проблем сообщества ради его общего блага, поэтому его определение должно выявлять основание, на котором люди добровольно и разумно склонны следовать закону. Фокусное значение права для Финниса удерживает в пределах внимания значения общеупотребимые (он подчеркивает, его определение права позволяет понимать юристов, антропологов, тиранов, бандитов, теологов и моралистов, говорящих о праве), но таким образом, чтобы центрировать их фокусной точкой зрения человека-носителя практической разумности. В. Родригез-Бланко подчеркивает, что функциональный аргумент Финниса «зависит от концептуального аргумента: он должен показать, что различные концепции права унифицируются правом как практической разумностью, центральным случаем»⁵⁸⁷.

Аналитика связи концептуального и функционального аргументов, выдвинутая В. Родригез-Бланко, демонстрирует неинформативность функционального аргумента как не объясняющего, почему право как практическая разумность должно быть центральным случаем различных концепций права и самоинтерпретаций. По ее мнению, аристотелевская модель фокусного значения/центрального случая относится не к точкам зрения, а к концептам⁵⁸⁸. Действительно, точка зрения – метафорическая конструкция, совмещающая позиционирование наблюдателя и его совокупную жизненную позицию, которую весьма трудно однозначно эксплицировать. Привязка к концепту конкретизирует эту метафору за счет детализации рассуждения Аристотеля о фокусном значении. Под него подпадает диапазон класса неидентичных объектов, связанных с общим источником, которым для них выступает одной (или несколькими) из четырех аристотелевских причин. Характер детерминации будет определять степень выраженности сущностных признаков класса в конкретном объекте, поэтому

⁵⁸⁷ Родригез-Бланко В. Указ. соч. С. 100.

⁵⁸⁸ Родригез-Бланко В. Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 2 // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 2 (25). С. 26.

одни объекты класса будут ближе/дальше к фокусному значению, а другие войдут в его периферийный диапазон. Случаи права практической разумности и позитивного права не могут совпасть в одном классе объектов, поскольку их признаки неидентичны (что требуется с позиций формальной логики), а значит, оба объекта связаны с разными концептами, т.е. не могут быть связаны единым типом детерминации как универсальными и необходимым. Значит, между ними по-прежнему остается разрыв. В. Родригез-Бланко выдвигает тезис о возможности привлечения логики сходства и аналогии для установления центрального случая. Используя идею Витгенштейна о семейном сходстве, включающем сложную сеть больших и малых подобий в чертах объектов, когда наличие сходств распределяется по объектам, дробя класс на перекрывающиеся группы без единого универсального признака, характерного для абсолютно каждого объекта. Тем самым «понятие семейного сходства оставляет границы любого концепта открытыми для потенциально бесконечного числа сущностей, и поэтому мы могли бы утверждать: все что угодно имеет сходство с чем-нибудь еще. Данная проблема получила название «недетерминированность расширения» концептов семейного сходства. Одним из возможных вариантов ее решения является идея о наличии базового предиката, который определяет расширение концепта семейного сходства. Другими словами, существует подкласс членов, и все члены, относящиеся к определенному концепту, должны напоминать других членов подкласса. «Такие члены должны иметь, по крайней мере, одну общую черту с другими членами подкласса, и это достаточное, но не необходимое условие для того, чтобы сущность была отнесена к определенному концепту. Однако некоторые члены общего класса могут не иметь общих характеристик или особенностей»⁵⁸⁹. Эта модель поиска сходства может быть применена для обретения центрального случая права и преодоления разрыва в логике Финниса. Детальное выявление распределенных ключевых сходств между

⁵⁸⁹ Там же. С. 36.

признаками права практической разумности и позитивного права позволяет «схватить» рамки одного центрального случая. Центральный случай права в данной ситуации не позволяет сформировать единого понятия права в строгом смысле (т.е. однозначно определенного понятия), но дает возможность выявить единое представление об этом понятии, используя практическую разумность как медиатор.

Что дает предложенная В. Родригез-Бланко аналитическая надстройка над рассуждениями Финниса для понимания его концепции права и, шире, для правопонимания? Во-первых, практическая разумность как способ установления ключевых сходств оказывается надежным посредником «между различными концепциями и самоинтерпретациями права и создает его объединяющее понятие не с точки зрения идентичности, а в терминах сходства»⁵⁹⁰. Во-вторых, она позволяет систематизировать общие интерпретации права без указания на их единый универсальный признак. Полученные в результате такой систематизации теоретические модели окажутся вполне рабочими, пригодными для приращения знаний о праве.

Главное достижение критики В. Родригез-Бланко – наглядная демонстрация открытости метода Финниса. Его недоработки и пробелы не являются принципиально неустранимыми именно потому, что выдвигаемая методология является принципиально открытой, допускает уточнения, корректировки и новые интерпретации без потери центральных идей. Ее открытость тождественна коммуникативности, означающей перманентный диалог с оппонентами и сторонниками в конструировании методологии. Конечно, диалогичность присуща любой научной теории, однако ее степень может быть весьма вариативной. Учитывая это обстоятельство, рассмотрим основные особенности коммуникативной открытости метода Финниса.

Первый момент – открытость ключевого понятия, практической разумности. Как показывалось выше, Финнис определяет ее как разумность в

⁵⁹⁰ Там же. С. 39.

принятии решений и действий, конкретизируя через практическое мышление, т.е. это рассуждение о том, что кому-либо следует делать. В этом случае, хотя определение практического мышления является явным (устанавливается эквивалентность между определяемой и определяющей частями), оно относится к виду целевых, т.е. в определяющей части указывается предназначение объекта. Целевое определение не устанавливает родовидовых отношений, не фиксирует происхождение объекта, его распространенность, квалификационные признаки, но и не блокирует проведение этих операций с составными понятиями, оставляет открытую возможность для них. Иначе говоря, определяя практическую разумность, Финнис акцентирует, что в поле его рассмотрения находится вопрос о способах рассуждений, что субъекту должно делать, разъясняя, что он понимает под практической направленностью, но не определяет прямо элементы понятия – «практический» и «разумность». Поскольку обе категории уточняются и переопределяются на всем протяжении развития философской мысли и не формулируются как однозначные, у мысли Финниса остается весьма широкое пространство для дополнительных интерпретационных маневров.

Так, исследователи отмечают очевидность следования Финниса в ее определении классической философской традиции, восходящей к Аристотелю и практическому разуму И. Канта⁵⁹¹. Практический разум рассудочной части души в аристотелевской психологии является точкой перехода к этике и политике, через применение общего знания к частным случаям осуществляется выбор, позволяющий реализовать высшее благо в политической жизни. Практический разум Канта регулирует человеческую свободу, является этическим, так как устанавливает моральные законы и ориентирован на социальные отношения между людьми. Вспоминая эту традицию (а в тексте Финниса достаточно имплицитных и эксплицитных

⁵⁹¹ Перов В.Ю., Севастьянова А.Д. Указ. соч. С.78.

отсылок к ней), интерпретаторы Финниса оказываются в указанном дополнительном поле возможных определений ключевого понятия.

Сходная тенденция может быть выявлена и в легальных дефинициях. Например, в отраслевой юридической науке встречается обращение к теоретическому обоснованию принципа разумности, поскольку он играет важную роль в гражданском праве. Согласно Л.А. Легеза, разумность является субъективно-объективной категорией, поскольку может характеризовать как человека, так и определенные явления в гражданском праве (срок, цену, затраты и т.п.), поэтому она имеет универсальный и всеобъемлющий характер. Требование действовать разумно распространяется на всех без исключения участников гражданского оборота и на все гражданско-правовые отношения, разумность упорядочивает все аспекты тех или иных гражданских правоотношений и осуществляет регулирующее влияние на протяжении их существования, является многоаспектной – в гражданском праве выполняет интерпретационную, дополняющую, исправительную, а также ограничительную функции. Последняя заключается в определенной ограниченности разумными пределами воли сторон договорных обязательств, которые должны учитывать интересы друг друга при заключении тех или иных договоров⁵⁹². Принцип разумности, например, закреплён в ч. 1 ст. 107 ГПК РФ в отношении процессуальных сроков. Как отмечает К.Е. Коваленко, несмотря на широкое использование, легальное определение принципа разумности в праве отсутствует⁵⁹³, поскольку установление его содержания предоставлено законодателем усмотрению суда. Обычно разумность судебного решения связывается со здравым смыслом и трактуется как критерий оптимального выбора между различными законными

⁵⁹² Легеза Л.А. Гносеологические корни и социально-правовые предпосылки возникновения принципов справедливости, добросовестности и разумности в гражданском праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. DOI: 10.17223/22253513/34/15 . С. 163.

⁵⁹³ Коваленко К.Е. Формы проявления разумности в праве // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. Барнаул, 20-24 октября 2015 г. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. С. 58.

возможностями решений той или иной проблемы⁵⁹⁴. Таким образом, принцип разумности формулируется как понятный в обыденном смысле, не требующий однозначного определения и интуитивно понятный, при этом открытый для дополнительных процедур уточнения.

Следующий аспект – комбинаторика аргументов и устойчивые концептуальные связи между альтернативными теориями. В литературе констатируется тесная связь между концептуальным реализмом и позитивизмом в версии Кельзена и Харта⁵⁹⁵, показывается определенная вторичность, комплементарность этих концепций по отношению к правовому позитивизму, в острой дискуссии с которой они и формировались. Это связь начинается с теории Л. Фуллера: В.В. Архипов отмечает, что Л. Фуллер считал свою концепцию комплементарной альтернативному подходу⁵⁹⁶. Точкой отсчета интеграции является спор между Фуллером и Хартом, брендовыми манифестами которого являются статьи «Позитивизм и разграничение права и морали» (Харт) и «Позитивизм и верность праву: Ответ профессору Харту» (Фуллер) в журнале «Harvard Law Review». Обращаясь к проблеме разграничения права и морали, Харт стремился восстановить интеллектуальный авторитет юспозитивизма, который был поставлен под сомнение тем обстоятельством, что преступления Третьего Рейха часто творились с отсылкой к формальным правилам. Фуллер не столько отверг идею Харта, сколько открыл путь к конструктивной дискуссии по поводу разграничения права и морали. В.В. Оглезнев, анализируя малоизвестный российскому читателю контекстуальный аспект полемики Фуллера и Харта, расширяет не только ее хронологические рамки и корпус отражающих ее текстов, но и ее философский, социально-юридический и

⁵⁹⁴ Цветков И.В. Эффективность решений Конституционного Суда Российской Федерации в 2006 г. // Налоговед. 2007. №11. С. 18-22.

⁵⁹⁵ См, например, Карнаушенко Л.В. Указ. Соч. С. 159.

⁵⁹⁶ Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера : дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2009. 164 с.

междисциплинарный аспекты⁵⁹⁷. Он выдвигает интересную гипотезу, имеющую значение для классификации правопонимания Харта и Фуллера, утверждая следующее: «суть этих дискуссий заключается в том, что благодаря влиянию Харта на Фуллера и перемещению аналитической методологии в область юриспруденции деление типов правопонимания на легистское и естественно-правовое утрачивает свою актуальность. В англоамериканской философии права с 50-х гг. XX в. появляется новое интегративное понятие, объединяющее все существующие теоретико-правовые течения в одно целое – в аналитическую юриспруденцию»⁵⁹⁸. Однако в процитированных текстах Финниса, Мёрфи, Кроу, относимым так или иначе к аналитической традиции⁵⁹⁹, продолжение демаркации между юспозитивизмом и юснатурализмом более, чем очевидно, и, что важнее, преодоление разрыва между ними и является прямой задачей этих текстов. При этом плотность «обмена» аргументами в них гораздо выше, чем в классических текстах. Исследование аргументов проводится не ради того, чтобы отбросить последние, но для того, чтобы внести в них коррективы, обеспечить их развитие и совершенствование. Вероятно, аналитическая философия выступает питательной средой для таких «коммуницирующих» систем аргументации, но она никак не отменяет их идейное содержание.

Далее необходимо отметить снижение категоричности аргументации, переход к логике сближения «слабых» аргументов. Слабость аргумента в данном контексте обозначает не его уязвимость и логическую дефектность, а умеренность отражаемой им позиции, она близка в смысловом отношении к политологическим концепциям «мягкой власти» в духе Дж. Ная⁶⁰⁰. Слабые аргументы смягчают однозначность сильных и открывают пути для

⁵⁹⁷ Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. 210. №330. С. 55-59.

⁵⁹⁸ Там же. С. 58.

⁵⁹⁹ См., например: Дидикин А.Б. Формирование и развитие аналитической традиции в философии права XX века: Автореф. дисс. ... д. филос. наук. Томск, 2016. 33 с.

⁶⁰⁰ См., например: Nye J. S., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American power. N.Y.: Basic Books, 1990.

компромисса. Переход к «слабой» логике восходит к финнисовской критике юспозитивистских представлений Кельзена, Харта и Раза о центральном тезисе юснатурализма. Финнис сближает утверждения указанных авторов о сущности юснатурализма с формулировкой Раза «каждый закон обладает моральной ценностью»⁶⁰¹, и показывает, что теоретики естественного права никогда не строили свои теории на подобном допущении. По его мнению, предложенная ошибочная позитивистами формулировка связана с неспособностью «современных критиков истолковать тексты теоретиков естественного права в соответствии с теми принципами определения, которые эти теоретики по большей части последовательно и осознанно использовали»⁶⁰². В итоге юснатурализм как теоретическая доктрина удваивается, разделяется на «реальный» юснатурализм, развиваемый в том числе и Финнисом, и «воображаемый», критикуемый Кельзенем, Хартом и Разом.

Дальнейшая концептуальная работа с этим удвоением будет осуществляться уже в условиях цифрового поворота, юснатуристами, принадлежащими к цифровому поколению – М. Мёрфи и Дж. Кроу. Отличие их методологических стратегий от методологии Финниса и позволяет уловить влияние медиального поворота на доктринальную работу теоретика права. Итак, удвоение центрального тезиса юснатурализма М. Мёрфи концептуализировал в понятиях сильного и слабого аргумента естественного права, настаивая на том, что степень их несовместимости с юридическим позитивизмом различна⁶⁰³. Опираясь на учение Фомы Аквинского, он показывает, что в юснатурализме закон – это рациональный стандарт поведения. Поэтому он заменяет формулу, приписываемую воображаемому юснатурализму, *lex iniusta non est lex* (несправедливый закон – не закон)

⁶⁰¹ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. С. 47.

⁶⁰² Там же. С. 48.

⁶⁰³ Murphy M.C. Natural Law Theory // The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2005, pp. 15-28.

формулой *lex sine rationem non est lex* (нерациональный закон – не закон). В новой формуле законность строго ограничена рациональностью. Тогда разрыв между юспозитивизмом и юснатурализмом проблематизируется следующим образом: если закон нерационален, а причин ему подчиняться нет, почему тогда юристы продолжают считать законами неразумные законы, а люди – им подчиняться? Иначе говоря, чтобы преодолеть разрыв, нужно показать, почему и как нерациональный закон продолжает работать.

Аргумент *lex sine rationem non est lex*, согласно Мёрфи, может принимать сильную и слабую версии в зависимости от логики его выдвижения. Сильную версию он сравнивает с суждением, согласно которому квадрат – это фигура, у которой четыре стороны. Все фигуры, у которых не четыре стороны, квадратом быть не могут. Однако возможна другая, не классификационная, а квалификационная в смысле Р. Алекси, логика обоснования аргумента, эквивалентная обоснованию суждения «гепарды – быстрые бегуны». Животное, неспособное быстро бегать, вовсе не обязательно будет строго не гепардом, хромой гепард остается гепардом. Такую логику прочтения центрального тезиса юснатурализма Мёрфи называет слабой и считает ее характерной для Финниса⁶⁰⁴.

Сильный аргумент юснатурализма принципиально не совместим с юспозитивизмом, поскольку он самопротиворечив, абсурден и, как показал Финнис, спекулятивен. Однако слабый аргумент не предполагает автоматической неконфликтности с юспозитивизмом. Он требует дополнительных процедур уточнения слабого аргумента. Для этого Мёрфи обращается к функциональному аргументу Финниса, отбракованному В. Родригез-Бланко, и предлагает его собственную модификацию. С его точки зрения, функция некоторого объекта или института – это его характерная деятельность, стремящаяся к некоему конечному состоянию. Достижение этого состояния – задача и цель объекта/института, а само оно представляет

⁶⁰⁴ Ibid. P.21

некое релевантное разнообразие благ⁶⁰⁵. Цель может быть внешней, определяемой проектировщиком деятельности, а может сводиться к самоподдержанию объекта. В качестве примера Мёрфи приводит сердце. У него есть характерная активность – оно перекачивает кровь, его задача – циркуляция крови, цель – поддержание этой циркуляции. По аналогии с сердцем, закон перестает выполнять свою функцию, когда перестает быть рациональным стандартом поведения. Характерной активностью закона является обеспечение предписания рациональных стандартов для исполнения, и он устанавливает эти предписания как способы реализации социального порядка именно потому, что они являются такими способами⁶⁰⁶. Далее Мёрфи корректирует эту формулировку следующим образом: «характерная деятельность закона – это обеспечение диктата, подкрепленного убедительными причинами для действия, и тот закон, который этого не делает, является дефектным в качестве закона»⁶⁰⁷. В этом случае закон, не являющийся рациональным стандартом, подобен больному сердцу, плохо выполняющему свою функцию, но не перестающему от этого быть сердцем – он остается законом.

Дж. Кроу продолжает реализацию установки Мёрфи на разграничение сильного и слабого аргумента для обоснования возможности конвергенции слабого юснатурализма с юспозитивизмом. Он показывает, что работа Мура и Мёрфи с функциональным аргументом представляет собой переход к построению гибридной теории, в которой слабые и сильные аргументы играют разные роли. В качестве примера гибридной теории Кроу приводит концепцию Р. Алекси; свою собственную концепцию он также формулирует как гибридную теорию, в которой функция закона состоит в том, чтобы служить деонтическим маркером, создающим чувство социальной

⁶⁰⁵ Ibid. P.25.

⁶⁰⁶ Ibid. P.26.

⁶⁰⁷ Ibid. P.27.

ответственности⁶⁰⁸. Предполагаемый закон, который не способен создать ощущение обязательства, не может выполнять функцию закона и не может быть квалифицирован в качестве закона. Необходимо отметить, что работы Мерфи и Кроу создавались уже в условиях медиального поворота, что требует отдельного внимания.

Любопытно, что в текстах современных юснатуралистов встречаются апелляции к сильным и слабым версиям юспозитивизма (например, Дж. Кроу делит юспозитивизм на две ветви, и считает, что инклюзивный юридический позитивизм (LP^I) основан на тезисе, что социальные источники являются единственным необходимым фактором в определении правового статуса, а эксклюзивный юридический позитивизм (LP^E) исходит из того, что в некоторых правовых системах признанные социальные источники могут включать рациональные стандарты в проверку юридической обоснованности, пример – Восьмая поправка к Конституции США, запрещающая жестокие и необычные наказания⁶⁰⁹), т.е. классификация аргументов на сильные и слабые становится универсальным элементом методологической работы философии права, даже если не все философско-правовые теории становятся гибридными в смысле Кроу.

Англоязычная традиция современного юснатурализма, находящегося в диалоге с российской коммуникативной теорией права, демонстрирует начало перехода к цифровой теории.

Выводы:

Если исходить из того, что начало медиального поворота относится к 80-м гг. XX века, то, исходя из хронологического рубежа, можно разграничить практику методологической организации философско-правовых исследований, ориентированных на поиск сущности права через преодоление разрыва между различными типами правопонимания, формирующуюся в

⁶⁰⁸ Crowe J. Natural Law Theories // Philosophy Compass. 2016. №11/2. Pp. 91–101, DOI: 10.1111/phc3.12315. P. 99.

⁶⁰⁹ Ibid. P.92.

разных типах культуры, печатной книги и электронной коммуникации. Наиболее влиятельным юснатуралистским трактатом о сущности права, непосредственно предшествовавшим медиальному повороту, является работа Дж. Финниса «Естественное право и естественные права» (1980), оказавшая позднее влияние на формирование коммуникативной теории права.

Перед медиальным поворотом в современном юснатурализме (Р. Дворкин, Л. Фуллер, Дж. Финнис), иногда обозначаемом как «концептуальный натурализм», усиливаются интегративные тенденции, однако разнообразие выбора признаков права, способов и приемов его описания затрудняет их классификацию на основе классических схем систематизации правопонимания. Специфической чертой этих теорий является их постнеклассическая логика, в которой метод предшествует формированию центрального понятия теории, а не вытекает из него.

В случае Финниса поиск определения права начинается с двух аксиоматических утверждения («социальная жизнь опирается на существование универсальных благ, обеспечиваемые правовыми институтами» и «существуют требования практической разумности, которым отвечают только правовые институты»). Практическая разумность выбирается как конструкт, позволяющий преодолеть разрыв между социальными и нормативными фактами («люди могут стать убийцами» и «жизнь человека есть высшая ценность»), т.е. социологическим и позитивистским подходом к праву, и, одновременно, специфицирует человеческую природу («только человек обладаем практической разумностью»), утверждая право естественное.

Практическая разумность реализуется как оценка потенциальных горизонтов человеческого выбора с позиций поиска благой жизни (или самореализации), и дальнейшее приобщение к тому или иному универсальному благу. Универсальный статус блага определяется через императивы практической разумности, обеспечивающие сочетание индивидуального и коллективного в нем. Общность благ понимается им и как

начало социального, и как начало правового, охраняющего общий характер конкретного блага. При этом практическая разумность имеет и методологическое значение, поскольку она позволяет установить сходство различных правопониманий. Эта посредническая миссия делает базовые понятия «центральной точки зрения» одновременно устойчивыми и открытыми для дальнейших переуточнений и корректировок, поскольку они не определяются однозначно, а формулируются как методологический проект, открытый для коммуникации с любыми другими проектами.

Три аспекта коммуникативной открытости современного юснатурализма позволяют уточнить понятие «концептуальный натурализм», переопределив его как «открытый концептуальный натурализм», отнеся к нему концепции, для которых характерно: оперирование определениями, открытыми для дополнительных интерпретаций и дополнений; творческий подбор аргументов и обоснование устойчивых концептуальных связей между альтернативными теориями; деление аргументов на сильные и слабые (компромиссные) и сближение альтернативных теорий через слабые аргументы. Эти качества характеризуют концепции юснатурализма до медиального поворота.

§ 4.3. Медиальный поворот: диверсификация методологического синтеза

Как было показано на примере юснатурализма, к началу медиального поворота сложившаяся система научной информации, опиравшаяся на печатную периодику и книгоиздание, обеспечивала довольно высокую степень открытости и диалогичности методологических проектов. Однако медиальный переход к цифровым технологиям как основным формам репрезентации научного знания приводит к весьма существенным трансформациям в науке, трансформациям настолько серьезным, что новые качества науки стали трактоваться как свидетельство перехода к новому этапу развития, фиксируемому термином «технонаука»⁶¹⁰. Его содержание отражает и новую укорененность науки в жизненном мире, предполагающую включение непрофессионалов в производство, распределение и потребление научного знания, и акценты на материальных основаниях науки, зависимость научного результата от предметной среды, используемой для его получения. Технонаука как область научного праксиса формируется на переднем крае современных передовых технологий, размывая границу между исследованием и инженерным/биомедицинским, и актуализируя новые правовые и этические решения. В этом случае речь всегда идет об уникальных проектах, ориентированных не на массового потребителя, а на потребности конкретного индивида или локальной группы. Для гуманитарных областей научного знания, обеспечивающих не столько поддержание антропогенной среды, сколько совершенствование мировоззрения, характерна такая форма технонауки, как цифровая гуманитаристика, под которой понимают использование новых цифровых технологий для анализа любых артефактов (оно включает в себя любые аспекты гуманитарного изучения цифровых

⁶¹⁰ См., например: Горохов В.Г., Декер М. Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники // Эпистемология и философия науки. 2013. №1. С. 135-150; Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48. № 2. С. 18-27.

объектов, с одной стороны, и любые аспекты использования цифровых технологий при изучении гуманитарных объектов, с другой стороны)⁶¹¹. Стратегии цифровой гуманитаристики преимущественно индуктивны, т.е. формируются в основном на уровне эмпирических исследований. Но значит ли это, что они не предполагают типовых методологических инноваций?

На сегодняшний день нет ни одной области гуманитарных наук, не испытывающей влияния исследовательских программ цифровой гуманитаристики, при этом само такое влияние только возрастает. Не является исключением и юридическая наука. Одним из самых явных последствий медиального поворота для нее выступает оформление науки информационного права в самостоятельную дисциплину; влияние цифровизации сказывается на расширении областей исследования подавляющего большинства отраслевых наук. Но главным для нас является то, что цифровой поворот намечается и на теоретическом уровне, примером является исследование методологических проблем технологизации и технологий научной деятельности в сфере юриспруденции С.В. Кодана⁶¹². В его рамках автор показывает, как «создание новых исследовательских технологий и технологизация научно-исследовательской деятельности выходит на новый уровень сочетания традиционных процедурно-познавательных инструментов с возможностями включения в исследовательское пространство новых познавательных технологий различных социально-гуманитарных наук в исследовательское пространство юриспруденции»⁶¹³. Этот процесс предполагает включение в классическую схему научной методологии особых соподчиненных уровней, описанных еще Б.Г. Юдиным, а именно конкретно-научную методологию (формирует общие

⁶¹¹ См.: Прозоров И.Е. Соотношение библиографической и аналитической деятельности в цифровую эпоху // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т.197.С. 142-145.

⁶¹² Кодан С.В. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 33-61.

⁶¹³ Там же. С. 61.

принципы и требования работы с носителями социальной информации) и подчиненную ей процедурно-научную методологию (набор методологических инструментов-операций, соотносимых с конкретной технологией)⁶¹⁴. Расширяя эту идею, С.В. Кодан выдвигает следующую структуру технологизации и технологического знания в научной деятельности: субъект-субъективный уровень, объект-объективный уровень и информационно-коммуникативный уровень⁶¹⁵.

Цифровое влияние медиального поворота на методологию правовых исследований сегодня не вызывает особых сомнений, однако это влияние трактуется в инфраструктурном ключе, новые технологические операции так или иначе обслуживают подготовку материала, ускоряя его обработку. Вопрос в том, может ли что-то измениться на верхнем уровне методологии, там, где основой теоретической работы мыслителя со времен Древней Греции является аристотелевская силлогистика и где, собственно сами теории и выдвигаются как последовательность силлогизмов.

Любому историко-теоретическому исследованию, включая правовое, цифровые технологии сегодня могут предложить новые способы объективации доктринальных связей, например, через наукометрические алгоритмы построения сетей цитирования и соавторства (используются метаданные журнальных публикаций), или через установление частотности использования ключевых слов внутри текстов. Цифровой наукометрический анализ также позволяет выявлять процессы включения в научный оборот инновационных идей и устанавливать их закономерности, отражающиеся в циклах диффузии идей. Известна, например, модель «спящей красавицы», разработанная в наукометрии для объяснения динамики исследовательского внимания, направленного на научные статьи, опередившие свое время. А. ван Раан, представивший первое масштабное измерение «спящих красавиц»,

⁶¹⁴ Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 56, 64–68.

⁶¹⁵ Кодан С.В. Глава 3. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий. С. 49.

рассматривал в качестве последних публикации, которые долгое время оставались незамеченными (спали), а затем, почти внезапно, привлекали большое внимание (пробуждались «принцем»)⁶¹⁶. «Сон» публикации объясняется тем, что в данный момент содержащиеся в ней идеи некому развивать. Когда потенциальные «принцы» дорастают до оценки содержания «спящей красавицы», тогда и случается пробуждение. Разумеется, не каждая нецитируемая статья не цитируется только потому, что ее никто не понял: в большинстве случаев причины куда более тривиальны. Тем не менее, прорывные статьи, погружающиеся в молчание первое время после публикации, – не редкость. Ван Раан приводит в качестве экстремального пример десятилетнего «сна» публикации, опередившей свое время в области теории струн. Следует отметить, что применимость цифровой наукометрической методологии имеет технические пределы, связанные с предметом исследования – научными базами данных, собирающими научные (преимущественно журнальные публикации) в цифровом формате. У большинства из них слишком слабая глубина («дном» выступает начало медиального поворота). Глубина большинства цифровых архивов отечественных гуманитарных журналов не выходит за рамки нынешнего столетия, исключения редко отличаются хорошим качеством распознавания, а сами статьи в оглавлениях по номерам представлены часто эпизодически. Также базы данных книжную полемику отображают в весьма усеченном виде, поскольку изначально ориентированы на периодику.

Более любопытные перспективы могут быть связаны с применением нейросетей для генерирования научных текстов. Нейросети – это нелинейный метод моделирования, в основе которого лежит метод обучения на примерах: пользователь нейросети подбирает определенную выборку данных («датасет»), а затем запускает некоторый алгоритм обучения, который автоматически воспринимает структуру данных и запоминает информацию и

⁶¹⁶ Raan A. F. J. van. Sleeping Beauties in science // *Scientometrics*. 2004. Vol. 59. No. 3. P. 467–472. DOI: 10.1023/B:SCIE.0000018543.82441.f1.

в последующем, может успешно распознать данные в будущем⁶¹⁷. Сам метод является математическим и требует аппаратной и программной реализации. Ядром алгоритма является «искусственный нейрон» (в смысле программной модели), повторяющий принцип работы живого нейрона, т.е. нелинейно преобразующий входной сигнал активации в выходной сигнал. Сети нейронов могут связываться по разным принципам архитектуры; выбор типа сети зависит от поставленных задач, из области решения которых и отбираются примеры для тренировки нейросети. Нейросети становятся одной из массовых компонент компьютерных технологий уже сейчас, а их значение только усилится в ближайшем будущем, поскольку потенциал их применимости включает в себя чтение, распознавание и генерацию текста и изображений, восприятие, распознавание и имитацию речи, анализ ситуаций, совершенствование робототехники и биопротезов и т.д. Однако до середины 2022 года⁶¹⁸ нейросети были скорее экзотическими проектами для массового пользователя интернета, с ними работали специалисты, а обыватели в лучшем случае сталкивались с ними в контексте научной журналистики или научной фантастики, хотя сама по себе технология была известна уже более нескольких десятилетий. Разворот в сторону масс нейросети получили благодаря их внедрению в дизайнерские эстетические проекты. Но и в этом случае научное обсуждение их специфики подчинялось элитарной логике, основанной на противопоставлении творца и аудитории, автономизирующей роль агента применения нейросетей в контексте институализированного профессионального творчества.

⁶¹⁷ Волокитина Т. С. Нейросеть для распознавания изображений // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 3(119). С. 9.

⁶¹⁸ С 12 июля 2022 года началось бета-тестирование социальной сети Midjourney, интегрирующей обученную на огромном количестве контента нейросеть как технологию генерации изображений и чат-сервиса мессенджера Discord как интерфейса передачи пользовательского запроса нейросети. Midjourney предназначена для генерации изображений по описанию пользователя с возможностью переноса стиля. Ее использование не требует технических знаний, для него достаточно доступа к интернету и самому сервису (предполагается предварительная установка Discord). В результате взаимодействовать с нейросетью смогли самые широкие слои пользователей.

Вполне традиционным является противопоставление человека и машины на основе способности к творчеству. Как показывает А.Н. Гуров, анализируя проблемы применения нейросетей в художественном переводе, эстетическое воздействие текста – это та задача, с которой нейросети пока не справляются⁶¹⁹. Однако подавляющее большинство исследователей, занимающихся этой темой, разделяют уверенность, что такая демаркация является временной и будет преодолена. А.Н. Соколов с соавторами анализирует применение нейросетей в искусстве, показывая, что от рабочего инструмента (раскраска видео, новая комбинаторика видеообразов и т.п.), они постепенно приближаются к роли соавтора, например уже созданы фильмы, сценарии которых были сгенерированы специально обученной нейросетью ChatGPT⁶²⁰. Важно, что коммерческая и условно-бесплатная версии этой нейросети демонстрируют некоторую состоятельность в качестве предлагаемого продукта – эпизодически обнаруживается, что условно-бесплатная версия обгоняет коммерческую, алгоритмы которой получают большее внимание специалистов, за счет большего массива контактов с пользователями, которые также важны для обучения. После первых прорывов третьей и четвертой версии ChatGPT существенных успехов достигли отечественные нейросети – GigaChat, Kandinsky, YandexGPT, последняя было интегрирована с голосовым помощником Яндекса Алисой.

Все эти особенности нейросетей имели весьма далекое отношение к дискуссиям о развитии научной методологии в условиях цифровой гуманитаристики до февраля 2023 г., в котором студент РГГУ Александр Жданов защитил по специальности «менеджмент» диплом по теме «Анализ и совершенствование управления игровой организацией», написанный за один вечер с помощью нейросети ChatGPT⁶²¹. По сообщениям прессы время

⁶¹⁹ Гуров А. Н. Художественный перевод как непреодолимое препятствие для нейросетей // Казанская наука. 2021. № 7. С. 81.

⁶²⁰ Соколов А. Н., Зиганшина Е. А., Кресова В. П., Соловова Д. Д. Нейросети в современном искусстве // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2021. № 3(21). С. 189-193.

⁶²¹ Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента. преподаватели в шоке – как теперь проверять знания? //

написания диплома составило двадцать три часа. Этот случай вызвал широкий общественный резонанс, Минобрнауки приняло решение не отменять его аттестацию. Вопрос о том, насколько качественным был текст, получивший оценку «удовлетворительно», остается открытым. Однако со случаем нейросетевого диплома связаны куда более интересные вопросы – для каких блоков научных статей (допустим, если исходить из структуры «Imgrad» – «введение, методы, результаты и обсуждение») перспективно применение нейросети, и что вообще с ней можно и стоит делать при создании научных текстов? Ее возможности шире, чем простой обход систем проверки оригинальности текста, поскольку она как минимум может и существенно экономить время/усилия исследователя при анализе актуальной литературы, и упрощать и даже стандартизировать процедуры сравнения. До сих пор генераторы текста в науке использовались в качестве «бредогенератора» для обнаружения дефектов системы научного рецензирования (например, пресловутая статья «Корчеватель»⁶²², но и качество их работы было весьма далеким от сегодняшнего. Пока можно сказать, что нейросеть может масштабнo увеличивать типовые материалы для комбинаторики, ассоциативный поиск новых сочетаний между типами продолжает оставаться за человеком⁶²³.

Вернемся к изменениям в методологических стратегиях, связанных с научной работой исследователя-правоведа в условиях цифрового поворота. Для теоретических исследований они означают упрощение доступа как к самим текстам (через оцифровку и выкладывание бумажных трудов и через цифровую форму опубликования, которую сегодня используют практически все периодические издания и большинство книжных), так и ускорение

<https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947> (дата обращения 09.02.2023).

⁶²² Компьютерная программа обманула научный журнал с помощью корчевателя // Лента.ру. 1 октября 2008. URL: <https://lenta.ru/news/2008/10/01/pseudoscience/> (дата обращения 14.03.2024).

⁶²³ Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Философия науки и техники. 2024. №1. С. 80. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-73-83.

неформальной экспертизы, основанной на онлайн-обсуждениях в блогах и социальных сетях. Еще задолго до эпохи проникновения нейросетей в повседневные практики, в 2006 г. журналом «Washington University Law Review» Школы права Вашингтонского университета был выпущен номер, включивший в рубрику «Симпозиум» подборку материалов конференции «Bloggership: How Blogs Are Transforming Legal Scholarship» 28 апреля 2006, посвященной различным правовым проблемам, связанным с блогами, в которых активно обсуждался вопрос о том, какое влияние оказывают блоги на юридическую науку. К. Литвак, главный скептик данного мероприятия и единственный его участник, не имеющий собственного блога, считает, что несмотря на различные преимущества блогов, которые успешно просвещают, спланивают, влияют на политику и развлекают, они не способны изменить юридическую науку⁶²⁴. Автор основывает свой вывод на специфике коммуникации в блогах, не пригодной для полноценной научной дискуссии. Поскольку потенциальные компетентные комментаторы не заинтересованы в коммуникативных обменах в этой среде, блоговые комментарии слабо связаны с исходным постом и друг другом. Исходя из того, что за прошедшие с момента публикации семнадцать лет юридическая наука не превратилась в блог, этот вывод можно принять как состоятельный в оценке магистрального развития правоведения. Но это не значит, что блоги не дали ему вообще никаких преимуществ.

Они обсуждаются в остальных статьях рубрики. П.Л. Карон утверждает, что успешные правоведы часто бывают успешными блогерами, а сами по себе блоги «подталкивают» юридическую науку к коротким формам с открытым доступом и без посредников⁶²⁵. Он полемизирует со скептической позицией К. Литвак, показывая, что блоги связаны с обдумыванием, выдвижением и

⁶²⁴ Litvak K. Blog as a bugged water cooler // Washington University Law Review. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1061-1070.

⁶²⁵ Caron P. L. Are scholars better bloggers? bloggership: how blogs are transforming legal scholarship // Washington University Law Review. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1025-1042.

продвижением новых идей, обосновывая свою позицию через резюмирование положений основных участников конференции.

Г. Хериот⁶²⁶ придерживается «осторожного оптимизма» в оценке того, является ли блог в юридической науке продуктом ее чрезмерной схоластики, или выступает развлечением и «баловством» правоведов⁶²⁷. Он считает блоги продолжением американской традиции времен принятия Конституции публиковать в газетах краткие содержательные эссе по теоретическим вопросам для широкой публики. Длинные и тяжеловесные статьи современников с длительным сроком публикации, по его мнению, мало влияют на широкую аудиторию и не часто привлекают внимание аудитории профессиональной. Абстрактность и пространность правовой науки герметично закрывает ее в самой себе. Блоги возвращают ученым-юристам и философам права, которых конкуренция практически выдавила из публичного дискурса как класс, позицию активистов, борющихся за справедливость и выступающих лидерами мнений. Внутренние ресурсы академии, по его мнению, не могут обеспечить их продвижение на рынке идей, а блогосфера как ресурс внешний может стать основой возвращения правоведам статуса «публичного интеллектуала». Сходные взгляды представлены в статье Х.Дж. Башмана, отстаивающей аргумент о том, что не все блоги профессоров права являются правовыми исследованиями, но некоторые вполне соответствуют этим критериям⁶²⁸. А.М. Фрумкин показывает, что юридические блоги — отличный инструмент для обмена, организации и развития идей, несмотря на все их технологические ограничения⁶²⁹. Р.И. Барнетт настаивает на том, что блоги выступают такой же формой

⁶²⁶ Heriot G. Are modern bloggers following in the footsteps of publius? (And other musings on blogging by legal scholars) // *Washington University Law Review*. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1113-1126.

⁶²⁷ Ibid. P. 1113.

⁶²⁸ Bashman H.J. The battle over the soul of law professor blogs // *Washington University Law Review*. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1257-1261.

⁶²⁹ Froomkin A.M. The plural of anecdote is “blog” // *Washington University Law Review*. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1149-1155.

учености, как и классическое правовое исследование или устные дебаты⁶³⁰. Показательно, что большую часть полемики вокруг блогов он связывает с «грязной тайной» академической науки о праве: большинство профессоров права считают правовые исследования слишком скучными, чтобы серьезно и постоянно заниматься ими, при этом профессора права весьма искусны в том, чтобы уметь избегать того, что они не хотят делать. Если блоги дают чувство интереса и азарт открытия, значит, они вполне состоятельны в своем фундаментальном предназначении.

К. Харт и Т. Йин исходят из поколенческого науковедческого анализа: они показывают, что блогерами чаще выступают имеющие степень молодые претенденты на должность, нежели штатные преподаватели⁶³¹, связывая это обстоятельство с большим количеством досуга у непреподаяющих членов академии. Ведение исследователи рассматривают как рискованное предприятие, которое отнимает время от исследований, противопоставляет автора традиционной академии, делает его ошибки общеизвестными, его тексты – поверхностными, и ставит его в сомнительное положение в контексте погони за повесткой («хайпом», как сказали бы сегодня). При этом Харт и Йин конкретизируют связь блогинга с академическим письмом, характеризуя первый как новую форму черновика и тренажера стиля, позволяющего при этом не отрываться от контекста резонансных кейсов, значимых для профессии. Блог может быть инструментом повышения репутации автора в профессиональной среде, но в этом случае он требует высокой самодисциплины, осмотрительности и такта от правоведа-блогера. Любопытно, что авторы приводят аргументы из блога Э. Олтхауз, показывающие, что против правоведа-блогеров работают страхи правоведа-неблогеров: «они не понимают, что делают блоггеры, и беспокоятся, что мы сделаем что-то разрушительное или опасное с помощью нашей власти (такой,

⁶³⁰ Barnett R.E. Caveat blogger: blogging and the flight from scholarship // Washington University Law Review. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1145-1148.

⁶³¹ Hurt Ch., Yin T. Blogging while untenured and other extreme sports // Washington University Law Review. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1235-1255.

какая она есть!). Но они также не хотят знать, что это хорошо, потому что это порождает другой страх: от меня потребуют вести блог? Если ведение блога – это хорошо, будут ли они признаны неполноценными за то, что не ведут блог? И они, вероятно, уже, по крайней мере, немного завидуют повышенному авторитету своего коллеги»⁶³². Таким образом демонстрируется в том числе и традиционная консервативность юридической науки, которая тем не менее, не мешает блогам, по крайней мере, в некоторых случаях, становиться продуктивным средством установления диалога для тех, кто прямо (через аффилиацию) не инкорпорирован в академическую профессию.

Наиболее фундаментальной с точки зрения анализа сущности и форм теоретического правоведения является статья Д.А. Бермана, который настаивает на том, что блоги, как статьи и книги, всего лишь средство коммуникации, поэтому спор о том, могут ли они быть юридической наукой, не имеет особого смысла⁶³³. Он показывает, что развитие юридической науки отражает развитие средств массовой коммуникации, меняющих нормы как самой юридической деятельности, так и ее исследований⁶³⁴. Блоги дают мышлению теоретика краткость, освобождая его от бесконечного цитирования промежуточных положений, включают в его сообщество разнообразные аудитории, что способствует выдвижению новых идей, закладывают уважение к разнообразным формам юридической науки, воссоединяет исследование, практику и преподавание, открывают новые возможности для междисциплинарных исследований, пополняют коллекцию кейсов для эмпирической базы исследований. В результате усиливается потерянная синергия между исследованием, преподаванием и гражданским служением профессоров права.

Рассмотренный блок текстов наметил дальнейшие векторы цифровизации, вполне оправдавшиеся в последующие годы. Развитие

⁶³² Ibid. P. 1239-1240.

⁶³³ Berman D.A. Scholarship in action: the power, possibilities, and pitfalls for law professor blogs // Washington University Law Review. 2006. Vol. 84. Iss. 5. P. 1043.

⁶³⁴ Ibid. C. 1045.

сервисов интернета привело к существенным изменениям в понимании того, что является «блогом». Закат популярности живых журналов был вызван расцветом социальных сетей, но если рассматривать блог как форму публичного комментария, развернутого по онлайн-стандартам и короткого по стандартам офлайн-форм, предполагающий отклик (от лайков-репостов до объемных ответов) всех заинтересованных пользователей, то он вполне себе стандартен для подавляющего большинства видов цифровой коммуникации. В этом формате он не является систематической формой бытования правовой науки, но в условиях пандемийного карантина стал вполне себе рутинной и, если не массовой, то широкой эпизодической практикой, к которой прямо и или опосредованно прибегают философы и теоретики права, декларируя собственные или пересказывая чужие суждения. С этого времени так называемый «великий разрыв» (теоретическое противопоставление цифровой и печатной культуры) уходит в прошлое⁶³⁵.

Сами по себе цифровые форматы зависят от национальной специфики цифровизации. В США, например, где вообще развитость авторского права привела к быстрой институционализации научного цифрового контента, блоги с начала XXI в. аккумулировались вокруг университетских платформ, что обеспечивает их устойчивость и стабильность. Так, в рассмотренном выпуске «Washington University Law Review» отмечался блог Познера-Беккера (<https://www.becker-posner-blog.com/>) как «увлекательный», непосредственно способствующий «междисциплинарному сотрудничеству в области научных исследований» и «посвященный исключительно выражению научных идей»⁶³⁶. Сами авторы – судья Ричард Познер и нобелевский лауреат Гари С. Бекер – хорошо известны российскому читателю, первый как философ права, второй – как экономист. В литературе последних лет их блог продолжает считаться примером успешного и влиятельного формата научных

⁶³⁵ Sidorov S., Mironov S., Grigoriev A., Tikhonova S. An Investigation into the Trend Stationarity of Local Characteristics in Media and Social Networks // Systems. – 2022. – Vol. 10, No. 6. – DOI 10.3390/systems10060249.

⁶³⁶ Ibid. P. 1043, 1051.

дискуссий⁶³⁷. Известны философско-правовые работы, использовавшие интернет-субкультуру как стилистический инструмент, среди которых наиболее ярким являются работы П. Шлага⁶³⁸.

В нашей стране собственно авторские блоги философов права – скорее исключительные случаи, но их представленность в сети Фейсбук (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена) до февраля 2022 г. была довольно высокой. В ковидный период даже самые консервативные правоведа использовали онлайн-ресурсы для общения, все профильные конференции проводились в онлайн-формате, наиболее популярным периодическим мероприятием был семинар «В поисках теории права» (Юридический факультет НИУ ВШЭ-СПб, И.И. Осветимская и Е.Г. Самохина). Самым известным среди теоретиков права был и продолжает оставаться ресурс «ЮрКлуб» (<http://forum.yurclub.ru>), в котором временами появлялись интересные дискуссии, и, что, возможно, более важно, выкладывались полнотекстовые версии редких изданий по философии и теории права. Трудно переоценить их пользу, однако такое распространение часто, с формальной точки зрения, происходит с нарушением интеллектуальных прав (авторов, переводчиков, издателей).

В целом медиальный поворот в теоретическом правоведении имел кумулятивный характер, и шел постепенно, за исключением скачка ковидных лет. В первую очередь, он опирался на неформальное представление в цифровой форме текстов-источников, предполагая их оцифровку и предоставление к ним свободного доступа (в нашей стране часто это были полнотекстовые версии с различных частных ресурсов, размещавшихся с нарушениями авторского права на бесплатных хостингах, в первую очередь –

⁶³⁷ См., например: Breeze R. The Practice of the Law Across Modes and Media.: Exploring the Challenges and Opportunities for Legal Linguists // Legal Linguistics Beyond Borders: Language and Law in a World of Media, Globalisation and Social Conflicts.: Relaunching the International Language and Law Association (ILLA). Vol. 2. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 2019. P. 291-314.

⁶³⁸ См., например, Шлаг П. Спамовая юриспруденция, право из воздуха и беспокойство о рейтингах в связи с тем, что ничего не происходит / пер. Е.Г. Самохиной // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 1. С. 135-174.

Народ.ру). Во вторую очередь, он был связан с институционализацией цифровой периодики, аккумулируемой сегодня на портале elibrary.ru, если брать только российский сегмент, а также на аналогичных зарубежных ресурсах. На третьем этапе он перешел к расширению эпизодических интернет-обсуждений, предварительных и последующих по отношению к публикуемым текстам, в формат онлайн-конференций. Принципиальный вопрос заключается в том, являются ли данные изменения практик научной коммуникации качественными, или они только количественные?

В целом медиальный поворот ускоряет введение в научный оборот новых и редких текстов, расширяет сам корпус источников, доступных исследователю, и обнажает «обдумывание» положений и их предварительное и последующее обсуждение, которое в культуре печатной книги осуществляется в «кулуарной» неформальной коммуникации. Все это не может не влиять на усиление характерной для постнеклассической науки эпистемической ситуации господства методологического плюрализма, актуализируя новые практики методологического синтеза.

Действуя в ситуации множественности методологии, исследователь, даже находясь в рамках конкретного методологического проекта, вынужден учитывать существование отличных от собственных концептуальных моделей, как минимум, на этапах верификации и фальсификации полученных данных. Однако междисциплинарные исследовательские практики становятся настолько распространенными, что задача методологического синтеза превращается в рутину.

Понятие методологического синтеза было заложено еще Кантом в обосновании возможности синтетических априорных суждений, опирающихся на трансцендентальный синтез. Ключевую логическую роль в последовательности трансцендентального метода, интегрирующего дедукцию чистых рассудочных понятий с принципами конституирования,

функционализма, репрезентативности и телеологизма⁶³⁹, играет осуществляемый рассудком синтез, под которым понимается «присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в единичном акте познания»⁶⁴⁰, в результате которого многообразие содержания созерцания подчиняется через категории синтетическому единству апперцепции. Центральная роль в этом процессе принадлежит категориям. Трансцендентальный метод Канта универсален в том смысле, что он описывает каждый конкретный человеческий акт познания, приращение научного знания и создание культуры как таковой, поскольку она включает в себя все формы движения от проблемы к предмету. Однако обозначенные самим Кантом его антиномические ограничения являются своеобразным вызовом к его модернизации. Применительно к методологическим проблемам современной науки обращение к кантовскому трансцендентализму позволяет акцентировать логико-категориальную работу при формировании методологической платформы исследовательских программ. Как подчеркивает В.Л. Храмова, конкретно-научный анализ отдельных теорий требует вычленения категориального «ядра», свойственного данной теории, построения логической схемы (модели) теории, где «наряду со связями координации содержатся субординативные связи» (принцип субординации)⁶⁴¹. Методологический синтез должен связать координативные и/или субординативные связи двух и более теорий таким образом, чтобы они не потеряли свою продуктивность в отношении предмета, к которому будет прилагаться синтетический методологический продукт.

Анализ научной литературы через поисковый запрос «методологический синтез» на портале elibrary.ru (93 статьи на июнь 2020 г., 141 статья на февраль 2023 г.) показывает регулярность обращения к этому

⁶³⁹ См: Семенов В.Е. Основные принципы трансцендентального метода И. Канта // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. № 7. С. 11-23.

⁶⁴⁰ Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 108.

⁶⁴¹ См: Храмова В. Л. Категориальный синтез теоретического знания. Киев: Наукова думка, 1984. 295 с.

понятию в последние двадцать лет в самых разных дисциплинарных областях научного знания, от математики до истории. Тематика раздаваемых запросом статей далека от характерных для философии науки классических тематизмов, она сформулирована внутри дисциплинарного пространства и связана с его потребностями. Очевидно, что исследователям приходится обращаться к понятию методологического синтеза, самостоятельно разрабатывая его понимание при апробации новых подходов, как фундаментальных, так и прикладных. Готового руководства по производству методологического синтеза наука не знает, в каждом конкретном случае он является уникальным результатом сложного эвристического поиска.

Итак, во всех отраслях науки методологический плюрализм приводит к сходным проблемам, главной из которых является противостояние, конкуренция и рассогласованность доминирующих подходов. Эти типы отношений вовсе не обязательно отличаются остротой и даже конфликтностью, столь характерных для коммуникации основных типов правопонимания в юридической науке. Например, Л.В. Сморгунов констатирует, что синтетические поиски в методологии сравнительной политологии формируются на основе снижения противостояния дюркгеймовской и веберовской традиции в социальном знании⁶⁴². Действительно, столетнее сосуществование методологических линий Вебера и Дюркгейма привело к появлению множества компромиссных ответвлений, ориентированных на сближение и поиск сходства.

Аналогичную стратегии сближения-сходства выявляет Н.В. Михайлова, исследующая философско-методологические основания современной математики. По ее мнению, философско-методологический синтез отличается от простого соединения принципов тем, что он представляет собой слияние исходных, даже противоположных, принципов в концептуальную идею, имеющую новый смысл, сущность которой состоит в том, что она задает

⁶⁴² Сморгунов Л.В. Методологический синтез в современной сравнительной политологии // Метод. 2014. №4. С. 301.

совокупность методов исследования как составляющую часть своего методологического арсенала⁶⁴³. Поэтому основой единства современной математики должно стать не построение единого языка науки, а нахождение методологического сходства теоретико-познавательных ситуаций, требующих для своего анализа дополнительной системы понятий, которая способствовала бы устранению субъективных элементов и расширению объективного описания⁶⁴⁴. Методологический синтез, ориентированный на сближение, не завершает конструирование знания созданием стройной метафизической системы, он направлен на принципиально иную задачу – открыть новые способы коммуникации в теоретическом знании и тем самым обеспечить приращение знания. Не уложить коллекцию фактов в стройно расставленные ящики каталога, но открыть дорогу к взаимодействию, которого раньше не было. Полученная в результате идея должна дать новую методологическую программу, продолжающую стратегию поиска сходства, сближающая разные подходы на основе поиска родственных, тождественных или просто похожих элементов и связей в их структуре.

В теории права сближающая стратегия сходства характерна именно при интегративных поисках моделей, снижающих конфликтность типов правопонимания. Ее особенность – двухуровневая классификация теорий права, в которой базовые типы делятся на «сильные» и «слабые/мягкие», формируя матричные модели теоретических конструкторов и их свойств. На ее основе пытаются сблизить теории, преимущественно расположенные в слабых ячейках матрицы. Матричный подход практикуется имплицитно, как элемент вербального рассуждения, для воспроизведения которого, впрочем, не сложно составить таблицу. Возможны математические операции над матрицами, но работа методологического синтеза обычно ограничивается общими правилами

⁶⁴³ Михайлова Н.В. Принцип системности и философско-методологический синтез направлений обоснования математики // Философия науки. 2012. №3(54). С.94.

⁶⁴⁴ Там же. С.100.

формальной логики: слабые версии теории содержат меньше противоречий, поэтому их легче интегрировать в неконфликтный понятийный конструкт.

Деление теорий права на «сильные» и «слабые» версии настолько широко распространено, что установить пионера этой классификации представляется крайне затруднительным предприятием для историков юридической науки будущего; вероятно, оно восходит к общепринятому в истории философии делению философских учений на крайние и умеренные. Вместе с тем, в наши дни оно приобретает все большее значение для методологического синтеза в философии права. Например, демаркация классического и мягкого (умеренного) юридического позитивизма (экслюзивный и инклюзивный позитивизм в приводившейся выше терминологии Дж. Кроу) осуществлена в статье М.Н. Марченко «Умеренный позитивизм и верховенство права в условиях правового государства»⁶⁴⁵. Нормативизм Кельзена часто трактуется как сильный юридический позитивизм. В. Родригез-Бланко, рассматривая естественно-правовую концепцию Дж. Финниса, классифицирует ее как слабую версию нормативистской юриспруденции⁶⁴⁶, М.С. Мерфи квалифицирует ее же как слабое толкование естественного права⁶⁴⁷.

Как было показано в предыдущем параграфе, в отношении теории естественного права М.С. Мерфи предлагает применение разграничения сильного и слабого толкования⁶⁴⁸, чтобы выявить реальность оппозиции естественного права и позитивизма (он находит ее однозначно таковой только в случае отношений сильного толкования естественного права и позитивизма, что, впрочем, отнюдь не исключает противоречий для слабого толкования). В статье, разворачивающей аргументацию Мерфи, Дж. Кроу разграничивает

⁶⁴⁵ См: Марченко М.Н. Умеренный позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. №4. С.5-10.

⁶⁴⁶ Родригез-Бланко В. Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 1 // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 4 (23). С. 92-94.

⁶⁴⁷ Murphy M.C. Natural Law Theory // The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory /E. by Martin P. Golding and William A. Edmundson. Malden; Oxfor; Victoria: Blackwell pbl, 2006. P.21.

⁶⁴⁸ Ibid. P. 15-28.

теории естественного права на сильную и слабую версию: сильная точка зрения утверждает, что рациональный дефект в норме делает ее юридически недействительной, в то время как слабая точка зрения утверждает, что рациональный дефект в правовой норме делает ее юридически неполноценной, ущербной. На этой основе автором доказывается принадлежность естественно-правовой теории Дж. Финниса к слабой версии естественного права и предлагается аргумент по жизнеспособности гибридных теорий естественного права, пригодных к объединению сильной и слабой его версий⁶⁴⁹.

Стратегия поиска сходства универсальна и широко распространена. Но она не является единственно возможной. Новую стратегию методологического синтеза выдвинули представители метамодернизма – течения, сложившегося в XXI веке в западной метафизике. Метамодернизм объединяет весьма широкий спектр так называемых плоских онтологий, версии которых под различными «самоназваниями» развиваются плеядой философов молодого поколения, среди которых Г. Харман, К. Мейясу, Р. Брасье, Г. Харман, Л. Брайант, Н. Срничек и др.⁶⁵⁰. Опираясь на критический пафос постмодернистского проекта, медамодернизм направляет свои усилия на свободное конструирование онтологии после деконструкции философских оппозиций и иерархий. В качестве точки опоры он использует концептуальную практику перманентного «metaxis'а», предполагающего колебание между взаимоисключающими истинами и одновременное их принятие. Metaxis онтологически аффирмативен, он отказывается от негативных коннотаций постмодернистской деконструкции, все чаще рассматриваемой в философии права в качестве нигилистической стратегии, ради положительных утверждающих суждений. А. Павлов рассматривает метамодернизм как «новый тип чувственности («структура чувства»),

⁶⁴⁹ Crowe J. Natural Law Theories // *Philosophy Compass*. 2016. № 11/2. Pp. 91–101. 10.1111/phc3.12315.

⁶⁵⁰ Косыхин В. Г., Тихонова С.В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 71. DOI 10.17223/1998863X/71/11. С. 108.

который может обращаться к иронии, когда серьезности становится слишком много, и к наивности, когда в культуре начинает доминировать цинизм... Префикс «мета» обозначает одновременно «с», «между» и «за»... эпистемологически метамодернизм располагается «с» (пост)модернизмом, онтологически «между» (пост)модернизмом и исторически «за» (пост)модернизмом»⁶⁵¹. Метамодернистская осцилляция (Вермюлен и ван ден Аккер) между энтузиазмом модерна и насмешкой постмодерна предполагает раскачивание в концептуальном поле «между», представляющее собой как теоретическое, так и практическое действие-акт, сопровождаемое рекламой, интернет-продвижением, слиянием и поглощением внешних для течения концепций.

Спекулятивный реализм, акторно-сетевая теория Б. Латура, постдеконструктивный синтез М. Мардера едины в отказе от фигуры субъекта как базового эпистемического принципа. Метамодернисты притязают на исключение классических методологических схем модерна в ключе тезиса И. Богоста о том, что «все сущие одинаково существуют, хотя они и не существуют одинаково»⁶⁵².

Волновая концепция истории континентальной метафизики, предложенная Л. Брайантом, Н. Срничекрм и Г. Харманом в работе «Спекулятивный поворот: континентальный материализм и реализм» (англ. «The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism»)⁶⁵³, открывает новую перспективу оценки процессов теоретической «классикализации» через метафору «звезды», превращающей фигуру философа в источник волнового процесса в мышлении последующих поколений. В этом случае красивая физическая метафора звездного света является продолжением логики сведения субъекта к объекту, пульсация мысли которого воздействует на

⁶⁵¹ Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 1-19.

⁶⁵² Bogost I. Materialisms: The Stuff of Things is Many // I. Bogost Video Game Theory, Criticism, Design, 2010. February 21. URL: <http://www.bogost.com/blog/materialisms.shtml> (дата обращения: 08.06.2020).

⁶⁵³ См: The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Ed. by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. Melbourne: Re.press, 2011. 430 p.

интеллектуальное поле смыслов и оценок. Необходимо отметить, что сам метамодернизм опирается на цифровую культуру, будучи не столько к следующим поколениям, сколько вербуя единомышленников среди современников. Он как бы обращается к живым лицом-к-лицу в новой для метафизики среде онлайн-сообществ, открытых текстов и блогосферы⁶⁵⁴, его собственная объектность отнюдь не равнозначна пассивности, она акторна в повышении проницаемости коллективного разума для «света» самого метамодернизма.

Рассмотренные установки являются фундаментом характерного для метамодернизма методологического синтеза, в котором *metaxis* позволяет свободно расчленять конвенциональные тождества и сочетать то, что ранее считалось несочетаемым, создавая методологическую химеру. Химера, огнедышащее мифологическое чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи, долгое время была синонимом утопических проектов и необоснованных идей, показывающим нежизнеспособность сложносоставных конструкций. Негативные коннотации весьма характерны для использования этого понятия в юридической науке. Например, Е.Б. Хохлов определяет юридическую химеру как «как некую юридическую словесную конструкцию, которая обладает исключительно собственной большей или меньшей эстетической привлекательностью и ценностью... химера – это нечто, внешне существующее, но не имеющее никаких реальных оснований для своего существования; это плод рационалистических построений, не имеющий онтологической (т.е. бытийной) основы»⁶⁵⁵. По мнению автора, химеры появляются в юриспруденции в результате отравления «избытком» методологической свободы, они представляют собой

⁶⁵⁴ См: Кнэйт Н. П. Новый спор о старой проблеме: объективно ориентированная онтология и спекулятивный реализм // Экономические и социально-гуманитарные исследования № 1 (9) 2016. С.41-46.

⁶⁵⁵ Хохлов Е.Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С.4.

не(зло)качественные правовые абстракции, стремительно тающие при первом столкновении с реальностью⁶⁵⁶.

Антихимерическую критику философии права Е.Б. Хохлов продолжил совместно с Ю.И. Гревцовым в более поздней статье, посвященной химерам в современной юридической догматике, включая коммуникативную теорию права А.В. Полякова⁶⁵⁷. Фокусом текста стало понятие «абсолютного правоотношения», которое, по мнению авторов, относится к числу понятий, которые не только не помогают изучению и объяснению общих проблем правоправедения, но и очевидно направляют, в особенности неискушенную, исследовательскую мысль в глухой тупик⁶⁵⁸.

Однако, если исходить из предложенного Ю.И. Гревцовым и Е.Б. Хохловым четкого соответствия абстрактных понятий реальным предметам (в принципе, слабо выполнимого), то их концепция «юридической химеры» может быть пересмотрена. Если продолжать развитие метафоры, то в последние десятилетия геновая инженерия обеспечила слову новый смысл – в биологии химерами называются животные или растения, разные клетки которых содержат генетически разнородный материал. Химеры – нечастое явление среди многоклеточных организмов, для которых характерен универсальный набор генов для каждой клетки. Тем не менее, химеры изредка возникали в результате мутаций, рекомбинаций, нарушения клеточного деления до тех пор, пока биотехнологи не начали целенаправленное создание генетически модифицированных организмов. Появление жизнеспособных существ, обладающих признаками, детерминированными разными генетическими линиями⁶⁵⁹, совмещенными искусственно, привело к расширению содержания понятия «химера». Концептообразование

⁶⁵⁶ Там же. С. 14.

⁶⁵⁷ См: Гревцов Ю.И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоправедении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. №5 (268). С. 1-23.

⁶⁵⁸ Там же. С. 22.

⁶⁵⁹ Медведкина Д. А., Матвеева Т.В. Мыльников С. В., Тихонова С. В. Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области геновой инженерии // Экологическая генетика. 2016. Т. 14, № 1. DOI 10.17816/ecogen14134-48. С. 36.

метамодернизма вполне сопоставимо с практикой создания химер в современных биотехнологиях. Тем не менее, существование естественных химер означает только одно: химеры неизбежно будут появляться, тогда как незнание о механизмах их появления может привести к негативным последствиям. Жизнеспособная химера отнюдь не обязательно будет чудовищем, для ее описания вполне пригодна метафора «гадкого утенка», который превращается в прекрасного лебедя, хотя изначально сообщество его воспринимало как уродливое и чужеродное создание.

В философии метамодернизма особой разновидностью методологических химер стали концептуальные фигуры предшествующих метафизиков, детерминирующих те или иные линии рассуждений. Диалог с предшественником – опорная конструкция для создания философской концепции. Например, какой была бы философия Ницше, не будь она соотносима с творчеством Шопенгауэра? Однако метамодернизм не просто формирует полифоническую организацию философской рефлексии, он заходит гораздо дальше, соединяя то, что раньше считалось несоединимым. Отнюдь не случайно Г. Харман назвал собственную философию «неотвратимым мутантом, отпрыском гуссерлевских интенциональных и хайдеггеровских реальных объектов»⁶⁶⁰; она действительно представляет собой сплав хайдеггеровских и гуссерлевских идей, смешанных до такой степени, что Хайдеггер в прочтении Хармана не отделим от Гуссерля и наоборот. Фигура адресата источника становится химерой, вполне жизненной и даже агрессивной в своей заявке на состоятельность. Характерная для мысли Хармана любовь к самоуточнениям и самопоправкам, возможно, замешанная на свойственной интернет-публицистике стихии мгновенного комментария, легко модифицирует химеру в случаях критики. Харман сверхоперативно, по меркам предшествующей метафизики, перерабатывает свои концепции. Как отмечает О.В. Головашина, метафизический проект Хармана далек от

⁶⁶⁰ Грэхам Харман: «Мы живем внутри метафизики» // Нож. URL: <https://knife.media/grahamharman/> (дата обращения: 08.06.2019).

завершения, «он реагирует на замечания коллег, уточняет и дополняет какие-то отдельные аспекты своей метафизики⁶⁶¹. Здесь важно отметить, что спекулятивный реализм как новый подход изначально формировался «на два дома», все знаковые мероприятия, положившие ему начало (начиная с практического семинара Альберто Тоскано в Голдсмитском университете Лондона, апрель 2007 г.), анонсировались и обсуждались в интернете, практически все его участники ведут свои блоги и комментируют друг друга, выкладывают свои тексты в цифровом формате и на сайтах, и в социальных сетях, включая научно-профессиональные (в том числе известные в мире Academia.edu и ResearchGate).

Любопытно, что в мысли Хармана важную роль играет матричный принцип, однако не эпистемологический по поиску сходства, как в методологическом синтезе сглаживания, но онтологический, различающий то, что считалось тождественным. Харман использует его в «Четверояком объекте...»; разделяя все объекты и качества объектов на чувственные и реальные, он получает четверичную систему⁶⁶², в которой каждый элемент не рассматривается по отдельности. Четверичная матрица Хармана нужна для выявления напряжения между объектным и качественным полюсами. Д. Кралечкин так описывает онтологическую матрицу Хармана: «четвероякая структура объекта, выводимая Харманом посредством наложения друг на друга своеобразно понятых схем онтологий Гуссерля и Хайдеггера, на уровне собственной декларации, то есть явно выписанных требований и преимуществ, отличается именно тем, что один полюс никогда не сливается с другим и не вытекает из другого: то, что в обычном опыте представляется единством, здесь раскладывается на элементы, которые отстраняются друг от друга»⁶⁶³. Кралечкин подчеркивает, что матричная «четвероякость» далеко не

⁶⁶¹ Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г.Хармана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и Конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 11-12.

⁶⁶² См: Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.

⁶⁶³ Кралечкин. Д. О сургуче и капусте // Логос. 2014. №4 (100). С. 308.

так нова, как того хотелось бы Харману, и приводит в пример схематику Аристотеля-Бозция⁶⁶⁴. Философы права легко проведут параллели с учением Фомы Аквинского о видах законов. Тем не менее, сама по себе логика *metaxis*'а, как видим, позволяет конституировать сходство там, где всегда полагалось различие, и находить различие там, где всегда видели сходство.

Схожие с хармановскими процедурами по созданию синтетических химерических фигур можно усмотреть в «Демократии объектов»⁶⁶⁵ Л. Брайанта, синтезирующей язык Делеза и Гваттари с языками Латура и Лакана. При этом классические школы интерпретации классиков феноменологии, разумеется, с продуктом методологического синтеза Хармана согласиться не могут, скептически относятся представители классических направлений и к методологическим новациям Брайанта. Сложность химерических конструкций синтеза часто определяется как избыточная и надуманная, например, такая оценка присутствует в цитировавшейся статье Д. Кралечкина. Однако химерический синтез дает весьма неожиданные результаты: именно благодаря опубликованной 2009 г. Г. Харманом работе «Государь сетей: Бруно Латур и метафизика»⁶⁶⁶ за Латуром, прославившимся достижениями в области социологии и антропологии науки, закрепилась репутация метафизика. Впрочем, если не обращаться к процессам классикализации, то заметный эффект плоских онтологий заключается в том, что они вносят изменения в теоретические модели, характерные для традиционной западной онтологии, которая, по меткому выражению О.С. Мышкина, не столько ошибочна, сколько просто не является оптимальным инструментом в мире технонауки и цифрового общества, где между противоположностями «человеческое/нечеловеческое», по-видимому,

⁶⁶⁴ Там же. С. 303.

⁶⁶⁵ Брайант Л.Р. Демократия объектов / пер. с англ. О.С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.

⁶⁶⁶ На русском: Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229-248.

скрывается целая гамма сущностей, обладающих «промежуточным» онтологическим статусом⁶⁶⁷.

Рассмотренные стратегии методологического синтеза далеко не равноценны с точки зрения приращения философско-правового знания. Если первая является широко распространенной, особенно характерной для социологического и коммуникативного правопонимания, то вторая пока скорее является приглашением для философии права в новые методологические пространства. Весьма вероятно, что философия права, весьма активно (пусть и не быстро) осваивающая все достижения онтологии, сможет на него ответить. В заключение следует отметить, что методологический синтез обеих стратегий не сразу получает теоретическую легитимацию. Хотя стратегия схождения пытается развивать сближаемые ею традиции, представители от традиций почти всегда воспринимают их как перверсию исходной теории. Только постепенное накопление данных, полученных таким способом, примиряет противоборствующие стороны. Вызов химерической стратегии перекройки схождений и различий еще более радикален, что по факту означает размежевание с «корнями». Однако темпы его роста и скорость рекомбинации обеспечивает ему неплохие шансы на выживание.

Выводы:

Одним из самых масштабных последствий медиального поворота для юридической науки выступает появление такой формы технонауки, как цифровая гуманитаристика. Наиболее масштабно в правовой сфере она раскрывается через появление цифровых междисциплинарных областей в отраслевой науке, цифровизация теории осуществляется более скромными темпами. Основное направление развитие в этой сфере связано с включением в систему теоретических методов специальной методологии, основанной на конкретных цифровых сервисах. Некоторые из них, например, цифровые

⁶⁶⁷ Мышкин О.С. Грани нечеловеческого: манифестации иного в современной онтологии и эстетике // // Технолос. 2019. № 4. С. 88–100. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.4.07.

инструменты наукометрии и библиографии, обладают потенциально универсальным характером и пригодны для установления концептуальных связей между теориями и анализа преемственности научных концепций, но их применение пока носит спорадический характер.

Тем не менее, в фоновом режиме происходит смена общих исследовательских практик, опирающихся на культуру печатной книги, практиками цифровыми. Цифровизация создания и распространения научных текстов на сегодняшний день является основой научной периодики и книгоиздания, после пандемийного периода цифровизация характерна и для научных мероприятий. Все формы апробации и валидации научных идей, как формальные и неформальные, в цифровом формате неизбежно ускоряют процессы их обмена в научном сообществе. Весьма существенным вкладом в этот процесс является развитие блогосферы в контексте эволюции сервисов социальных сетей, усиливающее возможности неформальной экспертизы и усиление связанного с ней репутационного потенциала как внутри науки, так и в обществе⁶⁶⁸.

Ускорение введения в научный оборот новых и редких текстов, расширение доступа к «каноническому» корпусу философско-правовых источников для каждого исследователя, экспликация выдвигания гипотез и построения концепций в широкодоступной сетевой коммуникации и их валидизация в формальной и неформальной цифровой коммуникации упрощают процедуру методологического синтеза, обеспечивая для него более комфортные условия «обозревания» эмпирического и доктринального материала.

Содержательно методологический синтез связывает координативные и/или субординативные связи двух и более теорий в одну для того, чтобы создать базовый теоретический объект. В классической науке синтезируются генетически связанные между собой теории. Неклассическая наука работает в

⁶⁶⁸ Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т.55. №2. С. 125-126.

парадигме поиска фундаментальных сходств между синтезируемыми теориями. Существенный объем коммуникативной теории права составляет обоснование сочетаемости используемых подходов, наиболее частым приемом которой является переинтерпретация, например, феноменологическое прочтение психологической теории права Л.И. Петражицкого и гегельянских основ идеи признания И.А. Ильина А.В. Поляковым в концепте интегративного правопонимания или феноменологическое прочтение раннего Гегеля А. Хоннетом.

После медиального поворота появляются два новых вида методологического синтеза. К первому относится риторика сильных и слабых аргументов, направленная на поиск компромиссных версий противостоящих подходов и их последующая интеграция, снимающая исходный конфликт. Ко второму относится применение метамодернистского *metaxis*'а для свободного расчленения конвенциональных тождеств в классических теориях и сочетания того, что ранее считалось несочетаемым, в методологической химере, объединяющей несвязанные концепты в рабочий методологический инструмент. Освоение этих стратегий методологического синтеза становится главным вызовом медиального поворота для коммуникативной теории права.

§ 4.4. «Цифровая коммуникативная теория права»: определение содержания понятия и точки роста явления

Цифровая гуманитаристика отражает одну из самых актуальных тенденций в науках о человеке и обществе в нынешнем столетии. Потенциал цифровых исследований в этой сфере выглядит настолько масштабным, что, возможно, мы стоим на пороге весьма существенных изменений научных дисциплин, традиционно интегрированных в культуру печатной книги. В пример можно привести исследования С. Рапера, который с помощью программы Gephi и на основе информационных ресурсов «Википедии» разработал всеобъемлющую схему визуализации основных философских подходов и учений отдельных философов, выявив самые значимые и популярные⁶⁶⁹; Л. Мановича, проанализировавшего в проекте Visual Earth 270 миллионов изображений 100 городских районов с геотегами, размещенных в Твиттере, с целью изучения представлений об улучшении жизни в городе⁶⁷⁰; или проект итальянских исследователей «Картируя Данте», посвященного географии «Божественной комедии» с уточнением локаций литературных пространств⁶⁷¹; в исторической науке исследование прошлого с применением методов цифровой гуманитаристики позволяет решать задачи по изучению социальной структуры обществ, моделированию социально-экономических процессов, виртуальному реконструированию архитектурных объектов и т. п.⁶⁷²

В ближайшей перспективе возможен как рост получаемых результатов (приращение нового знания), так и увеличение «плотности покрытия»

⁶⁶⁹ Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А. В. Феномен цифровой гуманитаристики в контексте современной полидисциплинарной конвергенции // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. № 4(9). С. 92-97.

⁶⁷⁰ Чеботарева Е.Э. Проекты Digital Humanities как этап развития гуманитарной науки: попытка метацифрового взгляда // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 224-240.

⁶⁷¹ Gazzoni, A. Mapping Dante: A Digital Platform for the Study of Places in the Commedia // Humanist Studies & the Digital Age, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 82–95.

⁶⁷² Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Гараж истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 237-254.

предметов гуманитарного изучения (освоение «белых пятен», усиление эмпирического качества обоснования гипотез). Но самое интересное происходит в области методологии цифровой гуманитаристики. Собственно, определение дисциплинарного статуса этого направления связано именно с рефлексией специфики его методологических оснований. Пока доминирующей остается позиция, согласно которой цифровая гуманитаристика – это скорее новое междисциплинарное поле, чем самостоятельная дисциплина. Е.В. Самостиенко, например, связывает цифровую гуманитаристику с концепцией «зон обмена» П. Галисона и рассматривает ее как зону обмена, «включающую в себя большое количество автономных зон и создающую нечто наподобие рассеянной когнитивной лаборатории, содержащей не только идеи, но и информационно-технологический базис, набор коммуникационных практик и инструментов, с помощью которых эта сфера оказывается вписана в более широкую социокультурную и технологическую инфраструктуру»⁶⁷³. Вслед за ней Р.И. Мамина и Е.Е. Елькина видят в цифровой гуманитаристике конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта, появление которого связано с «трансформацией объекта и предмета исследования, ослаблением критериев объективности научного познания, методологическим и инструментальным характером междисциплинарности, преимущественно прикладным характером исследований»⁶⁷⁴. Тем не менее, Е.К. Погорский подчеркивает трансдисциплинарный характер цифровых гуманитарных наук⁶⁷⁵, а трансдисциплинарность сегодня трактуется как одна из ключевых эпистемических характеристик современного научного знания⁶⁷⁶. Ее задача –

⁶⁷³ Самостиенко Е. В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С.38.

⁶⁷⁴ Мамина Р. И., Елькина Е.Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // Дискурс. 2020. Т. 6. № 4. DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38. С. 34.

⁶⁷⁵ Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2014. Т. 5. С. 7.

⁶⁷⁶ Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза как фактор трансдисциплинарности научного знания // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. DOI: 10.17223/15617793/452/8. С. 73.

связать воедино не только акторов академической науки, но и гражданских экспертов в процессе интеграции различных методологических проектов в рабочий инструмент, в «гибридное сообщество», в котором доминирует «гетерогенность различных спецификаций коллектива»⁶⁷⁷. Эти интегральные «сплавы» характерны как для фундаментальных областей, так и для локальных стратегий. Таким образом, хотя цифровая гуманитаристика продолжает оставаться методологически рыхлой дисциплиной, в ней вполне могут появляться и закономерно появляются достаточно широкие по применимости методы, способные связать в единое целое если не всю цифровую гуманитаристику, то достаточно крупные ее ареалы. Если до сих пор основным подходом изучения развития цифровой гуманитаристики был подход институциональный, связанный с анализом сложившихся цифроориентированных исследовательских центров⁶⁷⁸, их миссий и проектов, то в начавшемся десятилетии у нас появляются основания фиксировать именно методологическую динамику цифровой гуманитаристики. Далее под цифровой гуманитаристикой будет пониматься переход гуманитарных отраслей науки к цифровому этапу развития, на котором конкретная отрасль (юриспруденция, философия, социология, психология, экономика, филология и т.п.) объединяет цифровую теорию и цифровую эмпирику. Последняя повсеместно развивается интенсивнее благодаря автоматизации конкретных, «полевых» методов сбора и анализа первичных данных; в юриспруденции они представлены правовой информатикой⁶⁷⁹, которая охватывает не только

⁶⁷⁷ Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Информационные риски и эффективность правовой политики // Журнал российского права. 2016. № 3(231). DOI 10.12737/18030. С. 90.

⁶⁷⁸ Можаяева Г. В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8-23.

⁶⁷⁹ В нашей стране свидетельством научной институционализации правовой дисциплины является появление в 2012 г. специализированного научного журнала «Правовая информатика», публикующего статьи по двум специальностям ВАК: 2.3.1 - Системный анализ, управление и обработка информации (технические науки) и 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки) по рубрикам. У истоков издания ведущие федеральные учреждения Минюста России — Российская правовая академия и Научный центр правовой информации, тематические рубрики журнала систематизируются по таким блокам, как общетеоретические вопросы информационного права; проблемы практики создания и внедрения баз данных правовой информации; направления формирования и развития системы информационной безопасности и построения развитого информационного общества; создание интерактивных «электронных» средств массовой информации в сети Интернет (http://uzulo.su/prav-inf/ru/ru_i.htm).

цифровые объекты, но и выдвигает цифровые методы, которые не могут существовать без определенной степени методологической теоретизации⁶⁸⁰. Что касается цифровой теории, то любая теория может рассматриваться в качестве таковой, если ее предметом являются так называемые цифровые объекты (социальные объекты, онтологический статус которых определен цифровыми технологиями), или она использует цифровые методы концептуализации своих объектов, или в ней выполняются оба эти условия.

Спектр цифровых технологий, применяемых в качестве рабочих инструментов в гуманитарных исследованиях, весьма разнообразен, как и их функциональные роли. Не случайно Э. Арнольд настаивает на том, что необходимо разделять четыре различных значения, в которых вообще сегодня употребляется понятие цифровой гуманитаристики (англ. “digital humanities”): во-первых, как исследовательская служба; во-вторых, как метод исследования; в-третьих, исследование цифровых сервисов для гуманитарных наук, в-четвертых, исследования цифровых методов в гуманитарных науках⁶⁸¹. В первом случае технология является не частью исследовательского процесса, она играет роль вспомогательной инфраструктуры для методологии, которая продолжает оставаться «классической». Во втором случае сам метод устроен таким образом, что представляет собой последовательность компьютерно-опосредованных процедур, использование машинного языка или базы данных составляет его суть, этому критерию удовлетворяют актуальные разработки машиночитаемого права⁶⁸². В третьем случае исследуются конкретные технологии, применяемые в научных изысканиях, само такое исследование является разновидностью прикладной информатики. В четвертом случае речь идет об исследованиях самих цифровых методов (Арнольд в качестве примера

⁶⁸⁰ Сидоров С.П. Тихонова С.В. Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 3. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-118-131. С.121.

⁶⁸¹ Arnold E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? // Digital Humanities München. 2020. 26 Juli.

⁶⁸² См.: Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231-236.

исследования алгоритмов автоматической или полуавтоматической лемматизации, - процесса приведения какой-либо словесной формы к ее словарному варианту лемме, – корпусов текстов). Все четыре варианта тесно связаны между собой, но, тем не менее, очевидно, что перед нами детализация методологии как таковой – цифровизация инфраструктуры метода, цифровизация самого метода, цифровизация его отдельных процедур и этапов. Когда цифровая гуманитаристика станет доминирующим, фоновым режимом существования наук и о человеке и обществе – сказать сложно. Отдаленные прогнозы строятся на естественной смене поколений (когда нынешние «цифровые аборигены» из молодых ученых превратятся в патриархов научных школ), ближайшие предполагают скорое появление революционных цифровых технологий; есть прогнозы, согласно которым широкое распространение цифровой гуманитаристики происходит прямо сейчас⁶⁸³. Именно сейчас становится очевидной возможность перехода самих научных теорий в цифровую фазу⁶⁸⁴, на которой методология теории может быть пригодной для цифровизации, а ее исследовательское поле – содержать множество цифровых объектов.

Может ли коммуникативная теория права стать цифровой теорией? Ответ на этот вопрос тесно связан с проблемой применимости самой коммуникативной теории.

Отмечу, что преимущества и границы применимости коммуникативной теории права А.В. Полякова многократно обсуждались, среди самых значимых обсуждений – двухтомная монография «Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции»⁶⁸⁵. Интегративный

⁶⁸³ См. подробнее: Terras M. A. Decade in Digital Humanities // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Т. 9. № 7. С. 1637–1650.

⁶⁸⁴ Fazi B.M. On Digital Theory // Digital Aesthetic Workshop, Winter 2023 (25.02.2023). Stanford Humanities Center. URL: <https://shc.stanford.edu/stanford-humanities-center/events/m-beatrice-fazi-digital-theory> (дата обращения 20.12.2023).

⁶⁸⁵ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014; Т. 2. Актуальные проблемы философии

потенциал рассматриваемой теории и ее востребованность в модернизации категориального аппарата теории государства и права заслужили высокую оценку. Однако она не означает отказа от дальнейшей концептуализации доктрины А.В. Полякова, ее собственно коммуникативно-теоретической проработки. Здесь возможны два направления анализа. Первый – структурный, связанный с дальнейшей концептуализацией самого феномена (правовой) коммуникации. Вторым связан с ответами самой коммуникативной теории права на вызовы, стоящие перед развитием гуманитарной науки, отражаемые метафорами «поворотов», актуальными среди которых сегодня являются медиальный и мемориальный повороты.

Структурный анализ может быть осуществлен в соответствии с базовыми элементами коммуникативной цепи (коммуниканты, канал, сообщение, эффекты).

Первая группа следствий касается коммуникантов, в зависимости от числа и соотношенности которых формируется структура правовой коммуникации. Модель А.В. Полякова принципиально полисубъектна. Как отмечает Ю.Ю. Ветютнев, полисубъектность является одним из основных преимуществ коммуникативной теории права, поскольку позволяет отказаться от одностороннего понимания правового регулирования, учесть обратную связь и обменную природу права⁶⁸⁶. А.В. Поляков, описывая субъектный состав правовой коммуникации, оперирует понятием «Другого». В частности, автор утверждает, что в основе идеи правовой коммуникации лежит «представление о необходимости Другого как соучастника правой реальности при одновременной «заданности» такой реальности «объективными» правовыми текстами»⁶⁸⁷. Другой в данном случае выступает знаком общества,

права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014.

⁶⁸⁶ Ветютнев Ю.Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 216.

⁶⁸⁷ Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права. С. 106.

в текстах А.В. Поляков часты отсылки к обобщенному, социальному характеру Другого⁶⁸⁸, при этом общение автор интерпретирует как обыденную, упрощенную версию социальной коммуникации, рассчитанную на личное взаимодействие⁶⁸⁹. Действительно, в современной социальной теории собственно социальным считается взаимодействие, которое включает минимум трех участников. Взаимодействие в парах рассматривается в рамках психологии личности, триада меняет эмоционально-психологические связи, добавляя к ним фигуру свидетеля, гаранта или арбитра, превращая их тем самым в связи социальные. Другой может быть реальным, потенциальным или воображаемым, независимо от его конкретных ролей его участие модифицирует отношение между участниками, меняет их ожидания, проекты и цели. Фигура Другого вносит во взаимодействие нормы и ценности, легитимирует принимаемые правила. Поэтому для правовой коммуникации социальность неизбежно означает множественность коммуникантов и обязательность возможности потенциального включения других субъектов. Как фигура Другого влияет на структуру правовой коммуникации?

Если бы речь шла о построении строгой дедуктивной теории правовой коммуникации, все разнообразие правовых интеракций можно было бы свести к единой модели коммуникативного действия. Теория коммуникации знает три таких модели: объект-субъектное подражание (реципиент «забирает» смыслы у коммуникатора), субъект-субъектный диалог (коммуниканты обмениваются смыслами), субъект-объектный монолог (коммуникатор передает смыслы реципиенту)⁶⁹⁰. Принципиальное отличие первой и третьей модели заключается в специфической роли коммуникатора в подражании – он вообще может не знать о том, что реципиент с ним взаимодействует, поскольку здесь коммуникация может устанавливаться через наблюдение и не

⁶⁸⁸ Например, Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 107.

⁶⁸⁹ Там же. С.95.

⁶⁹⁰ См.: Голуб О. Ю., Тихонова С.В. Теория коммуникации: учебник М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2011. 388 с.

предполагать полноценных социальных интеракций. В позитивистском правопонимании доминирует монологическая модель правовой коммуникации – законодатель устанавливает норму права, которую субъекты права должны осознать и принять в качестве руководства к действию. Так устанавливается императивная модель правоотношений. В юснатурализме господствует диалогическая конвенциональная модель правовой коммуникации: равные автономные субъекты учреждают правовую норму, которой они подчиняются. Так устанавливается диспозитивная модель правоотношений.

Свести друг к другу эти две модели невозможно, нарушение структурного баланса приведет к уничтожению одной из них. Противостояние двух великих подходов основано на принципиальном различии характерных для них моделей правовой коммуникации; позитивизму приходится обосновывать допустимость диспозитивной правовой коммуникации, например, через разграничение частной и публичной сфер права, юснатурализм выработал разные стратегии в обосновании особого статуса суверена. Однако для функционирования права требуются обе модели, возможно, объединяемые в синтетических формах. Например, позиция А.В. Полякова, в которой законодатель, и автономные субъекты подчиняются норме, которая осознается ими как необходимая и общезначимая, стоящая выше их частных «воль», может быть приближена к нелинейной модели Осгуда–Шрамма⁶⁹¹, в которой возможна смена функциональных ролей коммуникантов и акцентируется процесс интерпретации смысла сообщений. Норма права в этом случае может быть обнаружена как статичный (устойчивый) компонент перехлеста рамок соответствия фондов используемых значений⁶⁹².

⁶⁹¹ Schramm W. How Communication Works. // Process and Effects of Mass Communication. / Ed.: W. Schramm. Urbana: University of Illinois Press, 1954. P. 22-90.

⁶⁹² Тихонова С. В. Коммуникативная теория права А.В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 1. DOI 10.17816/RJLS181130. С. 40.

Следует отметить, что коммуникативная модель подражания, играющая в правовой реальности гораздо более скромную роль, тем не менее также значима, поскольку проявляется в феноменах правовых рецепций и аналогий, приобретая особое значение в периоды реформ законодательства. Можно ли в этом случае говорить о правовой коммуникации, если для А.В. Полякова правовая коммуникация возможна только между субъектами права, но невозможна как коммуникация законодателя с самим собой? Скорее, в данном случае речь идет о коммуникации по поводу права. Вариативность моделей правовой коммуникации диктуется потребностями социальной жизни, необходимостью удовлетворения широкого спектра противоречивых и разнообразных видов социальных потребностей.

Работа фигуры Другого в праве имеет свою специфику по сравнению с ее ролью в социальных отношениях. А.В. Поляков неоднократно подчеркивает динамичность, сложность, процессуальность правовой коммуникации: «коммуникация, следовательно, представляет собой определенный законченный цикл и есть целостность, порождающая другую коммуникативную целостность. Коммуникация – это не факты-вещи, а процессы-события»⁶⁹³. Теоретик выстраивает картину многовекторной правовой коммуникации, в которой отдельные коммуникативные акты связаны, сопряжены друг с другом, на них опираются и их порождают. Участники правовой коммуникации всегда являются субъектами права, однако признание за субъектом права роль правового коммуниканта не означает определение фиксированной коммуникативной роли (допустим, коммуникатора или реципиента). Субъекту права доступны разные коммуникативные роли в правовой коммуникации, и в конкретном правоотношении субъект права может играть либо пассивную, либо активную роль. Вариативность коммуникативных ролей коммуникантов в правовой коммуникации означает наличие типовых коммуникативных отношений при

⁶⁹³ Там же. С.99.

одновременной возможности перехода в коммуникацию разных типов, принципиальную возможность участия в разных ее моделях. Кроме того, субъектный состав правовой коммуникации также вариативен – конкретный коммуникативный акт может иметь разный набор участников, от одного до многих.

И здесь возникает вопрос о коммуникативной роли Другого в правовой коммуникации. Является ли Другой контрагентом по коммуникативному акту? Онтологические теории коммуникации в философии именно так определяют партнера по коммуникации, например, диалогическая концепция М. Бубера в качестве Другого определяет Ты, того, кто не Я и не Оно⁶⁹⁴. Другим оказывается партнер по живому межличностному общению экзистенциальной коммуникации, контрагент. Однако роль Другого в правовой коммуникации воспроизводит общую логику социальной коммуникации, где конкретный коммуникативный акт протекает между условными двумя, каждый из которых связан другими коммуникативными актами с третьим, Другим. Другой – это участник других актов правовой коммуникации, инфраструктурных или порождающих для конкретного акта правовой коммуникации, от воли, интересов или функции которого зависит ее конечная успешность. Для того, чтобы правовая коммуникация существовала как целостная система, фигура Другого должна быть «фигуративной», т.е. ее размещение в опорных коммуникативных актах должно быть типизировано с точки зрения характерных наборов отношений с ней (Н. Элиас). Если Другой в принципе собирается из фигураций, значит, его статус можно приписать тому, что является узлом таких типичных отношений. В этом ракурсе открываются перспективы перехода к пересмотру понимания категории субъект в плоских онтологиях. То, что ведет себя как человек (человекообразно), может претендовать на социальный статус и функцию человека, таковым не являясь. Таким образом немечается включение в

⁶⁹⁴ Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 15-92.

коммуникативную теорию права проблематики сильного искусственного интеллекта.

Вторая группа связана с каналом правой коммуникации. Канал объединяет материальные носители сигналов и их символическую функцию, способность через комбинаторику материальных объектов и процессов передавать смысл. Поскольку коммуниканты «входят» и «выходят» из фигур (коммуникационных структур) правовой коммуникации в зависимости от своих потребностей, пресуппозиция Другого не является единственным условием единства системы правовой коммуникации. Ключевая роль здесь принадлежит самореференции – способности правовой коммуникации самообосновываться через ссылку на себя же. Строго говоря, одна правовая коммуникация ссылается на другую правовую коммуникацию (иногда – на самое себя), однако эти ссылки всегда находятся внутри системы. Самореференция есть неотъемлемая часть процесса аутопойезиса социальных систем, в рамках конструктивистской эпистемологии отстаивается тезис о том, что мы знаем только вовлеченную в конструктивный (рекурсивный) процесс реальность⁶⁹⁵; в текстах Н. Лумана самореференция обозначает обращение системы к самой себе, то есть ссылку на саму себя⁶⁹⁶. Сущность самореференции раскрывается в понятии кода: «для возникновения права важно... знание специального кода, позволяющего общепризнанным способом определять правовое и неправовое, права и обязанности адресатов и действовать соответствующим образом»⁶⁹⁷. Код включает в себя как набор значений, закрепленных за символами, так и правила их организации в осмысленное целое. Семиотические исследования правовых норм акцентируют распространение принципов лингвистической нормативности на

⁶⁹⁵ Анохин В.Б., Божко Н.Ю., Морозова Н.А. Самореференция как философская проблема: кибернетика второго порядка, эволюционная и радикальная эпистемология, теория хаоса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №6. С. 99.

⁶⁹⁶ Например: Луман, Н. Реальность массмедиа. Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.

⁶⁹⁷ Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. : ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 103.

нормы права⁶⁹⁸. Специфика правовой самореференции требует самостоятельного изучения, однако очевидно, что ключевое значение для ее понимания имеют процедуры юридической техники и толкования права.

Особую важность в данном контексте приобретает разработанная А.В. Поляковым концепция видов и связи правовых текстов. Имплицитно она базируется на тезисе о строго формализованном характере текстового кода правовой коммуникации. Формализация предполагает изложение предметной области посредством конкретного языка. Как отмечает Ю.Ю. Ветютнев, форма правовой коммуникации представляет собой «общий режим отчетливой определенной речи и поведения людей», комбинирующий языковую, документальную, процедурную и визуальную формы⁶⁹⁹. Для концепции А.В. Полякова характерно доминирование текстуальной формы (собственно документы и тексты доктрины). Социальную коммуникацию он трактует как единство трех аспектов: текстуального (совокупность знаковых комплексов), ментального (когнитивно-эмоциональное осмысление и оценка текстов), праксеологического (взаимодействие субъектов)⁷⁰⁰. Действие правовой системы охватывает три стадии. Первая – создание текстовых «матриц»; вторая – когнитивное конструирование правовой нормы на основе воздействия правовых текстов на сознание субъектов; третья стадия – актуализация правоотношениями нормы права в действиях⁷⁰¹. Первичные тексты определяют саму возможность существования субъективных прав,

⁶⁹⁸ Невважай И.Д. Классификации норм в семиотической концепции норм // Мир человека: нормативное измерение - 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь. Сборник трудов международной научной конференции. Саратов: СГЮА, 2019. С.38-49.

⁶⁹⁹ Ветютнев Ю.Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 222-224.

⁷⁰⁰ Поляков А.В. Коммуникативная концепция права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.9.

⁷⁰¹ Поляков А.В. Право и коммуникация // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.11-32.

вторичные их конкретизируют⁷⁰². Первичные правовые тексты источников права и политических текстов государственной власти виртуальны, правовые тексты, создаваемые практикой реализации прав и обязанностей актуальны⁷⁰³. Виртуальные и актуальные тексты соединяются в процессе реализации живой нормы права, «оживающей» в сознании действующего субъекта права и его поступках. Переход из текстуальной статики в поведенческую динамику требует осознанного применения правил правового кода, необходимых для согласования текстов разного порядка.

При этом текст трактуется А.В. Поляковым как естественный способ объективации права: «никакое право не может существовать вне своего текста»⁷⁰⁴. Такой подход опирается на идеи Бахтина и Лотмана⁷⁰⁵, абсолютизирующие роль текста в культуре, и противоречит выработанному в теории коммуникации представлению о множественности каналов коммуникации (естественных и искусственных), связывающих сигналы различной природы по собственным синтаксисам (кодам) в смысловые сообщения. Перевод из кода в код разных медиа возможен, но он всегда принципиально не полон, именно поэтому текст прочитанный и произнесенный может приводить порождению различных смыслов, именно поэтому в цифровой коммуникации возник язык эмодиконов, именно поэтому

⁷⁰² Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.48-49.

⁷⁰³ Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.101

⁷⁰⁴ Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.48.

⁷⁰⁵ См., например: «в коммуникативном, деятельностном аспекте текст рассматривается не как языковая единица (любой отрезок линейно организованного потока речи), а как единица общения» (Поляков А.В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-исследовательской программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 29-157.), здесь А.В. Поляков идет за определением в статье Т.М. Дридзе, и выбранная дефиниция тождественна сообщению в классической коммуникативной теории. Но сообщения всегда представляют собой адаптацию субъективного смысла к физическим возможностям канала, а каналы, в свою очередь, по-разному способны аффицировать когнитивно-эмоциональные структуры человеческой психики.

кинематограф и телевидение стали самостоятельными каналами коммуникации, не сводящимися к иллюстрированию письменных текстов.

После изобретения письменности в культуре формируется стереотип о том, что текст является естественной формой культуры, хотя таковой всегда была и остается устная речь. Имманентный подход к тексту легко оборачивается фактической единственностью собственно текста как формы сообщения – потенциальность других способов не отрицается, но при этом они не изучаются. С одной стороны, у этой позиции есть серьезные основания, поскольку для современной российской правовой системы характерна текстуальная форма законодательства и правовой доктрины. С другой стороны, однако обращение к классическим формам права показывает связь некоторых из них с каналом устной коммуникации и символическими действиями. Как минимум, правовой обычай может бытовать и в устной форме, которая и была единственно возможной до появления письменности. Может ли использоваться отличный от печатного текста канал для объективации правовой коммуникации? Для А.В. Полякова текст – это любой знаковый комплекс, способный порождать смысл в сознании интерпретатора, к которому относятся как сборники законодательства, так и сигналы светофора, или даже выражение лица человека.

Но что происходит с правовой коммуникацией, когда ее начинают опосредовать современные цифровые формы? С этой точки зрения интересна концепция «юридического интерактивизма» Д. Хоуса, описывающая возможность применения интернет-технологий для создания новой (электронной) формы права⁷⁰⁶. Хоус сопоставляет особенности коммуникации в архаическом обществе и глобальной «кибердеревни» современности, показывая, что для этих моделей социальности характерны модели коммуникации, радикально отличные от способов создания и обнародования законов в западноевропейских обществах. Пытаясь применить выделенные

⁷⁰⁶ Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal / Revue De Droit De McGill. 2001. Vol. 47. P.39-57.

Л. Фуллером восемь принципов создания законов (всеобщность, обнародование, запрет обратной силы, ясность, отсутствие противоречий, выполнимость, неизменность во времени, соответствие действий и деклараций)⁷⁰⁷ к устным обществам, Хоус показывает несостоятельность большинства из них в условиях отсутствия текстовой коммуникации. Разумеется, распространение нетекстовых каналов в структуре правовой коммуникации возможно только в случае их пригодности к четкой формализации, которая может обеспечиваться, допустим, визуальными или процедурными формами. Коммуникативному подходу к формам права только предстоит дать ответ на вопрос о трансформации правовой коммуникации в условиях цифровой революции, однако имеющийся историко-правовой и антрополого-правовой материал позволяет сделать вывод о том, что правовая коммуникация принципиально способна выходить за рамки текста. Любая форма сообщений, известная коммуниканту, пригодна для процесса правового семоизиса (текста в широком смысле), понимаемого как порождение и осознание смысла права познающим субъектом. Но есть ли у электронных форм своя, особая специфика? В случае положительного ответа на этот вопрос возможен переход от понимания текста к медиатексту (цифровому тексту). Цифровизация правовых текстов приводит к складыванию машиночитаемого права, по которой подразумевают сегодня технологию, использующую математические алгоритмы для автоматизации процессов, связанных с правовой деятельностью различного характера⁷⁰⁸. Например, автоматизированный логический анализ правовых требований, решений судебных процессов, поиск и толкование правовой информации, регистрация документов. Нейросети используются для распознавания образов и классификации документов, что позволяет автоматически обрабатывать большие объемы документов и выявлять в них ключевые слова и фразы, облегчая поиск правовой информации. Сегодня в США появляются примеры

⁷⁰⁷ Fuller L.L. *The Morality of Law*, rev. ed. New Haven: Yale University Press, 1969. Pp. 41,46-91.

⁷⁰⁸ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 231-236.

судебных решений, принятых с помощью искусственного интеллекта (американца Эрика Лумиса приговорили к шестилетнему заключению на основе рекомендаций нейросети, которая выявила всю историю подсудимого с законом и признала его опасным)⁷⁰⁹. В России в 2021 г. принята Концепция развития технологий машиночитаемого права, которая предусматривает создание системы автоматизированной обработки документов и управления ими в государственных органах власти⁷¹⁰.

Третья группа связана с сообщением. Сообщение объединяет организованную по правилам кода материальную компоненту и вложенный в нее смысл, учитывая смысл исходный, сформулированный коммуникатором, и смысл конечный, воспринятый реципиентом. Как показывалось выше, содержанием правовой коммуникации в коммуникативной теории права А.В. Полякова являются правомочия и правовые обязанности субъектов, при этом речь идет именно об осознании коммуникантами правомочий и обязанностей, отражаемых сообщением. Вообще говоря, осознание как специфическая деятельность субъекта права, вероятно, является специфическим «центром силы» концепции А.В. Полякова. Поскольку анализируемая версия коммуникативного правопонимания разрабатывалась в русле социальной феноменологии, коммуникативность самосознания, обеспечивающая способность понимания и взаимопонимания, акцентирует значимость обращения к формированию убежденности коммуниканта в существовании права: «право есть только там, где люди убеждены, что оно есть»⁷¹¹, в этом аспекте оно существует по логике сформулированной Р. Мертоном теоремы Томаса, согласно которой если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих

⁷⁰⁹ Межирич Я.В. Механизм машиночитаемого права: особенности сочетания математических начал и права // Человек. Социум. Общество. 2023. № 9. С. 205-213.

⁷¹⁰ Мустафин Р.Ф., Вирич Ю.А. Машиночитаемое право: реальность и перспективы // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2022. № 1(13). С. 57-64.

⁷¹¹ Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 101.

последствиях. Опираясь на правовые тексты, коммуниканты понимают некий смысл, как право и передают свое убеждение контрагентам. Право как intersubъективный смысл создается познающим мышлением, утверждающим справедливость в процессах взаимного признания, взаимного понимания, взаимной удовлетворенности. Это intersubъективное измерение правогенеза задано характерной для мысли А.В. Полякова укорененностью в феноменологической концепции intersubъективности социального мира, в которой индивид включается в общность с Другими, совместно с ними производя смыслы, отражающие их общую реальность. Такой подход легко сводится к субъективному измерению правогенеза, к установлению правового смысла познающим сознанием, но он гораздо шире, поскольку сознание в данном случае в чисто гуссерлевской логике всегда не только мое, поскольку в нем естественным образом воспроизведены сознания гипотетических Других, оно социально, и, следовательно, объективно. Не случайно И.Л. Честнов подчеркивает значимость intersubъективности в коммуникативном правопонимании для сплавления субъективного и объективного аспектов бытия права⁷¹².

Каждый участник правовой коммуникации несет не солипсическую правовую идею, отражающую статическую формулу его субъективных прав, но непрерывно уточняет ее, калибрует в процессе взаимодействия: «коммуникация определенным образом перестраивает сознание коммуникантов, адаптирует их друг к другу»⁷¹³. Понимание права не предпослано коммуникатору до инициации коммуникативной цепи, не отнесено исключительно к реципиенту после ее завершения. Оно непрерывно мерцает, интерферирует (Н. Луман) на протяжении коммуникативного акта,

⁷¹² Честнов И.Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 23.

⁷¹³ Поляков А.В. Коммуникативная концепция права // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 9.

вовлекая в процесс интерференции всех участников. Это мерцание не обязывает исследователя отказываться от последовательного хронологического анализа цепи коммуникативного акта во времени. Но им нельзя пренебречь в стремлении к установлению сущности правовой коммуникации.

Последняя группа связана с эффектами правовой коммуникации. Эффекты могут быть ментальными (изменение содержание сознания, появление новых знаний или изменение знака оценки в этих знаниях) и поведенческими (изменение поведения, совершение поступков или отказ от их совершения). Проблема осознания обеспечивает выход на новую трактовку эффектов правовой коммуникации. Феноменологическая интерпретация нацелена на финальное совпадение исходного и конечного пониманий права коммуникантами. Но эта коммуникативная ситуация играет роль скорее гипотетического идеала, поскольку спектр эффектов правовой коммуникации охватывает не только сознание, но и поведение людей. Более того, именно поведенческие изменения в эффектах правовой коммуникации играют ключевую роль. Роль права как социального регулятора в первую очередь связана с его способностью устанавливать рамки для поведения индивидов, ограничивая их деяния, если они несут в себе общественную опасность.

Для А. В. Полякова крайне важно посредством социально-феноменологического анализа правогенеза подчеркнуть легитимный характер правового принуждения, поскольку прямое насилие, в том числе осуществляемое государством под прикрытием права (хорошо известное на примере нацистского режима), не перестает быть насилием и произволом, разрушающим социальность и требующим реабилитации пострадавших. Эта позиция сближается с положениями коммуникативной теории права М. ван Хука, согласно которому «эффективность санкций и принуждение в любом случае играют ограниченную роль в праве»⁷¹⁴, поскольку чаще всего люди

⁷¹⁴ Хук, ван М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 53.

«следуют» нормам права потому, что их признают, или потому что они дают больше преимуществ. Но А.В. Поляков идет дальше, настаивая на том, что «отношение к человеку как к цели — это субъект-субъектное отношение, в отличие от инструментального субъект-объектного отношения, в рамках которого отсутствует коммуникация. Поэтому не может быть правовым, например, распоряжение оккупационных властей, требующее соблюдения комендантского часа под угрозой расстрела. Такое распоряжение, порождая информационную коммуникацию, не порождает правовую коммуникацию»⁷¹⁵. Когда законодатель принимает норму об уголовном наказании, устанавливается легитимная правовая коммуникация на основе содержащего норму закона, «исходящего от законной власти, требованиям которой необходимо подчиняться как власти «своей», действующей в интересах всего общества, власти «публичной» в исконном смысле этого слова»⁷¹⁶.

Тем не менее, специфика правовой коммуникации во многом связана с принципиальной возможностью блокировать конкретные коммуникативные (социальные) акты, ограничивать коммуникативную активность коммуниканта. В этом контексте показательное развитие теорий социального конфликта во второй половине XX века: Р. Дарендорф не только выдвинул свою концепцию социального конфликта⁷¹⁷, но и предложил институализируемый набор процедур по его разрешению, ориентируясь на практику гражданского судопроизводства. Ядром концепции Дарендорфа является добровольное подчинение участников конфликта решениям признаваемого ими арбитра. В этом случае социальность современного общества «учится» у права, отказываясь прибегать к монополизированному

⁷¹⁵ Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6(323). С. 64.

⁷¹⁶ Там же.

⁷¹⁷ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. // Иностранная литература. 1993. №4. С. 236-242; Он же. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. №5. С.142-147.

государством насилию и опираясь на диспозитивную модель правовой коммуникации диалога.

Вместе с тем, государство в лице компетентных органов и представляющих их должностных лиц так же является участником правовой коммуникации. Интеракции, предполагающие возможность применения государственного принуждения, входят в ее систему.

Идентификация коммуникации в качестве правовой невозможна только по одному ее элементу, так как осознаваемые коммуникантом правомочия и обязанности (отличительная черта правовой коммуникации в концепции А.В. Полякова) не локализованы в одном-единственном элементе коммуникативной цепи. Тем не менее, в правовой коммуникации есть сематическое и аксиологическое ядро, в котором его сущность реализуется максимально полно.

Рассмотренные группы следствий базовых положений коммуникативной теории права одновременно выступают точками ее методологического роста, способными перерасти в цифровую фазу. Нейросети становятся новой вехой в истории медиального поворота, их правовое применение означает переход к машиночитаемому праву. Уже сегодня базовой цифровой технологией создания справочных правовых систем является гиперссылочный медиатекст, модернизирующий саму юридическую догматику вплоть до процессов систематизации права. Такие технологические перспективы, способные обеспечить коммуникативной теории права и появление в ее предметном поле новых цифровых объектов, и новые теоретические цифровые методы. В антропологической перспективе эти методы не могут не быть связанными с информационной безопасностью. Концепция правового признания строится на презумпции искренности коммуникантов. Но в условиях постправды ложь и фальсификация естественным образом просачиваются в структуру правовой коммуникации. Что происходит с последней, если человек не может отличить текст, созданный нейросетью от сообщения Другого, а единственным критерием их

демаркации является другая нейросеть? На эти вопросы еще предстоит ответить, если теория намерена служить гуманистическому развитию права и показывать его антропоцентрично, как результат активности человека, направленной на улучшение его собственной жизни.

Выводы:

На основе структуры коммуникации могут быть выделены узловые моменты, в которых возможно расширение эвристического потенциала коммуникативной теории права, перехода ее к формату цифровой теории, оперирующей цифровыми методами и цифровыми объектами. В части теории, связанной с рассмотрением коммуникантов, А.В. Поляков вводит intersubъективную фигуру Другого, благодаря которой правовая коммуникация ориентирована на контрагента. Однако принципиально возможна иная фигуративность Другого, основанная на типизации полисубъектной коммуникации и комбинаторике классических форм коммуникации в промежуточных моделях, в которую могут включаться и цифровые «нечеловеческие» агенты. Рассмотрение канала коммуникации выявляет возможность корректировки избранного А.В. Поляковым широкого понимания текста как любой совокупности знаков, включенной в семиозис, узким пониманием текста как формы сообщения, опирающимся на идею М. Маклюэна о коммуникационных революциях. В этом случае открываются перспективы исследований, посвященных роли медиатекста в правовой коммуникации цифрового общества. Сообщение является материальной основой транспортировки смысла правовой коммуникации. Возможно расширение теории при анализе процессов интерференции смысла в пределах одного сообщения на основе методологии аутопойэзиса Н. Лумана. Эффекты правовой коммуникации могут быть рассмотрены более панорамно при детализации системы блокировок коммуникации различного характера, концептуализируемых на основе теории социального конфликта Р. Дарендорфа. Структурный анализ коммуникации является как стратегией детализации ее признаков, так и, одновременно, методологическим приемом

расширения теории через новые проекты методологических синтезов с социальными теориями.

По итогам четвертой главы можно сделать следующие **выводы**.

Медиальный поворот становится базовым вызовом для развития коммуникативной теории права. Благодаря ему не только появляются новые цифровые объекты, относящиеся к предметному полю правовой коммуникативистики, но и меняются базовые для философско-правовой мысли категории, в первую очередь, категории субъекта и объекта. Пересборка первой связана с перспективами изменения понимания человеческого тела в специальном смысле медиафилософии, осложненное цифровой эпохой. Новый подход к пересмотру второй связан с тем, что в условиях притязаний метамодерна на отказ от иерархических онтологий и наделению объекта различными активными характеристиками, может конкретизироваться правовая интерпретация роли и значения автоматизированных и в значительной степени опосредованных действий, характерных для цифровой эпохи (например, в перспективе может обосновываться юридическая фикция субъектности каких-либо объектов).

Кроме того, медиальный поворот приводит к усилению интегративных тенденций в философии права. Перед его наступлением концептуальный натурализм выдвинул методологические программы, отличающиеся высокой степенью коммуникативной открытости. В его условиях цифровизация инфраструктуры философско-правовых исследований создает условия для повышения скорости и увеличения масштабов методологического синтеза. В юснатурализме распространяется методологическая риторика сильных и слабых аргументов, направленная на сглаживание конфликта основных типов правопонимания через поиск компромисса между их умеренными версиями. В современной онтологии появляются методологические проекты синтеза химерического типа, комбинирующего несвязанные и неродственные

подходы и концепты. Коммуникативная теория права в этих условиях сталкивается с вызовом освоения этих стратегий или выработки новой программы их критики. При этом ее категориальные ряды способны эволюционировать, выводя саму теорию на новый, цифровой уровень развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного диссертационного исследования, посвященного формированию научной концепции развития коммуникативной теории права в условиях характерных для цифровой эпохи медиального и мемориального поворотов, свидетельствуют о том, что рассмотренная проблема актуальна. В настоящее время наблюдаются признаки формирования нового, цифрового, исторического типа научной рационализации, вызванного к жизни медиальным поворотом, что означает переход к новой идейно-методологической ситуации, требующей как модернизации существующих правовых теорий, так и выдвижения новых методологических проектов. Радикальные трансформации социальной жизни, происходящие под воздействием развития информационно-коммуникативных технологий в последнее время, требуют масштабных междисциплинарных проектов для адекватного отражения в научном правовом знании, что детерминирует необходимость модернизации категориально-методологического аппарата теории права в целом, в том числе его блока, отвечающего за научно-методологическую, науковедческую квалификацию научных теорий в правовой теории.

Медиальный поворот инициировал новую волну мемориального поворота, связанную с актуализацией государственно-правовой политики коммеморативного характера. В этой связи возрастает значимость разработки нового методологического инструментария для объяснения разноплановости и многомерности правогенеза в современном обществе и учета этого обстоятельства при разработке телеологии и инструментария правовой политики. Одним из основных направлений реализации данной задачи является формирование категориальных рядов (историческая правда,

историческая справедливость, историческая ответственность), необходимых для теоретического обеспечения данного вида правовой политики.

Изучение литературы по проблематике формирования и становления коммуникативной теории права, ее развитию в условиях цифрового общества, ее систематизация и классификация позволили выявить различные направления и методики их исследования, определить наиболее значимые труды и персоналии, но, одновременно, привели к выводу, что среди публикаций мало специальных работ, посвященных коммуникативной теории права, и еще меньше работ со специальной акцентуацией проблем, связанных с цифровыми вызовами, стоящими сегодня перед этой теорией.

В теории права собственное место должно принадлежать анализу закономерностей становления и функционирования современных научных теорий, ее эволюции под влиянием социальных факторов, что позволит оперативно адаптировать правовую теорию к насущным потребностям общества. Распространение информационно-коммуникационных технологий открывают перед человечеством новые перспективы построения справедливого гуманного общества, и, одновременно, несут в себе новые опасности продуцирования системы глобального контроля и подавления, политического и правового отчуждения небывалых масштабов. Поэтому данные процессы требуют нового осмысления в терминах правовой коммуникации и поиска решений для минимизации их негативных последствий.

Сформулировав, таким образом, направление диссертационной работы, диссертант конкретизировал его в определении и исследовании нескольких проблем построения концепции развития коммуникативной теории права, попытки решения которых привели к излагаемым ниже результатам.

Коммуникативная теория права, созданная А. В. Поляковым, вписывается в философский контекст отечественных правовых теорий и соответствует современным западным учениям о праве, учитывающим влияние процессов коммуникации на формирование правовых отношений и

норм. Методологическая стратегия, выбранная автором теории, строится на феноменологическом подходе и позволяет, учитывая актуальные данные социальной теории, дать непротиворечивое описание субъекта права и правовой нормы, снимающее противоречия между правовым позитивизмом и юснатурализмом.

Синтез дореволюционной теории права и социальной феноменологии, дополненный обращением к теории коммуникации позволил А. В. Полякову разработать учение о правовом признании как фундаменте правогенеза, в котором границы поведения субъектов выстраиваются на основе понимания и непрерывно взаимосогласуются в процессе коммуникации. Правовое признание опирается на факт онтологического существования Другого как представителя человеческого рода, в отношении которого происходит добровольное возложение обязанностей, корреспондирующих правам Другого, и на которого проецируются ожидания по поводу своих собственных прав.

Категория правовой коммуникации, используемая А. В. Поляковым, позволяет ответить на вопрос «что такое право?», на основе двухуровневой эссенциалистской теории. Первый уровень раскрывает трансцендентальные основания правовой коммуникации, а второй выводит ее в плоскость онтологических фактов, реальных интеракций и норм права. Эта двухуровневая теория описывает правовую коммуникацию как мыслекоммуникацию, знаковый комплекс или попросту текст, объективирующий ее. Такое понимание правовой коммуникации актуально в цифровую эпоху, когда появляются новые формы правовых отношений, в которых участвуют цифровые технологии, включая искусственный интеллект⁷¹⁸.

Западная версия коммуникативной теории права представлена социально-правовыми концепциями Н. Лумана, Ю. Хабермаса, А. Хоннета, М.

⁷¹⁸ Дыдров А.А., Батурина И.А., Тихонова С.В. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No 1. С. 74. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.302>.

ван Хука, представителями Франкфуртской школы социальной теории. Они объясняют право с функциональных позиций как продукт консенсуса или конфликта intersубъективных коммуникативных действий, формирующих западную демократию. Элементы коммуникативных действий они связывают с правовыми нормами, для того чтобы объяснить плодотворность развития европейского права в XXI веке на основе юридической науки.

Медиальный поворот стал триггером появления мемориального поворота, оказывающего влияние на современные концепции права. Коммуникативная теория права в контексте мемориального поворота вынуждена обращаться к категории коллективной памяти для определения сущности правогенеза, развивающегося в процессе непрерывной коммуникации. Цифровая коммуникативная теория права необходимым образом будет включать в себя память наряду с триадой осознание-признание-взаимодействие, которые лежат в основе правовой коммуникации и правового признания. Это позволит говорить не только о незыблемости естественно-правовых оснований правовой коммуникации, но и поставить вопрос о разработке философско-правовых интерпретаций коллективной ответственности.

Медиальный поворот стал вызовом развитию коммуникативной теории права, но в то же время, он показал ее эффективность в качестве концепции, позволяющей непротиворечиво объяснять «что такое право?» в изменяющемся цифровом мире. Эпоха цифровизации не только наглядно показала всеобъемлемость медиа как посредника и условия коммуникации, но и привела к появлению цифровых субъектов и объектов, правовой статус которых нуждается в определении в силу очевидности их большой роли в социальной жизни общества и человека. Коммуникативная теория права способна учитывать участие цифровых технологий в правогенезе, что делает возможным говорить о цифровой правовой теории.

Массив эмпирического материала, отражающего реалии процессов выработки современной теоретизации, оставляет широкое пространство для

развития коммуникативной теории и обогащения ее конкретными данными. В диссертационной работе на основе коммуникационного подхода предпринята попытка обозначения методологических точек роста коммуникативной теории права, которые под влиянием медиального поворота могут привести к переходу самой теории на цифровой этап развития.

Перспективу в исследовании становления коммуникативной теории правы могут составить такие направления как: формирование цифрового по содержанию категориального аппарата внутри теории, основанного на развитии узкого понимания текста как канала коммуникации, позволяющего фиксировать специфику цифровых форм правотворчества и правоприменения. Но главной, по мнению диссертанта, является проблема переопределения субъекта права, возникающая в ситуации возможности технологической самомодификации человека и быстрого развития самообучающегося искусственного интеллекта, способного перейти к сильной форме.

Данные положения открывают перспективы теоретико-правовых, политических, социологических исследований по разработке, обоснованию и внедрению новых информационно-коммуникационных технологий, направленных на гармонизацию взаимоотношений личности, государства и технических акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники на русском языке

Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.07.1996 № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 01.07.2021 № 292-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 16, 19, 20, 25 июня; 2022. – 25 марта.

3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 290.

4. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 14.07.2023).

Научные статьи и разделы коллективных монографий

5. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях / Г.М. Агеева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №363. – С. 68-74.

6. Аитова Г.Ш. Социокультурные и исторические смыслы справедливости: российский контекст / Г.Ш. Аитова // Альтернативы. – 2016. – № 2. – С. 292-303.

7. Андреев А.В. Глобализация, информационные технологии и формирование «глобального сетевого общества» / А.В. Андреев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1(49). – С.57–61
8. Андриющенко Е.С. Интернет-отношения: Понятие и классификация / Е.С. Андриющенко // Вестник СГАП. – 2010. – №3. – С. 150-154;
9. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти / Д.А. Аникин, А.Ю. Бубнов // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 1 (53). – С. 19-28.
10. Анохин В.Б., Божко Н.Ю., Морозова Н.А. Самореференция как философская проблема: кибернетика второго порядка, эволюционная и радикальная эпистемология, теория хаоса / В.Б. Анохин, Н.Ю. Божко, Н.А. Морозова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – №6. – С.94–99.
11. Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права /М.В. Антонов, А.В.Поляков, И.Л.Честнов // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – СПб: С.549-570.
12. Антонов М. В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова / М.В. Антонов // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6(105). – С. 22-33.
13. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Гараж истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 237-254.
14. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 75-87. – DOI 10.17976/jpps/2022.05.06.
15. Артамонов Д. С., Тихонова С.В., Чеботарева Е. Э. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти / Д. С.

Артамонов, С.В. Тихонова, Е. Э.Чеботарева // Шаги/Steps. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 10–24. – DOI: 10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24.

16. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Философия науки и техники. – 2024. – №1. – С. 73-83. – DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-73-83.

17. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. "Безжалостная милостивая Лета" Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2(12). – С. 15-21. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21.

18. Артамонов Д.С., Устьянцев В.Б. Цифровая философия истории: постановка проблемы / Д.С. Артамонов, В.Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 4-9.

19. Архипов В. В. Субъектность как основная научная проблема цифрового права: к постановке гипотезы / В. В. Архипов // Юридический мир. – 2023. – № 4. – С. 14-18.

20. Архипов С.В. Феноменологические мотивы концепции права Н. Н. Алексеева / С.И. Архипов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – №160. – С. 122-128.

21. Архипов С.И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова / С.И. Архипов // Российский юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 20-28.

22. Архипов С.И. Представления о праве Николаса Лумана / С.И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 1. – С. 5-12.

23. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций / В.А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. – Т. XVI. – №4 (69). – С. 106-123.

24. Бабайцев А.Ю. Коммуникация / А.Ю. Бабайцев // Постмодернизм. Энциклопедический словарь. – Минск, 2001. – С. 372.
25. Байрамов, Р. Р. Обзор некоторых аспектов теории правогенеза в контексте коммуникативной теории права / Р. Р. Байрамов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 3(75). – С. 84-86.
26. Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания современной России: Проблемы и противоречия / Е.В. Беляев, А.А. Линченко // *Studia Humanitatis*. – 2016. – № 2. – С. 21.
27. Богдановская И.Ю: Концепция «электронного государства» (сравнительно-правовые аспекты) / И.Ю. Богдановская // Четвертая конференция «Право и интернет: теория и практика». – М., 2009. – URL: http://www.parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=346. (Дата обращения 12.08.2022).
28. Бодрунова С.С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения / С.С. Бодрунова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – № 1. – С. 110-132.
29. Будилов В. М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») / В.М. Будилов // Вестник С.- Петербургского ун-та. Право. – 2017. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 4-25.
30. Варламова Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 9-46. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova.
31. Варламова Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? (окончание) / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 5. – С. 141-167. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-5-varlamova.

32. Васькова М.Г. Проблемы построения электронного государства: теоретические аспекты / М.Г. Васькова // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №3. – С.278-280.

33. Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Вербилович О., Малинова О.Ю., Семенов А.В., Трубина Е., Хартблэй К., Ярская-Смирнова Е.Р., Ясавеев И. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. – М.: 2013. – С. 35-52.

34. Веренич В. Коммуникативный акт в теории Юргена Хабермаса: опыт семиотического анализа / В. Веренич // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. – М.: Проспект, 2020. – С.102-126.

35. Ветушинский А.С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской / А.С. Ветушинский // Философия и культура. – 2016. – №12 (108). – С. 1625-1630. – DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796.

36. Ветютнев В.В. О правопонимании Рональда Дворкина / В.В. Ветютнев // Журнал российского права. – 2005. – №10 (106). – С. 132-141.

37. Ветютнев Ю.Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации / Ю.Ю. Ветютнев // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 222-224.

38. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?» / Л. Визинг. – URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (Дата обращения 31.01.2022).

39. Волокитина Т. С. Нейросеть для распознавания изображений / Т.С. Волокитина // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 3(119). – С. 9.

40. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Теория естественной и исторической справедливости / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев // Казанский вестник молодых учёных. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 62-65.

41. Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана / О.В. Головашина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и Конфликтология. – 2018. – Т. 34. – Вып. 1. – С. 11-12.

42. Голуб О. Ю., Тихонова С.В. Теория коммуникации : учебник / О. Ю. Голуб, С. В. Тихонова. – М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2011. – 388 с.

43. Голуб О. Ю., Тихонова С.В. Коммуникативистика vs информационное право: теоретические проблемы применения информационного подхода в информационном праве / О.Ю. Голуб, С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13, № 4-1. – С. 589-598.

44. Горохов В.Г., Декер М. Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники / В.Г. Горохов, М. Декер // Эпистемология и философия науки. – 2013. – №1. – С. 135-150.

45. Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все ещё незавершенный проект / В.Г. Графский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – №3. – С.49-64.

46. Гревцов Ю. И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю.И. Гревцов, Е.Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 5(268). – С. 1-23.

47. Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т.55. – №2. – С.123-138. – DOI: 10.5840/eps201855233.

48. Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза как фактор трансдисциплинарности научного знания / Н.В. Гришечкина, С.В.

Тихонова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 452. – С. 73–78. – DOI: 10.17223/15617793/452/8.

49. Гуров А. Н. Художественный перевод как непреодолимое препятствие для нейросетей / А.Н. Гуров // Казанская наука. – 2021. – № 7. – С. 81.

50. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Феномен цифровой гуманитаристики в контексте современной полидисциплинарной конвергенции / Н.Ю. Гурьянов, А.В. Гурьянова // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2021. – № 4(9). – С. 92-97.

51. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – №5. – С.142-147.

52. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт / Р. Дарендорф // Иностранная литература. – 1993. – №4. – С. 236-242.

53. Джонсон Д., Малинова О. Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России / Д. Джонсон, О.Ю. Малинова // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15-41.

54. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция / А.Б. Дидикин // Scholē. – 2014. – №. 8. – С. 418-424.

55. Дидикин А.Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права / А.Б. Дидикин // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2010. – № 4(1). – С. 149–165.

56. Докучаева Ю.И. «Историческая справедливость» в восприятии участников Русско-японской войны / Ю.И. Докучаева // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 57-60.

57. Дыдров А.А., Батурина И.А., Тихонова С.В. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – No 1. – С. 172-186. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.302>.

58. Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука / Д.В. Ефременко, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер // Российская история. 2018. № 5. С. 128-140.

59. Ефремова В.Н. Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? / В.Н. Ефремова // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. – 2016. – № 5. – С. 93-98.

60. Зими́на Л.В. Интернет или сетевые технологии культурной памяти / Л.В. Зими́на // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2002. – №2. – С. 64-75.

61. Зиновьев Н. С. Культура отмены как аспект общественного дискурса / Н.С. Зиновьев // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 270-273.

62. Золоило М.В. Интегративное правопонимание: новый подход / М.В. Золоило // Журнал российского права. – 2014. – №2. – С. 143-147.

63. Иванец Г.И. Законодательные технологии: постановка проблемы / Г.И. Иванец // Право и политика. – 2001. – № 2. – С. 149.

64. Калинин И. Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс / И. Калинин // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4 (78). – С. 330-339.

65. Карнаушенко Л.В. Теория естественного права Дж. Финниса как возрождение метафизики права / Л.В. Карнаушенко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (36). – С. 158-162.

66. Карчагин Е.В. Историческая справедливость в контексте городского пространства / Е.В. Карчагин // Социология города. – 2010. – № 3. – С. 48-53.

67. Касаткин С.Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» / С.Н. Касаткин // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 2. – С. 94-107.

68. Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии / Т. Керимов // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – № 1. – DOI: 10.17323/1728-192x-2022-1-109-130С. 109-130.

69. Киейзик Л. Б. О началах Петербургской школы философии права, или О пересечении границ. Исследование истории Льва Петражицкого / Л.Б. Киейзик // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 3. – С. 197-212. – DOI 10.37399/2686-9241.2020.3.197-212.

70. Кнэхт Н. П. Новый спор о старой проблеме: объективно ориентированная онтология и спекулятивный реализм / Н.П. Кнэхт // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (9). – С.41-46.

71. Ковалев А.А. Концептуальный плюрализм в зарубежной философии и социологии права: история и современность / А.А. Ковалев // Философия и культура. – 2020. – № 11. – DOI: 10.7256/2454-0757.2020.11.33456. С. 27-43.

72. Коваленко К.Е. Формы проявления разумности в праве / К.Е. Коваленко // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. Барнаул, 20-24 октября 2015 г. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. – С. 55-60.

73. Ковальчук А. Об «исторической правде» в поправках к Конституции РФ / А. Ковальчук // – URL: https://zakon.ru/blog/2020/6/14/ob_istoricheskoy_pravde_v_popravkah_k_konstitucii_rf (дата обращения: 04.12.2020).

74. Кодан С.В. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий / С.В. Кодан // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. – М.: Проспект, 2022. – С. 33-61.

75. Козлихин И. Ю. Процессуальная концепция права Лона Фуллера / И. Ю. Козлихин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 2. – С. 53-58.

76. Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 1(264). – С. 31-40.

77. Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы / Н. Копосов // Интернет-журнал «ГЕФТЕР». 2012. 28 фев. – URL: <http://gefter.ru/archive/3302>. (дата обращения: 08.06.2023).

78. Косыхин В. Г., Тихонова С.В. Оптика сумерек: о призрачности и тьме в дискурсе метамодернистских онтологий / В.Г. Косыхин, С.В. Тихонова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 71. – С. 106-118. – DOI 10.17223/1998863X/71/11.

79. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) / В. Кравец // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 8-26.

80. Кралечкин. Д. О сургуче и капусте / Д. Кралечкин // Логос. – 2014. – №4 (100). – С. 293-318.

81. Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог / М.А. Кукарцева // Социологические исследования. – 2014. – № 4 (360). – С. 38-45.

82. Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. – 2014. – №4. – С.105-128.

83. Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права / В.В. Лазарев // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С.Нерсисянца / сост. В.Г.Графский. – М.: Норма, 2006. – С.122-139.

84. Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность / В.В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2008. – №5. – С.5-13.

85. Лапаева В. В. Коммуникативные концепции права в контексте актуальных задач Российской правовой теории и практики (с позиций либертарного правопонимания) / В.В. Лапаева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 6(317). – С. 77-100.

86. Лапаева В. В Биотехнологическое совершенствование человека и проблема дегуманизации: философско-правовые аспекты / В.В. Лапаева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 11-35. DOI 10.35427/2073-4522-2022-17-3-lapaeva.

87. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур // Неприкосновенный запас. – 2004. – №2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (дата обращения 19.01.2021).

88. Легеза Л.А. Гносеологические корни и социально-правовые предпосылки возникновения принципов справедливости, добросовестности и разумности в гражданском праве Российской Федерации / Л.А. Легеза // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 34. – С. 160-168. DOI: 10.17223/22253513/34/15.

89. Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О.Б. Леонтьева // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 59-96.

90. Линченко А. А., Аникин Д. А. Политика памяти как предмет философской рефлексии/ А.А. Линченко, Д.А. Аникин // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – №1. – С. 19-25.

91. Лисица Ю.Т. Иван Ильин / Ю.Т. Лисица // Самопознание. Бердяевские чтения. – 2015. – №2. – С. 48.

92. Луковская Д.И. Не все слова уже сказаны... (о коммуникативной теории права А.В. Полякова) / И.Д. Луковская // Коммуникативная теория

права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С.9-19.

93. Луман Н. Что такое коммуникация / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – №3. – С. 114-124.

94. Ляхова Л.Н., Галанина Н.В. Проблема объективных законов истории в исторической науке / Л.Н. Ляхова, Н.В. Галанина // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2006. – № 3. – С. 129-131.

95. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О.Ю. Малинова // Метод. – 2019. – № 9. – С. 285-312.

96. Мамина Р. И., Елькина Е.Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? / Р. И. Мамина, Е.Е. Елькина // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – № 4. – DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38. – С. 22-38.

97. Марченко М.Н. Умеренный позитивизм и верховенство права в условиях правового государства / М.Н. Марченко // Государство и право. – 2012. – №4. – С.5-10.

98. Медведкина Д. А., Матвеева Т.В. МЫЛЬНИКОВ С. В., Тихонова С. В. Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области генной инженерии / Д.А. Медведкина, Т.В. Матвеева, С.В. МЫЛЬНИКОВ, С.В. Тихонова // Экологическая генетика. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 34-48. – DOI 10.17816/ecogen14134-48.

99. Межирич Я.В. Механизм машиночитаемого права: особенности сочетания математических начал и права // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 9. – С. 205-213.

100. Мелкевик Б. Общественный договор или демократия: вопрос философии / Б. Мелкевик // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 79-101.

101. Мерфи М. Традиция естественного закона в этике. Пер. с англ. Д. Серада / М. Мерфи. – URL: <https://brickofknowledge.com/articles/the-natural-law-tradition> DOI: 10.34704/BKN.2019.01.001.2019.19.49.117 (дата обращения 23.08.2020).

102. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.

103. Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России А.И. Миллер // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2013. – № 4 (71). – С. 114-126.

104. Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А.И. Миллер // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1(80). – С. 111-121.

105. Михайлова Н.В. Принцип системности и философско-методологический синтез направлений обоснования математики / Н.В. Михайлова // Философия науки. – 2012. – №3(54). – С.92-104.

106. Можяева Г. В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках / Г. В. Можяева // Гуманитарная информатика. – 2015. – № 9. – С. 8-23.

107. Мустафин Р.Ф., Вирич Ю.А. Машиночитаемое право: реальность и перспективы // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2022. – № 1(13). – С. 57-64.

108. Мышкин О.С. Грани нечеловеческого: манифестации иного в современной онтологии и эстетике / О.С. Мышкин // Технологос. – 2019. – № 4. – С. 88–100. – DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.4.07.

109. Невважай И.Д. Классификации норм в семиотической концепции норм / И.Д. Невважай // Мир человека: нормативное измерение - 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь. Сборник трудов международной научной конференции. – Саратов: СГЮА, 2019. – С.38-49.

110. Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права / В.В. Оглезнев // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №330. – С. 55-59.

111. Павленко А.Н. Коммуникативная доктрина морали и права: признание до обоснования / А. Павленко // Мир человека: нормативное измерение - 2 : сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 29-30 апреля 2010 г.) / [редкол.: И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.] ; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 49-58.

112. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм / А. Павлов // Логос. – 2018. – Т. 28. – № 6. – С. 1-19.

113. Павлов А. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма / А. Павлов // Вопросы философии. – 2019. – № 5. – С. 27–36.

114. Пеннер Р. В., Тихонова С. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность / Р.В. Пеннер, С.В. Тихонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40. – Вып. 1. – С. 81–96. – <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.107>.

115. Перов В.Ю., Севастьянова А.Д. Проблема морального содержания права в концепции Дж. Финниса / В.Ю. Перов, А.Д. Севастьянова // Конфликтология. – 2018. – № 13(3). – С. 71–84.

116. Пестова А.В. Интернет как "архив" культурной памяти / А.В. Пестова // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения), Екатеринбург, 25 марта 2016 г. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 141-143.

117. Писарев А.А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий / А.А. Писарев // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. – 2020. – № 1(51). – С. 144-157.

118. Платонова А. В. На пути к концепции коллективной ответственности: проблемы и перспективы / А.В. Платонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5(133). – С. 129-134.

119. Плотка В. Умеренный рационализм Гуссерля и вопрос об очевидности / В. Плотка // Horizon. Studies in phenomenology. 2019. №8 (2). С. 389–408.

120. Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук / Э. К. Погорский // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2014. – Т. 5. – С. 7.

121. Поляков А. В. Может ли право быть неправым? Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 4(219). – С. 83-101.

122. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 3(230). – С. 240-246.

123. Поляков, А. В. Возможна ли интегральная теория права? / А.В. Поляков // Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и

теории, Москва, 02–04 февраля 2001 года. – М.: Институт государства и права РАН, 2001. – С. 114-119.

124. Поляков А. В. Возможна ли интегральная теория права? / А.В. Поляков // Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и теории, Москва, 02–04 февраля 2001 года. – М.: Институт государства и права РАН, 2001. – С. 114-119.

125. Поляков А. В. Правогенез / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 5(238). – С. 216-234.

126. Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 2(265). – С. 26-43.

127. Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания / А.В. Поляков // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 г. в РАП. / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 70-85.

128. Поляков, А. В. Современная теория права. Ответ критикам / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 6(299). – С. 6-39.

129. Поляков А.В. Российская идея «возрожденного естественного права» как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев v. Л.И. Петражицкий) / А.В. Поляков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 116-142.

130. Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека / А.В. Поляков // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С.48-49.

131. Поляков А.В. Право и коммуникация / А.В. Поляков // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С.11-32.

132. Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права / А.В. Поляков // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С.90-135.

133. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права / А.В. Поляков // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 7-10.

134. Поляков А.В. Правогенез / А.В. Поляков // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 55-69.

135. Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 6(323). – С. 57-77.

136. Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 5(328). – С. 144-155.

137. Поляков А.В. Права человека в контексте "петражицкианской перспективы" / А.В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 1(324). – С. 46-61.

138. Поляков А.В. Права человека и суверенитет государства / А.В. Поляков // Постклассическая онтология права: монография / под. ред. И.Л. Честнова. – СПб., 2016. – С. 295-324.

139. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема / А.В. Поляков // Труды ИГП РАН. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 37-56.

140. Поляков А.В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуникативиста / А.В. Поляков // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления,

восприятия, поведение: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 27-29 июня 2019 г.). – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 205-224.

141. Поляков А.В. Легитимность как свойство право / А.В. Поляков // Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 44-80.

142. Поляков А.В. Права человека и ценности: их философский смысл и идеологическое значение в постсоветской юридической науке / А.В. Поляков // Идеология и политика. – 2021. – №2 (18). – С. 152-193.

143. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А.В. Поляков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16. – № 6. – С. 39-101.

144. Поляков А.В. Справедливость как следование принципам права / А.В. Поляков // Жива ли справедливость в праве? Коллективная монография / под ред. Д.И. Луковской, Н.И. Малышевой, М.И. Юдиной. – СПб.: Алетейя, 2022. – С. 40-82.

145. Поляков А.В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных / А.В. Поляков // Российская юстиция. – 2022. – №12. – С. 30-42.

146. Поляков А.В. Свобода и справедливость в правовом осмыслении / А.В. Поляков // Закон. – 2023. – №4. – С. 105-117.

147. Поляков А.В. Свобода и справедливость в правовом осмыслении / А.В. Поляков // Закон. – 2023. – №5. – С. 97-113.

148. Поляков А.В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуниктивиста) / А.В. Поляков // Постклассические исследования права: перспективы научно-исследовательской программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 29-157.

149. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 231-236.

150. Попп И.А., Шахнович И.С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект / И.А. Попп, И.С. Шахнович // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 42-49.

151. Посохов С.И. Метаморфозы исторической справедливости / С.И. Посохов // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2016. – № 8. – С. 133-134.

152. Прайс Д.Дж де С. Тенденции в развитии научной коммуникации - прошлое, настоящее, будущее / Д.Дж. де С. Прайс// Коммуникация в современной науке / под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 199-310.

153. Прозоров И.Е. Соотношение библиографической и аналитической деятельности в цифровую эпоху / И.Е. Прозоров // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Т.197. – С. 142-145.

154. Пуцин А. И. Права человека в коммуникативной теории права / А.И. Пуцин // Спутник высшей школы. – 2021. – № 3(3). – С. 31-34. – DOI 10.55346/2782-5647_2021_03_31.

155. Репина Л.П. Историческая память и современная историография» / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33-45;

156. Родригез-Бланко В. Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 1 / В. Родригез-Бланко // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 4 (23). – С. 92-94.

157. Родригез-Бланко В. Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 2 / В. Родригез-Бланко // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 2 (25). – С. 26-41.

158. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика и правовая память / О.Ю. Рыбаков // Философия права. – 2004. – № 4(12). – С. 25-29.

159. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Методологические проблемы формирования теории правовой политики / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1(288). – С. 36-48.

160. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Проблема взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 2(295). – С. 34-42.

161. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 101-109.

162. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Lex Russica (Русский закон). – 2014. – Т. 96, № 2. – С. 143-152.

163. Рыбаков О. Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 100, № 3. – С. 7-18.

164. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Информационные риски и эффективность правовой политики / О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова // Журнал российского права. – 2016. – № 3(231). – С. 88-95. – DOI 10.12737/18030.

165. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века / В.В. Савчук // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – №1(10). – С.93-108.

166. Савчук В.В. Философия эпохи новых медиа / В.В. Савчук // Вопросы философии. – 2012. – №10. – С. 33-42.

167. Самостиенко Е. В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон / Е. В. Самостиенко // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 4. – С.37-45.

168. Семенов В.Е. Основные принципы трансцендентального метода И. Канта / В.Е. Семенов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2008. – № 7. – С. 11-23.

169. Сидоров С.П., Тихонова С.В. Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике / С.П. Сидоров, С.В. Тихонова // Социология науки и технологий. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 118-131. – DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-118-131.

170. Слыщенко В.А. Правовая теория Николаса Лумана и кризис современного общества / В.А. Слыщенко // Lex Russica. – 2016. – №2 (111). – С.184-205.

171. Смоленский Н. И., Багдасарян В. Э., Наумов О. Н., Журавлев В. В., Шарифжанов И. И., Реснянский С. И. Проблема объективности исторического познания (круглый стол) / Н.И. Смоленский, В.Э. Багдасарян, О.Н. Наумов, В.В. Журавлев, И.И. Шарифжанов, С.И. Реснянский// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 86-114.

172. Сморгун Л. В. Методологический синтез в современной сравнительной политологии / Л.В. Сморгун // Метод. – 2014. – №4. – С. 301-310.

173. Соколов А. Н., Зиганшина Е. А, Кресова В. П., Соловова Д. Д. Нейросети в современном искусстве / А.Н. Соколов, Е.А. Зиганшина, В.П. Кресова, Д.Д. Соловова // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2021. – № 3(21). – С. 189-193.

174. Сыров В. Н. Историческая память и историческое знание: проблема соотношения / В.Н. Сыров // Философские дескрипты. – 2020. – № 22. – С. 9.

175. Сыров В. Н. Коммуникация и историческое познание / В.Н. Сыров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2015. – № 3(29). – С. 84-91.

176. Таратун О.В. Развитие представлений о социальной справедливости в российском обществе: исторический контекст / О.В. Таратун // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2012. – № 2 (31). – С. 122-126.

177. Татаренко Н. А. Понятие нравственного и его интерпретация в гегелевской «Системе нравственности» / Н.А. Татаренко // Историко-философский ежегодник. – 2019. – № (34). – С. 102–134.

178. Тедеев А.А. Предмет информационного права в условиях Интернета /А.А. Тедеев// Информационное право. – 2006. – №3. – С.3-6.

179. Тихонова С.В. Концепт свободы слова в Новое время: свободомыслие vs мятежная клевета / С.В. Тихонова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 2(84). – С. 30-38.

180. Тихонова С.В. Ветви власти в электронном государстве / С.В. Тихонова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3(92). – С. 11-16.

181. Тихонова С.В. Интернет в предметном поле юридической науки: проблемы теории / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13, № 3-1. – С. 352-357.

182. Тихонова С.В. Теоретические основы коммуникационной правовой политики в Интернете / С.В. Тихонова // Философия права. – 2013. – № 3(58). – С. 97-100.

183. Тихонова С.В. Теоретические основания концепции "электронного государства" / С.В. Тихонова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 4. – С. 29-33.

184. Тихонова С.В. Коммуникационное пространство как объект правовой политики: Теоретические проблемы формирования пространственного подхода / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, № 2-2. – С. 437-443.

185. Тихонова С.В. Развитие цензурной правовой политики Российской империи при Александре I / С.В. Тихонова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 3. – С. 73-78.

186. Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза / С.В. Тихонова // Информационное право. – 2014. – № 6. – С. 4-8.

187. Тихонова С.В. Теоретические проблемы специализации правовой политики в информационной сфере / С.В. Тихонова // Информационное право. – 2015. – № 2. – С. 14-17.

188. Тихонова С.В. Становление правовой коммуникативистики в России: проблемы и перспективы / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 319-330. – DOI 10.18500/1994-2540-2015-15-3-319-330.

189. Тихонова С.В. Формирование коммуникационной правовой политики как основа построения информационного общества / С.В. Тихонова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 1. – С. 28-33.

190. Тихонова С.В. Эволюция конституционного правового государства в информационном обществе: электронное государство / С.В. Тихонова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2(109). – С. 67-71.

191. Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета / С.В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2016. – №3. – С. 138-152. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>.

192. Тихонова С. В. Научная коммуникация: этос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики / С.В. Тихонова // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 161-174. – DOI 10.24411/2079-0910-2020-14009.

193. Тихонова С.В. На пути к политико-правовому развитию информационного общества: "Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг." / С.В. Тихонова //

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 452-457. – DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-4-452-457.

194. Тихонова С.В. Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 320-325. – DOI 10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325.

195. Тихонова С.В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна / С.В. Тихонова // Вопросы философии. – 2021. – №10. – С. 29–39. – DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-29-39>.

196. Тихонова С.В. Роль научных школ в воспроизводстве этоса юридической науки / С.В. Тихонова // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5(134). – С. 39-47. – DOI 10.34076/2071-3797-2020-5-39-47.

197. Тихонова С.В. Список основных благ: квантификация общего блага в современном юснатурализме / С.В. Тихонова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15, № 6. – С. 46-57. – DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tikhonova.

198. Тихонова С.В. Открытый концептуальный натурализм: коммуникативные методологические проекты естественного права / С.В. Тихонова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 1(138). – С. 26-36. – DOI 10.24412/2227-7315-2021-1-26-36.

199. Тихонова С.В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 60-64. – DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-1-60-64.

200. Тихонова С.В. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Юрген Хабермас / С.В. Тихонова // Вестник

Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1(144). – С. 25-36. – DOI 10.24412/2227-7315-2022-1-25-36.

201. Тихонова С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти / С.В. Тихонова // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 84-101. – DOI 10.46539/gmd.v4i2.262.

202. Тихонова С.В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы / С.В. Тихонова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. – 2022. – Т. 22. № 4. – С. 473-479. – DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479. <https://eup.sgu.ru/ru/articles/aksel-honnet-predely-pravovoy-svobody>

203. Тихонова С. В. Учение о преступлении раннего Гегеля в интересубъективистской интерпретации А. Хоннета / С.В. Тихонова // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2023. – № 1(150). – С. 54-60. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-54-60.

204. Тихонова С. В. Коммуникативная теория права А.В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста / С.В. Тихонова // *Российский журнал правовых исследований*. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 37-44. – DOI 10.17816/RJLS181130.

205. Тихонова С. В. Идейные истоки развития российской коммуникативной теории права / С.В. Тихонова // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2023. – № 2. – С. 25-47. – DOI 10.17323/2072-8166.2023.2.25.47.

206. Тихонова С. В. Становление коммуникативной теории права А.В. Полякова / С.В. Тихонова // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. – 2023. – Т. 18. № 3. – С. 32-56. – DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-3-tikhonova.

207. Тихонова С. В. Трансцендентальные основания права в коммуникативной теории права А. В. Полякова: правовое признание / С.В. Тихонова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия:*

Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 1. – С. 59-64. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-59-64.

208. Тихонова С. В., Артамонов Д.С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур / С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 43-52. – DOI 10.17223/1998863X/63/5.

209. Токарева С. Б. Коллективная и личная ответственность в обществе / С.Б. Токарев// Власть. 2012. № 3. С. 44-48.

210. Тревиньо А. Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст / А. Х. Тревиньо // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 5(310). – С. 26-47.

211. Тульчинский Г. Н. Историческая память в символической политике и информационные войны / Г.Н. Тульчинский // Философские науки. – 2015. №5. – С.24-33.

212. Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства / Н.Н. Федосеева, М.А. Чайковская // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 6 -10.

213. Феррони В.В. Тело и другой (проблема другого в феноменологической концепции М. Мерло-Понти) / В.В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 3(17). – С. 33-50.

214. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 3-33.

215. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 16.08.2023).

216. Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика / Г. Харман // Логос. – 2014. – № 4 (100). – С. 229-248.
217. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда / Г. Харман // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3 (118). – С. 1-34.
218. Хохлов Е.Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки / Е.Б. Хохлов // Правоведение. – 2004. – № 1. – С.4-14.
219. Цветков И.В. Эффективность решений Конституционного Суда Российской Федерации в 2006 г. / И.В. Цветков // Налоговед. – 2007. – №11. – С. 18-22.
220. Чеботарева Е.Э. Проекты Digital Humanities как этап развития гуманитарной науки: попытка метацифрового взгляда / Е.Э. Чеботарева // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60. – № 2. – С. 224-240.
221. Честнов И. Л. От классического к неклассическому юридическому дискурсу (очерки общей теории и философии права) / И. Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 6(299). – С. 242-245.
222. Честнов И. Л. Постклассическая рациональность права / И. Л. Честнов // Общество и человек. – 2013. – № 3-4(6). – С. 105-109.
223. Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 157-162.
224. Честнов И.Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права / И.Л. Честнов // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 20-32.
225. Честнов И.Л. Юридическая догматика в контексте постклассической парадигмы / И. Л. Честнов // Криминалист. – 2014. – №2 (15). – С. 80-82.

226. Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии / И. Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 5(316). – С. 31-41.

227. Честнов И.Л. Коммуникативная теория Бьярна Мелкевика в контексте классической юриспруденции: Вместо предисловия / И.Л. Честнов // Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии / пер с франц. Е.Г. Самохиной; науч. ред. И.Л. Честнов. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С.5-23.

228. Чубарь П.И. Визуальный и медиальный повороты сквозь призму осмысления современной культуры / П.И. Чубарь // Молодежный вестник Санкт-петербургского государственного института культуры. – 2016. – №1 (5). – С. 5-7.

229. Шапинская Е.Н. История в цифровом формате: будущее нашего прошлого Е.Н. Шапинская // Культура культуры. – 2020. – №1. – С. 6.

230. Шаповалов А. А. Система права как особая разновидность социально-правовой памяти /А.А Шиповалов // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 128-135.

231. Шачина А. Ю., Шачин С. В. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. В.: Suhrkamp, 2011. / А.Ю Шачина, С.В. Шачин // Кантовский Сборник. – 2012. – № 1 (39). – С. 91-100.

232. Шевченко А.А. Об исторической справедливости // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9. – № 4. – С. 49-54.

233. Шлаг П. Спамовая юриспруденция, право из воздуха и беспокойство о рейтингах в связи с тем, что ничего не происходит. Пер. Е.Г. Самохиной / П. Шлаг // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 1. – С. 135-174.

234. Шолохова С.А., Ямпольская А.В. Предисловие составителей / С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. – М.: Академический проект, 2014. – С. 3-8.

235. Шульце К. Постметафизическое мышление и переосмысление права разума (справедливость в восприятии Лумана, Хабермаса и Деррида) / К. Шульце // *Lex Russica*. – 2015. – №2 (XCIX). – С. 16-25.

236. Шуталева А.В., Путилова Е.А. Интернет-мем как способ воспроизводства социальной памяти / А.В. Шуталева, Е.А. Путилова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики*. – 2017. – № 12-3 (86). – С. 219-221.

237. Шюц А. Символ, реальность и общество / А. Шюц // Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. – М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 456-529.

238. Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека /Б.Г. Юдин // *Эпистемология и философия науки*. – 2016. – Т. 48. – № 2. – С. 18-27.

Монографии и иные книги

239. Антоновский А.Ю. Николас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / А.Ю. Антоновский. – М.: ИФРАН, 2007. – 135 с.

240. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель: в 4 тт. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

241. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

242. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

243. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 368 с.

244. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. 2-е изд., доп. – М.: ИД «Право и государство», 2005. – 554 с.
245. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
246. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания/ П. Бергер, Т. Лукман / Перевод Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
247. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев. – Париж: IMGA-Press, 1971. – 259 с.
248. Брайант Л.Р. Демократия объектов / Л.Р. Брайант / пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
249. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер // Бубер М. Два образа веры. – М., 1995. – С.15-92
250. Буллер А. Введение в теорию истории: учебное пособие для академического бакалавриата / А. Буллер. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 180 с.
251. Бюлер К.Л. Теория языка / Л. Бюллер // https://classes.ru/grammar/111.Karl_Buller_Teoriya_yazika/html/27.html (Дата обращения 29.07.2021).
252. В поисках теории права. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Издательство Алетейя, 2021. – 286 с.
253. Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права / Н.В. Варламова. – М., 2010. – 136 с.;
254. Гегель Г. В. Ф. Система нравственности / Г.В.Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. Политические произведения: Памятники философской мысли. – М.: Наука, 1978. – С. 276-397.
255. Гейзенберг В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.

256. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 2009. – 453 с.

257. Ильин И. А. О сущности правосознания / И.А. Ильин / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: Рарогъ, 1993. – С. 188-199.

258. Ильин И.А. Философия как духовное делание: [курс лекций] / И.А. Ильин. – М.: Изд-во ПСТГУ: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2013. – 714 с.

259. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1994. Т. 3. – 741 с.

260. Касаткин С. Н. Границы Империи: юридический интерпретативизм Рональда Дворкина на карте правовых теорий / С.Н. Касаткин. – Самара: Самарский юридический институт, 2021. – 115 с.

261. Коммуникативная концепция права: вопросы теории: Обсуждение монографии А.В. Полякова, Санкт-Петербург, 16 апреля 2002 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. – 160 с.

262. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – 373 с.

263. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – 533 с.

264. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России / Н.Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
265. Кризис права: история и современность. Коллективная монография / Под ред. В. В. Денисенко, М.А. Беляева и Е.Н. Тонкова. – СПб.: Издательство Алетейя, 2018. – 514 с.
266. Кун Т. Структура научных революций/ Т. Кун / Пер. И.З. Налетова. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
267. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
268. Легитимность права. Коллективная монография. – СПб.: Издательство Алетейя, 2019. – 496 с.
269. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. – 704 с.
270. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
271. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории / Г. Маркузе. – СПб: Владимир Даль, 2000. – 541 с.
272. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
273. Мелкевик Б. Заметки по истории правовых понятий / Б. Мелкевик.. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. – 255 с.
274. Мелкевик Б. Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии/ Б. Мелкевик. – М.: РГ-Пресс, 2020. – 136 с.
275. Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / Б. Мелкевик. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. – 95 с.
276. Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики»: Формирование принципов системности и историзма / Н. В. Мотрошилова. – М: Наука, 1984. – 351 с.
277. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / П.И. Новгородцев. – СПб.: Алетейя, 2000. – 355 с.

278. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. М., 1991. 640 с.
279. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / П.Нора, М Озуф., Ж. де Пюимеж, М.Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.
280. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права / В.В. Оглезнев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 216 с.
281. Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / Л.И. Петражицкий / науч. ред. Е. В. Тимошина. – СПб.: «Университетский издательский консорциум „Юридическая книга“», 2011. – 1031 с.
282. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1908. – 284 с.
283. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. Т. 1. – СПб.: Тип. Т-ва "Екатерингофское печатное дело", 1909. – 768 с.
284. Платон. Кратил / Платон // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Том I. – М.: Мысль, 1990. – С. 613-281.
285. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций / А.В. Поляков. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 642 с.
286. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход/ А.В. Поляков. Курс лекций. 2-е изд. , доп. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 845 с.
287. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций / А.В. Поляков. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 864 с.
288. Поляков А.В. Л.Л. Фуллер / А.В. Поляков // Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. Ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – С. 478-479.

289. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды / А.В. Поляков. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – 575 с.

290. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник / А.В. Поляков. 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 832 с.

291. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Предисловие / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина// Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / Под общей ред. А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – 650 с.

292. Поппер К.Р. Логика научного исследования / К. Поппер / Перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовского. – М.: Республика, 2005. – 447 с.

293. Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр / О.В. Посконина. – Ижевск, 1997. – 122 с.

294. Постклассическая онтология права. Коллективная монография / Под ред. И.Л. Честнова. – СПб.: Издательство Алетейя, 2016. – 688 с.;

295. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Издательство Алетейя, 2023. – 500 с.

296. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (4) / Дж.Реале, Д.Антисери / В переводе с итальянского и под редакцией С. А. Мальцевой. – СПб: Пневма, 2003. – URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/reale_antiseri-4_tom-roman_now-2003-a.htm (дата обращения 04.11.2020).

297. Релятивизм в праве. Коллективная монография /Под ред. И.И. Осветимской и Е.Н. Тонкова. – СПб.: Издательство Алетейя, 2021. – 349 с.

298. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П. Репина. Препринт WP6/2003/07. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
299. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: [в 2 т.]. Т. 1: Конструирование прошлого. / И.М. Савельева. – СПб.: Наука, 2003. – 631 с.
300. Савельева И. М. История и время: В поисках утраченного / И.М. Савельева. – М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1997. – 796 с.
301. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности / В.В. Савчук. – СПб.: Издательство РХГА. 2014. – 162 с.
302. Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого / Е.В. Тимошина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 296 с.
303. Федосеева (Телешина) Н.Н. Контроль виртуального пространства как направление деятельности российского государства / Н.Н. Федосеева (Телешина). – Муром: Издательско-полиграфический центр МИ ВлГУ, 2010. – 205 с.
304. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд/ Пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 413 с.
305. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Дж. Финнис. – М.: АНО «ИРИСЭН», 2012. – 554 с.
306. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.
307. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. URL: http://gendocs.ru/v17255/фрэнсис_фукуяма._наше_постчеловеческое_будущее?page=7. (Дата обращения 15.08.2023).
308. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб., 2000. – 382 с.

309. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

310. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / пер. с нем/ Ю. Хабермас. А.К. Судакова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 880 с.

311. Хальбвакс. М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

312. Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152 с.

313. Хесле В. Философия и экология / В. Хесле. – М.: Наука, 1993. – 187 с.

314. Храмова В. Л. Категориальный синтез теоретического знания / В.Л. Храмова. – Киев: Наукова думка, 1984. – 295 с.

315. Хук, ван М. Право как коммуникация / М. ван Хук / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. – СПб: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с.

316. Энциклопедия социологии. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4220> (Дата обращения 15.01.2023).

317. Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах / Н. Эппле. – М.: НЛЮ, 2020. – 576 с.

318. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. – М., 1997. – 444 с.

319. Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. Коллективная монография. / Под ред. И.Л. Честнова и Е.Н. Тонкова. – СПб.: Издательство Алетейя, 2020. – 464 с.

Диссертационные исследования и авторефераты

320. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера: дисс. ... канд. юрид. наук / В.В. Архипов. – Санкт-Петербург, 2009. – 164 с.:
321. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дисс. ... д. юрид. наук. – СПб., 2019. – 757 с.
322. Гавриленко И.В. Процессуальное право в информационном обществе: общие тенденции и перспективы развития: автореф. дисс ... канд. юрид. н. / И.В. Гавриленко – Самара, 2009. – 24 с.
323. Глебова В.К. Концепция права Юргена Хабермаса: автореф. дис. ... к. юрид. наук/ В.К. Глебова. – Воронеж, 2020. – 31 с.
324. Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Грибанов. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2003. – 22 с.
325. Дабосин П.С. "Критическая" теория общества и государства Ю. Хабермаса: методологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2001. – 23 с.
326. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): дисс. ... д. юрид. наук. – Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб, 2020. – 323 с.
327. Дидикин А.Б. Формирование и развитие аналитической традиции в философии права XX века: автореф. дисс... д. филос. наук. – Томск, 2016. – 33 с.
328. Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России : Критический анализ основ концепций: дисс. ... канд. юрид. наук / А.В. Поляков. –Ленинград, 1987. – 217 с.
329. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дисс. ... д. юрид. наук / А.В. Поляков. – СПб, 2002. – 94 с.

330. Посконина О.В. Политико-правовая теория Никласа Лумана (Методол. аспект): дисс. ... д. юрид. наук / О.В. Посконина. – СПб, 1997. – 436 с.

331. Сметанников Д.С. Школа критических правовых исследований. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2000. – 24 с.

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов

332. «Испоганить память не дадим»: Путин ярко показал, что готов к информационной войне с Западом ради исторической справедливости // URL: https://yandex.ru/turbo/tsargrad.tv/s/news/ispoganit-pamjat-ne-dadim-putin-jarko-pokazal-chto-gotov-k-informacionnoj-vojne-s-zapadom-radi-istoricheskoy-spravedlivosti_231940 (дата обращения: 04.12.2023).

333. В 2023 году Госуслуги находятся на пятом месте в мире (<https://www.similarweb.com/ru/top-websites/law-and-government/government/>).

334. Грэхам Харман: «Мы живем внутри метафизики» // Нож. – URL: <https://knife.media/grahamharman/> (дата обращения: 08.06.2019).

335. Законопроект № 963440-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (об установлении уголовной ответственности за фальсификацию исторических фактов о причинах и итогах Второй мировой войны)». // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/963440-7> (дата обращения: 04.12.2020).

336. Заседание Совета по культуре и искусству // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64288> (дата обращения: 04.12.2020).

337. Интернет в России. М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения 14.03.2024).

338. Как будут развиваться Госуслуги // Российская газета. 14 марта 2024. – URL: <https://rg.ru/2024/03/14/zamglavy-mincifry-kachanov-dlia-riada-slucaev-mozhno-sdelat-robotu-chinovnika.html> (дата обращения 14.03.2024).

339. Компьютерная программа обманула научный журнал с помощью корчевателя // Лента.ру. 1 октября 2008. – URL: <https://lenta.ru/news/2008/10/01/pseudoscience/> (дата обращения 14.03.2024).

340. Мамонов Ф. Тамбовское восстание 1920-2015: «мемориальная война». – URL: <http://eurorussians.com/tambov-rebellion/> (дата обращения: 11.03.2020).

341. Минцифры планирует внедрить в 2024 году технологию GPT на "Госуслугах" // ТАСС. 1 февраля 2024. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19876185> (дата обращения 14.03.2024).

342. Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента. преподаватели в шоке – как теперь проверять знания? // Комсомольская правда. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947> (дата обращения 09.02.2023).

343. Паспорта научных специальностей // Официальный сайт ВАК РФ. – URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=tab:materials~> (дата обращения 17.08.2023).

344. Российский портал госуслуг является одним из лучших в мире // Ведомости. 20 декабря 2019. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2019/12/20/rossiiskii-portal-gosuslug-yavlyaetsya-odnim-iz-luchshih-v-mire (дата обращения 09.08.2023).

345. Digital 2020: 3,8 миллиарда человек используют социальные сети / We are social & Hootsuite, 2020. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения 19.08.2023).

346. Fazi B.M. On Digital Theory / B.M. Fazi // Digital Aesthetic Workshop, Winter 2023 (25.02.2023). Stanford Humanities Center. – URL: <https://shc.stanford.edu/stanford-humanities-center/events/m-beatrice-fazi-digital-theory> (дата обращения 20.12.2023).

*Источники на иностранных языках**Научные статьи*

347. Álvarez Trigo L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters / L. Álvarez Trigo // PopMeC Research Blog. – 2020. – Т. September 25. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344512933_Cancel_Culture_the_Phenomenon_Online_Communities_and_Open_Letters (accessed: 19.08.2023).

348. Anderson J., Honneth A. Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice / J. Anderson, A. Honneth // Autonomy and the challenges of liberalism: new essays / под ред. J. P. Christman, J. Anderson. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005. – P.127-149.

349. Arnold E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? / E. Arnold // Digital Humanities München. – 2020. – 26 Juli.

350. Artamonov D.S., Kalinin S.S., Kulikova S.A., Tikhonova S.V. Temporality of law in light of axiology / D.S. Artamonov, S.S. Kalinin, S.A. Kulikova, S.V. Tikhonova // SHS Web Conf. Volume 134, 2022 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law” 2021, Article Number 00100, Number of page(s) 5. DOI <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400100>.

351. Barnett R.E. Caveat blogger: blogging and the flight from scholarship / R.E. Barnett // Washington University Law Review. – 2006. – Vol. 84. – Iss. 5. – P. 1145-1148.

352. Bashman H.J. The battle over the soul of law professor blogs / H.J. Bashman // Washington University Law Review. – 2006. – Vol. 84. – Iss. 5. – P. 1257-1261.

353. Battleday R.M., Brem A.-K. Modafinil for cognitive neuroenhancement in healthy non-sleep-deprived subjects: A systematic review / R.M. Battleday, A.-K. Brem. European Neuropsychopharmacology. – 2015. – Vol. 25. – No. 11. – P. 1865-1881. <https://doi.org/10.1016/j.euroneuro.2015.07.028>.

354. Berman D.A. Scholarship in action: the power, possibilities, and pitfalls for law professor blogs / D.A. Berman // Washington University Law Review. – 2006. Vol. 84. – Iss. 5. – P.1043-1060.
355. Berteau S. Mark van Hoecke, LAW AS COMMUNICATION / S. Berteau // The Edinburgh Law Review. – 2005. – Vol. 9. – P. 346-347.
356. Bogost I. Materialisms: The Stuff of Things is Many / I. Bogost // Bogost I. Video Game Theory, Criticism, Design, 2010. – February 21. – URL: <http://www.bogost.com/blog/materialisms.shtml> (accessed: 08.06.2020).
357. Bosnrom N., Savulescu J. Human Enhancement Ethics: The State of the Debate / N. Bosnrom, J. Savulescu // Human Enhancement. Oxford: Universiti Press, 2010. – URL: <http://www.nickbostrom.com/ethics/human-enhancement-ethics.pdf>. (accessed: 15.08.2013).
358. Bostrom N. In Defense of Posthuman / N. Bosnrom // Dignity Bioethics. – 2005. – Vol. 19. – No. 3. – P. 202.
359. Breeze R. The Practice of the Law Across Modes and Media.: Exploring the Challenges and Opportunities for Legal Linguists / R. Breeze // Legal Linguistics Beyond Borders: Language and Law in a World of Media, Globalisation and Social Conflicts.: Relaunching the International Language and Law Association (ILLA). Vol. 2. – Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 2019. – P. 291-314.
360. Bridges Kh. M. Language on the Move: “Cancel Culture,” “Critical Race Theory,” and the Digital Public Sphere / Kh. M. Bridges // The Yale Law Journal - Forum. – 2022. – T. January 26. – P. 770.
361. Brincat Sh. Recognition, conflict and the problem of ethical community / Sh. Brincat // Global Discourse. – 2014. – № 4 (4). – P. 397–408.
362. Broekhuizen J. P. Private law and ethical life. Honneth on legal freedom and its pathologies / J. P. Broekhuizen // Netherlands Journal of Legal Philosophy. – 2013. – № 2 (42). – P. 102.
363. Burg van der W. A Pluralist Account of Legal Interactionism / W. van der Burg // Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies. – 2013. – No. 13-01. – May 13. – Version: 1,0. – Available at

SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2264108> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2264108>

364. Butculescu C. R. Considerations regarding law as an instrument of communication / C. R. Butculescu // [Juridical Tribune \(Tribuna Juridica\)](#). – 2014. – Vol. 4(2). – P. 22-29.

365. Caron P. L. Are scholars better bloggers? bloggership: how blogs are transforming legal scholarship / P. L. Caron // *Washington University Law Review*. – 2006. – Vol. 84. – Iss. 5. – P. 1025-1042.

366. Carrá L. Beyond distribution: Honneth's ethical theory of justice / L. Carrá // *Civitas - Revista de Ciências Sociais*. – 2016. – № 4 (15). – C. 619.

367. Casanovas P., Casellas N., Vallbé J.-J. Empirically-Grounded Development of Legal Ontologies: a Socio-Legal Perspective / P. Casanovas, N. Casellas, J.-J. Vallbé // *Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law*, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. – Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5>. P. 49-67.

368. Chestnov I.L., Samokhina E.G. The Principle of Relativity in the Post-Classical Theory of Law / I.L. Chestnov, E.G. Samokhina // *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences*. – 2020. – Vol. 13. – No. 1. – P. 42-49.

369. Craiovan I. On Legal Culture Concept Within Transdisciplinarity / I. Craiovan // *US-China Law Review*. – August 2019. – Vol. 16. – No. 8. – P. 318-323. doi:10.17265/1548-6605/2019.08.002. p. 320.

370. Crowe J. Natural Law Theories / J. Crowe // *Philosophy Compass*. – 2016. №11/2. – P. 91–101. – DOI: 10.1111/phc3.12315.

371. Dahlgren P. The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation / P. Dahlgren // *Political Communication*. – 2005. – Vol. 22. – № 2. – P. 147–162.

372. Donlan S. P., Urscheler L. H. Concepts of Law: An Introduction / S. P. Donlan, L. H. Urscheler // Concepts of Law / by ed. S. P. Donlan & L. H. Urscheler. – Milton Park: Routledge, 2016. – P.1-18 <https://doi.org/10.4324/9781315573298>.

373. Easterbrook F.H. Cyberspace and the Law of the Horse / F.H. Easterbrook // University of Chicago Legal Forum. – 1996. – Iss. 1. – P. 207 – 216.

374. Engers T., van at all. Ontologies in the legal domain / T. van Engers // Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. – Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5>. – Pp. 233-261.

375. Fernández-Barrera M., Sartor G. Classifications and the law: doctrinal classifications vs. computational ontologies / M. Fernández-Barrera, G. Sartor // European University Institute Working Papers. LAW. – 2010. – №10. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1698686> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1698686>.

376. Ferraris M. Collective intentionality or documentality? / M. Ferraris // Philosophy & Social Criticism. – 2015. – №41(4–5). – P. 423–433. <https://doi.org/10.1177/0191453715577741>.

377. Ferraris M. New Realism, Documentality and the Emergence of Normativity / M. Ferraris // Metaphysics and ontology without myths. By ed. Dell’Utri and S. Caputo. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – P. 110-124.

378. Ferraris M. Social Ontology and Documentality / M. Ferraris // Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. – Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. – P. 83–97.

379. Ferraris M. Social Ontology and Documentality / M. Ferraris // Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. – Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010. – P. 83–97.

380. Ferraris. M., & Torrenzo G. Documentality: A Theory of Social Reality / M. Ferraris, G. Torrenzo // *Rivista di estetica*. – 2014. – №57. – P. 11–27. <https://doi.org/10.4000/estetica.629>.

381. Froomkin A.M. The plural of anecdote is “blog” / A.M. Froomkin // *Washington University Law Review*. – 2006. – Vol. 84. – Iss. 5. – P. 1149-1155.

382. Gazzoni A. Mapping Dante: A Digital Platform for the Study of Places in the *Commedia* / A. Gazzoni // *Humanist Studies & the Digital Age*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 82–95.

383. Haarscher G. Some Contemporary Trends in Continental Philosophy of Law / G. Haarscher // *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory* / Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 300-312.

384. Hall R., Mitchell L., & Sachdeva J. Access to care and frequency of detransition among a cohort discharged by a UK national adult gender identity clinic: Retrospective case-note review / R. Hall, L. Mitchell, J. Sachdeva // *BJPsych Open*. – 2022. – №7(6). – E184. – doi:10.1192/bjo.2021.1022

385. Harman G. The Only Exit From Modern Philosophy / G. Harman // *Open Philosophy*. – 2020. – № 3(1). – P. 132–146. <https://doi.org/10.1515/opphil-2020-0009>.

386. Heisler M.O. The political currency of the past: History, memory, and identity / M.O. Heisler // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 617. – № 1. – P. 14–24.

387. Heriot G. Are modern bloggers following in the footsteps of publius? (And other musings on blogging by legal scholars) / G. Heriot // *Washington University Law Review*. – 2006. – Vol. 84. – Iss. 5. – P. 1113-1126.

388. Hoecke van M., Ost F. Epistemological Perspectives in Legal Theory / M. van Hoecke, F. Ost // *Ratio Juris*. – Vol. 6. – No 1. – March. – 1993. – P. 30-47.

389. Honneth A. at all. Reification: a new look at an old idea / A. Honneth, J. Butler, R. Geuss, J. Lear, M. Jay. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 168 p.

390. Honneth A. Reification: A Recognition-Theoretical View / A. Honneth // The Tanner Lectures on Human Values. – URL: https://web.archive.org/web/20080228090803/http://www.tannerlectures.utah.edu/lectures/documents/Honneth_2006.pdf. 2005. – P. 89–135.

391. Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age / D. Howes // McGill Law Journal / Revue De Droit De McGill. – 2001. – Vol. 47. – Pp.39-57.

392. Hurt Ch., Yin T. Blogging while untenured and other extreme sports / Ch.Hurt, T. Yin // Washington University Law Review. – 2006. – Vol. 84. – Iss. 5. – P. 1235-1255.

393. Ivković M. The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition / M. Ivković // Idéias. – 2017. – № 2 (7). – P. 99.

394. Kłodawski M. Przepis prawny jako komunikat. Uwagi o refleksji nad komunikacją w polskim prawoznawstwie / M. Kłodawski // W Komunikologia. Teoria i praktyka komunikacji. Red. Emanuel Kulczycki, Michał Wendland. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii UAM, 2012. – P. 205–222.

395. Kotek A. The relationship between cancel culture and perfectionism. A critical discourse analysis of othering strategies in modern communication on the example of internet personalities / A. Kotek // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/353371692_The_relationship_between_cancel_culture_and_perfectionism_A_critical_discourse_analysis_of_othering_strategies_in_modern_communication_on_the_example_of_internet_personalities

(дата обращения 19.08.2023).

396. Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach / L. Lessig // Harvard Law Review. – 1999. – Iss. 13. – P. 501-549.

397. Litvak K. Blog as a bugged water cooler / K. Litvak // Washington University Law Review. – 2006. – Vol. 84. Iss. 5. – P. 1061-1070.

398. Mancilla R. Sociocybernetics and Political Theory in a Complex World. Recasting Constitutionalism / R. Mancilla // Sociocybernetics and Complexity. – 2020. №1.1 – P.1–120. – DOI:10.1163/25900587-12340001. P. 56.

399. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living (1973) / H. Maturana, F. Varela // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. – Boston, 1980. – P. 63-134.

400. Mouffe Ch. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism / Ch. Mouffe // Reihe Politikwissenschaft / Political Science Series 72. – Institut für Höhere Studien (IHS), Wien. – December 2000. URL: https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_72.pdf (accessed: 31.08.2021).

401. Murphy M.C. Natural Law Theory / M.C. Murphy // The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. – Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 15-28.

402. Nedelsky J. Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities / J. Nedelsky // Yale Journal of Law and Feminism. – 1989. – № (1). P. 7–36.

403. Ng E. No Grand Pronouncements Here...: Reflections on Cancel Culture and Digital Media Participation / E. Ng // Television & New Media. – 2020. – Vol. 21. – № 6. – P. 621-627.

404. Nobles R., Schiff D. Introduction / R. Nobles, D. Schiff // Luhmann N. Law as a social system. – Oxford, 2004. – P. 1-52.

405. Norris P. Closed Minds? Is a ‘Cancel Culture’ Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? / P. Norris // HKS Working Paper No. RWP20-025. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3671026> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3671026>.

406. Polyakov A.V. A Communicative Approach to Leon Petrażycki’s Theory of Law // Leon Petrażycki: Law, Emotions, Society / eds. Eduardo Fittipaldi, A. Javier Treviño. – NY: Routledge. – 2023. – P. 193–208.

407. Raan A. F. J. van. Sleeping Beauties in science / A. F. J. van. Raan // Scientometrics. – 2004. – Vol. 59. – No. 3. – P. 467–472. – DOI: 10.1023/B:SCIE.0000018543.82441.f1.

408. Rendtorff J. D. Axel Honneth: The law of freedom – Institutionalization of freedom in modern societies – A reconstruction and some remarks / J. D. Rendtorff // *Nordicum-Mediterraneum. Icelandic E-Journal of Nordic and Mediterranean Studies.* – 2012. – № 2 (7). – P. A3.

409. Saavedra G. A. The constitution of recognition: Towards a critical constitutional theory/ G. A. Saavedra // *Nostalgia for a Redeemed Future: Critical Theory.* S. G.i Ludovisi, G. A. Saavedra (eds.). – Rome: [Newark, Del.], John Cabot University Press; Distributed by the University of Delaware Press, 2009. – P. 153–170.

410. Samokhina E.G., Osvetinskaya I.I. Normativity and facticity: foundation of legal validity from the communicative perspective / E.G. Samokhina, I.I. Osvetinskaya // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2022. №15(12). DOI: 10.17516/1997-1370-0949. P.1758. P. 1751–1762.

411. Sandberg A. Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it / A. Sandberg // *TransVision Conference Berlin, June, 22–24, 2001.* – URL: www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm (accessed 10.-8.2023).

412. Schaub J. Misdevelopments, Pathologies, and Normative Revolutions: Normative Reconstruction as Method of Critical Theory / J. Schaub // *Critical Horizons.* – 2015. – № 2 (16). – P. 113.

413. Schramm W. *How Communication Works* / W. Schramm // *Process and Effects of Mass Communication.* / Ed.: W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1954. – P. 22-90.

414. Sidorov S., Mironov S., Grigoriev A., Tikhonova S. An Investigation into the Trend Stationarity of Local Characteristics in Media and Social Networks / S. Sidorov, S. Mironov, A. Grigoriev, S. Tikhonova // *Systems.* – 2022. – Vol. 10, No. 6. – DOI 10.3390/systems10060249.

415. Sidorov S., Faizliev A., S. Tikhonova. An Extension of the Susceptible–Infected Model and Its Application to the Analysis of Information Dissemination in Social Networks // *Modelling.* 2023. V. 4. P. 585–599. <https://doi.org/10.3390/modelling4040033>.

416. Siep L. Der Kampf um Anerkennung. Zu Hegels Auseinandersetzung mit Hobbes in den Jenaer Schriften / L. Siep // *Hegel-Studien*. 1974. (9). C. 155–207.

417. Strydom P. The sociological deficit of contemporary critical theory – Axel Honneth’s theory of recognition, part 1 / P. Strydom // <https://thenewpolis.com/2019/10/15/the-sociological-deficit-of-contemporary-critical-theory-axel-honneths-theory-of-recognition-part-1/>. (accessed 25.08.2022).

418. Terras M. A. Decade in Digital Humanities / M. A. Terras // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2016. – T. 9. – № 7. – C. 1637–1650.

419. Teubner G. Critical theory and legal autopoiesis: The case for societal constitutionalism / G. Teubner. D. Göbel, Ed. – Manchester: Manchester University Press, 2019. – 408 p.

420. Torsti P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier / P. Torsti // *The Cold War and Politics of History* / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. – Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. – P. 19–35.

421. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // *Science*. – 2018. – Vol. 359. – № 6380. – P. 1146–1151.

422. Warwick K., Gasson M., Hutt B., Goodhew I., Kyberd P., Schulzrinne H., Wu X. Thought communication and control: a first step using radiotelegraphy / K. Warwick, M. Gasson, B. Hutt, I. Goodhew, P. Kyberd, H. Schulzrinne, X. Wu // *IEE Proceedings – Communications*. 2004. – V. 151. – Is. 3, June, p. 185 – 189. DOI: 10.1049/ip-com:20040409.

423. Whose agenda is it anyway: an exploration of cancel culture and political affiliation in the United States / C.L. Cook [et al.] // *SN Social Sciences*. – 2021. – Vol. 1. – № 9. – P. 237.

424. Wolff R. S. The Historian’s Craft, Popular Memory, and Wikipedia / R. S. Wolff // *Writing History in the Digital Age*, edited by Jack Dougherty and

Kristen Nawrotzki, University of Michigan Press, Ann Arbor. 2013. // JSTOR. URL: www.jstor.org/stable/j.ctv65sx57.10. accessed: 04.04.2020.

Монографии и иные книги

425. Approaches to Legal Ontologies. Theories, Domains, Methodologies. Law, vol. 1. Eds.: G. Sartor, P. Casanovas, M.A. Biasotti, M. Fernández-Barrera. – Berlin: Springer Verlag, Dordrecht, Heidelberg, 2010XIV. – 282 p.

426. Beckers A., Teubner G. Three liability regimes for artificial intelligence: algorithmic actants, hybrids, crowds / A. Beckers, G. Teubner. Oxford ; New York: Hart, 2021. 208 p.

427. Berger P. & Luckmann T. *The social construction of reality; a treatise in the sociology of knowledge* / P. Berger & T.Luckmann. – Doubleday, 1966. – 249 p.

428. Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy / B. Bix. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 232 p.

429. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 256 p.

430. Digital memory studies: Media pasts in transition / Ed by A. Hoskins. – New York; London: Routledge, 2017. – 326 p.

431. Finnis J. Natural Law and Natural Rights / J. Finnis. Oxford University Press, 1980. 511 p.

432. Fittipaldi E. Everyday Legal Ontology. A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law. – Milano: Edizioni Universitarie di Lettere Economia Diritto, 2012. – 300 p.

433. Fuller L.L. The Morality of Law, rev. ed / L.L.Fuller. – New Haven: Yale University Press, 1969. – 215 p.

434. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats / J. Habermas. – Berlin: Suhrkamp, 1992. – 666 s.

435. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze / J. Habermas. – Frankfurt am Main, 1988. – 286 s.
436. Hirsch M. Family frames: Photography, narrative and postmemory / M. Hirsch. – London; Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1997. – 304 p.
437. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition / E.Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 324 p.
438. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit / A. Honneth. – Berlin: Suhrkamp, 2011. – 628 p.
439. Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth. Cambridge, UK: Polity Press, 2005. 240 p.
440. Kerchove M. van de, Ost F. Legal System Between Order and Disorder / M. van de Kerchove, F. Ost. – Oxford, 1994. – 216 p.
441. La Pluralisme Juridique: Études Publiées Sous la Direction de John Gilissen. – Bruxelles: Université libre. Centre d'histoire et d'ethnologie juridiques, Éditions de l'Université de Bruxelles, 1971. – 332 p.
442. Luhmann N. Law as a Social System / N. Luhmann. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 498 p.
443. Manovich L. The Language of New Media / L.Manovich. – London: MIT Press: Cambridge, Massachusetts, 2001. – 202 p.
444. McQuail D. Mass Communication Theory / D. McQuail. 6th ed. – London: Sage, 2010. – 632 p.
445. Ng E. Cancel Culture: A Critical Analysis / E. Ng. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – 153 p.
446. Nye J. S., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American power / J. S., Jr. Nye. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.
447. On media memory: Collective memory in a new media age / Ed. By M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. – New York; London: Palgrave Macmillan, 2011. – 300p.

448. Ost F., van de Kerchove M. De la pyramide au re'seau? Pour une the'orie dialectique du droit / F. Ost and M. van de Kerchove. – Brussels:Faculte's universitaires Saint-Louis, 2002. – 596 p.
449. Save as... Digital memories / Ed by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. – Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2009. – 217 p.
450. Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization / J. Searle. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 224 p.
451. Searle J. R. The construction of social reality / J. Searle. – New York: Free Press,1995. – 241 p.
452. The Invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.
453. The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Ed. by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. – Melbourne: Re.press, 2011. – 430 p.
454. Wildt A. Autonomie und Anerkennung: Hegels Moralitätskritik im Lichte seiner Fichte-Rezeption / A. Wildt, 1. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. – 445 p.

Таблица 1. Сравнение списков базовых благ по Мёрфи, 2019.

Автор	жизнь	репродукция	социальные отношения	знания	рациональность	эстетика	игра	целостность	религия	здоровье	подлинность	разное
Аквинат	жизнь	продолжение рода	социальная жизнь	знание	рациональное поведение							
Грисез, 1983	жизнь и здоровье		справедливость и дружба	знание истины	практическая разумность	понимание красоты	игра	целостность	религия		подлинность	
Финнис, 1980	жизнь		дружба	знание	практическая разумность	эстетическое удовольствие	игра		религия			
Чэппел, 1995	удовольствие и отсутствие страданий		дружба мир людей	истина и ее знание	разум, рациональность, разумность	эстетическая ценность	достижения	физическое и психическое здоровье		физическое и психическое здоровье	гармония	мир природы честность
Финнис, 1996	жизнь и здоровье	благо супружества	справедливость и дружба	знание истины	практическая разумность	понимание красоты	игра	целостность	религия	жизнь и здоровье	подлинность	

Мерфи, 2001	жизнь		дружба сообщество	знание	агентность	эстетический опыт	совершенство в труде и игре	внутренний мир	религия		счастье	
Гомез-Лобо, 2002	жизнь	семья	дружба	теоретическое знание		опыт красоты	игра	целостность				труд
Кроу, 2019	жизнь		дружба	понимание	разумность		игра	смысл		здоровье	признание	удовольствие

- строгие совпадения (то же самое понятие, оно же, но с дополнительной парой или его ближайший синоним)
- нестрогие совпадения (понятия могут использоваться как синонимы)